

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ

ВЫПУСК 5

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ОБРАЗОВАНИЯ
«РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ»
КАФЕДРА ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ БЕЛАРУСИ

**STUDIA HISTORICA
EUROPAE ORIENTALIS**

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник
Основан в 2008 году

ВЫПУСК 5

МИНСК
РИВШ
2012

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4
И87

Рекомендовано
Советом Государственного учреждения образования
«Республиканский институт высшей школы»
(протокол № 24-11 от 6 ноября 2012 г.)

Редакционная коллегия

- А.В. Мартынюк** – кандидат исторических наук, отв. редактор (Минск)
Г.Я. Голенченко – доктор исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
О.А. Яновский – кандидат исторических наук, зам. отв. редактора (Минск)
Ю.Н. Бохан – доктор исторических наук (Минск)
М. Вайерс – доктор исторических наук (Бонн)
З. Вайтковяк – доктор исторических наук (Познань)
В.А. Воронин – кандидат исторических наук (Минск)
Л.В. Левшун – кандидат филологических наук (Минск)
А.А. Любая – кандидат исторических наук (Минск)
А.В. Любый – кандидат исторических наук (Минск)
И.А. Марзалюк – доктор исторических наук (Могилев)
Н.В. Николаев – доктор филологических наук (Санкт-Петербург)
А. Рахуба – доктор исторических наук (Варшава)
В.А. Теплова – кандидат исторических наук (Минск)
В.А. Федосик – доктор исторических наук (Минск)
А.И. Филюшкин – доктор исторических наук (Санкт-Петербург)
А.Л. Хорошкевич – доктор исторических наук (Москва)
В. Янкаускас – доктор истории (Каунас)

Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории
И87 Восточной Европы : науч. сб. Вып. 5. – Минск : РИВШ, 2012. – 244 с.

В научном сборнике представлены актуальные исследования белорусских и зарубежных ученых, посвященные широкому кругу проблем истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время. Сборник включен ВАК Республики Беларусь в перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по историческим наукам.

Адресуется студентам, аспирантам, преподавателям и научным работникам, а также всем, кто интересуется историей восточных славян.

УДК 94(4-11)(082)
ББК 63.3(0)4

© Оформление. ГУО «Республиканский институт высшей школы», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

СТАТЬИ	5
--------------	---

Самонова М.Н.

Полоцкое княжество в системе династических связей и политических взаимоотношений Руси со Скандинавией и Польшей в XI – начале XIII в.	6
--	---

Дзянісава А.Р.

Распаўсюджванне хрысціянства і фарміраванне царкоўнай структуры ў межах Тураўскай зямлі ў XI – першай палове XIII ст.	25
---	----

Пилипчук Я.В.

Кыпчаки и Византия (конец XI – начало XIII в.)	41
--	----

Осипян О.Л.

Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточного Средиземноморья во второй половине XIII – первой половине XV в.	53
---	----

Кузьмин А.В.

Восточная Европа и поражение войск Великого княжества Литовского в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г.: военные и внешнеполитические итоги.	84
---	----

Подберезкин Ф.Д.

Частная война графа Герхарда фон Клеве	116
--	-----

Мартынюк А.В.

Ладислав Сунтхайм: конструирование династии и «русские сюжеты»	129
---	-----

Дедук А.В.

«Рязанская» купля Василия Темного: границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV – начале XVI в.	142
--	-----

Беляков А.В.

Питание Чингисидов в России XVI–XVII вв. по документам архива Посольского приказа	170
--	-----

Лабоха Г.М.

Да пытаньня станаўлення і развіцця культуры прападобнай Еўфрасінні Полацкай у «манахастырскі» перыяд (канец XII – пачатак XVI ст.)..... 179

Волкаў М.А.

Арганізацыя і забеспячэнне будаўніцтва фартыфікацый у Слуцку пры Багуславе Радзівіле (1654–1669 гг.) 187

Дзярновіч А.І.

Ёган Хрыстаф Броцэ і пачатак вывучэння кірылічных актаў рыжскага архіўнага комплексу *Moscowitica-Ruthenica*..... 204

РЕЦЕНЗИИ 217

Падалінскі У.А.

Апісанне падарожжаў і не толькі... (Wrede, Marek. Itinerarium króla Stefana Batorego. 1576–1586. Marek Wrede. Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010)..... 218

Любая А.А.

Несколько слов об изучении истории татар (Беляков А.В.. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011) 222

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ 227

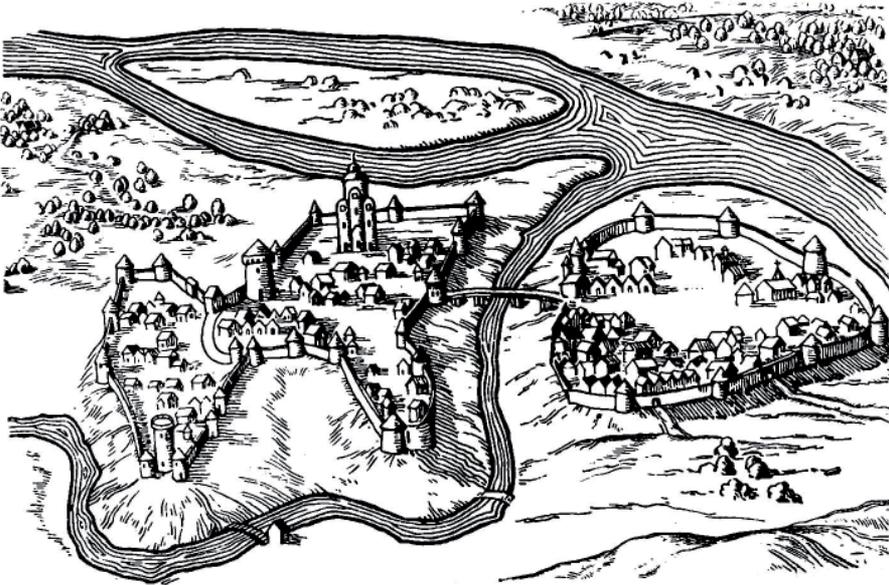
Шлях да Сіняй вады (Навуковая канферэнцыя, прысвечаная 650-годдзю бітвы на Сініх Водах “Цэнтральна-усходняя Еўропа ў час Сіневодскай бітвы”, Каўнас, 24-26 мая 2012 г.) (Любы А.У.)..... 228

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ 232

РЕЗЮМЕ 234

SUMMARY..... 239

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ 243

Статьи

ПОЛОЦКОЕ КНЯЖЕСТВО В СИСТЕМЕ ДИНАСТИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ РУСИ СО СКАНДИНАВИЕЙ И ПОЛЬШЕЙ В XI – НАЧАЛЕ XIII в.

Династические связи являлись одним из важных элементов внешней политики средневековых государств. Заключение брачных союзов между представителями правящих династий было инструментом создания военно-политических союзов, а также индикатором политической ориентации правителей [1, с. 163]. В истории Полоцкого княжества наиболее ярким примером брачной стратегии в определении политического союзника является выбор Рогнедой мужа. Как известно, она предпочла киевского князя Ярополка новгородскому князю Владимиру. В летописях, а именно в Лаврентьевском списке «Повести временных лет» и Новгородской первой летописи, выбор Рогнеды в пользу Ярополка мотивирован тем, что полоцкая княжна не хотела выходить за «робичича», которым являлся Владимир [2, с. 36; 3, с. 125]. Однако ретроспективный взгляд на взаимоотношения главных политических центров Руси в XI в., учитывая походы полоцких князей Брячислава и Всеслава на Новгород, показывает, что Полоцк являлся основным конкурентом Новгорода на международных путях, связывавших Русь с Балтийским регионом. Кроме того, Полоцк расширял свои владения на севере и востоке за счет земель Витебского Подвинья, на которые также претендовал Новгород. В этой связи более вероятно, что происхождение Владимира от рабыни было лишь официальным основанием отказа, а действительной причиной были стратегические интересы полоцкого князя, для которого более целесообразным было заключение союза с Киевом. Другое дело, что Рогволод и Рогнеда просчитались в определении военно-политического потенциала претендентов, сделав ставку на Ярополка, а не на Владимира. Эта роковая ошибка стоила жизни Рогволоду и предопределила дальнейшую политическую жизнь Полоцкого княжества, а также повлияла на матримониальные союзы и династические связи полоцкого княжеского рода Рогволодовичей-Изяславичей.

В данной публикации исследуются династические связи полоцкой княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей, приведшие к браку дочери Володаря Глебовича, Софии, с датским королем Вальдемаром I Великим, в контексте политических взаимоотношений Руси, Скандинавии и Польши в XI – начале XIII в.

Полоцкие князья в династических связях Рюриковичей. Матримониальные союзы полоцкой княжеской династии необходимо рассматривать в рамках внутренних и международных династических связей Рюриковичей, ветвью которых она являлась. Начиная с Ярослава Мудрого можно говорить об активизации внешнеполитических связей Руси путем заключения брачных союзов с европейскими королевскими династиями. Среди них видное место занимают династические связи Рюриковичей со скандинавскими королевскими родами в XI–XII вв., сведения о которых сохранились в основном в древнескандинавских источниках. В то время как ни один из русско-скандинавских браков не упомянут в древнерусских памятниках [4]. По подсчетам Т.Н. Джаксон в сагах и хрониках содержится информация о восьми брачных союзах:

- 1) 1019 г. – Ярослав Мудрый и Ингигерд, дочь шведского короля Олава Эйрикссона;
- 2) около 1044 г. – Елизавета, дочь Ярослава Мудрого и Ингигерд, и норвежский король Харальд Суровый;
- 3) между 1072 и 1074 гг. – Владимир Мономах и Гида, дочь английского короля Харальда и племянница короля Дании Свена Эстридсена;
- 4) около 1095 г. – Мстислав, сын Владимира Мономаха, и Кристин, дочь шведского короля Инги;
- 5) около 1111 г. – Мальмфрид, дочь Мстислава Владимировича, и норвежский король Сигурд Крестоносец;
- 6) около 1117 г. – Ингибьёрг, дочь Мстислава Владимировича, и датский принц Кнут Лавард;
- 7) 1133 г. – Мальмфрид, дочь Мстислава Владимировича и вдова Сигурда Крестоносца, и датский король Эйрик Эймун;
- 8) 1154 г. – София, дочь минского князя Володаря Глебовича и польки Риксы, и датский король Вальдемар I Великий.

Начало тесных матримониальных связей правителей Руси и Скандинавии было положено браком Ярослава Мудрого и шведской принцессы Ингигерд, заключенным в 1019 г. Одной из причин данного брака было стремление Ярослава создать антипольскую коалицию и тем самым упрочить свои позиции в борьбе за киевский стол со Святополком Владимировичем, основным союзником которого был его тесть польский князь Болеслав I Храбрый [4]. Антипольскую ориентацию также имел матримониальный союз между Владимиром Мономахом и Гидой, направленный на изоляцию Болеслава II, главного союзника и родственника киевского князя Изяслава Ярославича (женой Изяслава была Гертруда, сестра отца Болеслава) [5, с. 521]. Со стороны Руси его организаторами стали младшие Ярославичи: Святослав Черниговский и отец Мономаха – Всеволод Переяславский. По сведениям Саксона Грамматика, браку Владимира и Гиды способствовал датский король Свен Эстридсен. Он выступал на

стороне германского короля Генриха IV и его русского союзника Святослава (Святослав женился на двоюродной племяннице Генриха IV) [5, с. 514]. А.В. Назаренко полагает, что конфликт между Ярославичами начался уже в 1070 г., т. е. практически сразу после возвращения Изяслава на киевский стол, осуществленного с помощью Болеслава II. Младшие Ярославичи не хотели возврата к доминирующему положению Киева и поэтому пошли на заключение союза с Германией и Данией в противовес киевско-польскому альянсу Изяслава и Болеслава II. Что касается датировки брака Мономаха и Гиды, то убедительной является аргументация А.В. Назаренко, который относит время его заключения к периоду между 1072 и 1074 гг. [5, с. 524]. К данному периоду относится и включение полоцкой княжеской ветви Рогволодовичей-Изяславичей в династические связи Рюриковичей, что стало основой для вовлечения минских Глебовичей во взаимоотношения между скандинавскими, польскими и русскими правящими родами. На международном уровне, как уже отмечалось выше, Изяславичи заключили династические союзы с Польшей, а Мономаховичи – со скандинавскими королевскими родами.

В международные связи Руси со Скандинавией, Польшей и другими европейскими государствами оказались вовлеченными и представители полоцкой княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей, которые наравне с другими стремились использовать династические союзы в своих политических интересах, что отразилось в двух браках. Первый – это династический союз минских Глебовичей с польскими Пястами, заключенный в 1136 г. в результате брака минского князя Володаря Глебовича и Риксы, дочери польского князя Болеслава III Кривоустого. Второй международный династический союз полоцкого княжеского рода связан с браком Софии, дочери Володаря и Риксы, с датским королем Вальдемаром I Великим из династии Эстридсенов, заключенный в 1154 г.

Историография и источники о Софии Минской. Необходимо отметить, что происхождение Софии долгое время было дискуссионным в историографии. В настоящее время положение о том, что София была дочерью Володаря Глебовича и Риксы является наиболее аргументированным и широко признанным. Первым его сформулировал известный норвежский историк П.А. Мунк в 1850 г. [6, s. 277–278]. Наиболее полное обоснование данное положение получило в работе шведского исследователя Я. Галена [6]. Данного мнения также придерживаются датский историк Дж. Линд [7] и российские ученые А.В. Назаренко [8, с. 266] и Т.Н. Джаксон [9, с. 180–181]. В белорусской историографии А.С. Котлярчук впервые обратил внимание на то, что София, дочь минского князя, стала датской королевой [10].

О происхождении Софии и ее браке с Вальдемаром известно из нескольких источников, относящихся к двум традициям – датской лати-

ноязычной и исландской. Среди датских латиноязычных источников следует назвать следующие:

1) «Генеалогия датских королей» аббата Вильгельма из Эбельхольта (Wilhelmi Abbatis Genealogia Regum Danorum). Составлена, вероятно, в 1194 г.;

2) хроника «Деяния данов» Саксона Грамматика (Saxo Grammaticus Gesta Danorum). Начало записи – 1185 г.;

3) «Датские Бартолинианские анналы» (Annales Danici Bartholiniani). Составлены на основе средневековых источников в XVII в.

К исландской традиции относятся следующие источники:

1) свод саг «Красивая кожа» (Fagrskinna). Первая половина XIII в.;

2) «Сага о Кнютлингах» (Knýtlinga saga). Середина XIII в.

3) «Обзор саг о датских конунгах» (Ágrip af sögu danakonunga). Вторая половина XIII в.

Таблица 1

Сведения о Софии в датской традиции

«Генеалогия датских королей»	Predicta autem Sophia regina filia fuit Waledar, Ruthenorum regis ; nam plures ibi reges sunt. Cuius Sophiæ mater filia fuit Boleszlai, ducis Polonię . Fratres Sophiæ reginaę, matris Ingeburgis , in Russia usque hodie regni gubernacula gloriose amministrant [11, p. 184].	Упомянутая королева София была дочерью Валедара русского короля ; а там много королей. Матерью Софии была дочь Болеслава , герцога Польши . Братья королевы Софии , матери Ингеборг , со славою держат бразды правления королевством до сего дня.
«Деяния данов»	Lib. XIV. Cap. 14.2. Cuius efficiendi gratia uterinam Kanuti sororem Sophiam apud Waldemarum eximia pulchritudinis laude de industria prosequabantur. Sed Waldemarus , quo minus ad hanc copulam intenderet, inopiam virginis obstare dicebat, quod patre Rutheno procreata nullorum in Dania bonorum heres existeret [12].	Чтобы добиться этого они сознательно расхваливали Вальдемару единую-тройную сестру Кнута , Софию , за ее удивительную красоту. Но Вальдемар не был расположен к этому браку и заявил, что бедность девушки стояла у нее на пути, потому что она родилась от русского отца и не унаследовала имущества в Дании .
«Датские Бартол. анналы»	1154. WALDEMARUS defponfat SOPHIAM & fit Rex [13, p. 340].	1154. Вальдемар обручился с Софией и стал королем.

Сведения о Софии в исландской традиции

«Красивая кожа»	Valdamarr Danakonungr fekk Suffiu , dóttur Valaðs konungs á Pútilandi ok Rikizu dróttningar [9, с. 166].	Вальдамар, конунг данов, женился на Сиффии , дочери конунга Валада в Пулиналанде и королевы Рикисы [9, с. 167].
«Сага о Кнютлингах»	Eptir þetta gipti Knútr konungr Valdimar Suffiu , syster sína sammoedda; hon var dóttir Valaðars konungs af Pólinalandi [9, с. 236].	Конунг Кнут отдал Вальдимару в жены Сиффию , свою единоутробную сестру, она была дочерью конунга Валадаря из Пулиналанда [9, с. 242].
«Обзор саг о датских конунгах»	Hann átti Suffiu , dóttur Valaðar konungs af Pólenia [9, с. 248].	Он был женат Сиффии , дочери конунга Валадаря из Полении [9, с. 250].

Очевидно, что сведения источников существенным образом отличаются только в указании того, откуда был отец Софии. В датской традиции – это Русь, а в исландских сагах – Пулиналанд или Поления. Последние топонимы обычно выступают обозначением Польши [9, с. 181]. Возможно, что связь отца Софии с Польшей объясняется тем, что исландские составители саг, в отличие от датчан, не обладали информацией о происхождении отца Софии и связывали его с Польшей на основании того, что его женой была полька. Что касается имени отца Софии, то в сагах оно очень близко к тому, которое зафиксировано в «Генеалогии датских королей» – Valað/Valaðar – Waledar соответственно. Таким образом, основой для идентификации отца Софии с Володарем Глебовичем является его имя, представленное в датской и исландской традициях, а также указание датских источников на его русское происхождение.

Династические связи Рогволодовичей-Изяславичей с Изяславичами и Пястами. Для реконструкции политического контекста матримонического союза Софии с датским королем Вальдемаром необходимо рассмотреть события с участием представителей полоцкой княжеской династии, которые происходили на Руси и привели к браку Володаря Глебовича и Риксы.

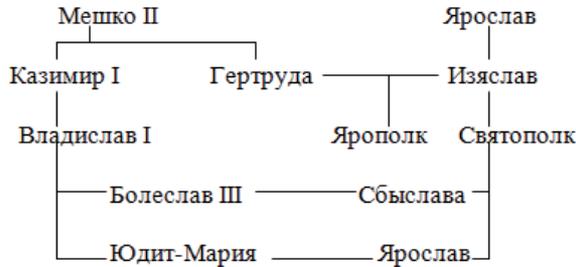
Первым свидетельством установления внутрдинастического союза полоцкого княжеского рода с Изяславичами, старшей линией рода Ярослава Мудрого, являются летописные сообщения о браке будущего минского князя Глеба Всеславича с Анастасией, дочерью Ярополка, сына киевского князя Изяслава Ярославича и польки Гертруды. В ПВЛ под

1073 г. приводятся слова Святослава Черниговского, который призывает Всеволода, выступить против их старшего брата Изяслава Ярославича, поскольку тот посватался с Всеславом Полоцким: «Изяславъ сватается съ Всеславомъ, мысля на наю; да аще его не вариве, имать насъ прогнати» [2, с. 79]. Подтверждение данным сведениям находим в Ипатьевской летописи, в которой под 1158 г. сообщается о смерти вдовы Глеба Всеславича, дочери Ярополка Изяславича [14, стб. 492]. Сложная ситуация, в которой оказался Изяслав, была на руку Всеславу Брячиславичу, сумевшему благодаря соглашению с Изяславом, закрепленному договоренностью о браке Глеба и Анастасии, окончательно вернуть себе полоцкий стол. Всеслав, таким образом, принял сторону Изяслава и его сыновей Ярополка и Святополка, соперниками которых выступали Всеволод Ярославич и его сын Владимир Мономах. Белорусский исследователь Э.М. Загорульский высказал предположение, что одной из причин вражды Всеволода и Владимира с Всеславом был политический союз полоцкого князя с Изяславом Ярославичем [15, с. 69]. Напомним, что сын Изяслава Ярополк в 1085 г. выступил против Всеволода и обратился за помощью в Польшу. В ответ на это Владимир Мономах пленил семью Ярополка, в том числе и его мать Гертруду.

После смерти Всеслава Полоцкого в 1101 г. важнейшим уделом в политической системе Полоцкого княжества становится Минский удел во главе с Глебом Всеславичем. Уже в 1104 г. киевский князь Святополк Изяславич и Владимир Мономах организовали поход на Минск, который окончился безрезультатно. Причина похода в летописи не названа. Возможно, он был вызван тем, что Глеб как зять бывшего туровского князя Ярополка Изяславича заявил свои права на туровские земли после того как умер ближайший родственник минского князя со стороны жены, ее брат Вячеслав Ярополчич. В этой связи, может быть, не случайно то, что именно упоминание о смерти Вячеслава в статье ПВЛ 1104 г. предшествует сообщению о походе коалиции южнорусских князей на Минск [2, с. 119]. В этой же статье сразу после констатации безрезультативности военной экспедиции против Глеба говорится о рождении у Святополка Изяславича сына, которого он называет Брячиславом, именем характерным только для полоцкого княжеского рода. На данное обстоятельство обратил внимание Л.В. Алексеев, объясняя его тем, что Святополк тем самым закрепил союз с минским князем, необходимый ему для борьбы с Мономахом [16, с. 254]. Таким образом, Глеб стал членом антимономаховой коалиции, с лидерами которой, Святополком Изяславичем и его сыном волынским князем Ярославом, его связывали родственные связи.

О союзнических отношениях Глеба и Святополка также свидетельствует и тот факт, что оба князя в идеологическом плане опирались на Киево-Печерский монастырь и оказывали ему покровительство [16, с. 254].

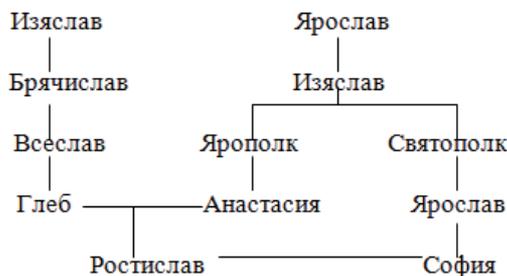
Династические связи Изяславичей с Пястами

В 1103 г. Святополк Изяславич укрепил династические связи с Польшей, выдав свою дочь Сбыславу за польского короля Болеслава III Кривоустого [17, с. 54; 14, стб. 252]. В союзе были заинтересованы обе стороны. Болеславу была необходима военная поддержка киевского князя в борьбе за польский трон. Основную помощь Болеславу оказывал сын Святополка волынский князь Ярослав, что способствовало утверждению Болеслава как единоличного правителя Польши. Союз Болеслава и Ярослава был закреплен в 1106 г. браком волынского князя и сестры Кривоустого [18, с. 66; 17, с. 55].

После смерти Святополка Изяславича в 1113 г. новый киевский князь Владимир Мономах предпринял действия, направленные на ослабление позиций Ярослава, который имел наследственные права на Киев. В 1117 г. Мономах совершил поход на Волынь. В данной ситуации Ярослав рассчитывал на помощь своего основного иностранного союзника и родственника Болеслава. Главным союзником волынского князя внутри Руси, по мнению А.В. Назаренко, являлся минский князь Глеб Всеславич [19, с. 140]. Л.В. Алексеев также высказывал предположение о том, что Глеб был активным членом антимономаховой коалиции, что могло быть причиной жестких мер, предпринятых киевским князем против минского князя [16, с. 255]. В 1116 г. Владимир Мономах организовал крупный поход во владения Глеба, а в следующем году пошёл на волынского князя. В результате оба князя были вынуждены подчиниться киевскому князю. Предположение о союзе Глеба Всеславича и Ярослава Святополчича также подтверждается и свидетельством летописи о браке их детей, Ростислава Глебовича и Софии Ярославны [14, стб. 491].

Связи полоцкой княжеской династии с Изяславичами

В 1118 г. Ярослав покинул Русь в надежде получить помощь у своих иностранных союзников, поляков и венгров. Ответным действием, предпринятым Мономахом, было выведение из Минска Глеба, главного союзника Ярослава внутри Руси [19, с. 141]. В свою очередь, Ярослав получил военную поддержку Болеслава, поскольку действия Мономаха на Волыни в союзе с перемышльско-теребовольскими князьями Ростиславичами не соответствовали стратегическим интересам Польши. Участие поляков в усобицах русских князей на стороне Ярослава в 1119–1123 гг. ослабили позиции Мономаха на юго-западе Руси. С середины 20-х гг. XII в. русско-польские отношения постепенно нормализовались, чему способствовала смерть основных участников конфликта: Ярослава Святополчиича, Владимира Мономаха и Ростиславичей [18, с. 67–69].

Таким образом, связь Глебовичей с Польшей, проявившаяся в браке Володаря и Риксы, стала возможной благодаря их родству с Изяславичами – Ярополком Изяславичем, Святополком Изяславичем и Ярославом Святополчиичем, установивших династический и политический союз с Пястами. В свою очередь, минские Глебовичи находились в неприязненных отношениях с Мономаховичами – Владимир Мономах и его сын Мстислав лишили их отца не только его наследственного владения, Минска, но, вероятно, были причастны к его смерти. У Владимира Мономаха и его сыновей также были недружественные отношения с отцом Риксы, польским князем Болеславом Кривоустым, который оказывал поддержку их соперникам Святополку Изяславичу и его сыну Ярославу [17, с. 55].

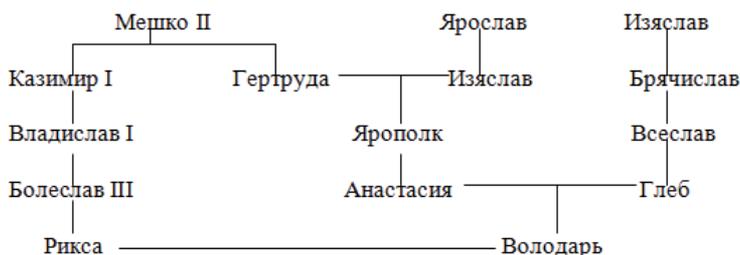
Взаимоотношения Глебовичей, Мстислава и Болеслава. После захвата Минска Мстиславом Владимировичем в 1118 г. и смерти Глеба Минская волость переходит под власть Киева. Вероятно, что до 1146 г. Минском владеет сын Мстислава Изяслав [16, с. 256; 20, с. 13–14]. Где в это время находились сыновья Глеба Ростислав, Володарь и Всеволод

источники умалчивают. Известно, однако, что их мать Анастасия Ярополковна умерла в 1158 г. и была погребена со своим супругом в Киево-Печерском монастыре. Ипатьевская летопись также сообщает, что Глеб и Анастасия делали большие пожертвования монастырю [14, стб. 492–493]. Это позволяет предположить, что их сыновья могли находиться под покровительством Печерского монастыря. Не исключена вероятность того, что они были высланы в Византию вместе с остальными полоцкими князьями, а затем после смерти Мстислава смогли вернуться в Полоцкую землю [21, с. 181]. При новом киевском князе Ярополке Владимировиче (1132–1139) полочанам удалось изгнать Мстиславичей и посадить на полоцкий стол представителя полоцкой княжеской династии Василька Святославича. Однако Изяслав Мстиславич удержал за собой Минск [22, стб. 301–302]. Дальнейшие события, зафиксированные в летописи, дают некоторое основание предположить, что Володарь Глебович мог находиться на границе полоцких земель с Литвой. Известно, что киевский князь Мстислав в 1132 г. совершил большой поход на Литву [14, стб. 294]. А Володарь, как свидетельствует летопись, поддерживал союзнические отношения с Литвой, пользуясь поддержкой литовских отрядов в междоусобной борьбе Глебовичей с Рогволодом Борисовичем в 1158–1161 гг. [14, стб. 496, стб. 519]. Более того, Володарь в 1161 г. княжил в Городце, летописном городе, который, вероятно, находился на Березине Неманской, что в непосредственной близости от литовских земель и Минска [23, с. 50]. Понятно, что для того, чтобы закрепиться на пограничье с Литвой и заключить с ней союз Володарю требовалось время, поэтому, вполне вероятно, что это могло произойти ещё при Мстиславе Владимировиче, который представлял угрозу как для литовцев так и для Володаря.

Таким образом, в конце 20-х – 30-е гг. XII в. полоцкие князья продолжали острое соперничество с киевским князем Мстиславом Владимировичем и его сыновьями. В этой борьбе должны были принимать непосредственное участие и Глебовичи, поскольку их наследственное владение, Минск, оставалось за представителем рода Мстислава, одного из главных виновников гибели их отца. Польский князь Болеслав III Кривоустый, ранее активно вмешивавшийся в борьбу Изяславичей с Мономахом, не мог не знать внутривосточную обстановку на Руси и был прекрасно осведомлён о жестком противостоянии Мономаховичей-Мстиславичей с полоцкой княжеской династией Рогволодовичей-Изяславичей. Тем более что минские Глебовичи породнились также и с его родственниками и бывшими союзниками, Святополком Изяславичем

и его сыном Ярославом. Более того, Болеслав и Глебовичи также состояли в дальней родственной связи через Гертруду, которая, с одной стороны была бабушкой Анастасии Ярополковны, а с другой – сестрой деда Болеслава. Это послужило для Болеслава одним из оснований устроить второй брак своей дочери, Риксы, с Володарем Глебовичем, который был заключен в 1136 г. [17, с. 56].

Династические связи Рогволодовичей-Изяславичей с Пястами

Для того чтобы полностью раскрыть политическую подоплеку этого матримониального союза необходимо также разобраться с первым браком Риксы и проследить взаимоотношения Польши, Руси и Дании.

Военно-политические и династические связи Дании с Польшей и Русью. Около 1127 г. Рикса стала женой датского принца Магнуса Сильного, наследника датского короля Нильса [24]. Этот брак закреплял военно-политический союз Польши и Дании в противовес альянсу князя Померании (Западного Поморья) Вартислава с будущим императором Священной Римской империи Лотарем II и их союзником датским принцем Кнудом Лавардом. Кнут был сыном предыдущего короля Дании Эйрика I Доброго и племянником последующего – Нильса. В 1115 г. Нильс сделал его ярлом Южной Ютландии – Шлезвига, и следующие 15 лет Кнут провел в сражениях с полабскими славянами – ободритами [7, с. 226–227; 25, с. 146–147]. Около 1117 г. Кнут Лавард женился на Ингибьёрг, дочери Мстислава Владимировича. Брак с представительницей могущественного рода Мономаховичей, доминировавшего в это время на Руси, имевшего международный авторитет и династические связи со скандинавскими странами, должен был упрочить позиции Кнута как претендента на датский трон. О матримониальном союзе датского принца и дочери Мстислава Владимировича повествует «Сага о Кнютлингах»: «В то время был конунгом на востоке в Хольмгарде Харальд, сын конунга Вальдамара, сына Ярицлейва, сына Вальдимара, воспитателя конунга Олава Трюггвасона [...]. Некий купец по имени Видгаут от-

правился в поездку с поручением Кнута Лаварда на восток в Хольмгард просить для него руки Энгильборг. Харальд дал положительный ответ на сватовство Кнута к его дочери. Вскоре в Дании была сыграна свадьба» [9, с. 240]. О широкой известности Мстислава в Скандинавии и его высоком авторитете говорит также тот факт, что в скандинавском мире он был известен под именем «Харальд, сын Вальдамара», нареченный так в честь своего деда по материнской линии, английского короля Харальда [25, с. 135].

В 1129 г. Лотарь отдал Кнуту земли ободритов в лен, даровав ему титул герцога Гольштейна. В этом же году польско-датские войска вторглись во владения вассала империи западно-поморского князя Вартислава и подчинили их. Связь Кнута Лаварда с Лотарем и Мстиславом Владимировичем также вызывала опасения у датского короля Нильса и его сына Магнуса Сильного. В 1131 г. Магнус, зять и союзник Болеслава Кривоустого, организовал убийство Кнута. «Сага о Кнютлингах» сообщает, что жена Кнута в это время находилась на Руси при дворе своего отца [9, с. 241]. Вскоре после смерти мужа она родила мальчика, который был назван Вальдемаром, видимо, в честь прадеда, Мономаха [25, с. 147]. Детство будущего короля Дании Вальдемара I Великого, сына Кнута Лаварда и Ингибьёрг, прошло на Руси в семье Мстиславичей [9, с. 241].

Убийство Кнута Лаварда стало поводом для гражданской войны в Дании. Младший брат Кнута, Эйрик Эймун восстал против короля Нильса и его сына Магнуса Сильного, но потерпел неудачу и вынужден был бежать в Норвегию. Там Эйрик заручился поддержкой местной знати. Союз был закреплен в 1133 г. браком с вдовой норвежского короля Сигурда Крестоносца Мальмфрид.

Династические связи Эстридсенов с Пястами и Мономаховичами

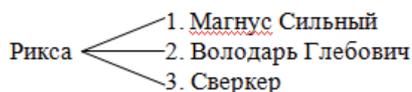
Женитьба на Мальмфрид, дочери Мстислава Владимировича также обеспечила Эйрику поддержку Мстиславичей. Дж. Линд полагает, что при помощи этого брака был восстановлен датско-русский (новгород-

ский) союз, что обеспечило Эйрику помощь Мстиславичей [7, s. 235–238]. В 1134 г. Эйрик нанес поражение Нильсу и Магнусу и стал новым королём Дании. Рикса овдовела, но у нее осталось два сына от Магнуса Сильного, которые могли в дальнейшем претендовать на датский трон. Вероятно, что Рикса после смерти мужа вернулась в Польшу к своему отцу Болеславу Кривоустому. Польский князь довольно быстро организовал новый брак для дочери. В 1136 г. Рикса была выдана замуж за Володаря Глебовича. По мнению Дж. Линда брак Риксы с Володарём был организован Болеславом с целью создания союза Польши с Глебовичами для противостояния датско-русскому союзу Эйрика Эймуна (1134–1137) и Мстиславичей [7, s. 263]. Кроме того, включение Глебовичей в польско-датско-русские взаимоотношения должно было обеспечить сына Риксы от первого брака датского принца Кнута дополнительной поддержкой в предстоящей борьбе за датский трон с Вальдемаром, внуком Мстислава Владимировича. Таким образом, в 1120-е – 1130-е гг. в Дании происходила династическая борьба, переросшая в гражданскую войну. Одна из группировок – Нильс и его сын Магнус Сильный, Кнут – сын Магнуса и Риксы – с 1127 г. опиралась на поддержку Польши во главе с Болеславом Кривоустым. К этому датско-польскому альянсу в 1136 г. были привлечены минские Глебовичи. Другая группировка – Кнут Лавард и Эйрик Эймун – была в союзе с Мстиславичами с 1117 г., когда Кнут Лавард женился на дочери Мстислава Владимировича.

Брак Софии Володарьевны и Вальдемара. Участие Глебовичей в польско-датском союзе оказалось недолгим. Последующие события, а именно ослабление позиций Мономаховичей (к которому принадлежали Мстиславичи) на Руси в 1136–1139 гг., гибель датского короля Эйрика Эймуна в 1137 г., а также смерть Болеслава Кривоустого в 1138 г. лишили этот союз политических оснований [7, s. 263]. Это стало причиной расторжения брака Риксы и Володаря. Вероятно, что Рикса вместе с дочерью Софией покинула Полоцкую землю. Из хроники Саксона Грамматика известно, что Рикса оказалась в Швеции, где вышла замуж за овдовевшего шведского короля Сверкера, а София была втянута в политические взаимоотношения Швеции и Дании (Lib. XIV) [26, p. 27, 36; 12]. Рикса с молодых лет была вовлечена в политические интриги и династическую борьбу. Она хорошо понимала, что для ее старшего сына от первого брака, Кнута, реально претендовавшего на датский трон, был необходим более действенный и сильный союзник, чем Володарь, который все силы направлял на борьбу с Мстиславичами за возвращение Минского удела. В 1146 г. сын Риксы Кнут был избран датским королем,

но его положение было непрочным. Рикса в поисках нового союзника для своего сына вместе с дочерью Софией отправилась в Швецию, где в третий раз вышла замуж. Ее супругом стал шведский король Сверкер (1130–1156).

Браки Риксы

Потерпевший поражение от своих соперников в Дании, Кнут нашел убежище в Швеции, где его поддержал Сверкер [26, р. 27]. Приемная дочь Сверкера и сводная сестра Кнута София стала средством для достижения соглашения между Данией и Швецией, а также примирения кровных врагов – датского короля Кнута и будущего датского короля Вальдемара (отец Кнута Магнус Сильный убил отца Вальдемара Кнута Лаварда). Об этом пишет датский хронист Саксон Грамматик в «Деяниях данов» (Lib. XIV) [12]. Саксон состоял на службе у одного из сыновей Вальдемара и Софии Вальдемара II (1202–1241) и, следовательно, был хорошо осведомлен об обстоятельствах брака Софии и Вальдемара. Он сообщает, что замужество Софии было инициировано Кнутом. Для того чтобы удержаться на троне Кнут заключил соглашение с Вальдемаром и сделал его своим соправителем. Это было закреплено помолвкой Софии с Вальдемаром в 1154 г. Саксон говорит о том, что София была бедной, поскольку не унаследовала от «русского отца» имущества в Дании, что было причиной первоначального нежелания Вальдемара обручаться с ней (см. табл. 1). Только после того как Кнут пообещал отдать ей 1/3 часть своего наследства Вальдемар согласился. Во время обручения София была несовершеннолетней, поэтому по прибытию из Швеции в Данию она была отдана на попечение некой Ботильды (Lib. XIV, Cap. 14.2) [12]. Ее брак с Вальдемаром был заключён в 1157 г. [27]. К этому времени его инициаторов, Кнута и Сверкера, уже не было в живых.

Родной отец Софии, Володарь Глебович, был в это время в самом разгаре междоусобной войны за доминирование в Полоцкой земле. Глебовичи являлись одной из самых активных действующих сил в борьбе за верховную власть в Полоцке. Одной из причин борьбы Глебовичей с их родичем Рогволодом Борисовичем мог быть его союз с Мстиславичами (Рогволод был женат на дочери Изяслава Мстиславича). Очевидно, что Мстиславичи были кровными врагами Глебовичей. Достаточно вспомнить, что Мстислав Владимирович был причастен не только к гибели их

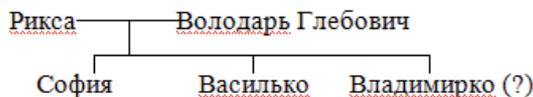
отца, но и к лишению их наследственного владения – Минска. В 1151 г. минский князь Ростислав Глебович занял полоцкий стол, сменив Рогволода Борисовича, опиравшегося на поддержку Мстиславичей. Минским князем стал Володарь Глебович. В Изяславский удел был направлен младший из Глебовичей, Всеволод. Друцк достался сыну Ростислава – Глебу [20, с. 14].

Таким образом, в 1150-е гг. Глебовичам удалось объединить под своей властью значительную часть Полоцкой земли, что произошло не без поддержки ближайшего соседа Минского удела на юге, черниговского князя Святослава Ольговича, владевшего Клецком, Слуцком и «всеми дреговичами» [16, с. 275–276]. Известно, что Святослав враждовал с Изяславом Мстиславичем, союзником Рогволода и недругом Глебовичей. Однако к 1158 г. политическая обстановка на Руси изменилась и Святослав, недовольный Глебовичами, помог Рогволоду вернуться в Полоцк. Ростислав бежал в Минск, но борьба Глебовичей с Рогволодом продолжилась. Володарь, вероятно, отправился за помощью к своим союзникам литовцам. В 1161 г. он находился в Городце, куда полоцкий князь Рогволод направился с походом, но был разгромлен Володарем при поддержке Литвы [14, стб. 519]. В 1167 г. Володарь, очевидно, упрямивший своё положение в Минском уделе и накопивший достаточно сил, предпринял попытку установить свою власть в Полоцке. Ему удалось разгромить Всеслава Васильковича и занять полоцкий стол. Затем Володарь направился в Витебск, куда бежал Всеслав, но узнав, что на помощь Всеславу идёт один из Мстиславичей – смоленский князь Роман Ростиславич, Володарь вернулся в свои владения [14, стб. 526–527]. Вероятно, Глебовичам удалось не только удержать за собой свою отчину Минский удел, но и закрепить за ним также Изяславль, Городец и Логойск [20, с. 14].

Итак, летописи сохранили достаточное количество сведений о Володаре Глебовиче, которые позволяют его охарактеризовать как энергичного правителя, талантливое полководца и дальновидного политика. Вместе с братьями Володарь сумел не только восстановить отцовский удел, Минское княжество, но и значительно укрепить его в сложных политических условиях борьбы как внутрдинастической – с другими ветвями Рогволодовичей-Изяславичей, так и с остальными Рюриковичами. В этой связи совсем не случайно, что именно благодаря Володарю были установлены династические связи полоцкой княжеской династии с европейскими королевскими домами, включавшие его брак с полькой Риксой, а также матримонильный союз их дочери, Софии, с датским королем Вальдемаром.

Одним из главных источников, содержащих сведения о Софии, является «Генеалогия датских королей» аббата Вильгельма из Эбельхольта, составленная в 1194 г. по заказу короля Кнута VI (1182–1202), старшего сына Вальдемара и Софии. Вильгельм называет отца Софии «Waledar, Ruthenorum Regis» [11, с. 185]. Саксон Грамматик, работавший над своей хроникой на протяжении многих лет, указывает только, что ее отец русский – «patre Ruteno» [12]. Вильгельм также сообщает о том, что братья Софии в то время, т. е. около 1194 г., ещё правили на Руси (см. табл. 1). В пользу достоверности данных сведений говорит то, что Вильгельм, вероятно, получил эту информацию из первых рук, поскольку знал Вальдемара и его семью. Норвежский историк П.А. Мунк впервые сопоставил сведения источников о происхождении Софии, в результате чего он ещё 1850 г. сделал предположение о ее родстве с полоцким князем Владимиром, о котором писал Генрих Латвийский [6, s. 277–278]. Действительно из летописей известно, по крайней мере, об одном сыне Володаря – Василько, о котором говорится под 1186 г. как князе Логойска [22, стб. 403]. Владимирко Володаревич, князь минский, упомянут Татищевым, который сообщает, что в 1182 г. Владимирко, призвав в помощь полочан, воевал за Брест [28, с. 399].

Брак Володаря Глебовича с Риксой

Кроме того, согласно сведениям «Хроники Ливонии» Генриха Латвийского, основного источника по политической истории Полоцкого княжества в конце XII – начале XIII в., полоцким правителем с 1186 г. по 1216 г. был Вольдемар – «Woldemaro de Ploceke» [29, с. 71]. Принимая во внимание упоминание Лаврентьевской летописи о походе на Полоцк в 1186 г. смоленского князя Давыда Ростиславича, в котором принимал участие логойский князь Василько Володаревич, то вполне вероятно, что в результате этого похода в Полоцке утвердился Владимирко Володаревич, которого хроника называет королём Вольдемаром [16, с. 282]. Таким образом, данные «Генеалогии датских королей» о братьях Софии, правивших на Руси около 1194 г. согласуются со сведениями других источников о сыновьях Володаря, Владимирко и Василько, княживших в Полоцкой земле.

Еще одним важным источником о Софии является «Житие и чудеса святого Фомы», написанное в конце XII в. на латинском языке монахом

Уильямом Кентерберийским. Данный источник представляет особый интерес, поскольку указывает на установление связей между Данией и Полоцким княжеством. В нем сообщается, что отец Софии, русский князь, отправил своей дочери, датской королеве, дары с неким Климентом. По дороге в Данию Климент был схвачен правителями Померании [30, с. 41]. Данные сведения также находят подтверждение у Саксона Грамматика, который сообщает, что «В это время славянские пираты ограбили послов Вальдемара и захватили корабль, груженный дарами, посланными ему его тестем» (Lib. XIV, Cap. 57.1: «Per idem tempus Sclavorum piratae, spoliatis Waldemari legatis, navigium muneribus eidem a socero transmissis onustum serere» [12]). Вальдемар организовал по просьбе своей жены, военную экспедицию в Померию во главе с их сыном Кнудом. Эти события происходили около 1178 г., что предполагает, что отец Софии в это время еще княжил на Руси [6, с. 283]. В летописях Володарь Глебович в последний раз упоминается в 1167 г. в связи с его походом на Полоцк. Это был смелый и рискованный шаг, который был способен предпринять только энергичный и дееспособный правитель, а значит, Володарь вполне мог быть ещё жив в 1178 г., хотя и находился уже в преклонном возрасте. Контакты с Данией, установленные Володарем, вероятно, поддерживались и его сыновьями. Так, в 1194 г. во время правления внука Володаря, Кнута VI, и когда была ещё жива его мать София Володарьевна, было известно, что ее братья княжили на Руси (по сведениям «Генеалогии датских королев»). Установлению связей между Полоцким княжеством и Датским королевством также способствовали их общие геополитические интересы, которые сходились в Прибалтике. Широкая известность Полоцка в Европе в XII–XIII вв. как одного из главных русских городов, а также его международные связи отразились в легенде знаменитой Эбсторфской карты мира (первая половина XIII в.). В ней указаны такие русские города («Rusia regio») как Киев, Новгород, Смоленск и Полоцк (Kiwen, Novgardus, Smalentike, Plosceke) [31, с. 143–144; 8, с. 266].

Связи полоцкой княжеской династии с датским королевским домом

Итак, участие полоцкой княжеской династии во внутридинастических связях Рюриковичей, начиная с установления матримониальных

и политических союзов минских Глебовичей с Изяславичами, старшей линией Ярославичей, стало основой для включения Полоцкого княжества в систему международных связей Руси со Скандинавией, Польшей и другими европейскими странами. Выходу Полоцка на европейскую арену содействовала активная политика полоцких правителей – Брячислава, Всеслава, Глеба во взаимоотношениях с новгородскими, киевскими и другими русскими князьями. Анализ источников показывает, что минские Глебовичи, одна из основных ветвей полоцкой княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей, осуществили свою попытку установления международных династических связей наравне с другими Рюриковичами.

Большую роль в развитии внешнеполитических связей белорусских земель в XII–XIII вв. сыграли два матримониальных союза. Первый – это брак минского князя Володаря Глебовича и Риксы, дочери польского князя Болеслава III Кривоустого. Этот союз был направлен на ослабление Мономаховичей-Мстиславичей, которые в первой половине XII в. представляли угрозу как для полоцко-минских князей, так и для международных позиций Польши. Одним из результатов брака Володаря и Риксы стало усиление позиций Глебовичей в их борьбе с Мстиславичами за возвращение Минского удела. Второй международный династический союз полоцкого княжеского рода связан с браком Софии, дочери Володаря Глебовича и Риксы, с датским королём Вальдемаром I Великим из династии Эстрдсенев, заключенный в 1154 г. Несмотря на то, что замужество Софии было организовано ее сводным братом датским королём Кнудом V и ее приемным отцом шведским королем Сверкером, в Дании знали об её «русском отце». В источниках («Деяния данов» Саксона Грамматика, «Генеалогия датских королей» аббата Вильгельма, «Житие и чудеса святого Фомы» Уильяма Кентерберийского) сохранились свидетельства того, что благодаря этому браку Полоцкое княжество установило контакты с Данией.

Список литературы

1. Литвина, А.Ф. Политические интересы vs. матримониальные возможности в династии Рюриковичей XI–XII вв. / А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский // Восточная Европа в древности и средневековье: материалы конф., Москва, 19–21 апреля 2011 г. / Ин-т Всеобщ. истор. РАН. – М., 2011. – Вып. XXIII: Ранние государства Европы и Азии: проблемы политогенеза. – С. 163–167.

2. Повесть временных лет / Подг. текста, пер., статьи и ком. Д.С. Лихачева; под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – 2-е изд. – СПб.: Наука, 1996. – 667 с.

3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л.: АН СССР, 1950. – 568 с.

4. Джаксон, Т.Н. О скандинавских браках Ярослава Мудрого и его потомков / Т.Н. Джаксон // Ульвдалир [Электронный ресурс]. – Ulfdalir 2004–2012. – Режим доступа: http://norse.ulver.com/articles/jackson/marriage.html#_ftnref3. – Дата доступа: 05.09.2012.

5. Назаренко, А.В. Древняя Русь на международных путях: Междисциплинарные очерки культурных, торговых, политических связей IX–XII вв. / А.В. Назаренко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 784 с.

6. Gallén, J. Vem var Valdemar den stores drottning Sofia? / J. Gallén // Historisk Tidskrift för Finland. – 1976. – Årg. 61. – S. 273–288.

7. Lind, J. De russiske ægteskaber: Dynasti- og alliancepolitik i 1130'ernes Danske borgerkrig / J. Lind // Historisk tidsskrift. – 1992. – B. 92, N. 2. – S. 225–263.

8. Назаренко, А.В. Русско-немецкие связи домонгольского времени (IX – середина XIII в.): Состояние проблемы и перспективы дальнейших исследований / А.В. Назаренко // Из истории русской культуры. – Т. II, Кн. 1: Киевская и Московская Русь / сост. А.Ф. Литвина, Ф.Б. Успенский. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 261–308.

9. Джаксон, Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе (середина XI – середина XIII в.): Тексты, перевод, комментарий / Т.Н. Джаксон. – М.: Ладомир, 2000. – 366 с.

10. Катлярчук, А. Час вікінгаў у Беларусі: канец IX – пачатак XIII ст. / А. Катлярчук // Швэды ў гісторыі й культуры беларусаў / А. Катлярчук. – Вільня: Ін-т беларусістыкі, 2007. – С. 1–58.

11. Wilhelmi abbatis Genealogia regum Danorum // Scriptorum minores historiae Danicae mediae aevi / Ed. M. Cl. Gertz. – T. 1. – København, 1917–1918. – P. 176–185.

12. Grammaticus, Saxo. Gesta Danorum / Saxo Grammaticus // Det Kongelige Bibliotek [Electronic resource]. – Mode of access: <http://wayback.kb.dk:8080/wayback-1.4.2/wayback/20100107153228/http://www2.kb.dk/elib/lit/dan/saxo/lat/or/dsr/index.htm>. – Date of access: 05.09.2012.

13. Annales Danici Bartholiniani // Scriptorum rerum Danicarum mediae aevi / Ed. J. Langebek. – T. 1. – Hafniae, 1772. – P. 334–342.

14. Ипатьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. II. – 2-е изд. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1908. – 938 стб.

15. Загарульскі, Э.М. Заходняя Русь: IX–XIII стст.: вучэб. дапам. / Э.М. Загарульскі. – Мінск: Універсітэцкае, 1998. – 240 с.

16. Алексеев, Л.В. Полоцкая земля в IX–XIII вв. (очерки истории северной Белоруссии) / Л.В. Алексеев. – М.: Наука, 1966. – 295 с.

17. Щавелева, Н.И. Польки – жены русских князей (XI – середина XIII в.) / Н.И. Щавелева // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования, 1987 г. – М.: Наука, 1989. – С.50–58.

18. Головкин, А.Б. Древняя Русь и Польша в политических взаимоотношениях X – первой трети XIII вв. / А.Б. Головкин. – Киев: Наукова думка, 1988. – 136 с.

19. Назаренко, А.В. Древняя Русь и славяне (Древнейшие государства Восточной Европы, 2007 год) / Ин-т всеобщей истории. – М.: Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2009. – 528 с.

20. Заяц, Ю.А. Менская земля: этапы фарміравання / Ю.А. Заяц // Беларус. гіст. часоп. – 1993. – № 4. – С.8–15.

21. Гісторыя Беларусі: у 6 т. / Рэдкал.: М. Касцюк (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Экаперспектыва, 2000–2005. – Т. 1: Старажытная Беларусь: ад першапачатковага засялення да сярэдзіны XIII ст. / [В. Вяргей і інш.]. – 2000. – 351 с.

22. Лаврентьевская летопись // Полное собрание русских летописей. – Т. I. – 2-е изд. – Л.: Издательство АН СССР, 1926–1928. – 579 стб.

23. Цемушаў, В.М. Княствы на тэрыторыі Беларусі. XI–XII ст. / В.М. Цемушаў // Вялікі гістарычны атлас Беларусі: у 3 т. / Рэдкал.: Г.І. Кузняцоў [і інш.]. – Мінск: Белкартаграфія, 2009. – Т. 1. – С. 50.

24. Rikissa // Nordisk familjebok. UGGLEUPPLAGAN. 23: a digital facsimile edition // Project Runeberg [Electronic resource]. – Mode of access: <http://runeberg.org/nfcc/0165.html>. – Date of access: 05.09.2012.

25. Пашуто, В.Т. Внешняя политика Древней Руси / В.Т. Пашуто. – М.: Наука, 1968. – 473 с.

26. Sawyer, P. The Making of Sweden / P. Sawyer. – Alingsås, 1988. – 60 p.

27. Steenstrup, J. Sophie / J. Steenstrup // Dansk biografisk Lexikon. 16: a digital facsimile edition // Project Runeberg [Electronic resource]. – Mode of access: <http://runeberg.org/dbl/16/0165.html>. – Date of access: 05.09.2012.

28. Татищев, В. История Российская: в 3 т. / В. Татищев. – М.: АСТ, 2003. – Т. 2. – 732 с.

29. Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введение, перевод и комментарии С.А. Аннинского. – 2-е издание. – М.; Л.: АН СССР, 1938. – 352 с.

30. Уильям Кентерберийский. Житие и чудеса святого Фомы / Пер. В.И. Матузовой // Английские средневековые источники IX–XIII вв. – М.: Наука, 1979. – С.40–42.

31. Чекин, Л.С. Картография христианского средневековья VIII–XIII вв. Тексты, перевод, комментарий / Л.С. Чекин. – М.: Восточная литература, 1999. – 366 с.

РАСПАЎСЮДЖВАННЕ ХРЫСЦІЯНСТВА І ФАРМІРАВАННЕ ЦАРКОЎНАЙ СТРУКТУРЫ Ў МЕЖАХ ТУРАЎСКАЙ ЗЯМЛІ Ў XI – ПЕРШАЙ ПАЛОВЕ XIII СТ.

З усталяваннем раннесярэднявечных дзяржаў ва Усходняй Еўропе было звязана ўвядзенне монатэістычнай рэлігіі. Хрысціянства дазваляла манархам абвясціць сваю ўладу свяшчэннай і аб'яднаць падданных агульным веравызнаннем. Славянскія народы адзін за адным прымалі хрысціянства як дзяржаўную рэлігію. Каля 800 г. былі ахрышчаны маравы, у 964 новая рэлігія ўведзена ў Балгарыі, у 966 г. – у Польшчы, у 973 г. – у Чэхіі. Па-за межамі хрысціянскага свету заставаліся Скандынавія, Ісландыя, Фінляндыя, Прусія, Літва і Русь.

Царкоўная традыцыя адносіць пачатак хрысціянізацыі Старажытнай Русі да першых стагоддзяў нашай эры. У летапісах ёсць звесткі пра хаджэнне апостала Андрэя Першазванага, які займаўся місіянерскай дзейнасцю сярод скіфаў. Апостал Андрэй трапіў і на «Кіеўскія горы», благаславіў іх, паставіў крыж і прадказаў узнікненне тут вялікага горада: «...Яко на сихъ горахъ восияеть благодать Божья; имать градъ великъ быти и церкви многи Богъ въздвигнути имать...» [19, с. 9]. Аднак пройдзе яшчэ не адно стагоддзе перад тым, як хрысціянства зацвердзіцца на згаданых землях.

Усходнія славяне, якія рассяліліся на тэрыторыі Русі, маглі сутыкнуцца з вучэннем Хрыста яшчэ ў VII ст., пад час паходаў у землі Візантыйскай імперыі. У IX ст. хрысціянства павольна распаўсюджвалася ў асяроддзі варажскіх і славянскіх дружыннікаў, купцоў, якія мелі непасрэдныя кантакты з хрысціянскім светам. Ёсць звесткі аб тым, што першая хрысціянізацыя Русі адбывалася ў 60-я гг. IX ст. у часы кіеўскага князя Аскольда і канстанцінопальскага патрыярха Фоція [3, с. 42, 65]. Але першая царкоўная арганізацыя загінула пад хвалямі паганства. У дагаворы кіеўскага князя Ігара з грэкамі 945 г. упамінаюцца хрысціяне на Русі. Жонка Ігара княгіня Вольга сама ахрысцілася каля 955 г. [19, с. 29]. Можна меркаваць, што хрысціянская асяроддзе ўзнікла на Русі значна раней княжання Уладзіміра.

Што тычыцца беларускіх зямель, то сюды звесткі аб хрысціянстве маглі пранікаць задоўга да афіцыйнага прызнання яго дзяржаўнай рэлігіяй. Носьбітамі падобных звестак маглі быць мясцовыя князі,

дружыннікі, якія ўдзельнічалі ў паходах кіеўскіх князёў на Візантыю, а таксама купецтва. Некаторыя даследчыкі, абапіраючыся на паведамленні ісландскай «Сагі пра хрышчэнне», лічаць, што на Беларусі ў канцы X ст. хрысціянскае вучэнне мог прапагандаваць скандынаўскі місіянер Торвальд Вандроўнік [25, с. 48–49].

Афіцыйнай датай прыняцця «грэцкай веры» лічыцца 988 г. (па іншых звестках 989 г. ці 990 г.). Аднак названы час мае толькі сімвалічнае значэнне. Увядзенне хрысціянства было не каротчасовым актам, а стала працяглым і складаным працэсам, расцягнутым на стагоддзі.

Хрышчэнне беларускіх зямель, як і зямель Русі, ажыццяўлялася рознымі шляхамі і не заўсёды мірнымі. Гэта залежала ад таго, якім чынам ставіліся да новаўвядзенняў вялікага князя мясцовыя князі. У сувязі з гэтым А. У. Карташоў адзначаў: «У нас введене хрысціянства не могло возбуждать особенно сильно религиозно-национальных страстей... Там, где влияние централизованной киевской власти принималось беспрекословно, история не знает и о протестах язычества. И наоборот, там, где местный патриотизм ещё питал виды на независимость от Киева, новая религия отвергается, как сеть порабощения» [8, с. 146–147].

Пра ўсталяванне хрысціянства ў Полацку вядома мала. Але, хутчэй за ўсё, яно адбылося больш спакойна, чым у некаторых іншых гарадах. Так, пра хрышчэнне жыхароў Ноўгарада Вялікага сказана: «Путята крести их мечом, а Добрыня огнём» [8, с. 150; 18, с. 77]. Верагодна, крывавамі падзеямі суправаджалася хрышчэнне Турава. Паданне апавядае пра каменныя крыжы, якія прыплылі ў горад па Прыпяці з Кіева, і пра тое, што вада ў рацэ была чырвоная ад крыві [6, с. 379].

Згодна з паведамленнем «Аповесці мінулых гадоў», ахрысціўшы жыхароў Кіева, князь Уладзімір распачынае хрышчэнне ўсёй дзяржавы. Ён рабіў гэта асабіста або з дапамогай сваіх пасаdnікаў і сыноў. Князь накіраваў у Тураўскую зямлю свайго прыёмнага сына Святаполка [19, с. 54]. Падобна іншым княжычам, Святаполк быў абавязаны не толькі валодаць дрыгавіцкай зямлёй, але і распаўсюджваць тут новую веру. З гэтай мэтай у Тураве і была заснавана епіскапская кафедра (да XV ст. епархія называлася Тураўскай, пазней Турава-Пінскай).

Аднак па сённяшні дзень няма адназначнага адказу на пытанне аб часе з'яўлення кафедры. Гісторыкі называюць розныя даты заснавання Тураўскай епархіі. Найбольш абгрунтаванымі з'яўляюцца дзве з іх: 992 г. і 1005 г.

Прыхільнікі першай даты абапіраюцца на звесткі, змешчаныя ў Ніканаўскім летапісе. Згодна з летапісам пад 992 г. вызначаюцца на-

ступныя падзеі: «Постави Леонтъ митрополить Киевский и всея Руси епископы по градомъ. Того же лета постави Леонтъ, митрополить Киевский и всея Руси, Чернигову епископа Неофита, а въ Ростовъ постави епископа Феодора, а въ Володимерь Стефана, а въ Белграде Никиту, и по инымъ многимъ градомъ епископы постави» [21, с. 65].

Па якім «інымъ многімъ градомъ» былі пастаўлены епіскапы летапіс не паведамляе. Аднак, па меркаванні даследчыка царкоўнай гісторыі Я.Е. Галубінскага, улічваючы значнасць Турава і Полацка як цэнтраў дрыгавічоў і крывічоў, трэба думаць, што епіскапскія кафедры маглі тут узнікнуць у часы князя Уладзіміра, г. зн. у 992 г. [4, с. 334–335, 952]. Такого ж погляду прытрымліваюцца даследчыкі М.Ю. Брайчэўскі, П.Ф. Лысенка [3, с. 193; 12, с. 22]. П.Ф. Лысенкам прыводзяцца наступныя разважанні: «Очевидно, учитывая территориальную близость Турова к Киеву, высокое государственное значение Турова, выделяемого третьему по старшинству сыну Владимира Святославича, нужно признать учреждение Туровской епископии одновременным другим древнейшим епископиям Киевской Руси. По крайней мере, одновременной с Полоцкой епархией...» [12, с. 22].

Сцвярджэнне аб заснаванні Тураўскай епархіі ў 1005 г. абапіраецца на даныя «Кіева-Пячэрскага пацерыка» рэдакцыі Іосіфа Трызны (1647–1655). У «Пацерыку» прыводзіцца статутная грамата епархіі, якая дадзена ад імя самога князя Уладзіміра: «Се аз, князь великий киевский Василии, нарицаемый Владимир, умыслих со своею княгиною Анною и з детми своими: с сыном своим Изяславом и Мьстиславом, Ярославом и Всеволодом, Борисом и Глебом, и со всеми детми, и з боляры своими третье б[о]гомол[и]е епископию постави в Турове в лето 6513. И придах к ней города с погосты в послушание и священие и благословение держати себе // Туровской епископии: Пинск, Новгород, Городен, Слоним, Берестей, Волковыеск, Здитов, Небле, Степан, Дубровица, Высочко, Случеск, Копыл, Ляхов, Городок, Смедянь. И поставих перваго епискупа Фому» [34, с. 271–272].

Даследчык Я.М. Шчапаў адзначаў, што згаданая статутная грамата наўрад ці была складзена ў XI ст.: «В грамоте среди источников обеспечения епископии на первое место поставлены «села» и «винограды», а десятины «от жита» на последнее, что... соответствует, очевидно, условиям XIV в.» Слова «третье б[о]гомол[и]е епископию постави» можна разумець так, што па сцвярджэнні складальніка граматы гэта епіскапія ўзнікла трэцяй па ліку [34, с. 258]. Дату заснавання епархіі і імя першага іерарха не трэба лічыць «фантастическими, вставленными

в XIV в.» [33, с. 42]. Гэтыя палажэнні маглi быць упісаны ў грамату на аснове мясцовай пісьмовай традыцыі. Беларускі гісторык Г.В. Штыхаў пагаджаецца з Я.М. Шчапавым і лічыць больш верагодным часам узнікнення Тураўскай епархіі дату 1005 г. [32, с. 24].

Прыведзеныя вышэй меркаванні разоходзяцца ў датаванні акрэсленай падзеі, але яны супадаюць у галоўным – Тураўская епархія з’явілася ў часы княжання ў Кіеве Уладзіміра.

Аднак шэраг даследчыкаў – С.В. Тарасаў, А.М. Рапов, звязваюць заснаванне епархіі не з Уладзімірам, а са Святаполкам і каталіцкім епіскапам Рэйнбернам. Як адзначалася, Святаполк быў прызначаны пасаднікам у Тураўскую зямлю. У 1013 г. ён узяў шлюб з дачкой польскага князя Баляслава Храбрага, разам з якой у Тураў прыбыў калабжэгскі епіскап Рэйнберн у якасці духоўніка князёўны. Рэйнберн, які змагаўся з язычніцтвам, мог стаць епіскапам у дрыгавіцкай зямлі. Такі варыянт да афіцыйнага падзелу цэркваў у 1054 г. мог быць цалкам дапушчальным [23, с. 367–369].

Епіскап пачаў рабіць захады па распаўсюджванні хрысціянства паводле лацінскай традыцыі і спробы стварэння тут каталіцкай епархіі [29, с. 46]. Менавіта Рэйнберн заснаваў епархію і стаў яе першым епіскапам. Уладзімір, даведаўшыся пра дзейнасць епіскапа, якой патураў Святаполк, выклікаў яго разам з жонкай і яе духоўнікам у Кіеў, дзе зняволіў у турму. Там Рэйнберн неўзабаве памёр.

Ёсць звесткі аб тым, што Тураў стаў цэнтрам епархіі пасля таго, як у 1088 г. тут пачаў княжыць праўнук Уладзіміра Святаполк Ізяславіч [35, р. 58]. Згодна з іншым меркаваннем, епіскапія магла ўзнікнуць у 1114 г. [14, с. 31]. Менавіта ў гэтым годзе тураўскім епіскапам становіцца Кірыла I [33, с. 208].

Праблема заснавання Тураўскай епархіі з’яўляецца дыскусійнай. Аднак на падставе згаданых вышэй дат і меркаванняў, трэба думаць, што епіскапія магла ўзнікнуць не пазней пачатку XI ст. У дапаўненне да акрэсленых пунктаў гледжання на праблему можна дадаць, што Тураў мог стаць епіскапскай рэзідэнцыяй менавіта ў гэты час таму, што з’яўляўся не толькі цэнтрам дрыгавіцкай зямлі, але і фарпостам княжацкай улады ў Старажытнай Русі, якая зацікаўлена была ў распаўсюджванні і зацвярджэнні хрысціянства.

Не менш складанай з’яўляецца задача вызначэння абшараў Тураўскай епархіі. Усяго ў канцы X – XIII ст. на тэрыторыі Старажытнай Русі ўтварылася каля 16 епіскапій [14, с. 297]. Большая частка епархій «обнимала сабою тэ области или тэ уделы, в стольных городах которых находились епископския кафедры» [4, с. 341].

Што тычыцца Тураўскай епархіі, то акрэсліць яе межы дае магчымасць «Пацярык» рэдакцыі І. Трызна. Гэты дакумент пералічвае 16 гарадоў, якія знаходзіліся ў духоўным падпарадкаванні тураўскага епіскапа: «Пінск, Новгород, Городен, Слоним, Берестей, Волковыеск, Здитов, Небле, Степан, Дубровица, Высочко, Случеск, Копыл, Ляхов, Городок, Смедянь» [34, с. 271–272]. Згодна з «Пацерыком», на момант узнікнення ў 1005 г. епархія ахоплівала некалькі суседніх рэгіёнаў: з паўднёвай Беларусі – Папрыпяцце, з паўднёвага захаду – частку Пабужжа і з заходніх зямель Беларусі – Верхняе Панямонне.

Сярод гарадоў Тураўскай зямлі П.Ф. Лысенка называе наступныя: Тураў (980), Давыд-Гарадок (1100), Дубровица, Сцяпань, Нобель, Пінск (1097), Берасце (1017, 1019), Слуцк (1116), Капыль (1274), Клецк (1127), Рагачоў (1142), Мазыр (1155), Чартарыйск на Стыры [10, с. 16–19, 32]. Як бачна, не па колькасным, не па якасным складзе спісы гарадоў не супадаюць. Пералічаныя ў «Пацерыку» гарады мелі розны ўзрост, і большасць з іх нават не упаміналася ў пачатку XI ст. (Наваградск (па ўскосных даных, 1117, 1119, 1228, 1235), Гародня (1127), Слонім (1252), Ваўкавыск (1252), Здзітаў (1252)). У сувязі з гэтым Г.В. Штыхаў прыходзіць да высновы: «У спісе гарадоў ёсць памылкі і недакладнасці. Мусіць, ён складаўся і дапаўняўся на працягу доўгага часу, а рэдагаваўся спіс нядбайна, без належнай увагі» [32, с. 25].

Згодна з меркаваннем П.Ф. Лысенкі, І. Трызна, аўтар згаданай рэдакцыі «Пацерыка», імкнуўся абгрунтаваць права праваслаўнай царквы на значную тэрыторыю, якую ахоплівала Тураўская епіскапія ў старажытнасці, ва ўмовах барацьбы з уніяцкай царквой. З гэтай мэтай у «Пацярык» была ўнесена статутная грамата епархіі са спісам гарадоў, узнікненне якіх адносіцца да больш позняга часу [11, с. 19].

А можа аўтар ці апошні складальнік «Пацерыка» пералікам гарадоў хацеў акрэсліць межы тэрыторыі, на якую распаўсюджвалася ўлада тураўскага епіскапа, гарады ж маглі ўзнікнуць і пазней? Для адказу на дадзенае пытанне варта прывесці разважанні вядомага знаўцы старажытнай гісторыі Беларусі Э.М. Загарульскага. Вучоны адзначае, што тэрыторыя Сярэдняй і Паўночнай Беларусі да IX–X стст. была заселена трыма групамі балцкіх плямён. Пачатак рассялення тут усходніх славян прасочваецца толькі з канца IX–X стст., што храналагічна супадае з прыняццем імі хрысціянства. «Процесс широкого расселения славян севернее Припяти по времени совпадает с образованием Туровской епархии. Выбор места новой епархии не был случайным. Туровская епархия стала оплотом христианизации

не только славянского, но, прежде всего, балтского населения Средней Белоруссии» [7, с. 37].

Задача зацвярджэння новай веры сярод неславянскага насельніцтва патрабавала ад улады дадатковых намаганняў і арганізацыі. Таму з размяшчэннем епіскапскай кафедры ў Тураве, яму надавалася роля рэлігійнага цэнтра.

Як вядома, у далейшым адбываецца паступовая славянiзацыя балцкага насельніцтва Беларусі. Яе тэрыторыя становіцца месцам рассялення дрыгавічоў, крывічоў і радзімічаў. Як лічыць Э.М. Загарульскі, менавіта «область дреговичей с её балтским населением стала той основной территорией, на которую распространялась церковная деятельность Туровской епархии» [7, с. 38].

Апошняя думка пацвярджаецца тым фактам, што рэгіён, акрэслены пералічанымі ў «Пацерыку» гарадамі, фактычна супадае з тэрыторыяй рассялення дрыгавічоў. У канцы X ст. племянное княжанне дрыгавічоў ператвараецца ў больш сталае дзяржаўнае ўтварэнне – Тураўскае княства, якое першапачаткова займала тэрыторыю ад Дняпра на усходзе да Заходняга Буга на захадзе, ад Прыпяцкага Правабярэжжа на поўдні, да вытокаў Лані і Случы на поўначы.

Аднак тэрыторыя Тураўскай епархіі не заставалася нязменнай. Межавыя змены епархіі былі звязаны з тэрытарыяльнымі зменамі Тураўскага княства. Так, у XI – XII ст. Тураўскае княства згубіла Сярэдняе Пабужжа, якое трапляе ў сферу інтарсаў кіеўскіх князёў, а з другой паловы XII ст. знаходзіцца ў складзе Уладзіміра-Валынскага княства. Згодна з паведамленнем Іпацьеўскага летапісу, Мазыр, які з’яўляўся часткай Тураўскай зямлі, у сярэдзіне XII ст. ужо знаходзіўся ў падпарадкаванні кіеўскіх князёў.

Тэрытарыяльныя змены Тураўскага княства, хутчэй за ўсё, вялі да межавых змен епархіі. У акрэслены перыяд Тураўская епархія губляе Берасцейскае Пабужжа, якое ўключана ў склад Уладзіміра-Валынскай епархіі, а таксама Мазыршчыну, якая трапляе ў юрысдыкцыю Белгародскага (Кіеўскага) епіскапа. У згаданы час Тураўская епіскапія ахоплівала тэрыторыю сярэдняга цячэння Прыпяці і яе паўночных прытокаў – Тураўскага княства і межавала з епархіямі Белгародскай (Кіеўскай), Уладзіміра-Валынскай, Полацкай і Чарнігаўскай; на паўночным ўсходзе – са смаленскай часткай Пераяслаўскай епархіі, якая выдзялілася ў 1136 г. у Смаленскую епархію. З заходняга боку яе абшары абмяжоўваліся дзяржаўнай мяжой Русі [14, с. 134; 33, с. 35, 43].

У другой палове XII – першай палове XIII ст. Тураўскае княства страціла тэрыторыі ў Панямонні, дзе ўзнікаюць княствы: Гарадзен-

скае, Наваградскае, Слонімскае, Ваўкавыскае, Свіслацкае. Адпаведна назіраюцца змены і ў межах Тураўскай епархіі, якія звужаюцца яшчэ больш: частка Панямоння ўвайшла ў склад Полацкай епіскапіі. Тэрыторыя епархіі практычна супала з межамі Тураўскага княства, якое ў другой палове XII ст. само распадаецца на асобныя ўдзелы з цэнтрамі Тураў, Пінск, Слуцк, Дубровіца, Клецк [14, с. 298; 30, с. 230–241].

Такім чынам, Тураўская епархія, якая ўзнікла ў пачатку XI ст., першапачаткова ахоплівала тэрыторыю рассялення дрыгавічоў і Тураўскага княства, а Тураў стаў цэнтрам хрысціянізацыі акрэсленага рэгіёна. У XI – першай палове XIII ст. межы Тураўскай епархіі мяняюцца. Гэты працэс, па-першае, быў звязаны з грамадска-палітычным развіццём Тураўскага княства і Старажытнай Русі, якое прывяло да памяншэння тэрыторыі княства, а потым і да вылучэння з яго асобных удзелаў. Па-другое, на азначаны працэс уплывала развіццё царкоўнай арганізацыі Старажытнай Русі, якое суправаджалася ўзнікненнем новых епархій і тэрытарыяльнымі змяненнямі епархіяльнай структуры.

Фарміраванне межаў Тураўскай епархіі расцягнулася на стагоддзі. Не менш працяглай па часе была хрысціянізацыя насельніцтва Тураўскай зямлі, якая доўжылася да сярэдзіны XIII ст.

Згаданы працэс меў шэраг асаблівасцяў. У першую чаргу гэта было звязана з этнічным развіццём краю. У рэгіёне меў месца працэс славянізацыі мясцовага балцкага насельніцтва. Названы працэс не прадугледжваў поўнага вынішчэння быту, традыцый, нораваў, веравызнання мясцовага насельніцтва. Можна казаць аб тым, што тут перапляліся славянскія і балцкія пачаткі. Гэта тычылася і веравызнанняў абедзвюх этнічных супольнасцяў. Новая вера сутыкнулася не толькі з язычніцтвам славянскім, але і з язычніцтвам балцкім, якое мела тут глыбокія карані. Нездарма так марудна паддаецца хрысціянізацыі Панямонне, дзе насельніцтва з’яўлялася поліэтнічным па сваім складзе і, наогул, межавала з балцкімі плямёнамі.

Новую веру параўнальна хутка прымалі толькі вышэйшыя слаі грамадства, галоўным чынам княскія дружыннікі і гараджане, тады як вясковы люд яшчэ стагоддзямі маліўся паганскім багам. Язычніцкія ўяўленні аказаліся настолькі трывалымі ў людскім менталітэце, што гэта прывяло да нараджэння новай формы рэлігійнай свядомасці – феномена «дваверства». У свядомасці людзей хрысціянскія ўяўленні доўгі час суіснавалі з язычніцкімі. Адбылося злучэнне дзвюх вер, двух светапоглядаў, дзвюх культур. Абедзве рэлігійныя сістэмы адлюстроўвалі розныя бакі быцця. Язычніцтва суадносіла чалавека з прыродай, вызначала яго месца

ў навакольным асяроддзі. Хрысціянства адлюстроўвала сацыяльную сутнасць чалавека і грамадства, месца чалавека сярод людзей. Сферы ўплыву гэтых сістэм не супадалі, але яны перасякаліся.

Улічваючы згаданыя акалічнасці, свецкай уладзе, намаганнямі якой новая вера распаўсюджвалася, для яе зацвярджэння патрэбна было стварыць моцную царкоўную арганізацыю. Такая арганізацыя паступова ствараецца, і яе састаўнымі часткамі з'яўляліся: Кіеўская мітраполія, епархіі, прыходы. Яшчэ адной важнай адзінкай праваслаўнай царквы становяцца манастыры. Для пашырэння ўплыву на насельніцтва патрэбны былі людзі, жыццё якіх служыла б узорам хрысціянскага жыцця, хрысціянскай маралі. Падобная роля адводзілася менавіта манаству.

Да пранікнення ў межы Старажытнай Русі манаства прайшло доўгі ў некалькі стагоддзяў шлях станаўлення і развіцця. Радзімай хрысціянскага манаства лічыцца Егіпет. Там ў III ст. прападобны Антоній Вялікі (251–356) вызначыўся подзвігам посту і малітвы ў пустэльнай адзіноце. З Егіпта манаства пранікла ў Палесціну, дзе ў пачатку IV ст. каля Газы была заснавана першая манаская абшчына. Пазней яно распаўсюджваецца ў межах Рымскай, а потым і Візантыйскай імперый. У паслявізантыйскі перыяд цэнтрам праваслаўнага манаскага жыцця становіцца гара Афон [16, с. 9–10].

На працягу стагоддзяў хрысціянскімі дзеячамі распрацоўваліся правілы падзвіжніцтва, размешчаныя і абгрунтаваныя ў статутах і аскетичнай літаратуры, былі выпрабаваны розныя формы ўладкавання манаскага жыцця. Такім чынам, у Старажытнай Русі манаства з'явілася ў сталым выглядзе. «Новопросвешчэнным восточнославянским христианам предстояло усвоить всю полноту и цельность аскетической традиции и вместе с тем выбрать из неё то, что наиболее соответствовало национальным условиям, создать собственный аскетический идеал» [16, с. 10].

У «Аповесці мінулых гадоў» упершыню ўпамінаецца аб будаўніцтве манастыра ў гонар святога Георгія князем Яраславам Мудрым пад 1037 г. ізначаецца, што абіцелі, наогул, пачалі засноўвацца толькі пры згаданым князі: «...Черноризьци почаша множитися, и монастыреве починаху быти...» [19, с. 66]. Аднак ёсць меркаванне, што манастыры маглі ўзнікнуць у часы Уладзіміра (980–1015) [5, с. 557; 8, с. 224; 14, с. 101].

Згодна з меркаваннем Я.Е. Галубінскага, сярод старажытных абіцеляў выдзяляліся манастыры «собственные» ці «настоящие», а таксама на «несобственные» ці «ненастоящие»: «Действительное различие между монастырями настоящими и ненастоящими состояло в том, что первые стояли на своей земле, имели свои церкви и представляли из себя не-

что самостоятельное и прочное, а последние стояли на чужой земле, при чужих церквях и представляли из себя нечто весьма непрочное и эфемерное, способное сколько быстро возникать, столько же быстро и исчезать...» [5, с. 564]. Першапачаткова ўзніклі, так званыя, «несобственныя» манастыры. Манахі сяліліся каля цэркваў, дзе будавалі келлі для жыцця, «пребывали в строгой аскезе, собирались вместе на богослужение, но не имели ещё монашеского устава, строгого пострижения, не давали иноческих обетов» [16, с. 11]. Манахі, «привитавшие около приходских церквей», засяляюць «гарадскія» абіцелі, заснаваныя свецкімі асобамі [5, с. 554–555; 8, с. 224–225].

Што тычыцца тэрыторыі Беларусі, то з'яўленне тут першага манастыра звязваюць з імем княгіні Рагнеды (?–1000), жонкі князя Уладзіміра Хрысціцеля. Яна, пастрыгшыся ў манахіні пад імем Анастасіі, заснавала манастыр у Заслаўі.

Са старажытнасці вядуць сваю гісторыю манастыры Тураўскай епархіі. Так як Тураў стаў цэнтрам епархіі, то, у першую чаргу, гаворка пойдзе пра тураўскія абіцелі: Барыса-Глебскую мужчынскую і Варварынскую жаночую.

Дакладныя звесткі аб часе заснавання Барыса-Глебскай абіцелі не выяўлены. Упершыню манастыр упамінаецца ў XII ст. Так, «Слова пра манаха Марціна», якое датуецца першай паловай XII ст., паведамляе: «Адзін старац імем Марцін, які быў раней кухарам у епіскапаў тураўскіх Сімяона, Ігнація і Іаакіма і якога епіскап Георгій вызваліў ад службы дзеля яго старасці, стаў манахам і жыў адзін у епіскапавым манастыры Святых пакутнікаў на Балоні». Старцу ў час хваробы з'явіліся «святые пакутнікі Барыс і Глеб, абліччам падобныя да тых, што намалеваны на абразе...» [9, с. 295; 26, с. 54]. «Слова» гаворыць аб існаванні ў Тураве мужчынскага епіскапскага манастыра Святых пакутнікаў Барыса і Глеба.

Старац называе імёны чатырох тураўскіх епіскапаў: Сімяона, Ігнація, Іаакіма і Георгія. Гэта дазваляе меркаваць, што Барыса-Глебская абіцель узнікла задоўга да таго, калі было напісана «Слова». Вядома, што епіскап Ігнацій узначаліў Тураўскую кафедру ў 1137 г., а епіскап Іаакім займаў гэту пасаду ў 1144–1146 г. Георгій, хутчэй за ўсё, з'яўляўся пераемнікам Іаакіма, а Сімяон кіраваў кафедрай да 1137 г. [9, с. XLIX–LIV; 16, с. 34; 28, с. 1045]. Становіцца зразумелым, што манастыр узнік не пазней першай паловы XII ст. (аднак не раней 1072 г., бо менавіта ў гэтым годзе адбылася кананізацыя Барыса і Глеба).

Прыкладна ў тых ж часы ў Тураве з'яўляецца праваслаўная жаночая абіцель. Заснаванне яе звязваюць з імем грачанкі Варвары-Ірыны, дачкі

візантыйскага імператара Аляксея I Камніна (1081–1118) і жонкі Святаполка Ізяславіча. Апошні з 1087 г. займаў тураўскі княжацкі прастол, а ў 1093 г. становіцца вялікім князем кіеўскім. Варвара пераехала ў Тураў толькі пасля смерці мужа ў 1113 г. Верагодна, Тураў быў выдзелены ёй для пражывання да канца жыцця (28 лютага 1124 г.) [9, с. VIII; 13, с. 98, 99, 100–101]. Як хрысціянка, Варвара магла заснаваць манастыр у гонар сваёй нябеснай апякункі. Пасля смерці мужа яна разам з дзецьмі жыла ў гэтым манастыры [9, с. VIII, XLVII; 10, с. 192].

Абедзве тураўскія абіцелі не абышлі бокам падзеі XIII ст. Яны былі разбураны татарамі і больш сваёй дзейнасці не ўзнаўлялі [16, с. 35; 17, с. 161].

Значным горадам Тураўскай зямлі з'яўляўся г. Пінск. Тут узнік адзін з самых вядомых манастыроў у епархіі, і, наогул, у Беларусі, – Лешчанскі (ці Лешчынскі. – А.Д.) Успенскі манастыр. З-за адсутнасці дакладных гістарычных дадзеных вельмі цяжка вызначыць час узнікнення абіцелі. Але існуе некалькі версій па гэтаму пытанню. Адна з іх абапіраецца на мясцовую легенду аб хрысціянізацыі пінскага Палесся і апавядае, што ў Пінск з Кіева па Прыпяці прыплылі каменныя крыжы і спыніліся насупраць прадмесця Лешча, дзе і быў заснаваны знакаміты манастыр [11, с. 158].

Другая версія, прыпісвае заснаванне Лешчанскага манастыра вялікаму кіеўскаму князю Уладзіміру. Пацвярджаючы дадзенае меркаванне, архімандрыт Мікалай спасылаецца на ліст пінскага уніяцкага епіскапа Гедыёна Гарбацкага да князя Радзівіла 1779 г. [17, с. 135–136].

У лісце Г. Гарбацкага гаварылася, што Уладзімір пасля прыняцця хрысціянства быў у землях яцвягаў, якія жылі непдалёку ад Прыпрыпяцкага Палесся. Яцвягаў і суседніх з імі дрыгавічоў князь звярнуў у хрысціянства. У Пінску Уладзімір заснаваў Лешчанскі манастыр. Далей Г. Гарбацкі спасылаецца на М. Стрыйкоўскага, які пісаў аб тым, што Уладзімір запісаў на заснаваны ім манастыр вёску Вільча [15, с. 9].

Гэты ліст Гедыёна Гарбацкага, па звестках архімандрыта Мікалая, захоўваўся ў Нясвіжскім замкавым архіве. У пачатку XX ст. А. Мілавідаў спрабаваў знайсці ліст. Але ў архіве ў Нясвіжы яго не аказалася. У цяперашні час месцазнаходжанне гэтага ліста невядома.

Наступная версія аб узнікненні Лешчанскага манастыра звязана з імем Міндоўга [1, с. 318]. Адзін з невялікіх курганаў, паміж якімі размяшчалася Лешчанская царква, называўся Міндоўгавым. Па зместу народнага падання, у гэтым кургане пахаваны вялікі князь Міндоўг. Вядома, што даказаць гэта нельга, бо Міндоўг быў забіты сваякамі ў прыдзвінскіх мясцовасцях. Да таго ж згодна з археалагічнымі данымі 1955 г., згаданы курган датуецца канцом X – пачаткам XI ст. і там быў

пахаваны невядомы мясцовы славянскі князь або кіраўнік княскай дружны [11, с. 102]. Але тут важна імя Міндоўга ў сувязі з месцазнаходжаннем праваслаўнага храма. Напэўна, што царква не Міндоўгам была пабудавана, але можа быць пад яго апякунствам ці ў сувязі з яго імем нешта карыснае для царквы кім-небудзь з яго роду было зроблена.

У тым жа годзе, калі быў забіты Міндоўг – 1263 г., робіцца першае ўпамінанне аб Лешчанскім манастыры. Летапіс паведамляе, што ў гэтай абіцелі ад праследванняў забойцаў схаваўся сын Міндоўга – Войшалк. У трактоўцы згаданай падзеі даследчыкі спасылаюцца на Іпацьеўскі летапіс і Хроніку Быхаўца [15, с. 8]. Дадзенае сцвярджанне не зусім правільнае, бо Іпацьеўскі летапіс паведамляе, што пасля забойства Міндоўга Войшалк «бежа до Пиньска и тоу живяше» [20, с. 860]. У Хроніцы Быхаўца, наогул, не згадваецца пра тое, што Войшалк хаваўся ад забойцаў у Пінску [22, с. 133]. А вось у Хроніцы Літоўскай і Жмойтскай адзначаецца, што «Войселк... утекл до Пинска и там в монастыре мешкал», а потым «великими прозбами от подданных будучи змякчоным, выехал з монастыря Пинского до Новогородка...» [22, с. 28, 29].

Згодна з летапісным паведамленнем, можна сцвярджаць, што звесткі аб знаходжанні Войшалка ў пінскім манастыры праўдзівыя. Адсюль можна дапусціць, што Войшалк, які потым стаў і вялікім князем, не адну добрую справу зрабіў для месца свайго былога сховішча. Паданне ж пра ўсё гэта, зробленае ў міндоўгавым родзе, аднесла да самога Міндоўга.

У XIX ст. было запісана яшчэ адно паданне аб з'яўленні Лешчанскай царквы і манастыра, якое тлумачыць і іх назву. Яно паведамляе аб наступным: «У той час, калі на берагах Піны не было яшчэ і пачаткаў правільнага грамадскага жыцця і ва ўсёй навакольнай прасторы ўшаноўваліся ідалы, прыйшлі з Кіева два інакі і пасяліліся на месцы..., якое пакрыта было зараснікамі і лесам» [1, с. 318].

Манахі пачалі прапаведаваць хрысціянства і прыкладам свайго жыцця схілілі многіх з мясцовых жыхароў да хрышчэння. Калі па суседству з манаскімі келлямі ўтварылася даволі вялікае пасяленне з новых хрысціян, інакі пачалі будаваць царкву ў гонар нараджэння Прасвятой Багародзіцы. Такім чынам узнік невялікі манастыр, колькасць інакаў якога павялічвалася з ліку мясцовых жыхароў.

Адным з заняткаў манахаў было рыбалоўства. Таму, вагаючыся, як назваць манастыр, яны вырашылі лавіць рыбу ў Піне і, якая з рыб пападзецца першай, так і назваць манастыр. Папаўся лешч – і манастыр назвалі Лешчанскім. Але, тлумачачы так назву абіцелі, паданне паказвае, верагодна, на сапраўднае мноства рыбы ў гэтым месцы. Слова

«лешча» магло паходзіць ад слова «лес», які ў старажытнасці пакрываў гэту мясцовасць, ці ад мянушкі аднаго з манахаў, які заснаваў манастыр [15, с. 12–13].

Зразумела, што паданне аб заснаванні Лешчанскага манастыра не пазбаўлена фальклорных рысаў. Але паведамленне ў ім аб місіянерскай дзейнасці манахаў, а пазней і браціі Лешчанскага манастыра, можа быць цалкам верагодным.

Падсумоўваючы сказанае пра Лешчанскі манастыр можна адзначыць наступнае: калі прыняць версію аб тым, што Тураўская епархія ўзнікла ў гады праўлення князя Уладзіміра (980–1015), то няма нічога дзівоснага ў тым, што манастыр, дзякуючы клопатам князя ці кіеўскіх манахаў, мог узнікнуць у гэты час.

Пра пінскі Варварынскі жаночы манастыр паведамляецца наступнае: «Вуснае народнае паданне адносіць час з’яўлення жаночага манастыра ў Пінску да глыбокай старажытнасці – да часоў хрышчэння Русі і звязвае яго з імем мясцовай князеўны Варвары, якая назвала заснаваную ёю абіцель у гонар сваёй нябеснай апякункі. Але ніякіх гістарычных звестак, што пацвярджаюць гэту легенду, не захавалася» [16, с. 71].

Існаванне ў Пінску і Тураве дзвюх жаночых абіцеляў з аднолькавымі назвамі (у гонар святой Варвары) наводзіць на думку, што доля ісціны ў паданні існуе. Азначаныя гарады да XII ст. з’яўляліся часткамі аднаго княства. Згаданая ў паданні князеўна магла быць той жа княгіняй Варварай, што заснавала жаночую абіцель у Тураве. Заснавальнікам пінскага манастыра мог быць і хтосьці з яе нашчадкаў.

Звесткі пра Варварынскую абіцель у Пінску адносяцца да XVI ст., калі ў 1520 г. пінскі князь Фёдар Іванавіч Яраславіч разам са сваёй жонкай Аленай Алелькай запісалі Варварынскаму манастыру дворышча Піскалоўшчына ў вёсцы Асавовічы [24, с. 75].

У старажытнасці бярэ свой пачатак слуцкая Свята-Троіцкая абіцель. Яна размяшчалася непадалёк ад Слуцка на правым беразе р. Случ. Побач праходзіў шлях на Вільна. Вакол яе пачалі сяліцца людзі, утварылася прадмесце – Трайчаны. Адрэзак шляху да горада стаў называцца вуліцай Трайчанскай [31, с. 26]. Манастыр па назве прадмесця таксама стаў называцца Трайчанскім.

Аўтарам кнігі пра Слуцк Ф. Серна-Салаўёвічам прыводзяцца звесткі пра тое, што ў 1205 г., пад час «вайны з палякамі», сярод іншых святыняў, быў апрабаваны і Свята-Троіцкі манастыр. Манастыр мог існаваць ужо ў XII або нават у XI ст. [27, с. 10]. Аднак дакументальных пацвярджэнняў гэтаму факту аўтар не прыводзіць.

Дакладныя звесткі аб манастыры з'яўляюцца ў XV ст., калі ў 1455 г. слуцкі князь Міхаіл Аляксандравіч дазваляе баярыну Васілю Цару «купіти дворец Ивашка Гридковича на Локнеи, и, купив тот дворец, придати Святей Троицы у Слуцку» [2, с. 70]. З цягам часу Трайчанская абіцель становіцца адным з галоўных цэнтраў духоўнага жыцця краю.

Такім чынам узнікаюць праваслаўныя манастыры ў межах Тураўскай епархіі. З прыведзеных даных бачна, што пачатак іх дзейнасці прыпадае на канец XI–XII ст. (толькі з'яўленне Лешчанскага манастыра адносяць да пачатку XI ст.). Агульная колькасць, улічваючы межы епархіі, невялікая: 5 абіцеляў, з іх – 3 мужчынскіх і 2 жаночых. Азначаныя факты падкрэсліваюць складанасць працэсу хрысціянізацыі насельніцтва Тураўскай зямлі і гавораць пра тое, што для зацвярджэння такой сталай формы хрысціянскага жыцця, як манаства, патрэбен быў час.

Даныя са старажытнай гісторыі манастыроў вылучаюць шэраг заканамерсцяў іх з'яўлення. Па-першае, абіцелі ўзніклі ў гарадах (Тураў, Пінск, Слуцк) ці недалёка ад іх. Па-другое, ініцыятарамі іх узвядзення былі, як правіла, вялікія ці мясцовыя князі або набліжаныя да іх асобы. Заснавальнікамі абіцеляў маглі быць і манахі (паданне аб кіеўскіх манахах, намаганнямі якіх быў створаны Лешчанскі манастыр). Вызначаныя асаблівасці не рабілі іх выключэннем сярод іншых старажытных манастыроў. Большасць з духоўных устаноў размяшчалася ў гарадах ці каля іх. З 68 вядомых на Русі манастыроў (па іншых звестках іх было каля 300) дзве трэці былі пабудаваны князямі ці прыватнымі асобамі. Фактычна, толькі Кіева-Пячэрскі манастыр быў у поўным сэнсе «монастырём монашеского строения, воздвигнутым без всяких предварительных денежных средств одним трудом и подвигами братии» [8, с. 225].

Такім чынам, у XI – першай палове XIII ст. фарміраванне межаў і структуры Тураўскай епархіі вызначалася грамадска-палітычнымі працэсамі ў рэгіёне і Старажытнай Русі. Яно адбывалася ў рэчышчы развіцця царкоўнай арганізацыі дзяржавы. Згаданыя працэсы, а таксама асаблівасці хрысціянізацыі мясцовага насельніцтва, стымулявалі ўзнікненне праваслаўных манастыроў. Заснаванне епархіі і манастыроў адбывалася па ініцыятыве і пры падтрымцы свецкай улады, што, у сваю чаргу, мела значны ўплыў на прававы статус, паўнамоцтвы і маёмаснае становішча як згаданых адзінак, так і, наогул, царквы.

Спис літаратуры

1. Акоронко, И. Летопись Пинского уезда и благочиния Успенской приходской церкви / И. Акоронко // Минские епархиальные ведомости. – 1874. – № 10. – С. 317–326.
2. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологическою комиссией: в 5 т. – Санкт-Петербург: Тип. II отд. Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846–1853. – Т. 1: 1340–1506. – 1846. – 419 с.
3. Брайчевский, М.Ю. Утверждение христианства на Руси / М.Ю. Брайчевский. – Киев: Наукова думка, 1989. – 296 с.
4. Голубинский, Е.Е. История русской церкви: в 2 т., 4 полутомах / Е.Е. Голубинский. – Москва: Крутицкое патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 2002. – Кн. 1. – Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. – Ч. 1. – 2002. – 968 с.
5. Голубинский, Е.Е. История русской церкви: в 2 т., 4 полутомах / Е.Е. Голубинский. – Москва: Крутицкое патриаршее подворье: Общество любителей церковной истории, 2002. – Кн. 2. – Т. 1: Период первый, Киевский или домонгольский. – Ч. 2. – 2002. – 946 с.
6. Живописная Россия: Отечество наше в его земельном, историческом, племенном, экономическом и бытовом значении: Литовское и Белорусское Полесье: Репр. воспроизведение изд. 1882 г. – Минск: БелЭн, 1993. – 550 с.; ил.
7. Загорульский, Э.М. Из ранней истории Туровской епархии / Э.М. Загорульский // Вестник Белорусск. Экзархата: альманах. Тысячелетие Туровской епархии: материалы XI Минск. епарх. Чтений, 24 июня 2005 г. / под. ред. А.А. Петрашкевича. – Минск: Бел. Экзархат, 2005. – Т. 4. – С. 35–39.
8. Карташёв, А.В. Очерки по истории русской церкви: в 2 т. / А.В. Карташёв. – Репр. воспр. – Москва: Наука, 1991. – Т. 1. – 690 с.
9. Кирилл Туровский. Творения святого отца нашего Кирилла епископа Туровского / изд. Евгения епископа Минского и Туровского. – Киев: Тип. Киево-Печерской Лавры, 1880. – СП, 296 с.
10. Лысенко, П.Ф. Города Туровской земли / П.Ф. Лысенко. – Минск: Наука и техника, 1974. – 199 с.: ил.
11. Лысенко, П.Ф. Древний Пинск XI–XIII вв. / П.Ф. Лысенко. – Пинск: Пин. регион. тип., 2007. – 172 с.: ил.
12. Лысенко, П.Ф. К вопросу об учреждении Туровской епархии / П.Ф. Лысенко // Вестник Белорусск. Экзархата: альманах. Тысячелетие Туровской епархии: материалы XI Минск. епарх. Чтений, 24 июня 2005 г. / под. ред. А.А. Петрашкевича. – Минск: Бел. Экзархат, 2005. – Т. 4. – С. 17–23.
13. Лысенко, П.Ф. Сказание о Турове / П.Ф. Лысенко. – Минск: Белорус. наука, 2007. – 118 с.
14. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской церкви: в 12 т. / Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. – Москва: Изд. Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994–1996. – Кн. 2:

История Русской Церкви в период совершенной зависимости её от Константинопольского патриарха (988–1240). – Т. 1–3. – 1995. – 704 с.

15. Мосейчук, В. История Пинского Свято-Успенского Лещинского монастыря / В. Мосейчук. – Сергиев Посад, 2002. – 111 с.

16. Наши духовные ценности: в 12 вып. / редкол.: Л.Ф. Анцух (гл. ред.) [и др.] – Минск: Четыре четверти, 1995–2003. – Вып. 5: Православные монастыри Беларуси / сост.: С.Э. Сомов [и др.]. – 2003. – 200 с.

17. Николай, архим. Историко-статистическое описание Минской Епархии / архим. Николай. – Санкт-Петербург: Журн. «Странник», 1864. – 315 с.

18. Никольский, Н.М. История русской церкви / Н.М. Никольский. – Минск: Беларусь, 1990. – 541 с.: ил.

19. Повесть временных лет / Подгот. текста, пер., статьи и коммент. Д.С. Лихачева. Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. – Санкт-Петербург: Наука, 1996. – 668 с.

20. Полное собрание русских летописей. – Т. 2: Ипатьевская летопись / Воспр. текста т. II с изд. 1908 г. – Москва: Наука, 1962. – XVI, 938, 87, IV с.

21. Полное собрание русских летописей. – Т. 9–10: Патриаршая или Никоновская летопись / Воспр. текста т. IX с изд. 1862 г., т. X с изд. 1885 г. – Москва: Наука, 1965. – XI, 256, 244 с.

22. Полное собрание русских летописей. – Т. 32: Хроники: Литовская и Жмойтская, и Быховца; летописи: Баркулабовская, Аверки и Панцырного / Отв. ред. акад. Б.А. Рыбаков, сост. и ред. тома д.и.н. Н.Н. Улащик. – Москва: Наука, 1975. – 235 с.

23. Рапов, О.М. Русская церковь в XI – первой трети XII в. Принятие христианства / О.М. Рапов. – Москва: Высшая школа, 1988. – 416 с.

24. Ревизия пущ и переходов звериных в бывшем Великом княжестве Литовском с присовокуплением грамот и привилегий на входы в пущи и на земли, составленная старостою Мстибоговским Григорием Богдановичем Воловичем в 1559 году. – Вильна: Изд. Вилен. Археогр. комис., 1867. – 381 с.

25. Сагановіч, Г. Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. / Г. Сагановіч. – Мінск: Энцыклапедыкс, 2001. – 412 с.

26. Сведкі беларускай мінуўшчыны (зборнік дакументаў і матэрыялаў па гісторыі Беларусі VI–XV стст.) / Пад рэд. праф. Г.В. Штыхава. – Мінск: Аддрук. Адз. Аператыўнай паліграфіі ІРС «ISK», 1996. – 168 с.

27. Серно-Соловьевич, Ф.Ф. Древне-русский город Слуцк и его святыни / Ф.Ф. Серно-Соловьевич. – Вильна: Тип. А.Г. Сыркина, 1896. – 38 с.

28. Списки иерархов и настоятелей монастырей Российской Церкви / Сост. П. Строев. – Санкт-Петербург: тип. В.С. Балашева, 1877. – X, 1056, 68 с.

29. Тарасаў, С. Хрышчэнне Полацкай зямлі / С. Тарасаў // Спадчына. – 1990. – № 3. – С. 44–46.

30. Флоря, Б.Н. Епархиальное управление и епископат Русской Церкви. X–XVII вв. / Б.Н. Флоря, Я.Н. Щапов // Православная энциклопедия. Русская Православная Церковь / Под общ. ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия

П. – Москва: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2000. – С. 230–241.

31. Ціткоўскі, І. Слуцкі Свята-Троіцкі манастыр / І. Ціткоўскі // Праваслаўе. – 1999. – № 8. – С. 26–37.

32. Штыхаў, Г.В. Рэлігійнае жыццё Турава ў перыяд канца X–XII ст. (ад язычніцкага да хрысціянскага цэнтра) / Г.В. Штыхаў // Вестник Белорусск. Экзархата: альманах. Тысячелетие Туровской епархии: материалы XI Минск. епарх. Чтений, 24 июня 2005 г. / под. ред. А.А. Пётрашкевича. – Минск: Бел. Экзархат, 2005. – Т. 4. – С. 23–26.

33. Шапов, Я.Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. / Я.Н. Шапов. – Москва: Наука, 1989. – 232 с.

34. Шапов, Я.Н. Туровские уставы XIV в. о десятине / Я.Н. Шапов // Археографический ежегодник за 1964 г. Под ред. М.Н. Тихомирова. – Москва: Наука, 1965. – С. 252–273.

35. Blazejowskyj, D. Hierarchy of the Kyivan Church (861–1990) / D. Blazejowskyj. – Rome: edit. Univ. Cath. Ucrainorum S. Clementis Papae, 1990. – V. 72. – 539 p.

КЫПЧАКИ И ВИЗАНТИЯ (КОНЕЦ XI – НАЧАЛО XIII в.)

Одним из наиболее актуальных вопросов истории кыпчаков и куманов является их участие в балканской политике. Данный вопрос традиционно рассматривается в контексте румынской, болгарской и византийской истории. Войны и отношения кыпчаков с Византией исследованы в работах Ф. Успенского, Д. Расовского, П. Диакону, П. Павлова, И. Вашари, И. Князького, Т. Епимаховой [1; 2; 3; 4; 5; 6; 7; 8; 9; 10]. Задачей данной работы будет выяснить этническое происхождение династии Асений и проанализировать роль кыпчакского фактора в внешней политике Византийской империи в XI–XIII вв.

В 1078 г., по сведениям Георгия Скилицы / Кедрина, Михаила Глики и Михаила Агталиота, Никифор Васиlaki нанял куманов и печенегов чтобы захватить престол [11, с. 34; 12, р. 116; 13, р. 69; 14, р. 93; 15, р. 636; 3, р. 110–111; 16, с. 192–194, 338–340; 17, с. 122]. В 1088 г. кыпчаки были союзниками Татуша, который воевал против центрального правительства [11, с. 35; 18, с. 169–175; 19, с. 518; 4, р. 37; 20, р. 301; 15, р. 638]. Привлекали кыпчакских наемников к своим кампаниям и печенеги. Причиной конфликта печенегов с кыпчаками было то, что печенеги не поделились с ними добычей. В битве около Узолимны кыпчаки победили печенегов [21, книга 7, параграфы 1–5].

Объединение кыпчаков, во главе которого был Боняк, принимало активное участие в балканской политике. Впервые Боняк упоминался во время событий 1091 г. Тогда он вместе с Тогортаком (Тугорканом, Тогри-Тарханом) откликнулся на предложение императора Алексея Комнина о союзе и вместе с византийцами одержал победу над печенегами под Левунионом [11, с. 35, 244–245; 22, р. 681; 18, с. 214–227; 19, с. 519; 23, с. 98; 24, р. 649; 20, р. 301; 12, р. 121; 14, р. 94; 15, р. 640; 3, р. 133; 25, р. 25].

Но отношения между кыпчаками и византийцами с самого начала были напряженными. Анна Комнина приписывала кыпчакам жадность и гордыню [21, книга 8, параграф 4–5]. Со своей стороны, кыпчаки небезосновательно боялись, что византийцы используют их против печенегов, а потом нападут на них. Нерешительность императора раздражала кыпчаков и они предъявили императору ультиматум, сказав что им все-равно чье мясо есть – волков или агнцев [21, книга 8, параграф 5]. Сразу же после победы над печенегами кыпчаки отступили к Дунаю.

Анна Комнина указывала, что инициатива перебить печенегов принадлежала не императору а Синесию, что император хотел наградить кыпчаков и пощадить печенегов [21, книга 8, параграф 6]. Но кыпчаки, вероятно, недаром боялись ромеев. К тому же они дали византийцам заложников, дабы те поверили, что они не будут опустошать села и города, возвращаясь в степи [21, книга 8, параграф 6]. Ощущая слабость ромеев, кыпчаки поддержали бунт псевдо-Романа Диогена. По явно преувеличенным данным византийских источников, в битве вблизи от Таврокомиса в 1095 г. погибло 70 тысяч кыпчаков [21, книга 10, параграфы 2–4; 12, р. 121; 22, р. 682; 11, с. 35–36; 26, с. 49–50; 4, р. 47–50, 58].

Граница кыпчаков с Византийской империей проходила по Дунаю. Вблизи от Куманского брода находился город Видин [22, р. 682; 4, р. 59; 27, с. 159]. О существовании кыпчакских вожеств в регионе известно мало. В славянских летописях упоминаются дунайские половцы. Против них в 1116 г. должен был осуществить свой поход Владимир Мономах [28, с. 284; 4, р. 59–60]. В 1114 г. дунайские половцы напали на Видин [22, р. 682; 4, р. 59]. Дунайская граница была беспокойной. В 1122–1123 гг. произошла миграция берендеев и печенегов из Руси в Венгрию. Эта миграция затронула и византийские земли [28, с. 286; 29; 30, с. 98–112; 8, с. 24].

Кочевники, напавшие на Византию в 1122 г., были не кыпчаками, а печенегами [30, с. 101–112; 22, р. 682; 19, с. 519; 14, р. 91, 99; 15, р. 641]. Но Михаил Сирийский назвал их команам, и по его данным их победил «цар Иванэ» (Иоанн Комнин) [29; 4, р. 62–71]. Действительно, в византийских источниках указано, что против императора выступили кочевники [31, с. 209–210]. Иоанн Киннам и Феодор Скутариот сообщали, что врагами были некие «скифы» [31, с. 209–210; 32, с. 222]. В скандинавских сагах указано, что врагами были язычники, а битва произошла на поле «Печинавэлира» [33, с. 83–85]. По нашему мнению, битву скандинавов с язычниками можно сопоставить с событиями не 1122, а 1091 г. «Скифы» же византийских источников – это общий этноним для обозначения кочевников. В Византию в 1122 г. должно было вторгнуться многоплеменное войско кочевников, которых возглавляли байандуры. Возглавлял это войско вождь Татар, который после поражения от ромеев нашел пристанище в Венгрии [34, с. 336; 8, с. 24].

Но миграция байандуров не подорвала власти кыпчаков. В середине XII в. славянские источники упоминали о присутствии в регионе кыпчакского вождя Башкорда. Но он не был достаточно сильным чтобы принудить Ивана Берладника отдать для разграбления Понизье [26, с. 103–

105; 28, с. 497–502]. Походы кыпчаков против Византийской Империи в 1148 и 1160 гг. имели характер локальных набегов [30, с. 117–121; 22, р. 682]. В 1148 г. кыпчаки напали на Дристру, пользуясь тем, что император воевал против франков и островитян (сицилийских норманов) [30, с. 117–118; 31, с. 226; 32, с. 226–227].

Мануил Комнин естественно захотел наказать кыпчаков и отправил на север войско. По сведениям А. Большакова-Гимпу, события происходили в регионе между Серетом и Бырладом, а П. Нэстурель считал что они происходили в Олтении [30, с. 118]. Ромеи совершили неожиданный набег и вблизи от Тенуормона захватили в плен кыпчакского вождя Лазаря [4, р. 7889; 14, р. 95; 31, с. 227]. Тенуормон находился на север от Дуная, на границе Дешт-и-Кыпчак. Молниеносная реакция ромеев застала кочевников врасплох.

Участие кыпчаков в византийско-венгерской войне датируется поразному. М. Бибииков считает, что события произошли весной 1152 г. Д. Расовский предполагал, что они произошли в 1154 г. Ф. Шаландон вообще относил их к 1155 г. [30, с. 120]. Самостоятельный набег кыпчаков на византийское приграничье произошел в 1160 г., когда император был занят войной против турок. Мануил Комнин прекратил войну с турками и двинулся на север. Услышавшие об этом кыпчаки отступили в степи [30, с. 121; 31, с. 247]. В то же время невраждебная ромеям часть кыпчаков осела в Болгарии и Македонии. Это произошло по воле византийского императора [22, р. 682].

Проблема происхождения Асеней долгое время была политизирована. Румынские ученые хотели подчеркнуть, что Второе Болгарское царство основали румыны, а значит и играли в нем ведущую роль [35, с. 431, прим. 9]. Теоретическим базисом для подобных утверждений были сведения Никиты Хониата, папы римского и восточных источников [36; 37, с. 38; 14, р. 29–59]. Нужно сказать, что участники крестовых походов называли Второе Болгарское царство землей влахов и болгар [38, глава CVI, CXII, CXVI; 39, глава 333, 350, 352, 354, 386, 387, 389, 404, 412, 424, 459, 472].

При этом необходимо сделать несколько поправок относительно этнонима «влах» и самого его употребления. «Великую Влахию» Вильгельма Рубрука нельзя отождествить с княжеством Валахия, также как *Влахια μεγαλη* та *Влахια μικρα* [7, р. 30–31]. Вениамин Тудельский сообщал, что влахи были пастухами, бунтовщиками и хорошими воинами [40]. М. Дьёни считал, что этноним влах обозначал полиэтническое население Балкан, которое нельзя было отнести к ромеям и славянам [35,

с. 433]. Первое упоминание о «кнезатах» владов фиксируется а «Деяниях венгров» венгерского Анонима [41, chapter 24; 12, p. 60, 73, 92].

В источниках упоминалось о двух братьях – Петре и Асене. Они возглавили восстание против Империи. О их происхождении Никита Хониат сообщал, что они влады [36; 32, с. 243–246]. На этом основании румынские ученые считают их влады. Эта точка зрения получила распространение еще со времен Н. Йорги. Позже ее поддержал П. Нэстурель [35, с. 430, прим. 9].

Если обратить внимание на сведения Робера де Клари и Жоффруа де Виллардуэна, то становится ясным, что, упоминая о Валахии и Иоаннису Влашском, эти хронисты сообщали о Втором Болгарском царстве и его правителе [38, глава CVI, CXII, CXVI; 39, глава 333, 350, 352, 354, 386, 387, 389, 404, 412, 424, 459, 472]. О сотрудничестве куманов и владов сообщала Анна Комнина [21, книга 10, параграф 2]. Рашид ад-Дин называл Болгарию «Улакунт» [37, с. 38]. Возможно подобное обозначение попало в его хронику из сочинения Вардана Великого, где «Ulakhatz» назван соседом Руси [14, p. 59].

Муттахар ал-Макдиси рядом с тюрками локализовал «владжей» [42, с. 89; 12, p. 82]. А. Дечей и В. Чокылтан считали «владжей» влады. Этот этноним можно связать с влады [42, с. 89; 12, p. 83]. Отождествлению этого этнонима с влады не мешает тот факт, что в восточных источниках использовались и другие этнонимы для обозначения владов – «афлак» или «авлак» [42, с. 89–90]. Этноним «афлак» («авлак») был использован Абу-л-Фидой для обозначения «неверных», живущих в горах [43, с. 113].

Болгарские исследователи не поддержали румынскую точку зрения. В. Златарски придерживался теории происхождения Асеней из болгаризованного кыпчакского рода [44, глава 3, параграф 1]. Тюркская гипотеза происхождения Асеней получила распространение в украинской, венгерской и казахской историографиях. О. Прицак указывал, что династия Асеней возглавляла донецкое объединение кыпчаков [11, с. 239–244]. В. Стоянов поддерживал эту точку зрения [22, p. 683]. И. Вашари считал, что Асени были полукуманами-полувлады [7, p. 41–42]. Румынская исследовательница М. Лазареску-Зобиан считает все три династии Второго Болгарского царства кыпчакскими по происхождению [45, p. 267]. С. Плетнева считала Асеней кыпчаками-куманами [26, с. 181–182]. Интересно, что в хронике Георгия Акрополита сказано, что после смерти Калояна сын его сестры женился на вдове Калояна [46, с. 27–28]. Этот обычай был распространен у кочевых языческих народов, но никак не у православных народов Балкан [47, с. 103].

Чтобы прийти к каким-нибудь выводам об этнической принадлежности Асений, нужно проанализировать, каким влиянием пользовались кыпчаки во Втором Болгарском царстве. В Браничево в конце эпохи Асений было автономное княжество во главе с кыпчаками Дрманом и Куделином [7, р. 65, 102–103; 22, р. 689]. Правитель Видина Шишман также происходил из кыпчакской аристократии [7, р. 46; 5]. Манастрас входил в царскую гвардию, а кыпчаки сыграли важную роль в битве при Адрианополе [5]. Династии Тертеровичей и Шишмановичей происходили их кыпчаков [11, с. 46]. Вряд ли кыпчаки активно бы поддерживали в войнах чуждых им владов, тем более, что в первое время Асени отдавали преимущество бракам с кыпчакскими аристократками. В свете сведений Георгия Акрополита о браке Калояна и сведений о значительном влиянии кыпчаков на политику Второго Болгарского царства кажется логичным, что Асени были кыпчаками [5]. Но как Асени из Донецкого региона попали на западную границу Дешт-и-Кыпчак? Они могли попасть на запад вследствие борьбы за власть среди кыпчакских племен и как проигравшие мигрировать на запад [7, с. 38–42, 243–244].

Нужно сказать, что кыпчаки активно использовались ромеями в качестве вспомогательной военной силы, например в 1147 г. [31, с. 214–226; 32, с. 224–226]. Кыпчаки приняли участие в походах Мануила Комнина против сельджукских (румских) турок в 1160 и 1175 годах. В 1162–1167 гг. кыпчаки воевали на стороне василевса ромеев во время венгерских кампаний [30, с. 122]. В. Стоянов считает Асений кыпчаками, которые крестились и интегрировались в болгарское общество [22, р. 683]. На территории византийского Нижнего Подунавья кыпчаки стали византийскими проиарами. Они служили династии Комнинов. Некоторые кыпчаки получили владения в Могленах [30, с. 130–133; 6, с. 389]. Земли кыпчакских воинов византийского императора также находились вблизи от Ниша, Шумена и на Беломорье [6, с. 396]. Асени владели землями в Северо-Восточной Болгарии и Добрудже [22, р. 683]. С воцарением в Константинополе династии Ангелов, Петр и Асень не считали себя обязанными Византии.

Асени провозгласили себя болгарскими царями и подняли болгар и владов на борьбу против Византийской империи [48, с. 298–302; 36; 7, р. 42; 1, с. 132–134; 4, р. 114–116; 35, с. 434–436]. Чтобы подавить восстание болгар, Исаак Ангел отправил на север войска [35, с. 434–436, 448, 452]. Петр начал переговоры с ромеями, а Асень удалился на север от Дуная [35, с. 451–455]. Петр просто тянул время, поскольку кыпчаки не могли прийти на помощь раньше октября 1186 года [35, с. 455]. Со-

брав силы «северных народов», среди которых были скифы (кыпчаки), валахи и тавроскифы из Вордоны (бродники), Асень вернулся на территорию Нижнего Подунавья. Исаак Ангел организовал новый поход против восставших. Кыпчаки дошли до Агафополя, но под давлением имперских войск отступили к Вастернам и Лардее. В местности между Вастернами и Верроей произошла битва, в которой удача улыбнулась Асеням и их союзникам. Они завладели всей Мизией, то есть территориями между Дунаем и Родопскими горами [30, с. 124; 36; 35, с. 437–439, 446–448, 455–459]. Третий поход василевса также был неудачен. Ромеи не продвинулись дальше Ловеча. К моменту появления на Балканах Фридриха Барбаросы, кыпчаки помогли болгарам восстановить государственность [30, с. 125; 36; 7, р. 44; 48, с. 303–304; 1, с. 149–152].

В 1191 г. кыпчаки, валахи и болгары одержали над ромеями победу под Лардеей [30, с. 125; 36; 48, с. 304–310; 22, р. 684; 7, р. 44–46; 1, с. 165–171; 4, р. 117–118; 35, с. 449–450]. Самым грандиозным было вторжение кыпчаков, болгар и владов в 1199–1200 гг. [7, р. 48–49; 48, с. 310; 1, с. 207–209; 4, р. 130; 14, р. 47; 36]. Они заняли Фракию и под их контролем находились местности от Месины до Чорлу [30, с. 126].

Четвертый крестовый поход и активность Романа Мстиславича внесли паузу в византийско-болгарское противостояние. Но Латинская империя унаследовала от ромеев имперские амбиции. Крестоносцы вторглись в Болгарию. Событием мирового значения была битва при Адрианополе (1205 г.). Об этих событиях с разной степенью детализации сообщали хроники Робера де Клари, Жоффруа де Виллардуэна, Никиты Хониата, Никифора Григоры, Георгия Акрополита [38, глава СХII; 39, главы 354–361; 36; 49, с. 19–20; 46, с. 26]. Бой начался атакой кыпчакской конницы, которая заманила крестоносцев в засаду. Союзное болгарско-влашско-кыпчакское войско одержало блистательную победу [7, р. 50; 1, с. 247–249; 48, с. 320; 4, р. 131–132]. Развивая успех болгары, валахи и кыпчаки победили войска Бонифация Монферратского в битве под Серрами [36; 30, с. 127]. Союзники взяли города Верроя, Рузия, Апрос, Перинф, Даония, Аркадиополь, Месина, Чорлу, Афирра [36; 30, с. 127]. Кыпчаки были союзниками болгар во время походов во Фракию и Македонию в 1205–1207 годах [38, глава СХVI; 39, главы 386–389, 399, 404–410, 417–421, 461–475; 46, с. 26–28; 49, с. 23–26; 36; 7, р. 51–53; 1, с. 254–255; 48, с. 323–325; 22, р. 684; 4, р. 133]. Также они участвовали в Клокотницкой битве (1230 г.) на стороне болгар против Эпирского царства [50, с. 74; 7, с. 62; 48, с. 336; 22, р. 684]. Кыпчаки помогали болгарам во время осады крепости Чорлу [46, с. 60–61; 7, р. 63].

В результате успешного восстания Асени расширили свои владения на Балканах. В 1202 г. вблизи от Белграда и Браничево войско венгерского короля Имрэ (Эмериха) II столкнулось с отрядами хана Губана (Кобана Урусобича), который был союзником болгар [5; 51, с. 117; 52]. По мнению П. Павлова, Манастрас возглавлял авангард болгарского войска во время осады Фессалоник в 1207 г. [6, с. 397]. Три кыпчакских вождя воевали против войска комита Йоахима в 1211 или 1213 г. около Видина [7, р. 58–60; 6, с. 397].

Вблизи от Дуная кочевало несколько кыпчакских племен. Племя урунгут занимало территории Береганской степи, рядом с бададжами. Упоминание о бададжах («bdâj») и урунгутах («wtwnkqwt») после победы монгольских войск над «Улакут» (Вторым Болгарским царством) делают возможной такую локализацию владений племени урунгут вблизи Дуная [37, с. 38; 53, р. 109, 116]. Племя урунгут П. Голдэн называет «Ogungqut» [53, р. 116]. Этноним «урун гут», упомянутый Рашид ад-Дином, был кыпчакским [37, с. 38]. Племя бададж американский исследователь считает кыпчакским. У Ахсикенти этот этноним был зафиксирован в форме «Bâdâu» или «Bâdân» [53, р. 109]. Рядом с урунгутами на западе Дешт-и-Кыпчак должны были жить другие кочевники – племя кунун [47, с. 541]. Их вполне можно сопоставить с племенем кун, которое переселилось на запад в середине XI в. [54, р. 29–30]. Куны занимали просторы Румынского Прикарпатья, а урунгуты – степи Берегани. Племя бададж, упомянутое рядом с урун гутами, вполне возможно сопоставить с влахами, поскольку этноним «влах», как мы уже отмечали выше, был известен арабским и персидским хронистам в нескольких формах [37, с. 38]. На восток от Мунтении и Берегани находились степи Буджака. Там мог править хан Йона [55, s. 949–950]. Хан Сароний (Шир Янни), который был упомянут Альбериком де Труа Фонтене, мог принадлежать к племени урунгут [7, р. 67–68]. Урунгуты во главе с Шир Янни в эпоху монгольских завоеваний мигрировали на юг. Вместе с ними мигрировали и люди Йоны [55, s. 949–950].

Но некоторая часть кыпчаков таки осталась в Прикарпатье. И. Ваша-ри считал, что имя Басараб происходит от кыпчакского «Basar-oba» [7, 2005, р. 151–152]. А. Гёкбель указывает, что имя отца Басараба Тохомер происходит не от Тука-Тимура, а от тюркского «Токомер» [24, р. 654]. М. Лазареску-Зобиан считает, что династия Басарабов была кыпчакской по происхождению [45, р. 267]. В источниках фиксируется тюркский элемент в аристократии княжеств Валахия и Молдавия. Один из стольников в Валахии имел имя Берендей, а при влашском госпо-

даре Дане II был боярин Токсаба. При молдавском дворе находились бояре «Burgiu», «Borsea», «Burga», «Itul» [45, p. 268–269]. Среди других персоналий румынской истории необходимо упомянуть о следующих аристократах тюркского происхождения – «Bars Roman», «Asan», «Cioban», «Carabaş», «Cantemir», «Ayaz Izvoranu», «Stoica», «Kurkmaz», «Sucal» [45, p. 270–271].

Таким образом, в свете вышеприведенных данных можно уверенно утверждать о кыпчакском происхождении династии Асеней. Кыпчакским было происхождение и династии Басарабов. Этноним «влах» сначала не имел четкого этнического наполнения и обозначал полуоседлое население Балкан. Кыпчаки активно контактировали с болгарами и влахами. Под их влиянием кыпчаки на Балканах и в Дунайско-Карпатском регионе христианизовались и ассимилировались. Отношения кыпчаков с Византией были сложными и неоднозначными. Они колебались от союза до открытой враждебности. Кыпчаки активно занимались как в войска Византийской империи, так и к ее противникам. В правление в Византийской империи династии Комнинов кыпчаки избегали открытых конфликтов с Империей, предпочитая совершать редкие быстротечные набеги на византийское приграничье. Причиной тому было поражение кыпчаков в 1095 г. и имперская дипломатия, которая перенаправляла активность кыпчаков на Русь. Во время правления в Византии династии Ангелов кыпчаки становятся врагами Византийской империи и союзниками болгар. Они активно поддерживали Асеней и играли роль вспомогательных отрядов во время болгарских кампаний против Византии.

Список литературы

1. Успенский, Ф.И. Образование Второго Болгарского царства / Ф.И. Успенский. – Одесса: Тип. Г. Ульриха, 1879. – 259 с.
2. Расовский, Д.А. Роль половцев в войнах Асеней с Византийской и Латинской империями в 1186–1207 годах / Д.А. Расовский // Половцы. Черные Клобуки: печенеги, торки и берендеи на Руси и в Венгрии. – М.: ЦИВОИ, 2012. – С. 231–237.
3. Diaconu, P. Les Petchenegues au Bas-Danube / P. Diaconu. – Bucharest: Editions de l'Academie de la Republique Socialiste de Roumanie, 1970. – 158 p.
4. Diaconu, P. Les coumans au Bas-Danube aux XI' et XII' siecles / P. Diaconu. – Bucureşti: Edition de l'Academie de Republique Socialiste de Roumanie, 1978. – 158 p.: ill
5. Павлов, П. Бунтари и авантюристы в средневековна България / П. Павлов. – Велико Търново: Абагар, 2000. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://liternet.bg/publish13/p_pavlov/buntari/. – Дата доступа: 1.08.2012.
6. Павлов, П. Половцы во внутривполитической жизни Византии и Болгарии XIII–XIV вв. / П. Павлов // *Stratum Plus*. – № 6 (2005–2009): Причерноморские этно-

ды. – СПб.; Кишинев; Одесса; Бухарест: Высшая антропологическая школа, 2009. – С. 388–404.

7. Vasary, I. Cumans and Tatars. Oriental Military in the Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365 / I. Vasary. – Cambridge: Cambridge University Press, 2005. – XVI, 230 p.

8. Князький, И.О. Половцы в Днестровско-Карпатских землях и Нижнем Подунавье в конце XII – первых десятилетиях XIII в. / И.О. Князький // Социально-экономическая и политическая история Молдавии периода феодализма. – Кишинев: Штиинца, 1988. – С. 22–32.

9. Князький, И.О. Славяне, вlahи и кочевники Днестровско-Карпатских земель (конец IX – середина XIII в.) / И.О. Князький. – Коломна: Коломенский пед. ин-т., 1997. – 270 с.

10. Князький, И.О. Византия и кочевники южнорусских степей / И.О. Князький. – М.: Алетейя, 2003. – 181 с.

11. Прицак, О. Коли і ким було написано «Слово о полку Ігоревім» / О. Прицак. – Киев: Обереги, 2008. – 360 с.

12. Spinei, V. The Romanians and the Turkic nomads North of Danube Delta from tenth to the Mid-Thirteenth Century / V. Spinei. – Leiden–Boston: Brill, 2009. – XVII, 545 str.

13. Berend, N. At the gate of Christendom: Jews, Muslims, and "pagans" in medieval Hungary, 1000–1300 / N. Berend. – Cambridge: Cambridge University Press, 2001. – 340 p.

14. Spinei, V. Moldavia in the 11th–14th Centuries / V. Spinei. – Bucharest: Editura Academiei Republicii Socialiste Romania, 1986. – 277 p.

15. Uydu Yücel, M. Pechenegs on the Balkans / M. Uydu Yücel // The Turks. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – Vol. I. – P. 632–642.

16. Гръцки извори за българската история. – Т. VI / Съставили и редактирали Тъпкова В., Войнов М., Йончев Л., Тъпкова-Заимова В., Дуйчев И., Иванов Й., Йончев Л., Батаклиев Г., Коледаров П. – София: Българска академия на науките, 1965. – 371 с.

17. Гръцки извори за българската история. – Т. X / Съставили и редактирали Йончев Л., Тъпкова-Заимова В., Батаклиев Г., Войнов М. – София: Българска академия на науките, 1980. – 421 с.

18. Kurat, A.N. Peçenek tarihi / A.N. Kurat. – Istanbul: Devlet Basimevi, 1937. – 285 s.

19. Tryjarski, E. Piecingowie / E. Tryjarski // Hunowie Europejscy, Protobułgarzy, Chazarowie, Pieczyngowie. – Wrocław: Ossolineum, 1975. – S. 479–623

20. Curta, F. South-Eastern Europe in the Middle Ages, 500–1250 / F. Curta. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 526 p.

21. Анна Комнина. Алексида / Пер., вступит. статья, комм. Я.Н. Любарского. – М.: Наука, 1965. – 688 с. – Аланика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.alanica.ru/library/Komn/text.htm>. – Дата доступа: 15.08.2012.

22. Stoyanow, V. Kumans in Bulgarian history / V. Stoyanow // The Turks. – Vol. I. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – P. 680–692.

23. Kurat, A.N. IV–XVIII. Yüzyıllarda Karadenizin Türk Kavimleri ve Devletleri / A.N. Kurat. – Ankara: Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1972. – 511 s.
24. Gökbel, A. Kıpçaks and Kumans / A. Gökbel // *The Turks*. – Ankara: Yeni Türkiye Yayınları, 2002. – Vol. 1. – P. 643–659.
25. Pritsak, O. The Pechenegs. A case of Social and Economic Transformation / O. Pritsak // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1975. –Vol.1. – Lisse: Peter de Ridder Press, 1976. – P. 4–29.
26. Плетнева, С.А. Половцы / С.А. Плетнева. – М.: Наука, 1990. – 208 с.
27. Расовский, Д.А. Пределы «поля половецкаго» / Д.А. Расовский // *Seminarium Kondakovianum*. *Анналы института им. Н.П. Кондакова*. Сборник статей в честь А.А. Васильева. – Вып. 10. – Прага: Kondakov Institute, 1938. – С. 155–178.
28. Ипатьевская летопись / Воспроизведение текста издания 1908 г. // Полное собрание русских летописей. – Т.2. – М.: Восточная литература, 1962.
29. Маркварт, И. О происхождении народа куманов / Пер. А. Немировой. – Великая Степь и Святая Земля. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://steppe-arch.konvent.ru/books/markvart1-00.shtml>. – Дата доступа: 10.08.2012.
30. Бибииков, М.В. Византийские источники по истории Руси, народов Северного Причерноморья и Северного Кавказа (XII–XIII вв.) / М.В. Бибииков // *Древнейшие государства на территории СССР*: 1980. – М.: Наука, 1981. – С. 5–151.
31. Гръцки извори за българската история. – Т. VII / Съставил и редатирала Цанкова-Петкова Г., Тъпкова-Заимова В., Тивчев П., Йончев Л., Батаклиев Г., Коледаров П. – София: Българска академия на науките, 1968. – 300 с.
32. Гръцки извори за българската история. – Т. VIII / Съставил и редактирали Войнов М., Тъпкова-Заимова В., Йончев Л. – София: Българска академия на науките, 1972. – 322 с.
33. Прицак, О. Походження Русі. Стародавні скандинавські саги і Стара Скандинавія / О. Прицак. – Т. 2. – Киев: Обереги, 2003. – 1304 с.
34. Шушарин, В.П. Ранний этап этнической истории венгров / В.П. Шушарин. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.
35. Литаврин, Г.Г. Болгария и Византия в XI–XII вв. / Г.Г. Литаврин. – М.: АН СССР, 1960. – 472 с.
36. Никита Хониат. История со времени царствования Иоанна Комнина / Перевод Н.В. Чельцова. – Т.2. (1186–1206). СПб., 1862. – Электронная библиотека исторического факультета МГУ [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/Xoniati/index.html>. – Дата доступа: 12.07.2012.
37. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В.Г. Тизенгаузен. – Т. II: Извлечения из персидских сочинений. – М., Л.: АН СССР, 1941. – 305 с.
38. Робер де Клари. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М.А. Заборова М.А. – М.: Наука, 1986. – 176 с. – Восточная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Klari/frameKlari3.htm>. – <http://www.vostlit.info/Texts/rus/Klari/frameKlari4.htm>. – Дата доступа: 15.08.2012.

39. Жоффруа де Виллардуэн. Завоевание Константинополя / Пер., статья и коммент. М.А. Заборова М.А. – М.: Наука, 1993. – 296 с. – Восточная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Villarduen/frametext4.htm>. – <http://www.vostlit.info/Texts/rus7/Villarduen/frametext5.htm>. – Дата доступа: 17.08.2012.

40. Книга странствий Раби Вениамина / Пер. П.В. Марголина // Три еврейских путешественника. – М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2004. – Восточная литература [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus15/Veniamin_Tudel/text.phtml. – Дата доступа: 20.08.2012.

41. Rady, M. The Gesta Hungarorum of Anonymus, the Anonymous Notary of King Béla: A Translation / M. Rady // Slavonic and East European Review. –87 (4). – 2009. – P. 681. – UCL Discovery [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://discovery.ucl.ac.uk/18975/1/18975.pdf>. – Дата доступа: 20.12.2012.

42. Коновалова, И.Г. Арабские источники XII–XIV вв. по истории Карпато-Днепровских земель / И.Г. Коновалова // Древнейшие государства на территории СССР: 1990. – М.: Наука, 1991. – С. 5–115.

43. Коновалова, И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст, перевод, комментарий / И.Г. Коновалова И.Г. – М.: Восточная Литература, 2009. – 223 с.

44. Златарски, В., История на българска държава през средните векове. България под византийско владичество / В. Златарски. – Т. II. – София, 1934. – Книги за Македония [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.promacedonia.org/vz2/vz2_3_1.htm. – Дата доступа: 7.07.2012.

45. Lăzărescu-Zobian, M. Cumania as the name of thirteenth century Moldavia and Eastern Wallachia: some aspects of Kipchak-Rumanian relations / M. Lăzărescu-Zobian // Turks, Hungarians and Kipchaks. A Festschrift in Honor of Tibor Halasi-Kun / Journal of Turkish Studies. – Vol. 8. – Harvard, 1984.

46. Летопись великого логофета Георгия Акрополита / Под ред. бакалавра И. Троицкого. – СПб.: С.-Петербургская Духовная Академия, 1863. – 222 с.

47. Тизенгаузен, В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды / В.Г. Тизенгаузен. – Т. I: Извлечения из сочинений арабских. – СПб., 1884. – 563с.

48. Иречек, К.И. История болгар / К.И. Иречек. – Одесса: Типография Априлова, 1878. – 785 с.

49. Никифор Григора. Римская история, начинающаяся со взятия Константинополя латинянами / Под ред. бакалавра П. Шалфеева. – Т.1 (1204–1341). – СПб.: С.-Петербургская Духовная Академия, 1862. – 564 с.

50. Георгий Пахимер. История о Михаиле и Андронике Палеологах. Тринадцать книг / Под ред. проф. С. Карпова. – Т.1 (царствование Михаила Палеолога. 1255–1282). – СПб.: С.-Петербургская Духовная Академия, 1862. – 526 с.

51. Димитров, Хр. Българско-унгарски отношения през средновековието / Хр. Димитров. – София: Марин Дринов, 1998. – 423 с.

52. Zimonyi, I. History of the Turkic speaking peoples in Europe before Ottomans / I. Zimonyi. – 2007. – Uppsala Universitet. Institutionen för lingvistik och filologi [Элек-

тронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.Lingfil.uu.se/afro/turkiskasprak/ip2007/Zimonyi I.P. pdf>. – Дата доступа: 5.07.2012.

53. Golden, P.B. *Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq Clans and Tribes* / P.B. Golden // *Archiwum Eurasiae Medii Aevi*. – Vol. IX (1995–1997). – Wiesbaden: Otto Harrasowitz Verlag, 1997. – P. 16–29.

54. Minorsky, V. *Sharaf al-Zaman Tahir Marvazi on China, the Turks and India* / V. Minorsky. – London: Royal Asiatic Society, 1942.

55. *Albrici monachi Triumfontimum Chronicon* / Edidit P. Sheffer-Boichorst // *Monumenta Germaniae Historica. Scriptores*. – T.XXIII. – Hannover: Societas Aperiendis Fontibus Rerum Germanicarum Medii Aevi, 1874. – T.XXIII. – S. 631–950.

**ВОЗНИКНОВЕНИЕ АРМЯНСКИХ ТОРГОВЫХ
КОЛОНИЙ ВО ЛЬВОВЕ И КАМЕНЦЕ-ПОДОЛЬСКОМ
И ИХ РОЛЬ В ТОРГОВЛЕ СО СТРАНАМИ
ПРИЧЕРНОМОРЬЯ И ВОСТОЧНОГО
СРЕДИЗЕМНОМОРЬЯ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIII –
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XV В.**

В основу данной статьи положен доклад, прочитанный на конференции “Union in Separation. Trading Diasporas in the Eastern Mediterranean (1200–1700)”. (17–19 февраля 2011 г. Гейдельберг, Германия).

Завоевательные войны и создание обширных империй в немалой степени способствовали развитию транзитной торговли. По мнению Томаса Олсена, расширение кочевой империи, следует рассматривать не столько как следствие масштабных миграций племен, сколько как расширение зоны политического контроля кочевников над сетью торговых путей [48, с. 84]. На важность торговли для монголов указывает «тамга», которая была своеобразным налогом на добавленную стоимость (НДС), составлявшим 5 % от всех коммерческих сделок, за исключением купли-продажи зерна [68, с. 118].

Максимальная территориальная экспансия Монгольской империи по времени совпала с изменением политической ситуации в Восточном Средиземноморье: безрезультатный крестовый поход Людовика IX в 1248–1254 гг. и захват Антиохии египтянами в 1268 г. Упадок государств крестоносцев в Восточном Средиземноморье и последствия монгольских завоеваний способствовали изменению торговых путей. Во второй половине XIII в. генуэзцы и венецианцы начинают все более активно использовать северное сухопутное направление шелкового пути, проходившее через Крым, устье Дона и владения Золотой Орды. Большие партии восточных товаров они также закупали в Александрии Египетской [42], где заканчивался южный морской торговый путь, проходивший из портов Южного Китая (Зайтун) по Индийскому океану и Красному морю.

Торговый путь из Средиземноморья на Русь через Киев продолжал функционировать и после монгольского нашествия 1239–1241 гг. Европейских купцов из Генуи, Венеции, Пизы и Акры, прибывших в Киев

через Константинополь и татарские владения, видел Плано Карпини, когда в 1246 г. проезжал через город [14, с. 84]. В Восточном Средиземноморье, особенно после падения Акры в 1291 г., в транзитной торговле возрастает роль Киликийской Армении и Кипра [4, с. 62]. Отсюда торговый путь проходил через города Великой Армении, в столицу монгольских ильханов – Табриз, а оттуда через Персию и Среднюю Азию (улус Джагатая), во владения великого хана и заканчивался в столице монгольской империи – городе Ханбалык (Пекин). В 1288 г. армянский король Лев III даровал генуэзцам привилегию на торговлю в его владениях [63, с.298–300; 46].

Самое активное участие в транзитной торговле принимало и армянское купечество. Вероятно, в Северное Причерноморье армяне попадали, главным образом, через Трапезунд и Тифлис. В 1230–1260-х гг. происходит быстрый рост армянской общины в Тифлисе. Из источников нам известны такие крупные армянские купцы как Умек/Асил (переселился из Карина/Эрзерума после разгрома города монголами) и Шадин/Шахабадин, также известный как Шнорхавор, сын Саравана. В 1251 и 1267 гг., соответственно, Умек и Шадин возводят на свои средства вторую и третью армянские церкви в Тифлисе [6, с. 270–271; 28, с. 66–67, 70–71]. Можно предположить, что строительство церквей отражает приблизительно троекратный рост числа армян в городе. Через порты Севастополь (Сухум), Фассо (Поти) и Ла Вати (Батум) тифлисское купечество могло принимать участие в черноморской торговле (плавание между Ла Вати и Таной занимало около 14 дней пути). Самый короткий путь, открывавшийся из Трапезунда к столицам державы ильханов – Табризу и Султани, благоприятные условия пребывания в трапезундском порту иностранных судов, сделали Трапезунд главным портом международной торговли XIII–XV вв. на южном побережье Черного моря (от Трапезунда до Каффы плавание продолжалось от 2 до 12 дней). В Трапезунде XIII–XV вв. проживало значительное число армян. Возможно, они имели свой квартал в городе, но источники показывают их широкое расселение по всей его территории, особенно в восточной части, а также в венецианской крепости. Армяне имели в Трапезунде своего епископа и церкви, а в окрестностях города – несколько монастырей [18, с. 296]. Судя по косвенным данным, Северное Причерноморье было хорошо известно армянским купцам и до монгольских завоеваний 1220–1240-х годов. (Армянская община в Киеве существовала уже во второй половине XI в.) [59].

Актовые записи генуэзских нотариусов Каффы 1289–1290 гг. зафиксировали самое активное участие армянских купцов и ремесленников

в экономической жизни Причерноморья. Так, с апреля 1289 по июнь 1290 г. упомянуты 3 случая фрахта армянскими купцами (объединения в 2, 3 и 10 компаньонов) генуэзских кораблей в Каффе для доставки больших партий пшеницы, проса, соли (из Чиприко на Керченском полуострове) и прочих товаров из Крыма в Трапезунд [49, с. 68, 109, 233–234]. 27 апреля 1290 г. в Каффе нескольким армянским и греческим купцам были возвращены товары, ранее захваченные у них пиратом Джурзучи (*Jurzuchi*) во время плаванья на галере [49, с. 181–182; 57, с. 271–272].

Крымские армяне не только арендовали корабли у итальянцев, но и заключали с ними разнообразные сделки. 16 июля 1290 г. каффские мясники Георгий и Савва, совместно с Фланкусом Армянином, жителем Каффы, приобрели партию вина у Оддина Банката де Чева и пообещали уплатить за него перед Пасхой (1291 г.) [49, с. 304]. 14 августа 1290 г. армянин Якоб Фрегулиа приобрел товары у Гийома де Персио, за которые пообещал заплатить 347 аспров через месяц [49, с. 375]. Итальянские купцы Петр де Бобио и Якоб де Бобио в это же время закупали у армянских дубильщиков большие партии бычьих кож (5, 14, 18 и 21 кантар), выдавая авансовые суммы и получая гарантии поставки товара через год или на Пасху 1291 г. В качестве залога семья армянских дубильщиков дает свой дом, а армянин Таркокша и его супруга Мина – своего сына (возможно, дом был уже заложен) [49, с. 160, 301, 309, 337]. Работоторговля была в Каффе обычным делом. В актах зафиксированы отдельные случаи продажи некоторыми армянами рабов (вероятно слуг, или полученных в качестве неустойки от торговых партнеров). Так, 1 июня 1290 г. каффский армянин свечник Савва продал рабыню (10-летняя Аркона родом из Венгрии) Мартину де Предоно [49, с. 215]. Целенаправленно работоторговлей армяне не занимались, она была сосредоточена в руках итальянских купцов, поставлявших рабов в Египет и Италию [66; 73]. В это же время на рынке Каффы действовал и переводчик (*drogumano*) армянин Стефан, также неоднократно фигурировавший в качестве свидетеля при заключении сделок между армянами и итальянцами [49, с. 220, 233–234].

В результате активных деловых отношений с итальянцами, крымские армяне были вовлечены в торговлю Восточного Средиземноморья. Так, 23 июня 1289 г. армянин Петр продал свои товары генуэзцу, который обещает через 8 дней отдать ему 29 иперперов, как только прибудет его корабль из Перы [49, с. 105]. Армянин Килакос (Киракос?) из Казарета (*Chilacos erminio de Cazarese*) 18 июля 1289 г. дал в долг итальянцу

Рафаэлу Эбриаку, который обязуется отдать 2000 аспров через 15 дней, когда к нему придет корабль из Сирии, из Арзуфа (*in Siria loco ubi dicitur Sur*) [49, с. 120].

Можно предположить, что и некоторые армянские купцы из Киликии также в это время бывали с торговыми целями в Крыму и даже поселялись здесь. На это может указывать сделка, заключенная в Каффе 24 июня 1290 г.: сириец Иоанн (*Johannes Sorianus*) признает получение ссуды от армянина Христофана, жителя Каффы, или Сорхата из Лаяццо (*Christofano erminius, habitator de Caffa, sive de Sorchati de Laizo*), суммы в 1800 аспров барикатс, которые обещает вернуть через полтора года. В качестве залога он отдал Христофану свой дом, расположенный в Каффе [49, с. 220]. Вероятно, армянин Христофан, был уроженцем портового города Лаяццо/Аяса в Киликии, а на момент сделки уже проживал в Каффе или Сорхате (соседний с Каффой Сорхат/Солхат – важный торговый центр с многочисленной армянской общиной), и продолжал поддерживать торговые связи с Восточным Средиземноморьем. Сириец Иоанн, также имевший дом в Каффе, очевидно, за полтора года должен был успеть совершить плавание в Сирию и вернуть взятую в долг сумму.

В конце XIII – начале XIV в. армянские колонии в Крыму существовали в Каффе, Судаке (Солдайя/Сурож) и Сурхате (Солхат/Казарат). Согласно генуэзскому Уставу Каффы (*Impositio officii Ghazarie*) в 1316 г. в городе было уже три армянские церкви [43, с. 827]. Со временем крымские армяне (из Каффы и Сорхата/Казарата) начинают более активно осваивать Северное Причерноморье и Приазовье. Так, в сохранившихся источниках середины XIV в. отражена их деятельность в устье Дуная (Килия и Ликостомо), Днестра (Аккерман) и Дона (Тана/Азак). Именно по этим крупным рекам купцы из Причерноморья отправлялись вглубь Восточной Европы для закупки зерна, воска и мехов, или же непосредственно в этих итальянских факториях заключали сделки с восточноевропейскими купцами, привозившими сюда свои товары.

В памятных записях книг проповедей, переписанных священником Тертером Ереванци в Азахе/Тане в 1339 и 1341 гг., упоминается местная армянская церковь св. Григория Просветителя [31, с. 329–330]. Следовательно, армянская община в Тане существовала уже довольно давно и была достаточно состоятельной, чтобы возвести церковь. Тертер также описывает свое путешествие из родного Еревана через Грузию и далее морем в Каффу и оттуда в Азах. В нотариальных актах 19 сентября 1359 г. упоминается армянская судебная курия в Тане [19, с. 190].

По подсчетам С.П. Карпова, среди 443 свободных лиц, фигурирующих в актах Таны 1359–1360 гг., было 7 армян [62, с. 79]. Тана была известна как центр торговли рыбой, икрой, кожами и рабами. Поэтому город притягивал к себе не только крымских армян, но и армянских купцов из более отдаленных регионов, которые зачастую оседали в Танае. Так, 28 июля 1360 г. в сделке о купле-продаже рабов фигурирует армянин Астлан, сын покойного Сирима (Ширина/Сурена?) из Арзерона (Эрзерума), житель Таны (*Astlan condam Sirim de Arzeron armenus habitator in Tana*) [19, с. 190].

Крымские армяне, посещавшие Килию и Аккерман с торговыми целями, зафиксированы в генуэзских актах 1340-х и 1360-х годов. Так, 17 апреля 1344 г. в Килии Андреоло де Вендури продал армянскому купцу ходже Амиру из Тифлиса, горожанину Каффы (*Coia Amir de Tefelix, burgensi de Caffa*), русскую рабыню и ее двухлетнего сына за 4150 аспров [53, с. 102–103]. Таким образом, Амир из Тифлиса переехал в Каффу и уже получил городское гражданство (он назван «burgensi», а не «habitor», как в случае, если бы был просто «жителем»). В старинной армянской церкви Успения Богородицы в Аккермане (совр. Белгород-Днестровский) в стены вделаны мраморные плиты в память об умерших (возможно, некоторые плиты более раннего происхождения были позже вделаны в стены церкви). Одна из надписей, датированная 1351 г., упоминает господина Кутчсена, оплакивающего свою мать [25, с. 66]. 14 сентября 1360 г. армянин Григо(рий), сын покойного Арабеца, житель и горожанин Килии (*Grigo Erminius, quondam Arabec, habitator et burgensis Chili*), продал 20-летнюю рабыню-монголку Тойдани за 5 соммов Иоанну де Монтероссо, жителю и горожанину Перы [50, с. 107–108]. Как видим, если каффинец Амир из Тифлиса только бывал в Килии по делам, то Григорий жил здесь постоянно и уже получил гражданство Килии.

Дунай и его притоки связывали Килию с Венгрией, Молдавией и Галицкой Русью, откуда на черноморский рынок поставлялись зерно и воск. 30 октября 1360 г. каффинский армянин Саркис, сын Константина (*Sarchis Erminio de Caffa, filio Constantini*), заключил в Килии договор с Ягопом из Венгрии, сыном покойного Бартоломея, жителем Килии (*Yagop de Ungaria, quondam Bartholomei, habitator Chili*), согласно которому Ягоп обязался доставить Саркису в Килию крупную партию воска (5 кантаров) на Пасху 1361 г. В залог, Ягоп оставил Саркису 13-летнюю рабыню Алекусу. Одним из свидетелей заключения сделки выступил местный армянин Сабадим/Шабадин (?) (*Sabadim Erminio, habitatore*

Chili) [50, с. 193, 194]. Упомянутый Саркис из Каффы также ранее фигурировал в качестве свидетеля в сделках 25 августа и 14 сентября 1360 г. («*Sachis de Caffa, habitatore Chili*» и «*Sarchis Erminio de Caffa*») [50, с. 58, 111]. Причем, в первом случае, он назван «жителем Килии», следовательно, подолгу жил здесь, или окончательно перебрался из Каффы. В сделках, заключенных в Ликостомо (Вилково в дельте Дуная) 13 сентября 1373 г., фигурируют: 17-летний армянин Мхитар и двое его советников/поручителей (?) – Абрам и Георгий, армяне из Каффы (*Machitar maiorem esse annis XVII, cum consilio Abram Erminii de Caffa et Georgii Erminii de Caffa*) [53, с. 197]; и армянин Спинула, уже гражданин Генуи (*Erminium Spinulam civem Ianue*) [53, с. 200–201].

Возможно, армянские купцы бывали в Галицкой Руси еще в правление князя Даниила (1238–1264). По крайней мере, львовские армяне в ходе своей судебной тяжбы с магистратом города Львова (1578–1600 гг.) утверждали, что их предков на земли Руси пригласил именно Даниил, а его сын Лев поселил во Львове [12, с. 195]. Более того, в ходе судебного процесса 1578 г. армяне даже предъявили «малую грамотку старую» князя «Даниила Федоровича» [17, с. 368–369]. По нашему мнению, эта «грамотка» могла быть письмом князя Даниила к крымским армянам, дававшим гарантии свободного и безопасного прохода в его владениях. Охранные грамоты, гарантировавшие безопасность купцам и их имуществу, были обычным явлением в позднем средневековье во многих странах. Подобная практика была весьма распространена в заморских колониях Генуи и Венеции. Как натурализованным, так и прочим торговым партнерам итальянских купцов, могли выдаваться и личные привилегии, например, полное или частичное *salvum conductum* – охранная грамота, необходимая для въезда в некоторые итальянские города и фактории, также предполагавшая право на ведение торговли [18, с. 323]. Подобным образом, по свидетельству Иоганна Шильдбергера, была организована торговля итальянцев с Египтом: «Иностранные вельможи или купцы, которые посещают короля-султана, получают от него предварительно *подорожную*, которую подданные короля читают не иначе, как став на колени. Затем, поцеловав письмо, возвращают его предъявителю, которому оказывают всяческие почести и водят его из одного места в другое, по его желанию» [42].

Практика выдачи охранных грамот купцам имела место на Руси уже во второй половине XIII в. Так, недатированное письмо (между 1267 и 1272 гг.) от золотоордынского хана Менгу Тимура (1266/7–1281) к новгородскому князю Ярославу (1266–1271/2) требует от последнего га-

рантий свободного прохода немецких купцов из Риги в его владения. Ярослав, также недатированным письмом, дал подобные гарантии: «Менгу Темерово слово къ Ярославу князю: даи путь немецкому гостю на свою волость. От князя Ярослава ко рижаномъ, и к болшимъ и к молодымъ, и кто гостить, и ко всемъ: путь вашъ чистъ по моеи волости; а кто мне ратнии, с тимъ ся самъ ведаю; а гостю чистъ путь по моеи волости» [9, с. 57]. Можно также предположить, что охранную грамоту армянским купцам из золотоордынских владений Даниил мог выдать по их просьбе во время своего визита в ставку Бату-хана на Нижней Волге в 1245–1246 гг. Практика выдачи таких грамот купцам бытовала в Галицко-Волынском княжестве и позже. Так, специальной грамотой от 27 августа 1320 г. галицкий князь Андрей Юрьевич разрешил купцам из Торуня свободный въезд в свои земли, беспошлинную торговлю и компенсацию убытков и обид нанесенных его слугами в двойном размере, как и «во времена нашего блаженной памяти отца» [24, с. 152–158] (т. е. князя Юрия Львовича). В тот же день была издана грамота для краковских купцов, в которой, однако, были предусмотрены пошлины [24, с. 158–161]. В конце весны 1341 г. староста Русской земли Дмитрий Дедько издал грамоту для торуньских купцов, приглашая их возобновить прерванную войной торговлю [24, с. 194–200]. Письмо литовских князей Кейстута и Любарта к мещанам города Торуня (исследователи датируют документ временем после 1341 г.) гарантирует безопасную торговлю в их владениях на Волыни: “ω(т) князя. ω(т) кестути. и ω(т) князя ω(т) либорта. у торунь к местичемъ. што і есте просили. насъ. абыхомъ васъ пустили до лучцька търговать. через берестие. абы вамъ. не закажали. мы хочемъ. ради то учинити. вамъ не блюдитесь. ничего. поидите. а коли которыи. торговецъ поидеть. торговать ис торуня через берестие до лучьска без печали будте. а кто поидеть съ сею грамотою. через дорогычинь. чесь мелникъ. и черес берестие. до лучьска. торговать. ис торуня. язъ князь кестути. не велю ихъ заимати” [8, с. 23–24].

Также, по нашему мнению, к охранным грамотам может быть отнесена и грамота князя Федора Дмитриевича, внесенная львовскими армянами в Коронную Метрику в 1641 г. [27, с. 228–229; 55, с. 60–61; 56, с. 4]. Поскольку в 1641 г. армяне существенно дополнили текст грамоты новыми деталями, в том числе и датой, аутентичность этого источника вызывала серьезные сомнения исследователей [10]. Хотя оригинал грамоты не сохранился, но видевший ее профессор Ф.-К. Захариасевич по памяти воспроизводит текст: «Ото князя Феодора Дмитриевича косохацким армянам: преидили на мою руку, дам вам вольность на три лита»

(«Oto Kniazia Teodora Dmytrowicza Kosochackim Armenom: Prejdili na moju ruku dam wam wolnost na try lita», последних слов не помню») [83, с. 10]. По мнению А. Петрушевича и И. Линниченко, Феодора Дмитриевича можно отождествить с князем Федором Любартовичем (христианское имя Любарта было Дмитрий) [32, с. 421–422; 27, с. 229], княжившим на Волыни в 1377–1393 гг.

Несомненно, крымские купцы «сурожцы» бывали на землях Галицко-Волынского княжества во второй половине XIII в. Так, летописец упоминает «сурожцев», в одном ряду с «немцами», «новгородцами» и «жидами», среди жителей стольного города княжества – Владимира, оплакивавших смерть волынского князя Владимира Васильковича в 1288 г.: «И тако плакавшися надъ нимъ все множество володимерчевъ: мужи, и жены, и дети, немци, и сурожъце, и новгородци, и жидове плакахуся» [5, с. 408]. Под «сурожцами» в русских летописях XIII–XIV вв. понимали именно крымских купцов, независимо от их этнической или конфессиональной принадлежности [30]. Генуэзцы и венецианцы предпочитали везти товары из своих колоний в Северном Причерноморье и Приазовье по морю, тем не менее, функционировала и сухопутная, так называемая «Татарская дорога» (*via Tartarica*), проходившая через степи современной Украины до Львова и далее на запад, в том числе и в Италию. Наиболее раннее известное нам упоминание о передвижении купцов по суше из Северного Причерноморья и Приазовья в Италию, связано со слухами об осаде торговой колонии Таны (в устье Дона) войсками золотоордынского хана Джанибека. 14 марта 1344 г. Сенат Венеции принял решение дожидаться более точных сообщений, привезенных купцом, прибытие которого ожидалось из Кракова. Причем сенаторам было известно, что этот город расположен в шести днях пути от Львова [75, с. 54]. Это говорит об известности Львова как торгового центра, если именно от Львова шесть дней пути до Кракова, между прочим, столицы Польского королевства, в отличие от Львова, не имевшего подобного статуса. На знаменитом «Каталанском атласе», созданном в 1375 г. по данным предыдущего периода, Львов обозначен как склад восточных товаров [52, с. 52–53].

Не вызывает сомнения то, что армянские купцы из Северного Причерноморья уже во второй половине XIII в. – первой половине XIV в. бывали во Львове. В 1349 г. польский король Казимир III завоевал Галицкую Русь и Львов, где уже существовала юридически автономная армянская община. 17 июня 1356 г. Казимир III даровал Львову «немецкое (магдебургское) право», в соответствии с которым, мещане должны

были во всех делах (в т.ч. и уголовных) отвечать перед войтом, а тот, в свою очередь, перед королем, или, по его поручению, перед старостой (*capitaneus*), но только в соответствии с «немецким» правом. Затем в грамоте король сделал оговорку относительно статуса «иных народов, живущих в этом городе» (*aliis gentibus habitantibus in eadem civitate*). Им он предоставил возможность выбора: «А если откажутся судиться по магдебургскому праву, коим упомянутый выше город должен пользоваться, тогда упомянутые нации: армяне, иудеи, сарацины, татары, русины и все иные нации, кои там (в городе) будут находиться, могут поставить и решить любой вопрос в соответствии с правом своей нации, но при председательстве городского войта на том (их) суде» [35, с. 27–28]. Из этого следует, что еще до польского завоевания общины не католиков имели собственную автономную юрисдикцию и судились по своим правам. Казимир III подтверждает существовавший до него порядок вещей, но с оговоркой, что отныне в суде любой «городской нации» председательствовать должен городской войт (обязательно католик). На существование самостоятельного армянского суда до польского завоевания указывает и фундаментальное исследование Освальда Бальцера [54]. Таким образом, армянские купцы из Северного Причерноморья могли достигать Львова с коммерческой целью уже в середине XIII в. и постепенно оседать в городе, а в середине XIV в. их община здесь была довольно укорененной и многочисленной, чтобы сохранить право на самоуправление и отдельный суд даже после реформирования правовых основ жизни города в 1356 г.

Более того, строительство в это же время новой каменной церкви указывает на численный рост армянской общины Львова. Как и в большинстве случаев в диаспоре, церковь была возведена на средства армянских купцов. Сохранилась дарственная грамота армян Якоба, сына Шахиншаха, из Каффы, и Панаса (Панасии/Паноса), сына Абрахама, из Нагела, армянской общине города Львова на церковь Пресвятой Богородицы (Львов, 30 августа 1363 г.) [65, с. 41–42]. Можно предположить, что Нагел (Nahel) – это искаженное название города Габал (древний Библ, араб. Джебель), расположенного на средиземноморском побережье Сирии, крупного торгового центра Леванта. Здесь существовала генуэзская фактория, а в *массарии* Каффы 1381 г. фигурирует 14 человек выходцев из Джебела, причем один из них носит имя в форме весьма характерной для армян той эпохи – Агопша (*Agopssa*) [34, с. 359].

В актовом документе Львова за 1382–1389 гг. неоднократно упоминаются сыновья Паноса – Аслан и Абраам (*Asslany Armeni filio Panosso*;

Abraham Panossowicz) [70, с. 1, 8, 16, 17, 47, 64, 108]. Можно предположить, что свои капиталы, достаточные для возведения церкви, эти купцы заработали на транзитной торговле, приведшей их во Львов, где они теперь намеревались прочно осесть, потому и возвели новую церковь, ибо прежняя (Св. Анны, предположительно возведенная во второй половине XIII в.) [23, с. 125; 13, с. 12], вероятно, уже не соответствовала растущему числу прихожан. Строительство новой церкви также связано и с переносом во Львов из Луцка престола армянского епископа, епархия которого включала в себя земли бывшего Галицко-Волинского княжества. Верительная грамота (кондак), выданная 13 июня (января?) 1364 г. католиком Месропом I Львовскому епископу Григорию, обозначает пределы его епархии, включавшей армянские приходы Львова, Владимира, с их уделами, и Луцка [13, с. 9]. В 1367 г. король Казимир III специальной грамотой утвердил епископа Григория на новой кафедре [55]. Тот факт, что именно во Львове теперь находилась резиденция армянского епископа, указывает на возросшее значение местной армянской общины, рост которой, не в последнюю очередь, был, по нашему мнению, вызван перемещением торговых путей и растущим значением Львова в транзитной торговле между Западной Европой и Северным Причерноморьем, через которое на запад поставлялись восточные товары.

В Луцк, Львов и Владимир купцы из Северного Причерноморья добирались по так называемому «Татарскому пути», проходившему через степи Правобережной Украины. В первой половине XIV в. на этом пути существовал целый ряд караван-сараев и торговых поселений. Несомненно, поездки купцов по этому пути на Волынь («сурожане» во Владимире в 1288 г.) и в Галицкую Русь предшествовали возникновению здесь развитой инфраструктуры. Раскопки последних пятнадцати лет в одном из таких городов – Синие Воды (сейчас село Торговица Новоархангельского района Кировоградской области Украины), выявили типичные для золотоордынских городов элементы инфраструктуры – остатки печей-тандыров, керамических труб водопровода, бани-хаммам [21, с. 20–22]. На время существования города и функционирование торгового пути указывают находки монет, начиная с хана Токты (1290–1312) и до Кульны и Навруза (1359–1360) [21, 24]. По мнению исследователей, именно в этом регионе великий князь Ольгерд разбил татарское войско в битве на Синих Водах в 1362 г. Поход Ольгерда, а также затянувшиеся междоусобицы в самой Золотой Орде, привели к упадку города и всего торгового пути. В подконтрольном эмиру Мамаю городе Орде (городище Кучугуры под совр. Запорожьем) чеканились монеты

ханов Абдуллаха (1361–1370) и Мухаммед-Буляка (1370–1380). Однако ни одной монеты их чеканки не выявлено раскопками в Торговице/Синих Водах [21, 25–26]. Торговля из Северного Причерноморья пошла по новому, более безопасному, пути через города недавно возникшего Молдавского княжества. Перенос торгового пути привел к упадку значения Луцка и Владимира и росту роли Львова в восточной торговле (что сопровождалось также ростом численности армянской торговой колонии во Львове).

Ассортимент восточных товаров, поставлявшихся из Крыма, частично может быть реконструирован благодаря завещанию львовского купца, армянина по происхождению, Тайчадина, сына покойного Иваниса (*Tayczadin filius condam Iwanis*). 18 июня 1376 г. Тайчадин, «пребывающий в ожидании своей смерти, в здравом уме, хотя и ослабленный каким-то недугом», составил завещание [47, с. 49–50; 70, с. 93–95]. В завещании приведен перечень товаров, которые «упомянутый Тайчадин имеет с собой во Львове 37 камней перца и пол камня муската, и жемчуга имеет три фертона без полтретей [т. е. 2,5] злотника. Также имеет три фунта хорошего шелка и пять фунтов дешевого шелка. Также имеет двух коней» (Камень (*lapis, lapidis*) – от 32 до 40 фунтов (львовский фунт = 405, 224 г), таким образом, камень = 1620 г, или около 1,5 кг.). Можно предположить, что эти восточные товары – шелк, перец, мускат и жемчуг – Тайчадин приобрел в Каффе, либо они были доставлены во Львов его крымскими партнерами. Так, один из них должен ему 60 коп грошей (*sexagena* – условная денежно-счетная единица, содержащая 60 грошей): «Также упомянутый Тайчадин имеет у Ходжи Мансура, горожанина Каффы, 60 коп грошей франконских». Ходжи Мансур, вероятно, регулярно бывал во Львове, поскольку в завещании указано, что наследники/опекуны «должны получить из упомянутых 60 коп грошей, числящихся за упомянутым Ходжи Мансуром, как только застанут его во Львове».

Более того, католик по вероисповеданию, Тайчадин жертвует деньги католическим церквям Львова и Каффы, что, по нашему мнению, указывает на его возможное переселение из Каффы во Львов, и последующие коммерческие поездки в Каффу. Вероятно, именно в Каффе Тайчадин перешел из армянской веры в католическую. Католические миссионеры весьма активно занимались прозелитизмом в Крыму [76, с. 92], а папа римский Иннокентий XXII в своей булле 1318 г., учредил отдельную Каффскую епархию, охватывавшую территорию от Варны в Болгарии до Сарая в Орде [43, с. 827]. Более того, в 1318 г. Иннокентий XXII направил специальное послание армянскому духовенству Каффы (*Venerabili*

fratri Archiepiscopo Armenorum, et dilectis filiis presbyteris per Caphensem doecesim constitutis) [74, с. 172]. Во Львове в 1370-х годах существовала небольшая община армян-католиков [44, с. 352–353]. Арабское имя армянина Тайчадина (араб. «венец веры») [7, с. 193], по нашему мнению, может свидетельствовать о его (или его родителей) происхождении из Северной Сирии, где в позднем средневековье проживало довольно много армян. На момент рождения Тайчадина (первая половина XIV в.) арабские имена еще не были распространены среди крымских татар. Наречение армянами своего сына арабским именем кажется нам более уместным в среде, где было много арабов-христиан (а в Сирии их проживало очень много) и смысл имени был понятен окружающим.

Скорее всего, в Каффу шелк поставлялся из Трапезунда. Наиболее дешевым был китайский шелк, широко вывозившийся из Табриза в Трапезунд и Лаяццо с конца 1250-х до середины 1340-х годов. Импорт китайского шелка был выгоден не из-за его качества (оно было посредственным), а из-за дешевизны: в XIII в. он стоил в Генуе в три раза дороже, чем в Китае. Более высокого качества был шелк прикаспийских областей [18, с. 115]. Показательно, что ассортимент товаров, бывших во Львове у Тайчадина и упомянутых в его завещании 1376 г., совпадает с товарами венецианского купца Томмазо Санудо, умершего в Трапезунде в 1374 г. Среди его товаров также преобладали перец, шелк и жемчуг [18, с. 267].

Руй Гонзалез де Клавихо, посол короля Кастилии к Тимуру/Тамерлану в 1403–1406 гг., отмечал в своем отчете, что главными торговыми центрами в державе Тимура являются Табриз и Султания, соединенные сетью почтовых станций (ямов) со столицей – Самаркандом, куда поставлялись товары из Китая и Индии. Согласно Клавихо, на рынках Табриза продаются шелковые и хлопковые ткани, тафта, шелк-сырец, пряности, жемчуг, драгоценные камни и ювелирные изделия. Как пишет Клавихо, каждый год летом в Султанию приезжают купцы из христианских земель, а именно из Каффы и Трапезунда, а также мусульманские купцы из Турции, Сирии и Багдада для заключения сделок [58]. Таким образом, товары, имевшиеся у Тайчадина во Львове, и перечисленные в его завещании, поставлялись из Китая, Индии и Персии, по морю через Ормуз и по суше через Самарканд, Султанию, Табриз, Трапезунд, по Черному морю в Каффу, а уже оттуда Тайчадин и его партнеры привозили их во Львов. Далее в Центральную и Западную Европу эти товары поставлялись через Краков.

По подсчетам краковской исследовательницы Б. Вырозумской, в актовых книгах Кракова за период с 1372 по 1501 г. упомянуто всего 42 ар-

мянина [67, с. 5]. Жили они преимущественно на улице Гродзкой (Замковой), которая вела от королевского замка на Вавеле в собственно город (получивший магдебургское право в 1257 г.) [67, с. 7]. В Кракове никогда не было армянской церкви или прихода. Более того, имеющиеся данные о браках армян с местными мещанами, свидетельствуют о том, что это были армяне, принявшие католицизм. Все они со временем ассимилировались в мещанской среде. Отсутствие крупной армянской колонии в столице Польши, крупном центре транзитной торговли, по нашему мнению, является следствием как религиозной нетерпимости мещан-католиков, так и нежеланием терпеть в городе торговых конкурентов. Армянские торговые колонии во Львове и Каменце сформировались еще до польского завоевания Галицкой и Подольской земель в 1349 и 1432 гг., соответственно. Поэтому мещане-католики в этих городах вынуждены были смириться с наличием армянских купцов и ремесленников, чьи права были подтверждены королями Казимиром III (1333–1370) и Владиславом II (1386–1434).

Помимо Ходжи Мансура во Львове в эти же годы бывали и иные купцы из Каффы, которые фигурируют в книге актовых записей Львова за 1382–1389 гг. В акте от 20 июня 1386 г. упоминается «почтенный муж Лазарь, армянин из Каффы» (*honestus vir Lazar Armenus de Caffa*), которому львовские купцы-армяне Иванис, сын Григория лавочника, и Амир, возвращают долг за полученные от него 4,5 камня шелка-сырца [70, с. 63]. 28 февраля 1388 г. львовский толмач Качарис берет на поруки Петра Реддуша и обещает выплатить его долг 30 марок грошей Шададину из Каффы (*Schadadinum de Kapha*) на ближайшую Пасху [70, с. 96]. Качарис/Хачерис, несомненно, был армянином и как толмач/переводчик также выполнял функции посредника на львовском рынке. Судя по всему, армянином был и Шададин. Вероятно, к армянам можно отнести и Антония из Солхата (*Anthוניus de Solchaten*), который 10 сентября 1382 г. признает продажу своей лавки, расположенной недалеко от (львовской) ратуши, Григорию, зятю армянского священника [70, с. 7]. На армянское происхождение Антония (арм. Айтон/Гетум) может указывать не только проживание в Солхате/Сурхате, где тогда располагалась многочисленная армянская община, но и тот факт, что, как и в двух ранее упомянутых случаях, армянские купцы из Крыма предпочитали иметь дело с армянами львовскими, а не иноверцами.

Подобная ситуация была характерна и для начала XV в., что отражено в книге доходов и расходов городского совета (рады) Львова. Так, в записи от 20 февраля 1406 г. господра райцы (ратманы – члены городского

совета) заявляют, что прощают Ганушко Черкису (*Hanusco Czerkis*) невыплаченную подать с «300 коп [грошей], которые он имеет в Татарии (*quas habet in Tartaria*), из коих до сих пор не платит подать, но когда эти 300 коп вернут, тогда должен сам заплатить городу [всю] сумму подати» [71, с. 20–21]. Прозвище или имя «Черкис» было распространено среди львовских армян в конце XIV – начале XV в. и, возможно, является искаженной формой весьма популярного тогда армянского имени Серкис/Саркис. Таким образом, это указывает на армянское происхождение Ганушко Черкиса. Под «Татарией», вероятно, следует понимать Крым. Несомненно, Ганушко Черкис имел какие-то деловые связи с крымскими купцами, задолжавшими ему крупную сумму – 300 коп грошей.

Ганушко был весьма богатым купцом и неоднократно ссужал городскому совету крупные суммы. Так, 5 августа 1406 г. Ганушко Черкис ссудил городу 40 коп широких грошей, для обеспечения приема свиты князя Свидригайла [71, с. 32]. 20 июля 1407 г. райцы (*consules*) вернули Ганушко Черкису 2 копы широких грошей, которые он ранее ссудил городу [71, с. 53]. Также из подобных записей можно узнать, на чем Ганушко Черкис заработал свой капитал, и что именно ему поставляли из Крыма. 23 октября 1409 г. господа райцы возвращают Иоанну Черкису 2 копы за ковры (*pro tapetis*), взятые ими для почтения господина короля (Владислава II Ягайло) [71, с. 84]. 11 апреля 1412 г. от Ганушко Серкиса были получены 2 ковра стоимостью две копы для почтения неуказанной особы. С этой же целью были взяты шелковые материи «камки» (цветная шелковая узорчатая ткань, нередко с золотыми нитями, которая изготавливалась как в Китае, Персии и Сирии, так и в Генуе, Лукке и на Кипре [18, с. 120]) от купцов Хасбея (стоимостью 5 коп) и Иваниса (стоимостью 4 копы) [71, с. 117]. 5 августа 1406 г. городской совет получил от армянина Асвадура 4 постова (*stamina*) шелка для почтения короля и королевы во Львове. Этот шелк поставил ему Иолбей из Луцка (*Iolbey de Luczko*) [71, с. 32]. 3 февраля 1408 г. райцы возвращают Стефану Керекбею пол камня перца стоимостью полторы копы, данные им для почтения господина старосты Флориана. Город возвращает Хасбею 50 польских марок, выплаченных по королевским счетам. Юрко Корку дано было 9 флоринов за «камки», подаренные госпоже королеве [71, с. 53]. Показательно, что бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа (*Guillebert de Lannoy*), посол королей Англии и Франции, в ходе своего пребывания во Львове в 1421 г., также был почтен шелковыми тканями: «синьоры и горожане дали мне очень большой обед и подарили шелковую материю, а армяне, бывшие там, подарили мне шелковую мате-

рию, устроили для меня танцы и дали мне случай хорошо пообедать и побеседовать с дамами» [37, с. 36]. Таким образом, восточные товары, которые армянские купцы поставляли во Львов из Крыма в XIV – начале XV в. включали: шелк-сырец, шелковые ткани («камки»), ковры, пряности (перец, мускат) и жемчуг.

Судя по именам, Юрко Корк, Стефан Керекбей, Иолбей, Хасбей и Иванис также были армянами по происхождению. Стефан Керекбей, Андрей Хасбей и Юрко Корк неоднократно упоминаются при заключении сделок на львовском рынке, где фигурируют перец, камка и прочие восточные товары, что указывает на их участие в восточной торговле или связи с купцами из восточных стран. В реестре налогоплательщиков 1413 г. указана профессия Юрка – толмач [71, с. 119]. Многие богатые армянские купцы принимали католическую веру, чтобы получить равные права с мещанами-католиками, в частности возможность пользоваться равными с католиками городскими привилегиями. Католиком был и Ганушко Черкис. Богатство и принятие католической веры открыло ему путь в ряды львовского патрициата. Трижды, 22 февраля 1408, 1409 и 1413 гг. Иоанн Черкис/Серкис (*Iohannes Czerkis/Serkis*) упомянут среди вновь избранных членов городского совета (*consules*) [71, с. 63, 78, 121], коих всего насчитывалось 6.

Таким образом, часть крымских армян в середине – второй половине XIV в. оседала в Килии, Аккермане и Львове, а также в городах, через которые проходил так называемый «Молдавский» торговый путь, связывавший эти ключевые пункты транзитной торговли между Востоком и Западом. Так, в кондаке католикоса Теодороса II от 13 августа 1388 г. об утверждении Львовским армянским епископом Иоганнеса Насратиняна обозначены приходы его епархии, включающие Львов, Сирет, Сучаву, Каменец, Луцк, Владимир, Киев, Молдавию и Ботин (Хотин или Ботошаны?), а также Енкисалай (Ени-Сарай/Новый Сарай) [13, с. 10]. Рост численности армянского населения в регионе между Карпатами, Днестром и Черным морем в этот период был настолько существенным, что уже в самом конце XIV в. от Львовской епархии Армянской церкви была отделена Молдавская епархия с центром в Сучаве. Молдавский господарь Александр Добрый своей грамотой от 30 июля 1401 г. утвердил во главе новой епархии армянского епископа Оганеса [60, с. 21]. Имеется также единичное свидетельство, что в 1459/1460 г. в Белгороде/Аккермане/Монкастро была резиденция армянского епископа Николайоса, которому подчинялись армяне, жившие «на территории княжества воеводы Стефана, то есть в Молдавии [31, с. 150–152; 78, с. 14].

Из Аккермана торговый путь на север проходил через Молдавию, а именно через ее важнейшие города – Сучаву и Сирет. Далее, одно ответвление пути вело во Львов и оттуда в Краков, другое – через Каменец-Подольский в Луцк и Владимир, и оттуда в Люблин, Торунь и Гданьск, наконец, третье – также через Каменец-Подольский в Киев. Следовательно, расширение армянской диаспоры на западно-украинских и молдавских землях явилось следствием создания крымскими армянами торговой сети, отвечавшей их коммерческим интересам. И центром этой сети с 1360-х годов являлся Львов. Иные армянские купцы, продолжали жить в Крыму, совершая коммерческие поездки во Львов, где продавали свои товары преимущественно единоверцам (но также и католикам), и закупали товары местного производства. Можно предположить, что это была, главным образом, продукция сельского хозяйства.

По Дунаю и его притоку Пруту в Килию поступала сельскохозяйственная продукция (главным образом пшеница, но также и воск) из Молдавии, Валахии и, возможно, Венгрии. (Выше мы уже упоминали заключение в Килии сделки 30 октября 1360 г. между каффинским армянином Саркисом и Ягопом из Венгрии, согласно которой Ягоп обязался доставить Саркису в Килию крупную партию воска (5 кантаров) на Пасху 1361 г.) [50, с. 193]. В сентябре 1360 г. итальянскими и византийскими купцами в Килии были заключены сделки о морских поставках крупных партий пшеницы (60 и 500 модиев) в Константинополь, Перу (итальянский квартал в столице Византии) и Фамагусту (Кипр) [50, с. 128–129, 135–136].

Очевидно, что подобную роль выполнял в это время и Аккерман, расположенный на берегу Днестровского лимана. По Днестру сюда было удобно транспортировать пшеницу из Подолья, которая по морю доставлялась в Константинополь и Восточное Средиземноморье. Очевидно, именно богатый экспортный потенциал Подолья и возможность выхода к черноморским портам привлекали к нему внимание польских феодалов. Вскоре после завоевания Галицкой Руси Казимир III (1333–1370), совместно с венгерскими союзниками, предпринял в 1354 г. неудачный поход в Подолье. Первое достоверное упоминание об армянах в Аккермане может быть датировано по надписи на мраморной плите, вделанной в стену старой армянской церкви Успения Богородицы: «Это Господне знамение, им отвергается клеветник; господин Кутчсен оплакивал смерть своей матери, ибо был <...> благоразумен и мудр. Лета армянской эры 800 (1351)» [25, с. 66].

Воспоминания о золотом веке подольского зернового экспорта были актуальны и два века спустя. Польский гуманист Станислав Сарницкий

(1532–1597) в своем «Описании древней и новой Польши» (1585) отмечал: «Был некогда Белгород рынком многолюдным и доступным для наших людей. Ибо, во времена Казимира до самого Кипра доходили грузовые суда, груженные подольской пшеницей» [79]. На момент издания его книги Белгород уже столетие находился в руках османов и от прежней зерновой торговли остались лишь воспоминания. Воспоминания, однако, были весьма актуальны для местных землевладельцев, поскольку вследствие «революции цен» и «хлебного бума» в Западной Европе в XVI в. рос спрос на продовольственные продукты. В отличие от шляхты собственно польских земель, которая транспортировала зерно по Висле к Гданьску на Балтийском море, подольской шляхте удобнее было бы вывозить зерно по Днестру к Белгороду и далее по Черному морю в страны Средиземноморья. В этом были заинтересованы и венецианцы, изгнанные турками из Черного моря, но сохранявшие под своей властью Кипр (1473–1571). В ином своем сочинении – «Анналы, или о происхождении и деяниях поляков и литовцев» (1587) – С. Сарницкий писал о некоем венецианском посольстве, бывшем у Сигизмунда I (1506–1548) с целью восстановить экспорт подольской пшеницы через Белгород на Кипр: «Подобным образом Республика Венеция тщетно возобновить для своей пользы желала, и напрасно (ее) послы просили короля польского Сигизмунда Старого, и при этом приводили пример древних королей сарматских и также Казимира Великого, который более двухсот лет назад передал им в пользование эти земли, и порт предоставил, и Кипр самостоятельно с этого времени могли обеспечивать пшеницей. Ибо тогда Кипрское королевство все еще пребывало под властью венецианцев» [80, с. 56].

Папский нунций в Польше (1563–1565 гг.) Джованни Франческо Коммендони в своем письме из Варшавы от 25 марта 1563 г. писал послу Венеции о важном торговом значении Белгорода: «В устье Днестра есть город Белгород, некогда владение молдавского господаря, а сейчас занятый турками, в котором проживает много армян и иных купцов, ведущих разнообразную торговлю» [69, с. 99]. Далее нунций излагал проект вывоза зерна и прочих товаров по рекам к Черному морю и далее в Венецию, поскольку «и до сего дня, армяне и евреи по этим рекам ввозят некоторое количество товаров в королевство, и намного больше ввозили бы, если бы перекопские татары, проживающие на Таврическом полуострове, не нападали так часто на польские земли» [69, с. 101]. Именно через Белгород в 1432 г. к польскому королю Владиславу II прибыло посольство от Иоанна, короля Кипра (также носившего титул короля

Армении и Иерусалима). Польский историк Ян Длугош упоминает, что посольство прибыло по морю, высадилось в Белгороде и далее путешествовало через Молдавию и Русь [61, с. 62–63].

Во второй половине XIV в. центром экспорта подольского зерна к Белгороду, вероятно, становится новый город – Каменец-Подольский. После разгрома войск татарских феодалов в битве на Синих Водах в 1362 г. великий князь Литовский отдал Подольскую землю во владение своим племянникам – князьям Кориатовичам. 7 ноября 1374 г. князья Юрий и Александр Кориатовичи даровали Каменцу самоуправление («немецкое право») для привлечения в город как можно большего числа мещан [29, с. 208–209]. Уже в 1388 г. Каменец упоминается среди приходов Львовской армянской епархии. Следовательно, к этому времени в городе была значительная армянская община, которая была в состоянии возвести церковь и содержать священника. Вероятно, армяне обосновались в Каменце с самого момента его основания, а в Подольской земле бывали и раньше (в 1360-х или даже в 1350-х годах), вывозя отсюда зерно в генуэзские колонии Северного Причерноморья. По мнению С.П. Карпова именно армянские, греческие и проч. купцы поставляли продовольствие из внутренних районов в приморские города, где продавали его генуэзцам и венецианцам [18, с. 281, 299, 333].

Только Владиславу II Ягайло (1386–1434) удалось в 1430–1432 гг. захватить Западное Подолье с Каменцом. Ян из Чижова, польский наместник Подольской земли, в грамоте каменецким армянам от 13 августа 1443 г., подтвердил все права (равные с мещанами-католиками права продавать ткани и прочие товары), которые были ранее им предоставлены литовскими князьями Кориатовичами [72, с. 147–148]. Братья Кориатовичи – Юрий, Александр, Константин и Федор – правили здесь с 1363 по 1394 г.

В армянской церкви Каменца хранился церковный требник («Чашоц»), переписанный армянским священником Степаном в крымском городе Сурхат/Солхат [39, с. 179]. 15 августа 1394 г. в этой книге была сделана памятная запись о ее приобретении Синаном, сыном Хутлубея, из Каменца [11, с. 64]. (В записи также упоминаются его мать Сарухатун и супруга Этиль-мелик). В 1398 г. Синан подарил требник армянской церкви св.Николая, построенной на его же средства в Каменце: «После написания, через сорок пять лет купил его господин Синан из Каменца, сын Хутлубея, и даровал на память о себе выше упомянутой церкви св. Николая, эры Армянской 847 [года], и Господней 1394 [года], августа 15 [дня]. И затем господин Синан на свои собственные сред-

ства возвел эту церковь св. Николая эры Армянской 847 [года] и Господней 1398 [года], как видно из фундаментальной грамоты той же церкви, хранящейся в нашем магистрате» [72, с. 144–145]. Несомненно, Синан был богатым купцом, занимавшимся транзитной торговлей между Каменцом и портами Северного Причерноморья. Именно прибыли от этой торговли позволили ему возвести за свой счет каменную церковь в Каменце, также как в 1363 г. поступили во Львове армянские купцы Якоб, сын Шахиншаха, житель Каффы, и Панас, сын Абрахама, житель Нагела. Вероятно, Синан приобрел требник во время торговой поездки в Крым, чтобы подарить строившейся на его средства церкви в Каменце. Возможно также, что Синан происходил из Сурхата и позже осел в Каменце. Интересно, что 5 сентября 1407 г. в списке членов армянской общины Львова – плательщиков налога на недвижимость – фигурирует некий «Захария Куттлубей из Каменца» (*Zacharia Cuttlubey de Kamencz*), заплативший одну из самых крупных сумм – 40 грошей (в то время как выплата за один дом составляла 20 грошей) [71, с. 40–41]. Указание на то, что он «из Каменца» может свидетельствовать, что либо он недавно переселился во Львов из этого города, либо по-прежнему жил в Каменце, но при этом еще владел недвижимостью во Львове. Можно также предположить, что Захария был сыном Куттлубея/Хуттлубея и братом Синана. Наконец, небезосновательной может быть и гипотеза о том, что Захария и Синан это одно и то же лицо, которое в одном случае выступает под своим профанным тюркским именем Синан, в другом – под христианским именем Захария.

По нашему мнению, приведенные примеры переселения армянских купцов во Львов, Каменец и города Молдавского княжества в 1360-х – 1390-х годах, могут быть объяснены не только их коммерческими интересами, но и ситуацией политической нестабильности, охватившей Золотую Орду после смерти хана Бердибека в 1359 г. Междоусобные войны составляют важный период, известный как «великая замятня», знаменовавший закат политического могущества Золотой Орды. Степи Северного Причерноморья и Приазовья, а также Крым, были зоной политической нестабильности, начиная с битвы на Синих Водах в 1362 г. и до битвы на Ворскле в 1399 г.

В конце упомянутой грамоты 1363 г. (о передаче церкви Пресвятой Богородицы во Львове местной армянской общине) приведен список свидетелей – полномочных представителей общины: четыре духовные особы и 12 светских (старшие, т. е. члены армянского суда присяжных). Наконец, после всех подписался секретарь суда – Хосров Аваконци

(*Cosroes Auaconcicius*). Мы склонны отождествить его с армянским писарем Хосровом, который 22 января 1356 г. в городе Сургате/Сурхате закончил переписывать богослужебную книгу «Чашоц» [77, с. 90]. Как видим, и Хосров, весьма далекий от торговли служитель пера, также переселился во Львов из Крыма в промежуток времени между 1356–1363 гг.

1360-е годы были периодом наибольшей политической нестабильности в Крыму. Памятные записи (колофоны) армянских рукописей, переписанных в те годы в городах полуострова, описывают бедствия местных армян и тревожные ожидания еще больших несчастий, толкавшие многих к эмиграции. Позволим себе привести несколько примеров. (Солхат, 1363 г.) «В это время было много сумятицы и волнения от рук временных завоевателей, поскольку не было ни вождя, ни царя, который мог бы восстановить мир, потому что, как сказал Господь: «разделившееся царство не устоит». Поэтому наместник этого города копает рвы; он копает рвы вокруг этого города, и он разрушает многочисленные жилища до основания. И было много разрушений, и все были преисполнены страха ...» [77, с. 93]. Ранее, города Золотой Орды не имели укреплений, поскольку железная дисциплина в монгольской армии и суровые наказания за нарушение законов «Ясы» Чингис-хана обеспечивали относительно безопасное существование горожан. Грим (т. е. Эски Крым, совр. Старый Крым, одно из названий Солхата, 23 августа 1365 г.): «во времена суетливой тревоги, поскольку люди и животные со всей страны, простиравшейся от Кеца (Керчи) до Сарукармана (Херсонес), собрались тут; и Мамай [сейчас] в Карасу с многочисленными татарами; и наш город дрожит и шатается ...» [77, с. 93]. В соседнем с Солхатом Карасу (совр. Белогорск) Мамай собирал войска, что вызвало страх горожан. Кафа (15 августа 1365 г.): «в лихие и тяжелые времена. В этом году, прибыл <...> Чалибег, из народа измаильтян, убивавший христиан и державший всю окружающую страну в страхе и трепете день и ночь ...» [77, с. 94]. Казария/Казарат (1368 г.): «был ужасающий голод, уничтоживший бесчисленное множество людей ...» [77, с. 97]. Сурхат/Солхат (1371 г.): «[татарские] князья и полководцы, собранные на севере, убивают друг друга. Мы надеемся, что милостивый и немстительный [Господь] будет милостив ко всем нам, так, что те из нас, кто был пленен и обратился в бегство в разные места, не будут, за наши грехи, вновь ограблены ...» [77, с. 97–98]. Наконец, в 1363–1366 гг. эпидемия чумы свирепствовала во владениях Золотой Орды и на Руси.

Спасаясь от войны, голода, эпидемии, разрушений и неопределенного будущего, крымские армяне переселялись не только во Львов и неко-

торые другие украинские города, но и на острова Эгейского моря, пребывавшие в то время во владении латинян. Так, 7 июня 1363 г. Сенат Венеции рассматривал просьбу армян, происходящих из области Черного моря, позволить им обосноваться со своими семьями на острове Крит. Сенат постановил, что следует принять и устроить их как можно лучше [75, с. 105]. А уже 1 июля 1363 г. Сенат удовлетворил ходатайство некоего армянского архиепископа (*archiepiscopus Arminorum*) и даровал армянам, происходящим из областей Черного моря и недавно прибывшим на Крит, церковь и место для жилищ, а также льготы на 4 года [75, с. 107]. 8 февраля 1366 г. Орден госпитальеров, базировавшийся тогда на Родосе, даровал выгодные условия неким армянам из Митилены для поселения на острове Кос. Посланцем этих армян был Ванос из Каффы (*Vanes de Cafa Armenus*) [64, с. 131]. Очевидно, эти армяне из Каффы первоначально прибыли в город Митилену на острове Лесбос, а уже оттуда обратились с просьбой к госпитальерам (а может быть и не только к ним). Таким образом, миграция армян из Крыма в 1360-х годах была разнонаправленной и приобрела довольно значительный размах. Свидетельством определенного оттока армян из Каффы могут служить и подсчеты Мишеля Балара, произведенные по данным бухгалтерской книги *массари* 1386 г. В записях о сделках за этот год больше всего упоминаний греков – 267 имен, на втором месте армяне – 91 [51, с. 84].

С политикой могущественного эмира Мамая, фактического правителя западной части Золотой Орды, тесным образом переплелась судьба армянского купца Некомата Сурожанина [30]. Из русских летописей известно, что в 1375-1383 гг. Некомат неоднократно совершал поездки в Москву и Тверь, в ходе которых не только осуществлял коммерческую деятельность, но и выполнял дипломатические поручения Мамая (преимущественно секретного характера). Некомат был посредником в отношениях Мамая с тверским князем Михаилом Александровичем и Иваном Васильевичем, опальным сыном московского тысяцкого Василия Васильевича Вельяминова. Поражение на Куликовом поле и убийство Мамая в Солхате или Каффе привели к гибели и его доверенного лица Некомата. В 1383 г. «убиень бысть на Москве некий брехь именем Некоматъ за некую крамолу» [33, с. 85]. В наиболее ранней книге актовых записей магистрата города Львова 1382–1389 гг. в записи о сделке от 14 ноября 1386 г. упомянут некий «Авахав, сын покойного Некомата» (*Awachaw filius quondam Necomath*) [70, с. 69]. Мы считаем возможным отождествить этого Некомата с Некоматом Сурожанином русских летописей. Некомат Сурожанин был казнен в 1383 г., что со-

гласуется с записью во львовских актах 1386 г. о сделке Авахавы сына покойного Некомата. «Авакбарун, сын Некаматы» (*Awackbarun filius Nekamaty*) упомянут в реестре сбора налога с армян домовладельцев Львова от 5 сентября 1407 г. [71, с. 40–41]. Случай Некомата и его сына Авакбаруна является, по нашему мнению, удачным примером создания торговых сетей на основании родственных связей. Судя по всему, Некомат осуществлял коммерческие операции на направлении Крым – Тверь и Москва, а его сын Авак торговал между Крымом и Львовом. Вероятно, Авак (Авахав, Авакбарун) окончательно перебрался во Львов после поражения и гибели Мамай, покровителя его отца, и казни самого Некомата в Москве. Крымские купцы-сурожане совершали регулярные поездки в Москву в правление князя Дмитрия Ивановича. Нескольких из них он взял с собой из Москвы в 1380 г. во время похода навстречу войску Мамай. Л.С. Хачикян идентифицирует большинство этих купцов-сурожан как армян и греков [41]. Вероятно, в это же время армянские купцы бывали и в Новгороде [2].

В XV в. все большее значение для армянских купцов Львова приобретает торговля с Молдавским княжеством и торговый путь, проходивший по его землям (через Черновцы, Сирет, Сучаву, Галац) как в Килию и Аккерман, так и во владения османов, прежде всего, в столичные города Адрианополь и Константинополь. О том, насколько «Молдавский путь» был освоен армянскими купцами свидетельствует грамота молдавского господара Александра Доброго от 8 октября 1408 г. Грамота регулировала пребывание в его владениях купцов из Польского королевства, в том числе устанавливала размеры пошлин и пункты, в которых их надлежало уплатить. В частности на переправе через реку Прут у города Черновцы надлежало уплатить пошлину от каждого воза: «А оу Черновци отъ Немецкого воза мыто четьри гроши, а от Орменьского воза шесть гроши. А на перевози и отъ Немецких возъ целыхъ и отъ Орминьских по четьре гроши» [16, с. 42].

С «армянского воза» бралась большая пошлина, поскольку армянские возы были большего размера, соответственно, на них помещалось больше товаров, чем на «немецких возах». Так, армянский путешественник Симеон Лехацци (уроженец города Замостья) пишет о завершающем этапе своего путешествия, когда он в 1619 г. из Стамбула возвращался во Львов, присоединившись к каравану армянских купцов из Польши: «[В Стамбуле] мы оставались два месяца, пока не прибыл польский караван. Присоединившись к нему, мы сели в *большую телегу, [запряженную] тремя лошадьми*, и оправились в Польшу» [26, с. 242].

Тот факт, что «армянский воз» к 1408 г. стал привычной единицей таможенных выплат, свидетельствует о том, что к этому времени армянские купцы, наряду с «немцами» (т. е. католиками), были обычным явлением в Молдавском княжестве. Вновь этот тариф, с упоминанием «армянского воза», встречается в грамоте господаря Штефана Великого (1457–1504) от 3 июля 1460 г. [40, с. 112], что указывает на постоянный характер армянской торговли через земли Молдавского княжества.

Военно-политические события 1390-х годов отразились и на изменении торговых путей в Причерноморском регионе. В 1395 г. среднеазиатский правитель Тимур/Тамерлан в ходе войны с ханом Тохтамышем подверг полному разгрому золотоордынские города – центры транзитной торговли – Сарай ал-Джедид (Новый Сарай), Хаджитархан (Астрахань), Тану (Азак) [3, с. 157] и Солхат (Старый Крым) [15, с. 88]. Несомненно, Тимур преследовал цель подорвать экономическое могущество Золотой Орды и способствовать перемещению грузопотока на торговые пути, проходившие через его владения. И это ему удалось. Как отмечал кастильский посол Руй Гонзалез де Клавихо, в ходе своей поездки в Самарканд в 1403–1406 гг., генуэзские и венецианские купцы из Каффы и Трапезунда приезжали для закупки восточных товаров в Табриз и Султанию, входившие в состав империи Тимура. Ранее, итальянские купцы из Крыма предпочитали ездить за восточными товарами через Тану/Азак в Сарай. Стремлением установить свой контроль над торговыми путями, шедшими из Крыма, можно объяснить и походы великого князя литовского Витовта (1392–1430) в союзе с бежавшим к нему Тохтамышем. В 1397 г. Витовт дошел до устья Днепра, где соорудил замок Св. Иоанна. В 1398 г. Витовт достиг Крыма, откуда вывел в свои владения часть татарского и караимского населения [81, с. 148–149; 82]. Однако, поражение Витовта и Тохтамыша от золотоордынского хана Темир-Кутлуга и эмира Едигея, которое они потерпели в битве на реке Ворскле 12 августа 1399 г., положило конец литовскому продвижению на юг.

1390-е годы ознаменовались также установлением османского господства на Балканах. В 1389 г. на Косовом Поле были разгромлены сербы, в 1396 г. под Никоподем в Болгарии было разбито войско западных крестоносцев. Столица османов в 1365 г. была перенесена из Бурсы в Адрианополь (Эдирне). Северным пределом османских владений стал Дунай, служивший также южной границей Молдавского княжества. Через земли княжества проходил торговый путь из Константинополя по морю в Килию, Белгород/Аккерман, Яссы, Сучаву, Львов, Краков, Регенсбург. Именно по этому маршруту проследовал около 1425–1427 г.

Иоганн Шильтбергер после почти 30 лет пребывания в странах Востока. Примечательно, что от Килии Шильтбергер путешествовал с купцами: «По истечении трех месяцев император отправил нас на галере в замок, именуемый Килия, близ устья Дуная. Там я расстался со своими товарищами и присоединился к купцам, с которыми прибыл в город, именовавшийся по-немецки Белым и находившийся в Валахии. Отсюда – в город по имени Аспар-Сарай [Яссы. – А.О.], оттуда в Сучаву, главный город Малой Валахии, а потом в другой город, называемый по-немецки Лемберг. Это – главный город в меньшей Белой России. Там я пролежал больной три месяца, а затем приехал в Краков, главный город в Польше, оттуда – в Мейсен в Саксонии, и в Бреслав, главный город в Силезии. Наконец, через Эгер, Регенсбург и Ландсгут» [42]. Из Килии в родную Баварию Шильтбергер мог бы плыть по Дунаю, но предпочел сделать крюк через Львов и Краков. Вероятно, дунайский путь в это время был небезопасен и купцы, к которым он присоединился, предпочитали северный маршрут через Молдавию и Польшу.

Помимо морского пути, соединявшего Аккерман и Каффу, в первой четверти XV в. все еще функционировала дорога, проходившая через степи Причерноморья в Крым. Именно этим путем в 1421 г. последовал бургундский рыцарь Жильбер де Ланнуа, после того как молдавский господарь Александр Добрый «определенно подтвердил сведения о смерти турецкого императора и о большой войне, которая шла по всей стране... И что никак нельзя переправиться через Дунай, потому что никто из его людей не был настолько смел, чтобы отважиться меня перевезти. И, таким образом, мне следовало переменить решение ехать через Турцию. И с намерением испробовать обогнуть Великое море я отправился сухим путем в Каффу». Ланнуа проезжал через Монкастро/Белгород, и отметил в своем отчете, что в нем «обитают генуэзцы, валахи и армяне» [37, с. 439].

Однако распад некогда могущественной Золотой Орды сделал степи Причерноморья весьма опасными для путешественников, на что через пол века позже указывал венецианский посол Амброджо Контарини, в 1474 г. ехавший из Киева в Каффу: «Город [Киев] стоит у границ с Татарией; в нем собирается некоторое количество купцов с пушниной, вывезенной из Верхней России; объединившись в караваны, они идут в Каффу, однако часто бывают захвачены, как бараны, татарами» [3, с. 211]. Из Киева Контарини ехал через Черкассы, переправился через Днепр и по степным дорогам добрался в Каффу, а оттуда морем (по совету армянина Морака – посла персидского шаха к папе римскому) в Ба-

тум [3, с. 213–214], далее через Грузию, Армению, Табриз и Султанию в Исфахан. Путь от Киева до Табриза занял у Контарини почти три месяца (с 11 мая до 4 августа).

Таким образом, проникновение армянского купечества в Северное Причерноморье, молдавские и западно-украинские земли связано с изменением торговых путей в результате монгольских завоеваний и создания Монгольской империи (впоследствии распавшейся на четыре государства). Можно выделить следующие этапы. С середины XIII в. и до середины XIV в. армянские торговые колонии возникают в Северном Причерноморье, в городах, контролируемых генуэзцами и венецианцами. Как правило, армянское купечество (из Армении, Грузии, Киликии) поставляло в портовые города (Каффа, Судак, Килия, Монкастро) восточные товары, которые затем местные армяне по «Татарскому пути» через степи доставляли в города Галицко-Волынского княжества (Владимир, Луцк, Львов), где возникают армянские общины. Отсюда армянские купцы везли обратно сельскохозяйственную продукцию (воск, зерно, кожи), которую сбывали в портовых городах. На втором этапе, междоусобицы в Золотой Орде и битва на Синих Водах в 1362 г. привели к упадку «Татарского пути» и формированию «Молдавского пути», а также оттоку части армянского населения из Крыма. В результате в 1360–1380-х годах возникает ряд армянских колоний в Сучаве, Яссах и Каменце-Подольском. Растет значение Килии и Монкастро. Походы Тамерлана и Витовта в Крым в 1390-х только усилили эти тенденции. Приходят в упадок армянские колонии во Владимире и Луцке, центр армянской диаспоры и епархии перемещается во Львов. Третий этап начинается с турецких завоеваний во второй половине XV в. (захват Константинополя в 1453 г., Каффы и Судака в 1475 г., Килии и Монкастро в 1484 г.). Упадок и распад Золотой Орды в середине XV в., а также целенаправленные усилия турецкого султана (переселение части итальянского, армянского и греческого купечества из городов Причерноморья), приводят к концентрации торговли между Восточной Европой и Восточным Средиземноморьем в Стамбуле. Именно этот город до конца XVII в. оставался главной целью коммерческих поездок армянских купцов Львова и Каменца-Подольского (хотя некоторые из них достигали торговых центров Малой Азии, Армении и Персии). В немалой степени, процветанию сети армянских торговых колоний в Крыму, Молдавском княжестве и восточных владениях Польской короны, способствовало их

тесная кооперация с армянским купечеством Ближнего Востока и Венечии.

Список литературы

1. Айбабина, Е.А., Бочаров С.Г. Новые материалы по истории средневековой армянской колонии Кафы / Е.А. Айбабина, С.Г. Бочаров // *Византийский временник*. – 1997. – Т. 57. – С. 211–233.
2. Айвазян, К.В. Култ Григория Арменского, «арменская вера» и «арменская ересь» в Новгороде (XIII-XVI вв.) / К.В. Айвазян // *Русская и армянская средневековые литературы*. – Л., 1982. – С.255–332.
3. Барбаро и Контарини о России. – Л., 1971.
4. Близинок, С.В. Торгово-экономические отношения Кипра с государствами Средиземноморья в 1192–1373 гг. / С.В. Близинок // *Византия. Средиземноморье. Славянский мир*. – М., 1991. – С.50–81.
5. Галицко-Волынская летопись // *Памятники литературы Древней Руси: XIII век*. – М., 1981. – С. 236–425.
6. Гандзакеци Киракос. *История Армении*. – М., 1976.
7. Гафуров, А. *Имя и история: Об именах арабов, персов, таджиков и тюрок* / А. Гафуров. – М., 1987.
8. *Грамоти XIV ст.* – К., 1974.
9. *Грамоты Великого Новгорода и Пскова* / Изд. С.Н. Валк. – М., 1949.
10. Дашкевич, Я.Р. Грамота Федора Дмитриовича 1062 року (Нарис з української дипломатики) / Я.Р. Дашкевич // *Науково-інформаційний бюлетень архівного управління УРСР*. – К., 1962. – № 4 (54).
11. Дашкевич, Я.Р. Кам'янець-Подільський у вірменських джерелах XIV–XV ст. / Я.Р. Дашкевич // *Архіви України*. – 1970. – № 5. – С.57–66.
12. Дашкевич, Я.Р. Древняя Русь и Армения в общественно-политических связях XI–XIII вв. (Источники исследования темы) / Я.Р. Дашкевич // *Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования (1982 г.)*. – М., 1984. – С. 177–195.
13. Дашкевич, Я.Р. Давній Львів у вірменських та вірменсько-кипчацьких джерелах / Я.Р. Дашкевич // *Україна в минулому*. – Київ-Львів, 1992. – Вип. 1. – С. 7–13.
14. Джованни дель Плано Карпини. *История монгалов* // Джованни дель Плано Карпини. *История монгалов* / Гильом де Рубрук. *Путешествие в Восточные страны* / Книга Марко Поло / Вступ. ст., коммент. М.Б. Горнунга. – М., 1997. – С.30–85.
15. Егоров, В.Л. *Историческая география Золотой Орды XIII–XIV вв.* / В.Л. Егоров. – М., 1985.
16. *Исторические связи народов СССР и Румынии в XV – начале XVIII вв.: Документы и материалы в 3-х т.* – М., 1965. – Т. 1.
17. Капраль, М.М. *Національні громади Львова XVI–XVIII ст.: Соціально-правові взаємини* / М.М. Капраль. – Львів, 2003.

18. Карпов, С.П. Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли / С.П. Карпов. – М., 1990.
19. Карпов, С.П. Латинская Романия / С.П. Карпов. – СПб., 2000.
20. Карпов, С.П. Документы по истории венецианской фактории Тана во второй половине XIV в. / С.П. Карпов // Причерноморье в средние века. – М., 1991. – С. 191–216.
21. Козир, І.А., Чорний, О.В. Локалізація місця битви на Синіх Водах 1362 р. у світлі нових джерел / І.А. Козир, О.В. Чорний // Український історичний журнал. – 2012. – № 2. – С. 11–27.
22. Крамаровский, М.Г. Солхат-Крым: к вопросу о населении и топографии города в XIII–XIV вв. / М.Г. Крамаровский // Итоги работ археологических экспедиций Государственного Эрмитажа. – Л., 1989. – С. 141–157.
23. Крипякевич, И.П. К вопросу о начале армянской колонии во Львове / И.П. Крипякевич // Исторические связи и дружба украинского и армянского народов. – К., 1965. – Вып. 2. – С. 122–127.
24. Купчинський, О. Акти та документи Галицько-Волинського князівства XIII – першої половини XIV ст. Дослідження. Тексти / О. Купчинський. – Львів, 2004.
25. Кучук-Иоаннесов, Хр. Старинные армянские надписи и старинные рукописи в пределах Юго-Западной Руси и в Крыму Хр. Кучук-Иоаннесов // Древности восточные. Труды Восточной Комиссии Императорского Московского Археологического общества. – М., 1903. – Т. 2. – Вып. 3. – С. 33–75.
26. Лехаца, С. Путевые заметки. / С. Лехаца – М., 1965.
27. Линниченко, І. Суспільні верстви Галицької Русі XIV–XV ст. / І. Линниченко. – Львів, 1899.
28. Маргарян, А.Г. К вопросу о личности и деятельности «некоего Шадина» / А.Г. Маргарян // Кавказ и Византия. – Ереван, 1982. – Т. 3. – С. 64–72.
29. Молчановский, Н. Очерк известий о Подольской земле / Н. Молчановский. – Киев, 1885.
30. Осипян, А.Л. Был ли предателем Некомат Сурожанин? (сюжет из истории отношений московского князя Дмитрия Ивановича и ордынского эмира Мамая / А.Л. Осипян // Мининские чтения: Труды участников международной научной конференции. Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (24–25 октября 2008 г.). – Нижний Новгород, 2010. – С. 353–360.
31. Памятные записи армянских рукописей XIV в. / Сост. Л.С. Хачикян. – Ереван, 1950. (на арм. языке)
32. Петрушевич, А. Обзор важнейших политических и церковных происшествий в галицком княжестве с половины XII до конца XIII в. / А. Петрушевич // Зоря галицкая. – 1853. – № 37.
33. Полное собрание русских летописей. – М., 1963. – Т. 28.
34. Пономарев, А.Л. Население и территория Каффы по данным массарии – бухгалтерской книги казначейства за 1381–1382 гг. / А.Л. Пономарев // Причерноморье в средние века. – СПб.: Алетейя, 2000. – Вып. 4. – С. 317–443.

35. Привілеї міста Львова XIV–XVIII ст. / Упор. М. Капраль. – Львів, 1998.
36. Привілеї національних громад міста Львова (XIV–XVIII ст.) / Упор. М. Капраль. – Львів, 2000.
37. Путешествие Гильберта де Ланнуа по Южной России в 1421 г. // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одесса, 1852. – Т. 3.
38. Путешествия Гильберта де Ланноа в восточные земли Европы в 1413–14 и 1421 годах // Университетские известия. – Киев, 1873. – № 8.
39. Сецинский, Е. Город Каменец-Подольский / Е. Сецинский. – К., 1895.
40. Українські грамоти XV ст. – К., 1965.
41. Хачикян, Л.С. «Гости-сурожане» в русских летописях и Сказании о Мамаевом побоище (К вопросу об их национальной принадлежности) / Л.С. Хачикян // Русская и армянская средневековые литературы. – Л., 1982. – С. 333–357.
42. Шильтбергер, И. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год / И. Шильтбергер. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.vostlit.by.ru/Texts/rus3/Schiltberger/text2.htm>. – Дата доступа: 17.01.2011.
43. Юргевич, В. Устав для генуэзских колоний в Черном море изданный в Генуе в 1449 году / В. Юргевич // Записки Одесского общества истории и древностей. – Одеса, 1863. – Т. 5. – С. 627–837.
44. Abracham, W. Powstanie organizacyi kościoła łacinskiego na Rusi / W. Abracham. – Lwów, 1904. – Т. 1.
45. Abu-Lughod, J.L. Before European Hegemony: the World System A.D. 1250–1350 / J.L. Abu-Lughod. – New York, 1989.
46. Actes passés en 1271, 1274 et 1279 a l’Aias (Petite Arménie) et á Beyrouth pardevant des notaries génois/ Par le Ch.Cornelio Desimoni. – Gênes, 1881.
47. Akta grodzkie i ziemskie z czasów Rzeczypospolitej Polskiej z archiwum tak zwanego Bernardyńskiego we Lwowie. – Lwów, 1872. – Т. 3.
48. Allsen, T.T. Mongolian Princes and Their Merchant Partners, 1200–1260 / T.T. Allsen // Asia Major, third series. – 1989. – Vol. 2. – no. 2. – P. 83–126.
49. Balard, M. Gênes et l’Outre-Mer / M. Balard. – Т. 1: Actes de Caffa du notaire Lamberto di Sambuceto. 1289–1290. – Paris, La Haye, 1973.
50. Balard, M. Gênes et l’Outre-Mer / M. Balard. – Т.2: Actes de Kilia du notaire Antonio di Ponzio. 1360. – Paris, La Haye, 1980.
51. Balard, M. Continuïte ou changement d’un passage urbain? Caffa genoise et ottomane / M. Balard // Le paysage urbain au Moyen Age: Actes du XIe Congrès de la Société des Historiens médiévistes de l’Enseignement supérieur public (Lyon, 1980). – Lyon, 1981. – P. 79–131.
52. Balard, M. Gênes et la mer Noire (XIIIe–XVe siècles) / M. Balard // Revue Historique. – Vol. 270. – Paris, 1983. – P. 31–54.
53. Balbi, G., Raiteri, S. Notai genovesi in Oltremare. Atti rogati a Caffa e a Licostomo (sec. XIV) / G. Balbi, S. Raiteri. – Genova, 1973.

54. Balzer, O. Sądownictwo ormiańskie w średniowiecznym Lwowie / O. Balzer. – Lwów, 1909.
55. Barącz, S. Rys dziejów ormiańskich / S. Barącz. – Tarnopol, 1869.
56. Bischoff, F. Urkunden zur Geschichte der Armenier in Lemberg / F. Bischoff. – Wien, 1864.
57. Brătianu, G.I. Actes des notaires génois de Péra et de Caffa de la fin du treizième siècle (1281–1290) / G.I. Brătianu. – Bucarest, 1927.
58. Clavijo. Embassy to Tamerlane 1403–1406 / Trans. by Guy Le Strange. – New York and London, 1928. [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://depts.washington.edu/silkroad/texts/clavijo/cltxt1.html>. – Дата доступа: 25.12.2010.
59. Dachkevych, Ya. Les Arméniennes à Kiev (jusqu'à 1240) / Ya. Dachkevych // Revue des études arméniennes. – Paris, 1973–1974. – Vol. 10. – P. 114–131; 1975–1976. – T. 11. – P. 323–375.
60. Documenta Romaniae Historica. – Bucureşti, 1975. – T. 1.
61. Ioannis Dlugossii Annales seu Cronicae incliti Regni Poloniae. – Liber XI et XII (1431–1444). – Varsaviae, 2001.
62. Karpov, S.P. Tana – Une grand zone réceptrice de l'émigration au Moyen Âge / S.P. Karpov // Migrations et diasporas mediterraneennes: Xe–XVIe siecles: actes du colloque de Conques, octobre 1999 / reunis par Michel Balard et Alain Ducellier. – Paris, 2002. – P. 77–89.
63. Langlois, V. Mémoire sur les relations de la république de gènes avec le royaume Chrétien de la Petite-Arménie pendant les XIII et XIV siècles / V. Langlois. – Paris, 1860.
64. Lutrell, A.T. The Hospitallers' interventions in Cilician Armenia: 1291–1375 / A.T. Lutrell // The Cilician Kingdom of Armenia / Ed. by T.S.R. Boase. – New York, 1978.
65. Obertyński, S. Die Florentiner Union der Polnischer Armenier und ihr Bischoffskatalog / S. Obertyński // Orientalia Christiana. – 1934. – Vol. 36. – No. 1. – S. 5–68.
66. Origo, I. Domestic Enemy: The Eastern Slaves in Tuscany in the Fourteenth and Fifteenth Centuries / I. Origo // Speculum. – 1955. – Vol. 30. – № 3. – P. 321–366.
67. Ormianie w średniowiecznym Krakowie. Wypisy źródłowe / Wyd. B. Wyrozumska. – Kraków, 2003.
68. Ostrowski, D. Muscovy and the Mongols: Cross-Cultural Influence on the Steppe Frontier, 1304–1589 / D. Ostrowski. – Cambridge, 1998.
69. Pamiętniki o Dawnej Polsce z czasów Zygmunta Augusta, obejmujące listy Jana Franciszka Commendoni do Karola Borromeusza / Zebrał J. Albertrandi biskup Zenopolitański. Z rękopismów włoskich i łacińskich wytłómaczył J. Krzeczkowski. – Wilno, 1851. – T. 1 (1563).
70. Pomniki dziejowe Lwowa z archiwum miasta. – T. 1: Najstarsza księga miejska. 1382–1389 / Wyd. A. Czołowski. – Lwów, 1892.
71. Pomniki dziejów Lwowa z archiwum miasta. – T. 2: Księga przychodów i rozhodów miasta. 1404–1414 / Wyd. A. Czołowski. – Lwów, 1896.

72. Przewdziecki, A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów / A. Przewdziecki. – Wilno, 1841. – T. 1.
73. Quirini-Popławska, D. Włoski handel czarnomorskimi niewolnikami w późnym średniowieczu / D. Quirini-Popławska. – Kraków, 2002.
74. Raynaldus Odoricus. Annales ecclesiastici. – T. 15 (1305–1334). – Coloniae Agrippinae, 1691.
75. Régestes des délibérations du sénat de Venise concernant la Romanie / Par F. Thiriet. – Paris, La Haye: Mouton, 1958. – T. 1 (1329–1399).
76. Richard, J. La papauté et les missions d’Orient au Moyen Âge (XIIIe–XVe siècles) / J. Richard. – Rome, 1998.
77. Sanjian, A.K. Colophons of Armenian Manuscripts, 1301–1480. A Source for Middle Eastern History / A.K. Sanjian. – Cambridge, Mass., 1969.
78. Siruni, H.Dj. Țara voevodului Ștefan / H.Dj. Siruni. – București, 1941.
79. Stanisłai Sarnicii. Descriptio veteris et novae Poloniae cum divisione ejusdem veteri et novo. – Kraków, 1585.
80. Stanisłai Sarnicii. Annales, sive de origine et rebus gestis Polonorum et Lituorum, libri octo. – Kraków, 1587.
81. Tyszkiewicz, J. Tatarzy na Litwie i w Polsce. Studia z dziejów XIII–XVIII w. / J. Tyszkiewicz. – Warszawa, 1989.
82. Tyszkiewicz, J. Karaimi litewscy w czasach Witolda i sprawa przywileju datowanego rokiem 1388 / J. Tyszkiewicz // Studia Źródłoznawcze. – 1997. – T. 36. – S. 45–64.
83. Zachariasiewicz, F.-X. Wiadomość o Ormianach w Polsce / F.-X. Zachariasiewicz. – Lwów, 1842.

Приложение

**Грамота королевского наместника Яна из Чижова, каштеляна и старосты краковского, подтверждающая права и привилегии каменецких армян, данные им ранее подольскими князьями и подтвержденные покойным королем Владиславом II (1386–1434)
[Каменец-Подольский, 13 августа 1443 г.]**

Johannes de Czyżow Castellanus et Capitaneus Cracoviensis, nec non Serenissimi Principis Dom. ac Dni Wladisłai Dei gratia Hungariae Polonie, Dalmacie, Croatiae etc. Regis, in Regno Polonie locum tenens, Significamus tenore praesentium quibus expedit, universis praesentibus et futuris, praesentium notitiam habituris. Quod in hac Comissione Camenecensi cum multis dominis personaliter fueramus congregaty, tandem ad nostram accedentes praesentiam, Armeni Civitatis Camenecensis, jura et munimenta sua per dominum nostrum Regem Władisłau Divae et eterne recordationis ipsis concessa praedixerunt, in quibus vidimus contineri, quod sua Serenitas eosdem Armenos gratiis prosequendo, ipsis jura et libertates in quibus per p(r)ae(de)cessores suos Duces Podolienses conservabant, concessit ac donavit

graciose; ipsis juribus hisce, quibus Cives Catholici Civitatis Camenecensis utuntur adaugendo et frui concedendo, universos ac singulos actus mereitoriales ducendi eque cum Civibus Catholicis, in vendendis pannis et aliis rebus quibus-vis plenariam concedendo libertatem. Quo circa, vobis Capitaneis, Wojevodis et quibus-vis officialibus, nec non advocates, Consulibus et Scabinis totique communitati civitatis Camenecensis, vigore Regie et auctoritate, qua faugimur, Mandamus quatenus omnes et singulos Armenos Camenecenses nostram hanc libertatem per Dominum Regem Divae memoriae ipsis concessam inviolabiliter et inconensse conservetis et conservari praecipiat, ipsos in exercendis vobiscum mercantiis, quas tempore predecessorum Ducum Podoliensium fuerunt soliti et consueti, nulla praesumatis ratione. In cuius rei testimonium sigillum nostrum praesentibus est subappensum. Actum et datum in Camenecz, feria quarta post festum Nativitatis Beate Marie Virginis gloriose, Anno Domini Millessimo quadringentesimo quadragesimo tertio.

Перевод

Ян из Чижова, каштелян и староста краковский, от господина светлейшего принца, а потом государя Владислава [III], Божьей милостью короля Венгрии, Польши, Далмации, Хорватии и прочая, в Королевстве Польском должности занимающий. Даем знать этой грамотой всем желающим, всем нынешним и будущим, кому это знать надлежит. Ибо в этой комиссии каменецкой со многими господами лично собрались, к нам же обратились непосредственно армяне города Каменца, и показали права и привилегии свои, от государя нашего блаженной и вечной памяти короля Владислава [II] им предоставленные, в коих увидели пункты, что его Светлость тем армянам милостиво даровал, их права и свободы, кои от предшественников его, князей подольских, сохраняют, дал и даровал милостиво; их права с теми, коими пользуются мещане католики города Каменца, увеличиваем и пользоваться позволяем, всех и каждого делаем равными с мещанами католиками в продаже тканей, и иные товары, какие угодно, позволяем совершенно свободно [продавать]. В виду этого, вам старосты, воеводы и какие-либо урядники, равным образом войты, райцы и лавники, и вся община города Каменца, королевской волей и властью, которой наделен, приказываю, всех и каждого армян каменецких наших в свободах, от государя короля блаженной памяти им предоставленных, нерушимо и неизменно сохранять и впредь оберегать, и тех, кто с вами занимается торговлей, со времен предшествующих князей подольских, по обыкновению и обычаю, безусловно защищать. В подтверждение чего печать нашу настоящую прилагаем. Совершено и дано в Каменце, в пятницу после праздника Рождества Пресвятой Блаженной Девы Марии, лета Господнего тысяча четырехста сорок третьего.

(Перевод Осипяна А.Л. по изданию: *Przedziecki A. Podole, Wołyń, Ukraina. Obrazy miejsc i czasów. – Wilno, 1841. – T. 1. – S. 147–148*)

Кузьмин А.В.

**ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА И ПОРАЖЕНИЕ ВОЙСК
ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО В БИТВЕ
НА Р. СТРАВЕ 2 ФЕВРАЛЯ 1348 Г.:
(ВОЕННЫЕ И ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ)**

**Памяти друга и коллеги
Виктора Николаевича Темушева
(4 марта 1975 г. – 23 июня 2011 г.)**

Летом 1348 г. по приказу хана Джанибека, обратившего внимание на жалобу владимирского и московского великого князя Семена Ивановича Гордого, в Золотой Орде последовал арест дипломатов Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ). Во главе посольства великого князя Ольгерда Гедиминовича (1345–1377) стоял его младший брат – Кориат (Михаил) († до 1366). В XIV в. отправка дипломата такого ранга была типична для правителей ВКЛ. Правда, стоит заметить, что большинство примеров, когда младшие братья или близкие родственники литовских великих князей выступали как руководители посольств, относятся преимущественно к их контактам со странами Восточной и Центральной Европы, а отнюдь не Орды¹.

В это время князь Кориат Гедиминович правил в Понеманье. Он был данником хана Джанибека. Центром владений князя Кориата на Руси был Новгородок Литовский (совр. Новогрудок). Этот город располагался к северо-западу от границ Киевской земли². В Литве на территории

¹ Примеры посольств ВКЛ в XIV в., во главе которых стояли Гедиминовичи, например, см.: Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском // *Feodalisms Baltijas regionā: Zinātnisko rakstu krājums / abt. red. A. Rolova. Rīga, 1985. С. 36.*

² Подробнее о нем см.: Wolff J. Ród Gedimina: Dodatki i poprawki do dzieł K. Städtzkiego „Synowie Gedymina”, „Olgierd i Kiejstut” i „Bracia Władysława Jagiełły”. Kraków, 1886. S. 70–71; Puzyna J. Korjat i Korjatowicze // *AW. 1930. Roc. 7. Zesz. 3–4. S. 425–428; idem. Korjat i Korjatowicze oraz sprawa Podolska // Ibid. 1936. Roc. 11. S. 61–69; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. Poznań; Wrocław, 1999. S. 18, 19, 26, 35, 52–54, 95–96, 101, 164–176, 179, 182–185, 188–191, 197–198, 201, 238, 254, 304–305. Tabl. I, S. 316–317. Tabl. VIII; Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. Poznań, 1998. T. I: Trudne początki. S. 219–221; и др.*

Троцкого княжества сохранились топонимические данные, согласно которым вблизи от Трок князю Кориату мог принадлежать двор Кариотишкес³.

В Понеманье и Среднем Поднепровье традиционно сталкивались непосредственные интересы правителей Золотой Орды и ВКЛ⁴. В 1348 г. руководителя литовского посольства сопровождало несколько видных князей ВКЛ (православные по именам князя Михаил и Семен Свислочский, а также литовский князь Аикша⁵) и их дружина. В Орде литовско-русские дипломаты искали военной поддержки против своих западных соседей католиков⁶. Все члены посольства ВКЛ, чью общую численность источники не называют, были доставлены из Орды в Москву под присмотром особого посла Тотуя⁷.

В это же время в Северо-Западной Руси происходит разрыв союзнических отношений между Псковом и старшим сыном великого князя Ольгерда – полоцким князем Андреем († 1399). Инициатором данного решения стала русская сторона. Практически тотчас после этих событий Псков заключил мир с Новгородом, ближайшим союзником великого князя Семена Гордого⁸. Вскоре у Пскова начался

³ Гудавичюс Э. По поводу так называемой «диархии» в Великом княжестве Литовском. С. 40.

⁴ Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990. S. 31–32.

⁵ В 1348 г. в ближайшем окружении князя Кориата Гедиминовича Аикша, очевидно, был одним из самых опытных дипломатов ВКЛ. 13 сентября 1358 г. от имени литовских великих князей Ольгерда и Кейстута, князей Явнута, Кориата, Юрия и их родственников он участвовал в переговорах с мазовецкими Пястами – князьями Земовитом, Казимиром и Владиславом. Во время их проведения речь шла о заключении договора о размежевании границ между ВКЛ и Мазовецким княжеством. Подробнее об этом см.: Kodeks dyplomatyczny księstwa Mazowieckiego, obejmujący bulle papieżów, przywileje królów polskich i książąt mazowieckich, tydzień nadania korporacyj jako i osób prywatnych. Warszawa, 1863. Nr. 80. S. 72–74; Puzyna J. Korjat i Korjatowicze. S. 433–434; и др.

⁶ Грушевський М.[С.] Історія України-Руси. Вид. 2-е, розш. Київ; Львів, 1907. Т. 4: XIV–XVI вв. – відносини політичні. С. 33. Примеч. 3.

⁷ Присёлков М.Д. Троицкая летопись: реконструкция текста. СПб., 2002. С. 369; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. М., 2000. Стб. 58. Л. 279 об.; и др.

⁸ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 2. М., 2000. С. 26–27. Л. 175–175 об., С. 99. Л. 29–30; Т. 6. Вып. 1. М., 2000. Стб. 422. Л. 362. О тесных связях между этими событиями подробнее см.: Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Киев, 1885. Т. 1. С. 109; Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. Warszawa, 1933. Т. 1: Litwa a Moskwa w XIII i XIV w. S. 381–382; Гудавичюс Э. История Литвы с древнейших времен до 1569 г. М., 2005. Т. 1. С. 128–129; и др.

затяжной военной конфликт с Полоцким княжеством, входившим в состав ВКЛ⁹.

Причиной для таких решительных и скоординированных действий соседних русских княжеств в отношении ВКЛ стало ослабление внешнеполитических позиций его правителей в Восточной Европе. Еще в начале 1348 г. крестоносцы и их гости/союзники из Западной Европы, ободренные буллой папы Климента VI (1342–1352), одержали новую победу над объединенной литовско-русской ратью Гедиминовичей. Военные столкновения между ними произошли в пределах ВКЛ – на территории этнической Литвы, в районе позднейшей Старавиницкой волости Троцкого повета¹⁰.

Накануне сражения под Ковно на р. Страва (Стрева; правый приток р. Неман) войска Тевтонского Ордена восемь дней целенаправленно грабили волости Нижнего Понеманья. Эта территория входила в состав Троцкого княжества, вотчины их заклятого врага, – великого князя Кейстута¹¹. Союзниками крестоносцев в этом походе были рыцари и рядовые воины, прибывшие на Балтику из Англии, Франции, Бургундии и Германии. В 30–50-е гг. XIV в. «гости» из этих европейских стран нередко помогали Тевтонскому Ордену в его военных операциях против языческих правителей ВКЛ¹².

Пока войска крестоносцев и их союзников разоряли пограничные земли ВКЛ и не двигались вглубь страны, Гедиминовичи сумели воспользоваться благоприятной для них ситуацией. Правители ВКЛ смогли собрать и выставить из совместных владений на бой против них значительные воинские контингенты, которые первоначально Гедиминовичи

⁹ Подробнее об этом см.: Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. Киев, 1896. С. 159–160.

¹⁰ Подробнее о месте ее расположения см.: Любавский М.К. Областное деление и местное управление Литовско-Русского государства ко времени издания Первого Литовского статута: исторические очерки. М., 1892. С. 141; Łowmiański H. *Studia nad dziejami Wielkiego księstwa Litewskiego* // Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Seria Historia. Poznań, 1983. Nr. 108. S. 34.

¹¹ SRP. Leipzig, 1861. Bd. 1. S. 724; 1863. Bd. 2. S. 75–76, 511–512, 616–617, 698; 1866. Bd. 3. S. 12, 77–78; 1870. Bd. 4. S. 4, 53; *Chronik der vier Orden von Jerusalem* / Herausgegeben von Oberlehrer R. Toeppen. Marienburg, 1895. S. 73–74; Daniłowicz I. *Skarbiec diplomatów papieżkich, cesarskich, królewskich, książęcych; uchwał narodowych, postanowień różnych władz i urzędów, posługujących do krytycznego wyjaśnienia dziejów Litwy, Rusi Litewskiej i ościennych im krajów*. Wilno, 1860. T. 1. Nr. 382–383. S. 187–188; и др.

¹² SRP. Bd. 2. S. 489–490, 504–505, 523; *Lietuvos TSR istorijos šaltiniai / atsak. red.* K. Jablonskis. Vilnius, 1955. T. 1. Nr. 107–110, P. 76–78; и др.

планировали использовать для похода на земли Тевтонского Ордена. Однако недооценка боевых возможностей захватчиков, включая их «гостей» из Западной Европы, обремененных к тому же обозом с трофеями, сыграла с Ольгердом и его братьями злую шутку. В битве на р. Страве войска ВКЛ потерпели поражение¹³.

Численность войск и погибших воинов ВКЛ 2 февраля 1348 г. в историографии до сих пор оценивается по-разному. Обычно об этом сражении исследователи пишут как о крупной военной неудаче Гедиминовичей¹⁴, хотя встречаются и исключения¹⁵. При этом некоторые считают, что безвозвратные военные потери ВКЛ были существенными для середины XIV в., но не фатальными для продолжения им борьбы против Тевтонского Ордена за земли Юго-Восточной Прибалтики¹⁶.

Другая часть исследователей подчеркивает убедительную победу крестоносцев над Гедиминовичами. Однако при этом вопрос о потерях

¹³ Гудавичюс Э. История Литвы... Т. 1. С. 128.

¹⁴ Daniłowicz I. Skarbiec diplomatów... Т. 1. Nr. 383. S. 188; Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. Одесса, 1895. С. 238; Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. М., 2001. С. 111; Саганович Г.[М.] Битва на Страве // Вялікае княства Літоўскае: Энцыклапедыя: у 2 т. Мінск, 2005. Т. 1: А–К / галоў. рэд. Г.П. Пашкоў. С. 335; он же. Супрацьстаянне тэўтонскай агрэсіі // Гісторыя Беларусі: у 6 т. Мінск, 2008. Т. 2: Беларусь у перыяд Вялікага княства Літоўскага / рэд. тома: Ю.[М.] Бохан, Г.[Я.] Галенчанка. С. 101; Петкевич К. Великое княжество Литовское // Раннее государство, его альтернативы и аналоги: сборник статей / под ред. Л.Е. Гринина, Д.М. Бондаренко, и др. Волгоград, 2006. С. 312; Бохан Ю.[М.] Ваяры Грунвальдскай бітвы. Мінск, 2010. С. 26; и др.

¹⁵ Так, например, В.Т. Пашуто и М.А. Ючас отмечают, что «опустошая Жемайтию, рыцари не раз доходили до Ковно, Вильно, Гродно, но получали энергичный отпор». С данным выводом, конечно, сложно не согласиться. Правда, при этом исследователи в качестве примера удачного отражения войсками ВКЛ походов захватчиков, наряду со сражением «при Рудове в 1370 году», упоминают и «битву на Страве в 1348 году (курсив мой. – А. К.)» (ср.: Пашуто В.[Т.], Ючас М.[А.] 550-летие Грунвальдской битвы // Военно-исторический журнал. 1960. № 7. С. 80). О победе войск ВКЛ «в битве при Страве» пишет и А.Л. Хорошкевич (Хорошкевич А.Л. Русь и Восточная Европа в XIII–XV вв. // История Европы с древнейших времен до наших дней: в 8 т. М., 1992. Т. 2: Средневековая Европа / отв. ред. Е.В. Гутнова. С. 433). Однако с этими утверждениями вряд ли можно согласиться.

¹⁶ Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. С. 104–105; Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие: исторические очерки. СПб., 1890. С. 88; Пресняков А.Е. Лекции по русской истории. М., 1939. Т. 2. Вып. 1: Западная Русь и Литовско-Русское государство. С. 67; Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1990. S. 33; Гудавичюс Э. История Литвы... Т. 1. С. 128–129; и др.

в войсках ВКЛ они обходят либо полным молчанием¹⁷, либо придерживаются данных весьма субъективных источников. Прежде всего речь может идти о «Ливонской Хронике» вестфальца Германа из Вартберга¹⁸. В ней отмечается, что за время сражения потери в литовско-русской рати составили 10 тысяч воинов¹⁹. Кроме того, некоторые авторы, не

¹⁷ Например, см.: Устрялов Н.Г. Русская история. Изд. 5-е., испр. и доп. СПб., 1855. Ч. 1: Древняя история. С. 164–165; Барбашев А.[И.] Витовт: последние двадцать лет княжения, 1410–1430. СПб., 1891. С. 20; Грушевський М.[С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 33; Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. Т. 1. S. 374–375, 376–377, 382; Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. М., 1959. С. 361; Błaszczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich od czasów najdawniejszych do współczesności. Т. 1. S. 170–171; Сагановіч Г.[М.] Нарыс гісторыі Беларусі ад старажытнасці да канца XVIII ст. Мінск, 2001. С. 74, 75; он же. Беларусь і Нямецкі Ордэн: (да Крэўскай уніі) // 3 глыбі выкоў. Наш край: Гістарычна-культуралагічны зборнік / навук. рэд. А.К. Краўцэвіч. 2-е выд. Мінск, 2002. Вып. 2. С. 127; Трусаў А.[А.] Невядомая нам краіна: Беларусь у яе этнаграфічных межах. Мінск, 2009. С. 57; Rachuba A., Kiaupienė J., Kiaupa Z. Historia Litwy: Dwugłos polsko-litewski. Warszawa, 2009. S. 26; и др.

¹⁸ Например, см.: Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. Киев, 1987. С. 47.

¹⁹ SRP. Bd. 2. S. 75–76. О пристрастности Германа из Вартберга и других немецких и ливонских хронистов в освещении деятельности Ордена в Прибалтике в XIII–XV вв. уже неоднократно отмечалось в историографии. Подробнее об этом, например, см.: Барбашев А.[И.] Витовт: последние двадцать лет княжения. С. 295; Тихомиров М.[Н.] Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв. М., 1941. С. 11, 12, 18–19, 36, 37, 38, 59; Зутис Я.[Я.] Грюнвальд – конец могущества Тевтонского ордена // ИЖ. 1941. № 9. С. 79; Пашуто В.[Т.] Хозяйство и техника средневековой Литвы // ВИ. 1947. № 8. С. 74; он же. Борьба прусского народа за независимость (до конца XIII в.) // ИСССР. 1958. № 6. С. 60, 61, 63–66, 69; он же. Образование Литовского государства. С. 127–148; Жюгжда Ю.И. [Рец.:] В.Т. Пашуто. Образование Литовского государства, М., Изд. АН СССР, 1959, 532 стр., тир. 2500 экз. // ИСССР. 1960. № 5. С. 183–184; Spieralski Zdz. W sprawie udziału Mołdawianie w bitwie pod Grunwaldem // ZH. 1964. Т. 30. Zesz. 4. S. 7–14; Pollakówna M. Sprawa ocenzonego kroniki Piotra z Dusburga // Europa-Słowiańszczyzna-Polska: Studia ku uczczeniu profesora K. Tymienieckiego // Uniwersytet im. Adama Mickiewicza w Poznaniu. Prace Wydziału Filozoficzno-Historycznego. Poznań, 1970. Seria Historia. Nr. 36. S. 127–134; Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. S. 33; Okulicz-Kozaryn Ł. Dzieje Prusów. Wrocław, 1997. S. 15–18; Моисеева Т.С. Историческое сознание и проблема самоидентификации рыцарей Ливонского ордена в XIII в. // Археология и история Пскова и Псковской земли. Семинар имени акад. В.В. Седова: материалы 53 заседания / отв. ред. И.К. Лабутина. Псков, 2008. С. 134–137; она же. Изучение хроник Ливонского ордена в отечественной и зарубежной историографии XIX – начала XXI в. // Россия и Запад: Источники и методы их изучения: тезисы научной конференции / отв. ред. А.О. Чубарьян. М., 2008. С. 96–99; Кутаков И.В. Великое княжество Литовское в системе международных отношений Восточной

подвергнув источники прошлого источниковедческому анализу, пишут без должных оснований о десятках тысяч павших в рядах литовско-русского войска на р. Страва²⁰.

На этом фоне число убитых крестоносцев, упоминаемых в латинских источниках, выглядит более чем скромно. Во время битвы литовцы и русские убили 50 знатных лиц из Тевтонского Ордена (8 братьев-рыцарей и 42 младших воина)²¹. Общие потери крестоносцев и их союзников, согласно сведениям некоторых источников, было около 4 тысяч человек²². Очевидно, что основное число павших составляли «вольные пруссы». Исходя из их численности, исследователи истории Тевтонского Ордена давно установили, что именно «вольные пруссы» представляли основную часть воинов в войсках крестоносцев²³. Права и обязанности «вольных пруссов» регулировались сводом законов, восходящего к тем временам, когда они еще выступали в роли союзников и вассалов польских князей²⁴. Помимо «вольных пруссов», в военное время отряды

Европы конца XIV – начала XV вв. Нижний Новгород, 2009. С. 40–41; и др. О современном состоянии изучения памятников книжности Тевтонского Ордена, например, см.: Biskup M., Labuda G. *Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach: Gospodarka–Społeczeństwo–Państwo–Ideologia*. Gdańsk, 1986. S. 229–231; Матузова В.И. Создание исторической памяти: (Ранние исторические сочинения Тевтонского Ордена в Пруссии) // Восточная Европа в древности и средневековье (далее – ВЕДС). Историческая память и формы ее воплощения: XII Чтения памяти члена корр. АН СССР В.Т. Пашуто: материалы конференции / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2000. С. 10–14; она же. Видения в литературных памятниках Немецкого Ордена (XIII–XIV вв.). С. 138–143; она же. «Книга отцов церкви» – памятник литературы Немецкого Ордена: автор как член корпорации // ВЕДС. Автор и его текст: XV Чтения памяти члена корр. АН СССР В.Т. Пашуто: материалы конференции / отв. ред. Е.А. Мельникова. М., 2003. С. 152–156; она же. Поэтическая литература Тевтонского Ордена в Пруссии в XIII–XIV вв. // Проблемы источниковедения. М., 2010. Вып. 2 (13). С. 183–206; Józwiak Sł., Rozynkowski W. *Porządek liturgiczny na Zamku w Malborku w pierwszej połowie XV w.: źródło do dziejów liturgii w zakonie krzyżackim* // ZH. 2008. T. 73. Zesz. 4. S. 123–132; и др.

²⁰ Ластовский Г.А. Политическое развитие Смоленской земли в конце XIII – начале XVI в. Минск; Смоленск, 2001. С. 43; Саганович Г.[М.] Битва на Стрэве. С. 335; он же. Супрацьстаянне тэўтонскай агрэсіі. С. 101; Бохан Ю.[М.] Ваяры Грунвальдскай бітвы. С. 26; и др.

²¹ SRP. Bd. 2. S. 76.

²² Обзор сведений источников см.: Daniłowicz I. *Skarbiec dyplomatyw...* T. 1. Nr. 383. S. 188–189.

²³ Okulicz-Kozaryn Ł. *Dzieje Prusów*. S. 436, 439, 485.

²⁴ Maisel W. *Prawo karne prusów na tle porównawczym* // *Słowianie w dziejach Europy: Studia historyczne ku uczczeniu 75 rocznicy urodzin i 50-lecia pracy naukowej prof. H. Łowmiańskiego* / Tom przyg. przez J. Ochmańskiego. Poznań, 1974. S. 121–130.

под собственными хоругвями выставляли ремесленники городов Тевтонского Ордена. Большинство из них были пехотинцами. И лишь представители цехов Эльблонга и Торуня, где работало много оружейников, несли конную службу²⁵.

В духе немецких хронистов²⁶ руководство Тевтонского Ордена свою победу в бою против литовцев-язычников и русских-схизматиков на р. Страве интерпретировало как помощь братьям-рыцарям их святых покровителей (прежде всего Пресвятой Девы Марии²⁷). По этому случаю в Липнике, одном из пригородов Кёнигсберга, в 1349 г. по приказу великого магистра Генриха III Дуземера фон Арфберг (1345–1351) был основан женский монастырь во имя Пресвятой Девы Марии. Очевидно, он предназначался для Ордена цистерцианок. Позднее эта обитель стала одним из духовных центров крестоносцев, боровшихся против язычников из Литвы и Жемайтии²⁸.

По-видимому, неточный вывод о числе павших со стороны ВКЛ зиждется на сравнении количества воинов, участвовавших по версии

²⁵ Tandecki J. Pozazawodowe funkcje i powinności korporacji rzemieślniczych w miastach Prus Królewskich w XIV–XVIII w. // ZH. Toruń, 1995. T. 60. Zesz. 1. S. 9–10.

²⁶ Например, см.: Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. С. 130, 132.

²⁷ Матузова В.И. Видения в литературных памятниках Немецкого Ордена (XIII–XIV вв.) // ВЕДС. Мнимые реальности в античной и средневековой историографии: XIV Чтения памяти члена-корр. АН СССР В.Т. Пашуто: материалы конференции / отв. ред. Т.Н. Джаксон. М., 2002. С. 138–143. О католических храмах в честь Девы Марии на территории Тевтонского Ордена, например, см.: Zbiński A. Metody badań nad rozplanowaniem wczesnośredniowiecznego Gdańska // Rocznik Gdański. Gdańsk, 1961. T. 19/20: (1960–1961). S. 296, 315–316; Milewska D. Kościół św. Mikołaja w Elblągu od XIII do XVI w.: (architektura i plastyka) // Rocznik Elbląski. Warszawa; Poznań, 1973. T. 6. S. 34; Biskup M., Labuda G. Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach: Gospodarka. S. 234–237; Józwiak Sł., Rozykowski W. Porządek liturgiczny na Zamku w Malborku w pierwszej połowie XV w. S. 125–126, 127–129; и др. В западной Европе почитание Пресвятой Девы Марии особенно популярно было во Франш-Конте, Савойе и Бургундии (Февр Л. Бои за историю / пер. А.А. Бобовича и др. М., 1991. С. 360). Интересно отметить, что в XIV – начале XV в. именно Бургундское герцогство было тесным образом связано с властями Тевтонского Ордена. По мнению некоторых исследователей, военный культ Пречистой Богородицы на Русь пришел из Византии. Ее традиции позднее также повлияли на рыцарство Западной Европы в эпоху крестовых походов на земли неверных (Щурат В. Грунвальдська пісня (Bogvrodzicza dzwiczca): Памятка западно-руськоп литературы XIV в. Жовква, 1906. С. 47).

²⁸ Daniłowicz I. Skarbiec dyplomatyw... T. 1. Nr. 383. S. 188. Так, например, покровителем этой обители был преемник Генриха III Дуземера фон Арфберг – великий магистр Тевтонского Ордена Винрих фон Книпроде (1351–1380). Подробнее об этом см.: Dygo M. O kulcie maryjnym w Prussach krzyżackich w XIV–XV w. // ZH. 1987. T. 52. Zesz. 2. S. 15–16, 35–36.

ряда источников в военных действиях с обеих сторон. По мнению Я.Я. Зутиса, «во время войны 1347–1348 гг. Орден оказался в очень трудном положении, и только приход 40 тыс. военных наемников из района действия Столетней войны дал возможность преодолеть силы литовцев»²⁹.

На наш взгляд, численность наемников, приглашенных крестоносцами для военной кампании в 1348 г., в орденских хрониках сильно завышена. Возможно даже, что не менее чем в 10 раз. Тем не менее, вряд ли можно отрицать, что их численность была значительной. Ведь речь идет о XIV в., когда «это явление достигло апогея»³⁰, а капитаны бригад в Западной и Южной Европе по степени своих военных возможностей и влиянию практически сравнялись с главными вассалами местных герцогов и королей³¹. Так, например, весной 1303 г., заключив договор, на службу к византийскому императору Андронику II Старшему выехала «каталонская компания» во главе с Рожером де Флор (Роджером фон Блюм). Она насчитывала 1500 рыцарей и конных воинов, 4 тысячи альмугаваров и одну тысячу пехоты, не считая экипажи морских судов и членов семей наемников³². Для сравнения отметим, что в 1328–1329 гг. чешского короля Яна Люксембургского (1310–1346) в походе на земли Жемайтии сопровождали 500 чешских, немецких и английских рыцарей, а также 18-тысячное войско Тевтонского Ордена³³. В 1331 г. во время куявской кампании крестоносцам у Калиша удалось собрать около 6–7 тысяч воинов (при этом они не включали в свой состав воинские силы чешских союзников, которые опоздали на соединение с братьями-рыцарями и не участвовали в битве под Пловцами)³⁴. Согласно всего лишь одной из Книг выдачи жалованья, во время «Великой войны» (1409–1411) против Польского королевства и ВКЛ власти Тевтонского Ордена выплатили жалованье 5751 воинам. Из числа этих наемников

²⁹ Зутис Я.[Я.] Грюнвальд – конец могущества Тевтонского Ордена. С. 77.

³⁰ Фоссье Р. Люди Средневековья. СПб., 2010. С. 255–256.

³¹ Примеры таких карьер подробнее см.: Калмыкова Е.В. Образы войны в исторических представлениях англичан позднего Средневековья. М., 2010. С. 197–198, 213–217, 304, 315, 329, 342–347, 350, 351–352, 355–359, 360–361, 388, 390.

³² Витол А.В. Каталонская военная кампания в Византии начала XIV в.: (Попытка спасти Империю от нашествия турок) // Война и оружие. Новые исследования и материалы: международная научно-практическая конференция / науч. ред. С.В. Ефимов. СПб., 2010. Ч. 1. С. 136.

³³ Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. С. 425.

³⁴ Biskup M., Labuda G. Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach: Gospodarka. S. 347.

только 3712 человек 15 июля 1410 г. успели принять участие в Грюнвальдской битве³⁵.

В историографии противоречивая ситуация в оценке безвозвратных потерь войск ВКЛ в битве на р. Страва в 1348 г. во многом связана с тем, что сохранилось не так много объективных известий источников по данной теме. Разброс в цифрах в западноевропейских хрониках весьма значителен. В них потери в войсках ВКЛ колеблются в пределах от 6 тысяч (Прусские анналы) до 40 тысяч человек (Хроника Иоанна Видотурана). Поэтому оценка значения битвы на р. Страве, базирующаяся на недостаточно обоснованных выводах, требует своего повторного рассмотрения. На наш взгляд, наиболее беспристрастная оценка потерь объединенной рати ВКЛ содержится не в ангажированных по данной теме орденских хрониках и анналах³⁶, а в ранних русских летописях. И вот почему.

В Рогожском летописце 40-х гг. XV в., восходящего к Тверским сводам 1375 и 1411/12 гг.³⁷ (т. е. в круге источников, созданных союзниками

³⁵ Подробнее об этом см.: Ekdahl S. Kilka uwag o księdze żołdu Zakonu Krzyżackiego z okresu "Wielkiej wojny" (1410–1411) // ZH. 1968. T. 33. Zesz. 3. S. 111–130; idem. Das Soldbuch des Deutschen Ordens 1410/1411. Die Abrechnungen für die Soldtruppen. Köln; Wien, 1988 (ср.: Гагуа Р.Б. "Soldbuch" Тевтонского ордена как ценный источник для исследования сражения при Грюнвальде 15 июля 1410 г. // SNEO. Минск, 2010. Vol. 3. С. 275–290; он же. «Зольдбух» Тевтонского ордена как источник для исследования Грюнвальдской битвы // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст.: саперніцтва, супрацоўніцтва, урокі. Да 600-годдзя Грунвальдскай бітвы: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі / уклад.: А.І. Груша, С.В. Марозава. Мінск, 2011. С. 121–126).

³⁶ Подробнее об этом см.: Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. С. 105. Примеч. 1. Некоторые из числа изданных в XIX–XX вв. прусских хроник представляют собой далеко не всегда удачные реконструкции их протографов из разновременных и разноязычных списков и отрывков. В настоящее время они требуют как дальнейшего изучения, так и нового переиздания на современном археографическом уровне. Подробнее об этом, например, см.: Wenta J. O Scriptores rerum Prussicrum i konieczności nowego wydania źródeł dziejopisarskich z państwa zakonu krzyżackiego w Prusach // КН. 1990. Roc. 97. Nr. 1/2. S. 133–139.

³⁷ Лурье Я.С. О возможности и необходимости при исследовании летописей // ТОДРЛ. 1981. Т. 36. С. 30. Примеч. 40; он же. Из наблюдений над летописанием первой половины XV в. // Там же. 1985. Т. 39. С. 285–298, 304; он же. Летописец Рогожский // Словарь книжников и книжности Древней Руси / отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. Вып. 2. Ч. 2. С. 22–23; он же. Летописи первой половины XV в. как литературные и исторические памятники // ТОДРЛ. 1990. Т. 43. С. 55–57; и др. В настоящее время доказано, что общие известия Рогожского летописца и Симеоновской летописи заканчиваются на сообщениях, которые должны датироваться не 1412, а 1411 г. (Гришина Н.Г. Хронология Рогожского летописца: Автореферат... канд. ист. наук. М., 2003. С. 20, 26; Коняевская Е.Л. Повесть о Едигеевом нашествии в тверском летописании // ДРВМ. 2006. № 4 (26). С. 100–101. Примеч. 53; она же. Очерки по истории тверской литературы XIV–XV в. М., 2007. С. 135. Примеч. 4, С. 155, 166).

Гедиминовичей), отмечается следующее: 2 февраля 1348 г. «бысть имъ бои великъ зело и побиша Немци Литву, оубиша Литвы 4 тысущи»³⁸. Это число погибших воинов ВКЛ хорошо соотносится с числом погибших в этой битве воинов Тевтонского Ордена и их союзников («гостей»).

В родственных Рогожскому летописцу Симеоновской летописи конца XV в. и Владимирском летописце XVI в., за исключением одного нюанса, читается аналогичная запись. Отличием данных источников от Рогожского летописца является численность потерь, которые понесли войска ВКЛ в битве на р. Страва. Редактор одного из протографов Симеоновской летописи и Владимирского летописца, увеличил их в 10 раз! Таким образом, получалось, что в 1348 г. крестоносцы «убиша Литвы» не 4, а «40 тысяч»³⁹. Подобные потери в войсках ВКЛ полностью совпадают с информацией, данной по этому поводу в Хронике Иоанна Видотурана (40000).

Во время реконструкции текста утраченной в 1812 г. Троицкой харатейной летописи М.Д. Присёлков не обратил должного внимания на существующие разночтения в статье 1348 г. в летописях так называемой лаврентьевско-троицкой группы. Вопреки методике опоры на первичное чтение, исследователь не стал восстанавливать окончание статьи 6855 г. Троицкой летописи 1408/09 г.⁴⁰, созданной после 1422 г.⁴¹, по чтению более раннего Рогожского летописца 40-х гг. XV в. Для реконструкции утраченного текста за основу он взял текст более поздней Симеоновской летописи⁴². Сохранившийся список этого источника был переписан в начале XVI в. в стенах Иосифо-Волоколамского монастыря (и, по видимому, не без влияния будущего митрополита Даниила Рязанца)⁴³.

В Софийской I летописи старшего извода, восходящей к общерусскому своду 1418 г.⁴⁴, известие о битве на р. Страве было записано в начале статьи 6855 г., а не 6856 г. Согласно источнику, потери литовской

³⁸ ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 57. Л. 279.

³⁹ ПСРЛ. Т. 18. М., 2007. С. 95. Л. 171 об.; см. также: Там же. Т. 30. М., 2009. С. 108. Л. 179.

⁴⁰ Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С. 368–369.

⁴¹ Кучкин В.А. О времени написания сгоревшей в 1812 г. Троицкой летописи // Ad fontem / У источника: сборник статей в честь С.М. Каштанова / отв. ред. С.О. Шмидт. М., 2005. С. 237–242.

⁴² ср.: ПСРЛ. Т. 18. С. 95. Л. 171 об.

⁴³ Лурье Я.С. Летопись Симеоновская // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 56–57.

⁴⁴ Лурье Я.С. Летопись Софийская I // СККДР. Вып. 2. Ч. 2. С. 57–60; Бобров А.Г., Дмитриева З.В. От составителей // ПСРЛ. Т. 42. СПб., 2002. С. 14.

стороны составили не 4 или 40, а 8 (и) тысяч человек⁴⁵. В связи с этими особенностями известия Софийской I летописи старшего извода о битве на р. Страва важно отметить, что данная численность погибших воинов ВКЛ в более поздних памятниках древнерусского летописания развития не получила.

В Новгородской IV летописи, во второй подборке Новгородской Карамзинской летописи (текст конца XV – начала XVI в.), восходящих также к общерусскому своду 1418 г., и в несколько более поздних по времени создания «пространных» и «сокращенных» Московских сводах конца XV в. в статьях за 6854–6856 гг. было указано, что число погибших воинов ВКЛ в бою с крестоносцами составило «40 000» человек⁴⁶. В ряде независимых летописцев Западной и Северо-Восточной Руси конца XV – начала XVI в., приводятся те же цифры о потерях с литовско-русской стороны в битве на р. Страва⁴⁷. Такие однородные чтения в источниках указывают на то, что редактирование статьи 6855 г. и известия о битве на р. Страве осуществлялось не в момент переписки и редактирования этих летописных сводов во второй половине XV – начале XVI вв., а на одном из более ранних этапов работы.

Единственное принципиальное отличие в статьях за 6855 г. летописей XV – начала XVI в., восходящих к общему протографу, касается чте-

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 1. Стб. 419. Л. 360.

⁴⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. М., 2000. С. 276. Л. 183 об.; Т. 25. М., 2004. С. 177. Л. 236; Т. 27. М., 2007. С. 239. Л. 77, С. 324. Л. 37 об.; Т. 28. М.; Л., 1963. С. 72. Л. 166 об.; Т. 42. С. 128. Л. 344. В Никаноровской летописи, восходящей к Московскому своду 1470-х гг., а также Музейной летописце конца XV в. (Сокращенный свод 1452 г.?), протографом которого была Софийская I летопись старшего извода, известие о битве на р. Страва, как и вся статья за 6855 г., при редактировании была сокращена. При этом посольство литовского великого князя Ольгерда в Золотую Орду было отнесено к 6857 г., а главу московского посольства к хану Джанибеку Музейный летописец ошибочно называет как «князь Семена Глѣбовича», а не Феодора Глебовича (ср.: ПСРЛ. Т. 27. С. 65. С. 183; ОР РГБ. Ф. 178. № 3271. Л. 129). В Новгородской I летописи младшего извода известие о битве на р. Страве также отсутствует (ПСРЛ. Т. 3. М., 2000. С. 359. Л. 213 об.). Нет его и в Никифоровской летописи второй половины XV в., хотя содержание статьи за 6858 г., а также родственной этому источнику Супрасльской (1520 г.) и Академической (1530-е гг.) летописей, не оставляет сомнений, что в одном из ее протографов статья за 6857 г. читалась. По крайней мере, утвердительно можно говорить об известии, посвященном посольству дипломатов литовского великого князя Ольгерда в Орду (ср.: ПСРЛ. Т. 35. М., 1980. С. 28. Л. 244 об. [Никифоровская летопись], С. 46–47. Л. 39 [Супрасльская летопись], С. 103. Л. 148–148 об. [Академическая летопись]).

⁴⁷ ПСРЛ. Т. 16. М., 2000. Стб. 78; Т. 24. М., 2000. С. 119. Л. 168 об.; Т. 33. Л., 1977. С. 83. Л. 256 об.; и др.

ния лишь в Софийской I летописи старшего извода. Однако оно имеет механическое происхождение и легко объясняется палеографически. Очевидно, что цифра 8 (и) возникла в тексте данного источника, скорее всего, либо из-за порчи в его протографе, либо невнимательной переписки писцом цифры 40 (м).

Об этом свидетельствуют, по крайней мере, два факта: первое – упоминание в статье 6855 г. в восходящих к данному источнику (через Московский свод 1456 г. по мнению А.А. Шахматова и А.Н. Насонова) Московском своде 1479 г. и Софийской I летописи младшего извода⁴⁸, что крестonosцы «побиша литвы 40 тысящ»⁴⁹; второе – о дефекте текста в данном случае, возможно, также свидетельствует сокращенная запись о битве на р. Страва в Ермолинской летописи. Этот источник и Московский свод 1479 г. имели общий протограф. В Ермолинской летописи запись о битве дана в статье за 6855 г. в следующей редакции: «Февраля 2 приходиша Немци на Литву, и бысть бои золь: убиша Литвы 40 человекъ»⁵⁰. Аналогичная ошибка читается и в Уваровской летописи (свод 1518 г.)⁵¹. Однако, как и в предыдущем случае, не исключено, что речь может идти лишь о невнимательности писца при копировании текста источника. Пропуск слова «тысячь» (или «тысящ») не был замечен ни писцом, ни редактором летописи. Эта особенность при копировании летописной статьи за 6855 г. не была замечена М.А. Шибаевым, который верно отметил общие чтения для Софийской I летописи старшего и младшего изводов, Московского свода и Ермолинской летописи⁵².

Изменение числа потерь войск ВКЛ от 4 до 40 тысяч человек могла произойти при составлении общерусского свода 1418 г. (по наблюдениям М.А. Шибаева, последнее общее чтение Софийской I летописи младшего извода с Ермолинской летописью относится к 1418 г., а с Московским сводом – к 1422 г.)⁵³. Общерусский свод 1418 г., по наблюдениям исследователей, отличался своей ярко выраженной антилитовской направленностью⁵⁴. Помимо этого, не стоит забывать следующее. В ряде

⁴⁸ Насонов А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в.: очерки и исследования. М., 1969. С. 182, 204–205, 207, 208, 222, 249–250, 253.

⁴⁹ ПСРЛ. Т. 25. С. 177. Л. 236; Т. 39. М., 1994. С. 109. Л. 186.

⁵⁰ ПСРЛ. Т. 23. М., 2004. С. 109. Л. 181.

⁵¹ ПСРЛ. Т. 28. С. 232. Л. 211–211 об.

⁵² Шибаев М.А. Софийская I летопись и «Московско-Софийский свод» // История в рукописях и рукописи в истории: сборник научных трудов к 200-летию ОР РНБ / сост. и науч. ред. Г.П. Енин. СПб., 2006. С. 129–145.

⁵³ Шибаев М.А. Софийская I летопись и «Московско-Софийский свод». С. 134.

⁵⁴ Клосс Б.М. Избранные труды. М., 1998. Т. 1. С. 117–118.

случаев, при указании численности войск и их потерь в предшествующую эпоху, средневековые хронисты и летописцы ориентировались на количественные данные, которые существовали в их время⁵⁵. Изменение потерь войск ВКЛ в статье 6855 г. от 4 до 40 тысяч человек этот вывод, безусловно, подтверждает⁵⁶.

Очевидно, что решение М.Д. Присёлкова восстановить чтение в статье 6855 г. Троицкой летописи по тексту Симеоновской летописи, а не Рогожского летописца является ошибочным.

В пользу верности чтения текста о битве на р. Страве в Рогожском летописце свидетельствуют и некоторые другие данные. Прежде все-

⁵⁵ Так, например, случайную стычку 9 IV 1241 г. под Легницей князя Генриха II Побожного и его свиты в 40–50 воинов с монгольским разведывательным отрядом в 200 человек с конца XIII в. уже интерпретировали как большое сражение (Mularczyk J. *Mongolowie pod Legnicą w 1241 r.* // КН. 1989. Roc. 96. Nr. 1/2. S. 3–26). В XV в. один из польских средневековых авторов для определения численности монгольского войска, как показывает исследование Вацлава Корты, взял за основу количество воинов ордынского корпуса с составе польско-литовского войска в битве под Грюнвальдом в 1410 г.! (Morawski Zb. [Rec.:] *Bitwa legnicka. Historia i tradycja* / pod red.: W. Korty. Wrocław; Warszawa, 1994 (Śląskie sympozja historyczne, 2) // КН. 1997. Roc. 104. Nr. 1. S. 99). О динамике изменения численности войск Чингизидов, напавших на Польшу в 1241 г., в средневековых источниках и их интерпретацию в современной историографии подробнее см.: Maroń J. *Na marginesie nowszych publikacji o najeździe Mongołów w 1241 r.* // *Studia Historyczno-Wojskowe* / pod red. K. Bobiatyńskiego, Pr. Gawrona i M. Nagielskiego. Zabrze, 2008. T. 2: Za rok 2007. S. 31–42. Столь же политически ангажированными польские источники выступают и при освещении отношений Короны с Тевтонским Орденом. Так, в настоящее время известие хроник об убийстве крестоносцами в Гданьске 13 XI 1308 г. его 10 тысяч жителей рассматривается как пример целенаправленной фальсификации. Она была направлена на дискредитацию деятельности крестоносцев в Восточной Поморье (Boockmann H., Rhode G. *Tezy do historii Zakonu Krzyżackiego // Zakon Krzyżacki a Polska w średniowieczu* / red. M. Biskup // *Materiały konferencji Wspólnej Komisji Podręcznikowej PRL–RFN* / red. serii A. Czubiński, Zb. Kulak. Poznań, 1987. S. 16). В действительности, в Гданьске победители казнили не тысячи, а всего несколько десятков человек (Biskup M., Labuda G. *Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach: Gospodarka*. S. 255–256; ср.: Samsonowicz H. *Tło gospodarcze wydarzeń 1308 r. na Pomorzu Gdańskim* // PH. 1965. T. 56. Zesz. 2. S. 202–203, 217–218; Kaczmarczyk Z. *Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382)* // *Historia dyplomacji polskiej* / pod red. M. Biskupa. Warszawa, 1980. T. 1: połowa X w. – 1572. S. 230; и др.).

⁵⁶ Изменение численности войск и потерь враждующих сторон можно проследить и в других летописных текстах, источниками которых были Софийская I летопись старшего извода и Новгородская IV летопись. Так, например, такое редактирование текста наблюдается в «Повести» о битве на р. Липице в 1216 г. Подробнее об этом см., например: Лурье Я.С. *Повесть о битве на Липице 1216 г. в летописании XIV–XVI вв.* // ТОДРЛ. 1979. Т. 34. С. 99, 101, 108. Примеч. 32, С. 111.

го, речь идет о сведениях источников о мобилизационном потенциале ВКЛ во второй половине XIV – начале XV вв. По подсчетам современных исследователей даже в 1409–1410 гг. у литовского великого князя Витовта была «возможность набора» лишь «около 11 тыс. конников в 40 хоругвях, состоящих из литовских, жемайтских и русских бояр с определенным количеством крестьянского элемента в роли боярской службы или в немногочисленных пеших отрядах»⁵⁷.

В августе 1426 г. великий князь Витовт для войны против Пскова смог собрать уже более крупное войско. Осаждая сначала крепость Опочку (бывшая Коложа), а затем Воронач, он выслал против отряда псковичей под Котелен сводную конную рать, состоявшую из литовцев и служилых татар. Ее численность достигала 7 тысяч человек⁵⁸. В 1428 г. для похода против Великого Новгорода великий князь Витовт привлек очень большие силы, включая союзную рать из Тверского великого княжества. В этой военной компании только число пехотинцев в войсках ВКЛ со-

⁵⁷ Бискуп М. Великая война Польши и Литвы с Тевтонским орденом (1409–1411 гг.) в свете новейших исследований // ВИ. 1991. № 12. С. 16. По мнению ряда польских историков, численность войск ВКЛ в «Великой войне» 1409–1411 гг. могла быть незначительно меньше и достигала 10 тысяч человек. Подробнее об этом см.: Herbst St. Uwagi o bitwie grunwaldzkiej // KMW. 1959. Nr. 3 (61). S. 194; Spieralski Zdz. Czy koniec sporów o Grunwald? (refleksje polemiczne) // ZH. 1974. T. 39. Zesz. 2. S. 94–99; Nadolski A. Grunwald: problemy wybrany. Olsztyn, 1990. S. 113–115; Samsonowicz H. Unia z Litwą // Polska na przestrzeni wieków. Warszawa, 2006. S. 125; Сагановіч Г.[М.] «Вялікая вайна» і Грунвальдская бітва // Гісторыя Беларусі. Т. 2. С. 128; и др.; ср.: Własczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich. Poznań, 2007. T. 2: od Krewa do Lublina. Cz. 1. S. 317–323. По мнению белорусского историка Р.Б. Гагуа, в 1410 г. она могла достигать 12 тысяч человек (Гагуа Р.[Б.] Вялікая вайна Вялікага Княства Літоўскага і Каралеўства Польскага з Тэўтонскім ордэнам у 1409–1411 г. // ГА. 2001. Т. 8. С. 160). Однако данная численность войск ВКЛ, основанная на одном из мнений, высказанных в историографии, довольно слабо обоснована исследователем на конкретном материале источников. Кроме того, Р.Б. Гагуа исходит из ошибочной оценки мобилизационных возможностей Жемайтии в 1409–1410 гг. (Там же. С. 158–160; ср.: Własczyk G. Dzieje stosunków polsko-litewskich. T. 2. Cz. 1. S. 320. Przyp. 319). Между тем, в 1409–1410 гг. вся Жемайтия могла выставить для войны всего до 2100 коней и 200 пехотинцев, а в 1528 г. – 3 тысячи коней (Spieralski Zdz. W sprawie rejestru popisowego z czasów Wielkiej Wojny z Zakonem Krzyżackim // Studia i Materiały do Historii Wojskowości. 1960. T. 5. S. 510–527; idem. Czy koniec sporów o Grunwald? S. 97–98; и др.).

⁵⁸ ПСРЛ. Т. 5. СПб., 1851. С. 25; Т. 5. Вып. 1. М., 2003. С. 36. Л. 47–47 об.; Т. 5. Вып. 2. С. 41. Л. 192, С. 122. Л. 63 об.

ставляло 10 тысяч человек. При этом в армии Витовта еще была конница и артиллерия⁵⁹.

Секрет значительного роста числа войск ВКЛ по сравнению с эпохой Грюнвальдской битвы объясняет наступившее в 1410-е гг. материальное и финансовое благополучие в его хозяйстве. Крупные суммы денег Витовт получил от властей Тевтонского Ордена, так как крестоносцы были вынуждены в течение многих лет выкупать своих многочисленных воинов, попавших в плен во время «Великой войны» 1409–1411 гг.⁶⁰ В XV в. наличие крупных сумм денег позволяло правителю ВКЛ и его ближайшим преемникам без затруднений привлекать к себе на службу крупные отряды наемников численностью до нескольких сот человек каждый из стран Центральной и Восточной Европы⁶¹, а также без серьезного ущерба собственной казне содержать в своих владениях во время крупных международных переговоров дворы нескольких европейских монархов, католических и православных архиереев в течение нескольких недель⁶². При этом по оценкам осведомленных соседей число конных воинов во владениях Витовта достигало 15 тысяч⁶³.

Однако в XIV–XV вв. использовать все имеющиеся в наличии военные силы в войнах против соседних государств, расположенных в Прибалтике и Северо-Западной Руси, правители ВКЛ за редким исключением почти никогда не могли⁶⁴. Для Гедиминовичей и их ближайшего окружения (как и в случае с московскими Калитовичами) почти всегда оставалась актуальной проблема обороны южных границ своей страны от ордынских набегов. Прежде всего, речь шла о Киевской, Волынской

⁵⁹ Бохан Ю.М. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. Мінск, 2008. С. 289.

⁶⁰ Pelech M. W sprawie okupu za jeńców krzyżackich z Wielkiej Wojny (1409–1411). Cz. 1–2 // ZH. 1987. T. 52. Zesz. 1. S. 131–167; Zesz. 2. S. 95–112.

⁶¹ Подробнее об этом см.: Бохан Ю.М. Наёмная войска ў Вялікім княстве Літоўскім у XV–XVI стст. Мінск, 2004; он же. Вайсковая справа ў Вялікім княстве Літоўскім у другой палове XIV – канцы XVI ст. С. 287–301; Lesmaitis G. LDK samdomojo kariuomenė XV a. pabaigoje – XVI a. antrojoje pusėje. Vilnius, 2010; и др.

⁶² Таубе М.А., барон. Международный конгресс на Волыни в XV ст. М., 1898. С. 13.

⁶³ Доўнар-Запольскі М.В. Дзяржаўная гаспадарка Вялікага княства Літоўскага пры Ягелонах. Мінск, 2009. С. 76.

⁶⁴ Флоря Б.Н. Грюнвальдская битва // ВИ. 1985. № 7. С. 109.

и Подольской землях⁶⁵. Поэтому Гедиминовичи крайне редко отвлекали военные силы княжеств Южной и тем более Юго-Восточной Руси для их использования в других регионах страны.

В связи с приведенными выше данными можно сделать вывод, что объединенные в общее войско литовско-русские отряды Гедиминовичей 2 февраля 1348 г. вряд ли могли уже достигать или существенно превышать число воинов, собранных в 1410 г. в ВКЛ для решающей битвы с Тевтонским Орденом. Поэтому рассуждать о потерях Гедиминовичей в битве на р. Страве в 8 или 40 тысяч человек, как это иногда делается в современной историографии⁶⁶, совершенно бессмысленно. Данные цифры в древнерусских летописях XV в. появились либо из-за очевидной механической ошибки при копировании источников, либо целенаправленной правки первоначального текста. Это нашло свое отражение в подавляющем большинстве известий о событиях 2 февраля 1348 г. в сильно переработанных древнерусских летописных сводах и фантастичных данных о потерях войск ВКЛ, отмеченных в орденских хрониках и анналах. Наиболее ранние сведения о числе павших в битве на р. Стрва со стороны ВКЛ сохранились в протографе Рогожского летописца. Цифра в 4 тысячи погибших русско-литовских воинов гораздо ближе к истине, чем 10 тысяч, которую приводит из стана победителей в «Прусской хронике» капеллан канцелярии при ливонском магистре

⁶⁵ Леонтович Ф.И. Очерки истории литовско-русского права // ЖМНП. 1893. № 3. С. 93; Любавский М.К. История западных славян: (прибалтийских, чехов и поляков). Изд. 2-е. М., 1918. С. 276; Пичета В.И. История белорусского народа // Курс Белоруссоведения: Лекции, читанные в белорусском народном университете в Москве летом 1918 г.: (с библиографическим указателем по каждому вопросу и с приложением этнографической карты белорусского племени акад. Е.Ф. Карского). М., 1918–1920. С. 19; Biskup M., Górski K. Kazimierz Jagiellończyk. Zbiór studiów o Polsce drugiej połowy XV w. Warszawa, 1987. S. 16; Suchocki J. Geneza litewskiej legendy etnogenetycznej. Aspekty polityczne i narodowe // ЗН. 1987. Т. 52. Zesz. 1. S. 30–31, 34; Бычкова М.Е. Великое княжество Литовское // История Европы с древнейших времен до наших дней: в 8 т. М., 1992. Т. 3: От Средневековья к Новому времени / отв. ред.: Л.Т. Мильская, В.И. Рутенбург. С. 114; Черкас Б.В. Политические взаимоотношения Великого княжества Литовского и Золотой Орды в конце XIV – первой трети XV в. // Судьбы славянства и эхо Грюнвальда: Выбор пути русскими землями и народами Восточной Европы в средние века и раннее новое время: (к 600-летию битвы при Грюнвальде/Танненберге): материалы международной научной конференции / отв. ред. А.И. Филюшкин. СПб., 2010. С. 358–360; Кузьмин А.В. Титулованная знать Великого княжества Литовского в «Великой войне» 1409–1411 гг. против Тевтонского Ордена // Вялікае княства Літоўскае і яго суседзі ў XIV–XV стст. С. 29–33; и др.

⁶⁶ Например, см.: Гудавичюс Э. История Литвы... Т. 1. С. 128–129; и др.

Вильгельме Фримерсгейме (1364–1385) Герман из Вартберга⁶⁷. Очевидно, что этот хронист ориентировался на общее число воинов ВКЛ, которое было у ВКЛ в его эпоху.

Орденские источники отмечают об участии в битве на стороне Ольгерда отрядов русских воинов из Западной и Южной Руси. Среди них были воинские контингенты из таких крупных городов Руси как Владимир-Волынский, Берестье, Витебск, Смоленск и Полоцк⁶⁸.

Очевидно, что по приказу отца полоцкие и витебские рати на битву привел старший сын литовского великого князя – Андрей Ольгердович. Центром его владений в 1348 г. был Полоцк. В 1341–1348 гг. до разрыва союзнических отношений князь Андрей Ольгердович управлял Псковом преимущественно через своих наместников⁶⁹. Из Полоцка в Вильно шли две дороги⁷⁰, по которым войска князя Андрея Ольгердовича до 2 февраля 1348 г. могли быстро выйти на соединение с основными силами ВКЛ.

Великий князь («*rex Rutenorum*») Наримонт (Глеб), погибший на р. Страва⁷¹, в последние годы жизни был правителем Пинска⁷². Столицей владений его младшего брата князя Любарга (Димитрия), также

⁶⁷ SRP. Bd. 2. S. 76.

⁶⁸ SRP. Bd. 2. S. 75–76, 511. Подробнее об этом см.: Антонович В.Б. Монографии по истории Западной и Юго-Западной России. Т. 1. С. 108. Примеч. 1; Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. Т. 1. S. 376–377; Пашуто В.Т. Образование Литовского государства. С. 361; он же. Гродно в хронике Петра Дюсбурга // Культура древней Руси. М., 1966. С. 192; Гудавичюс Э. История Литвы... Т. 1. С. 128; и др.

⁶⁹ ПСРЛ. Т. 5. Вып. 1. С. 20. Л. 26–26 об.; Вып. 2. С. 26–27. Л. 175–175 об.; Данилевич В.Е. Очерк истории Полоцкой земли до конца XIV ст. С. 159.

⁷⁰ Wiśniewski J. Rozwój osadnictwa na pograniczu polsko-litewskim od końca XIV do połowz XVII w. // Acta Baltico-Slavica. Białystok, 1964. Т. 1. S. 122.

⁷¹ SRP. Bd. 2. S. 76; Bd. 4. S. 53; Chronik der vier Orden von Jerusalem. S. 74; и др.

⁷² Подробнее об этом см.: Wolff J. Ryd Gedimina. S. 13–14; Грушевский А.[С.] Пинское Полесье XIV–XVI вв.: исторические очерки. Киев, 1903. С. 10; Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. Т. 1. S. 361–362, 377; Kosman M. Historia Białorusi. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1979. S. 61; Tęgowski J. Pierwsze pokolenia Giedyminowiczów. S. 24–25; Войтович Л.[В.] Княжа доба на Русі: портрети еліти. Біла Церква, 2006. С. 613; и др. По мнению белорусского историка В.Л. Насевича, в 1348 г. князь Наримонт Гедиминович еще был правителем Полоцкого княжества (Насевич В.[Л.] Роля беларускіх зямель ва ўтварэнні і ўмацаванні ВКЛ // Гісторыя Беларусі. Т. 2. С. 90). Однако данное утверждение ошибочно, так как оно не только подтверждается, но и прямо противоречит известным сообщениям источников. Очевидно, что в 1341/42 г. после смерти литовского великого князя Гедимина, или, по крайней мере, в 1345 г. после падения власти литовского великого князя Явнуга Гедиминовича его брат князь Наримонт утратил власть в Полоцком княжестве.

принимавшего участие в битве, был Луцк⁷³. Следовательно, дружины младших Гедиминовичей, заранее собранные в западных и юго-западных городах Руси, также могли принимать участие в сражении. В связи с этим вполне допустимо предполагать участие в битве с крестоносцами русских и литовских ратников из других городов Полесья, а также Понеманья⁷⁴ (за исключением приграничного Гродно⁷⁵), ведь они находились на менее удаленном расстоянии от места битвы. На возможность такого предположения также указывает известное условие договоров земель Руси, входивших в ВКЛ с Гедиминовичами. Согласно их статьям, «русские земли, попавшие под власть Литвы или находившиеся в сфере ее влияния, обязаны были посылать свои военные отряды на войну с немецкими рыцарями»⁷⁶. В ВКЛ уже с начала XIV в. «военная служба князей, бояр и их подданных» носила обязательный характер⁷⁷. Поэтому участие в битве на р. Страве воинов из внутренних районов ВКЛ весьма вероятно.

На наш взгляд, одну из возможных причин крупных потерь войск ВКЛ, могут указывать обстоятельства смерти князя Наримонта – он утонул в реке. Этимология названия р. Страва является ее лучшей характеристикой. В балтских языках слова *strava* и *strāva* имеют несколько близких значений и переводятся как поток, большая река и быстрое течение⁷⁸. В латышском языке слово *straujļ* известно в значении «быстрый»⁷⁹. Эти слова, несомненно, имеют славянские корни. Очевидно, что во время битвы р. Страва стала непреодолимым препятствием для воинов ВКЛ. В силу объективных причин они не смогли благополучно перейти ее по льду и заплатили за это дорогую цену.

⁷³ Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 47.

⁷⁴ Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. T. 1. S. 376–377.

⁷⁵ Пашуто В.Т. Гродно в хронике Петра Дюсбурга // Культура древней Руси: [сборник статей]. Посвящается 40-летию науч. деятельности Н.Н. Воронина / отв. ред. А.Л. Монгайт. М., 1966. С. 192.

⁷⁶ Баронас Д. Древнейшие следы пребывания русских в Вильнюсе // Балты и Великое княжество Литовское: историко-лингвистический взгляд. Памяти Эгидиуса Банёниса / отв. ред. Е.Л. Назарова. М., 2007. С. 70; см. также: Ючас М.А. [Рец.] Kuczyński S.M. Wielka wojna y zakonem krzyżackim w latach 1409–1411. Warszawa, 1955. 551 s. // ИСССР. 1957. № 5. С. 260; и др.

⁷⁷ Батура Р.К., Пашуто В.Т. Культура Великого княжества Литовского // ВИ. 1977. № 4. С. 106.

⁷⁸ Невская Л.Г. Балтийская географическая терминология: (к семантической типологии). М., 1977. С. 86.

⁷⁹ Дамбе В.Ф. Славянские следы в латвийской гидронимии и микротопонимии // Балто-славянские исследования, 1980 / отв. ред. В.В. Иванов. М., 1981. С. 158.

Военное поражение в борьбе против крестоносцев вынудило правителей ВКЛ искать мирной передышки, ибо в сложившихся условиях Гедиминовичи не имели ресурсов и сил одновременно воевать на нескольких направлениях. Между тем, такая проблема в это время не стояла перед противниками ВКЛ.

Еще 5 мая 1343 г. король Казимир III Великий заключил союз против Тевтонского Ордена с князьями Западного Поморья – Богуславом V, Барнимом IV и Варгиславом V. Они обязались перед Пястом, что не будут пропускать через свои владения войска, шедшие на помощь крестоносцам⁸⁰. 8 июля 1343 г. в Калише власти Тевтонского Ордена при поддержке соседей смогли добиться от короля Казимира III Великого, действовавшего при посредничестве и определенной поддержке Римской курии⁸¹, разрыва многолетнего военно-политического союза между Польшей и ВКЛ. Пяст был вынужден за себя и своих наследников признать приобретения крестоносцев в Кульмской земле и Гданьском Поморье. Правда, при этом в пользу короля Казимира III Великого и его преемников братьям-рыцарям пришлось расстаться с крупной суммой денег⁸², своими правами и претензиями на Добжиньскую и Куявскую земли⁸³. Таким образом, обе стороны договорились на условиях, кото-

⁸⁰ Sroka S.A. *Kazimierz III Wielki // Piastowie: Leksykon biograficzny / red. naukowa: St. Szczur, Krz. Ożóg. Kraków, 1999. S. 236.*

⁸¹ Подробнее о роли римской курии во второй четверти XIV в. в урегулировании конфликта между Польшей и Тевтонским Орденом см.: Chłopocka H. *Galhard de Carceribus i jego rola w sporze polsko-krzyżackim w XIV w. // Europa–Słowiańszczyzna–Polska. S. 135–143; Szczur St. Traktat pokojowy Kazimierza Wielkiego z zakonem krzyżackim z 1343 r. // ZH. 1991. T. 56. Zesz. 4. S. 7, 11; и др.*

⁸² В 1343 г., усиливая свое закулисное влияние на папское окружение, власти Тевтонского Ордена санкционировали продажу своих владений в Монпелье кардиналу Имберту Дюпуи (Forstreuter K. *Der Deutsche Orden am Mittelmeer // Quellen und Studien zur Geschichte des Deutschen Ordens. Bonn, 1967. Bd. 2. S. 105*).

⁸³ Dogiel M. *Codex diplomaticus Regni Poloniae et Magni Ducatus Litvaniae. Vilnae, 1764. T. 4. Nr. 62. P. 68; Chłopocka H. Nieznana kronika sporów polsko-krzyżackich w latach 1308–1420 // ZH. 2000. T. 65. Zesz. 2. S. 154. В 1343 г. польского короля на союз с крестоносцами активно подталкивали соседи. Еще в 1334–1335 гг. посредниками в затянувшемся конфликте выступали чешский король Ян Люксембургский и венгерский король Карл Роберт Анжуйский (Chłopocka H. *Nieznana kronika sporów polsko-krzyżackich w latach 1308–1420. S. 152–153; Szczur St. Traktat pokojowy Kazimierza Wielkiego z zakonem krzyżackim z 1343 r. S. 10–11*). В числе последних был и влиятельный молодой бранденбургский маркграф Людвик VI Виттельсбах (1328–1365). Не учитывать его мнения, Казимир III Великий не мог (Тихомиров М.[Н.] *Борьба русского народа с немецкими интервентами в XII–XV вв. С. 45*). Маркграф Людвик VI Виттельсбах был сыном императора «*Sacrum imperium*» и*

рые еще 22 июня 1341 г. им предлагал ныне покойный папа Бенедикт XII. Тем не менее, король Казимир III Великий остался в «тихом конфликте» с властями Тевтонского Ордена. Свидетельством этого было то, что вопреки договору он сохранил за собой титул «Поморский». Данным действием, как подчеркивают польские исследователи, король Казимир III Великий демонстрировал «свои теоретические права на Поморье»⁸⁴.

короля Германии (1314–1347) Людвика IV Баварского (1281/82–1347) и его второй жены, Маргариты I Голландской (1311–1356). Еще 8 февраля 1328 г. в Риме по воле отца Людвик VI Виттельсбах был провозглашен польским королем. Этот акт императора противоречил внешней политике Римской курии. На протяжении многих лет папа Иоанн XXII (1316–1334) последовательно поддерживал отца Казимира III Великого (1310–1370) – польского короля (с 1320) Владислава I Локетка (1260/61–1333). Подробнее об этом см.: Abraham Wł. Stanowisko kuryi papieskiej wobec koronacyi Łokietka // *Księga pamiątkowa Uniwersytetu Lwowskiego ku uczczeniu pięćsetnej rocznicy fundacyi jagiellońskiej Uniwersytetu Krakowskiego*. Lwów, 1900. S. 3–34; Balcer O. *Królestwo Polskie, 1295–1379*. Lwów, 1920. T. 3. S. 143–150, 161; Schwöbel H.O. *Der diplomatische Kampf zwischen Ludwig dem Bayern und der römischen Kurie im Rahmen des kanonischen Absolutionsprozesses. 1330–1346*. Weimar, 1968; Schütz A. *Der Kampf Ludwigs des Bayern gegen Papst Johannes XXII und die Rolle der Gelehrten am Münchner Hof // Wittelsbach und Bayern*. München, 1980. T. 1/1. S. 388–397. И хотя данный политический акт римского императора не имел больших последствий для Польши, герцог Верхней Баварии и маркграф Бранденбурга неоднократно искал повода для вмешательства во внутренние дела соседнего государства. В 1335 г. для нейтрализации Людвика VI Виттельсбаха Казимир III Великий пообещал ему руку своей второй дочери Елизаветы (1326/34–до 1363). Правда, на деле этот династический союз не был осуществлен. В 1341 г. она была обручена с вологоско-слупским князем Богуславом V Великим (ок. 1316–1373), злейшим врагом Тевтонского Ордена. В 1343 г. Елизавета благополучно вышла за него замуж (Zientara B. *Bydgoszcz, Nakło i hołd w Pyzdrach. Księstwo Słupskie a Polska w latach 1386–1412* // *ZH*. 1969. T. 34. Zesz. 1. S. 7; Sroka S.A. *Elżbieta // Piastowie*. S. 249–250). Тем не менее, учитывая свою борьбу за Силезию, в июле 1345 г. польский король согласился на брак Людвика VI Виттельсбаха и своей дочери Кунигунды (1331/35–1357). При этом Казимир III Великий стал рассматривать нового зятя как своего возможного преемника в Кракове. Этот династический союз гарантировал правителю Польши поддержку в возможной войне против чешского короля Карла IV Люксембургского (1346–1378) (Kaczmarczyk Zd. *Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382)*. S. 226, 271; Sroka S.A. *Kunegunda // Piastowie*. S. 250–251. Подробнее о муже Кунигунды, например, см.: Schütz A. *Ludwig der Bayern // Neue Deutsche Biographie*. Berlin, 1987. Bd. 15. S. 334–347; и др.).

⁸⁴ Kaczmarczyk Zd. *Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382)*. S. 251–252; см. также: Zientara B. *Bydgoszcz, Nakło i hołd w Pyzdrach...* S. 7–8; Górski K., Pakulski J. *Udział polaków w krzyżackich rejsach na Litwę w latach siedemdziesiątych i osiemdziesiątych XIV stulecia* // *ZH*. 1987. T. 52. Zesz. 3. S. 43; Biskup M. *Die Merkmale des entwickelten Nationalbewusstseins in Polen und seine Festigung im 14. Und 15. Jahrhundert* // *JGO*. 1987. Bd. 35. H. 3. S. 376.

С этим выводом в целом согласны и некоторые немецкие исследователи. Они отмечают, что заключенный 8 июля 1343 г. в Калише мир не решил все острые вопросы между Польским королевством и Тевтонским Орденом и лишь отсрочил борьбу за Поморье⁸⁵.

В это время аналогичным образом складывались отношения крестоносцев с правителями Мазовии. Несмотря на мирный договор 1343 г., между ними сохранялась ситуация скрытого конфликта по отдельным территориальным вопросам. Во второй половине XIV в. мазовецким князьям в итоге вновь пришлось вести борьбу за свои некоторые приграничные земли, ограничивая возрастающий аппетит рыцарей Тевтонского Ордена⁸⁶.

Заключив с правителями Польши и Мазовии выгодный для себя мир, крестоносцы получили возможность при поддержке своих союзников/гостей из стран Западной Европы, традиционно игравших важную роль в их военных акциях⁸⁷, полностью сконцентрироваться на военной экспансии в Прибалтике. Теперь крестоносцы были вновь заинтересованы в территориальных приобретениях за счет северо-западных земель ВКЛ. При этом другая сторона договора (Польша) получила очередную возможность сосредоточиться на своих планах по присоединению к своим владениям богатых земель Силезии, Мазовии, а затем и Галицко-Волынской Руси⁸⁸.

⁸⁵ Boockmann H., Rhode G. *Tezy do historii Zakonu Krzyżackiego*. S. 16.

⁸⁶ Kowalczyk-Heymann E. [Rec.:] Anna Supruniuk, *Mazowsze Siemowitów (1341–1442). Dzieje polityczne i struktury władzy*, Warszawa 2010, DIG, ss. 276 // КН. 2011. Рос. 118. Nr. 3. S. 563–564, 568–569.

⁸⁷ Biskup M., Labuda G. *Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach: Gospodarka*. S. 280, 355.

⁸⁸ В историографии по-прежнему остается дискуссионной оценка, кому в большей степени был более выгоден данный договор Польше или Тевтонскому Ордену. Подробнее об этом, например, см.: Гейсман П.[А.] Польско-литовско-русский поход в Восточную Пруссию и сражение при Грюнвальде-Танненберге 15 июля 1410 г. // Военный сборник. СПб., 1910. № 7. С. 4; Любавский М.К. История западных славян: (прибалтийских, чехов и поляков). Изд. 2-е. М., 1918. С. 261–262; Balcer O. *Królestwo Polskie, 1295–1379*. T. 3. S. 83–84, 98, 115, 171, 224; Пичета В.[И.] Вековая борьба польского народа с немецкими захватчиками // ИЖ. 1941. № 9. С. 70; Державин Н.[С.] Вековая борьба славян с немецкими захватчиками. М., 1943. С. 48; Грацианский Н.П. Пруссия и пруссаки. М., 1945. С. 11–12; Kuczyński S. M. *Wielka wojna u zakonem krzyżackim w latach 1409–1411*. Warszawa, 1955. S. 52, 340; idem. *Bitwa pod Grunwaldem*. Katowice, 1985. S. 11, 15, 16–17; Ючас М.А. [Рец.:] Kuczyński S. M. *Wielka wojna u zakonem krzyżackim w latach 1409–1411*. Warszawa, 1955. 551 s. С. 259; он же. Галицко-Волынская Русь и проблема христианизации Литвы во второй половине XIV в. // Восточная Европа в исторической ретроспективе. К 80-летию В.Т. Пашуто / под ред. Т.Н. Джаксон и Е.А. Мельниковой. М., 1999. С. 263; Пашуто

В связи с необходимостью реализации своих планов в Польше король Казимир III Великий был вынужден пойти на очередное сближение с властями ВКЛ. В конце весны – начале лета 1344 г. он «подтвердил status quo на Руси», чтобы сосредоточить свои главные силы в Силезии⁸⁹. Литовская сторона не была против этого, так как основная опасность владениям Гедиминовичей исходила от другой стороны. С 1344 г. земли ВКЛ находились под угрозой систематического военного нападения и материального опустошения из пределов Тевтонского Ордена. В 1344–1348 гг. крестоносцы, не обладавшие постоянными крупными военными силами, использовали тактику небольших походов и набегов на владения великого князя Ольгерда, его братьев и союзников⁹⁰. В ответ на это в 1345–1347 гг. литовские князья совершили ряд удачных походов на земли Ливонии, Пруссии, Семигалии и Самбии⁹¹.

В.[Т.], Ючас М.[А.] 550-летие Грюнвальдской битвы. С. 80; Samsonowicz H. Złota jesień polskiego średniowiecza. Warszawa, 1971. S. 35; Kaczmarczyk Zd. Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382). S. 224, 225, 251–252; Czacharowski A. Toruń średniowieczny (do roku 1454) // Toruń dawny i dzisiejszy: Zarys dziejów / pod red. M. Biskupa. Warszawa; Poznań; Toruń, 1983. S. 54–55; Флоря Б.Н. Грюнвальдская битва. С. 106; он же. Путь к Грюнвальду. Международная жизнь восточной части Европы в XIV – начале XV в. // Родина. 2010. № 7. С. 4; Biskup M., Labuda G. Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach. S. 349–350, 357; Boockmann H., Rhode G. Tezy do historii Zakonu Krzyżackiego. S. 16; Biskup M. Rola Zakonu Krzyżackiego w Prusach w historii Polski // Zakon Krzyżacki a Polska w średniowieczu. S. 29; idem. Die Merkmale des entwickelten Nationalbewusstseins in Polen und seine Festigung im 14. und 15. Jahrhundert. S. 376; idem. Nowa praca o traktatach państwowych Zakonu Krzyżackiego w Prusach // КН. Roc 95. 1989. Zesz. 3. S. 228; он же. Великая война Польши и Литвы с Тевтонским орденом... С. 15; Nowak Z.H. Dzieje Chełmna do końca XVIII w. // Dzieje Chełmna. Zarys monograficzny. Wyd. 2, zmien. / pod red. M. Biskupa. Warszawa; Poznań; Toruń, 1987. S. 71; Szczur St. Traktat pokojowy Kazimierza Wielkiego z zakonem krzyżackim z 1343 r. S. 7–43; Краўцэвіч А.[К.] Тэўтонскі Ордэн. Ад Ерусаліма да Грунвальда. Мінск, 1993. С. 29; Sroka S.A. Kazimierz III Wielki. S. 236, 237; Сагановіч Г.[М.] Беларусь і Нямецкі Ордэн (да Крэўскай уніі). С. 126; Бокман Х. Немецкий Орден. Двенадцать глав из его истории. М., 2004. С. 123, 126; Жарков С.В. История создания рыцарских орденов и каталог холодного оружия, снаряжения рыцарей средневековой Европы. Брест, 2005. С. 30; Петкевич К. Великое княжество Литовское. С. 312; Кутаков И.В. Великое княжество Литовское в системе международных отношений Восточной Европы... С. 84, 164. Примеч. 27; и др.

⁸⁹ Kaczmarczyk Zd. Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382). S. 252.

⁹⁰ Жюгжда Ю.[И.] Борьба литовского народа с немецкими рыцарями в XIII–XV вв. // ИЖ. 1943. № 8/9. С. 30–31; Biskup M., Labuda G. Dzieje zakonu krzyżackiego w Prussach. S. 357.

⁹¹ Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. S. 32–33.

Для увеличения числа своих войск перед походами на ВКЛ крестоносцы традиционно использовали помощь европейских рыцарей и наемников из Англии, Франции и Германии⁹². Осенью 1347 г. эти воины остались без дела после заключения очередного временного перемирия в Столетней войне⁹³. На численность прибывающих в этот год в Прибалтику гостей не могли существенно повлиять предшествовавшие ему голод и войны. Их последствия компенсировали демографические процессы в Западной Европе во второй трети XIV в. Кроме того, стоит учитывать, что новая эпидемия – бубонная чума, придя в 1348 г. из Крыма, Византии и греческих островов в Средиземном море в Италию, еще не проникла на земли большинства соседних с ней стран⁹⁴.

Опасаясь усиления военно-политического влияния в Восточной Европе крестоносцев после их убедительной победы на р. Страва, Казимир III Великий был вынужден прекратить свою затяжную борьбу за Силезию. На этот шаг польского короля подтолкнуло перемирие, против которого в 1346 г. не был и чешский король Ян Люксембургский. К заключению прочного мира в 1348 г. Пяста также подталкивала смерть 11 октября 1347 г. его влиятельного союзника – императора Людвига IV Баварского. Поэтому 22 ноября 1348 г. Казимир III Великий был вынужден заключить Намысловский договор с новым (с 1346 г.) чешским королем, императором и германским королем Карлом IV (1347–1378),

⁹² Подробнее об этом, например, см.: Матузова В.И. Английская знать в крестовых походах на Пруссию и Литву (XIV в.) // ВЕДС. Спорные проблемы истории. Чтения памяти В.Т. Пашуто: тезисы докладов / отв. ред. А.П. Новосельцев. М., 1993. С. 50–51; Гусаков М.Г. Замок Георгенбург в Восточной Пруссии (XIII–XX вв.). Опыт историко-археологической реконструкции // Балты и Великое княжество Литовское. С. 163–179; и др. Участие английских рыцарей в военных походах против ВКЛ косвенно отражают сложившийся в это время высокий уровень развития торговых связей между городами Англии и Балтийского Поморья. Об этом, например, см.: Samsonowicz H. Tło gospodarcze wydarzeń 1308 roku na Pomorzu Gdańskim. S. 213, 214; Czaja R. Udział wielkich miast pruskich w handlu hanzeatyckim (Cz. I) // ZH. 1995. T. 60. Zesz. 2–3. S. 34–38; idem. Udział wielkich miast pruskich w handlu hanzeatyckim (Cz. II) // Ibid. T. 60. Zesz. 4. S. 45, 50–52, 54; и др.

⁹³ Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 1. С. 164–165.

⁹⁴ Золотов В.И. Демографический фактор в современных исследованиях по истории английского общества XIV–XV вв. // Проблемы социальной истории Европы: от Античности до Нового времени: межвузовский сборник статей / редкол.: А.М. Дубровский и др. Брянск, 1995. С. 33–45; Куш Т.В. Чума в поздней Византии // Византийский временник. М., 2008. Т. 67 (92). С. 40, 42–46; она же. «Чёрная смерть» в Византии как фактор дестабилизации общества // Известия Уральского государственного университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. Екатеринбург, 2008. № 59. Вып. 16. С. 6–17.

сыном погибшего в Столетней войне Яна Люксембургского. Пяст добился от своего соседа обещания военной помощи в том случае, если на владения Казимира III Великого в Польше произойдет нападение войск Тевтонского Ордена или Бранденбургской Марки⁹⁵.

Военное поражение и угроза новых нападений со стороны своих соседей привели Гедиминовичей к кратковременной попытке их сближения со «Священной Римской империей» и Польшей. В 1348 г. по инициативе великого князя Ольгерда его младший брат и соправитель Кейстут обратился к императору и королю Богемии с просьбой о помощи в деле крещения Литвы⁹⁶. В конце 1348 – весной 1349 гг. по тому же вопросу правитель Трок и Подляшья вел переговоры с мнимым союзником крестоносцев – польским королем Казимиром III Великим⁹⁷. Предложение о крещении из уст главных лиц ВКЛ нашло естественную поддержку при папском дворе во французском городе Авиньоне на р. Рона. 16 и 19 сентября 1349 г. папа Климент VI уделил внимание этой проблеме сразу в трех своих посланиях⁹⁸.

Помимо этих шагов, для получения мирной передышки после поражения на р. Страве великому князю Ольгерду было необходимо также заручиться поддержкой хана Джанибека. С лета 1348 г. Орда находилась в сильной оппозиции к политике властей ВКЛ на Руси, ключ к нормализации отношений с которой находился в это время в Москве⁹⁹. Поэтому именно здесь в 1349 г. послы Ольгерда были вынуждены начать невыгодные для ВКЛ переговоры. Они, хотя и окончились освобождением его

⁹⁵ Balcer O. Krylestwo Polskie, 1295–1379. T. 3. S. 149; Kaczmarczyk Zd. Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382). S. 253–254; Sroka S.A. Kazimierz III Wielki. S. 238; и др. О чешском короле Карле IV Люксембургском подробнее, например, см.: Spěváček J. Karel IV: Píivot i dnlo (1316–1378). Praha, 1979.

⁹⁶ Сагановіч Г.[М.] Беларусь і Нямецкі Ордэн (да Крэўскай уніі). С. 127.

⁹⁷ Kaczmarczyk Zd. Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382). S. 254; Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. S. 33–34; Rachuba A., Kiaupienė J., Kiaupa Z. Historia Litwy. S. 26–27; и др. О важной роли этого договора в позднейших династических браках между правителями Чехии и Силезии подробнее см.: Heck R. Związki Śląska z Polską w XIV i XV w. // Śląsk i Pomorze w historii stosunków polsko-niemieckich w średniowieczu: materiały XII konferencji Komisji podręcznikowej PRL i RFN / oprac. red. M. Biskup. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk; Łódź, 1983. S. 71.

⁹⁸ Анализ их содержания подробнее см.: Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. С. 89–95; Барбашев А.[И.] Витовт: последние двадцать лет княжения, 1410–1430. С. 19; Ючас М.А. Галицко-Волынская Русь и проблема христианизации Литвы во второй половине XIV в. С. 264–265; и др.

⁹⁹ Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. S. 34.

младшего брата – «Корьяда и его дружину Литву» москвичи отпустили за выкуп¹⁰⁰, но обнажили на политическую и военную слабость ВКЛ после ряда почти одновременных неудач ее правителей на западных и восточных рубежах страны. Этой ситуацией практически сразу же решил воспользоваться король Казимир III Великий – бывший родственник, а ныне – недруг Гедиминовичей. Победа сулила ему приобретение новых городов и земель в Юго-Западной Руси. Это позволяло Казимиру III Великому и его окружению окончательно поставить под контроль важные торговые пути из Малой Польши до Львова. Они намеревались вытеснить оттуда своих ближайших соседей и конкурентов – немецких и польских купцов из Силезии, подданных Чешской Короны¹⁰¹. Таким образом, в случае удачи Казимир III Великий мог компенсировать свои территориальные потери в Поморье и Силезии, а также возродить пошатнувшийся авторитет королевской власти.

Еще до начала военной кампании против юго-западных владений ВКЛ польский король смог заручиться дипломатической санкцией на ее проведение у ордынских дипломатов. В 1349 г. с этой целью представители хана Джанибека посетили Казимира III Великого¹⁰². Итак, следствием военного поражения литовских князей и их союзников на р. Стрва стала угроза, а затем и потеря на короткий срок Гедиминовичами большинства своих владений в Галицкой земле и на Волыни¹⁰³.

¹⁰⁰Присёлков М.Д. Троицкая летопись. С. 370; ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 59. Л. 280.

¹⁰¹Małowist M. Uwagi o roli kapitału kupieckiego w Europie Wschodniej w różnym średniowieczu // PH. 1965. T. 56. Zesz. 2. S. 223. На практике план по захвату торговых путей был осуществлен. В результате этого купцы Польского королевства получили значительные привилегии в торговле с городами Юго-Западной Руси, чем нанесли сильный и болезненный удар по доходам и интересам своих конкурентов из Силезии (Heck R. Związki Śląska z Polską w XIV i XV w. S. 67).

¹⁰²Грушевський М.[С.] Історія України-Руси. Т. 4. С. 33; Kaczmarczyk Zd. Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382). S. 254.

¹⁰³ПСРЛ. Т. 3. С. 361. Л. 215–215 об.; Т. 6. Вып. 1. Стб. 428. Л. 367; Т. 16. Стб. 82. Подробнее об этом см.: Устрялов Н.Г. Русская история. Ч. 1. С. 164–165; Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. Киев, 1887. С. 211; Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. С. 88; Иванов П.А. Исторические судьбы Волынской земли с древнейших времен до конца XIV в. С. 238; Любавский М.К. Очерк истории Литовско-Русского государства до Люблинской унии включительно. Изд. 2-е. М., 1915. С. 30; Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великокняжества Литовского. С. 47–49; Łowmiański H. Prusy–Litwa–Krzyżacy. Warszawa, 1989. S. 205; Mironowicz A. Przynależność diecezjalna Brześćcia do końca XVI w. // BZH. 2007. T. 27. S. 12; Norkus Z. Kada senoji Lietuvos valstybė tapo imperija ir nustoja ja būti? Atsakymas į lietuviš klausimą, naudojantis estišku metodu // Lietuvos istorijos studijos. Vilnius, 2009. T. 23. P. 57; и др.

Об этом свидетельствуют следующие факты. В сентябре 1349 г. войска польского короля Казимира III Великого неожиданно легко и быстро захватили в Юго-Западной Руси хорошо укрепленные города Теревовль, Луцк, Владимир-Волынский, Берестье, Белз и Холм. Возможности защитить свои владения в Галицко-Волынской Руси великий князь Любарт Гедиминович, его ближайшие родственники и союзники в это время не имели¹⁰⁴. Поэтому ленная присяга Польской Короне со стороны подольского князя Александра Кориатовича и правителя Луцкого княжества, несомненно, носила вынужденный характер¹⁰⁵. Теперь титул Пяста, включавший с 1346 г. и упоминание Руси, еще более приобретал реальные политические черты. Власть Казимира III Великого над основной частью ее юго-западных земель теперь наглядно подчеркивала чеканка во Львове королем монет с изображением льва – геральдическим символом последних великих князей Галицко-Волынской Руси¹⁰⁶.

Сравним названия упомянутых выше городов с названиями тех, воины которых участвовали 2 февраля 1348 г. в битве на р. Страве. Сделав это, нетрудно прийти к выводу, что за исключением пограничных с Польшей городов Белза и Холма они полностью совпадают. Таким образом, становится ясно, что стремительный захват королем Казимиром III Великим большей части юго-западных владений ВКЛ в значительной степени был обеспечен не только внезапностью нападения и военной помощи со стороны Венгерского королевства, но и результатами победы крестоносцев над войсками Гедиминовичей в битве на р. Страве. Этот вывод позволяет предполагать, что заметное число ратников, погибших в сражении 2 февраля 1348 г., по-видимому, составляли воины из городов Юго-Западной Руси.

¹⁰⁴Филевич И.П. Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимирское наследие. С. 88–89; Флоря Б.Н. Борьба московских князей за смоленские и черниговские земли во второй половине XIV в. // Проблемы исторической географии России М., 1982. Вып. 1: Формирование государственной территории России: материалы Второй Всесоюзной конференции по исторической географии России / отв. ред. В.А. Кучкин. С. 61; Krzyżaniakowa J., Ochmański J. Władysław II Jagiełło. S. 34; Ючас М.А. Галицко-Волынская Русь и проблема христианизации Литвы во второй половине XIV в. С. 264; и др.

¹⁰⁵Kaczmarczyk Z. Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382). S. 254.

¹⁰⁶Kuczyński S.K. Herby terytorialne na polskich monetach średniowiecznych // Nummus et historia: Pieniądz Europy średniowiecznej / red.: S.K. Kuczyński, St. Suchodolski. Warszawa, 1985. S. 230–231.

Помимо данных событий, успеху польского короля Казимира III Великого косвенно способствовала и эпидемия, разразившаяся в древнерусских волостях ВКЛ. Так, например, летом 1349 г. она охватила Полоцк – один из его самых густонаселенных городов¹⁰⁷.

Ослабление власти Гедиминовичей в землях Южной Руси вынудило их изменить свою восточную политику, пойти на ряд серьезных уступок в пользу соседей и искать прочного мира с Ордой и великими княжествами Северо-Восточной Руси. Отражением такого поворота в политике Гедиминовичей стали новые династические браки между правящими в Руси русскими и литовской княжескими династиями¹⁰⁸. В 1349 г. луцкий великий князь Любарт (Димитрий) решил жениться во второй раз. При посредничестве митрополита всея Руси Феоноста и великого князя Семена Ивановича Гордого¹⁰⁹ он взял в жены княжну Ольгу¹¹⁰, дочь ростовского князя Константина Васильевича († 1365). По женской линии вторая жена великого князя Любарта (Димитрия) приходилась внучкой владимирскому и московскому великому князю Ивану I Даниловичу Калите. Спустя некоторое время уже сам литовский великий князь Ольгерд направил посольство в Москву. Здесь его дипломаты просили руки тверской княжны Ульяны Александровны, младшей дочери покойного владимирского и тверского великого князя Александра Михайловича († 1339). Сватовство правителя ВКЛ в Москве, а не в Твери

¹⁰⁷Бужилова А.П. Homo sapiens: История болезни. М., 2005. С. 288.

¹⁰⁸Андряшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. С. 212.

¹⁰⁹Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. T. 1. S. 383; Шабульдо Ф.М. Земли Юго-Западной Руси в составе Великого княжества Литовского. С. 48.

¹¹⁰Имя второй жены луцкого князя Любарта Гедиминовича в летописях Северо-Восточной Руси не называется. Оно устанавливается благодаря данным актовых источников и записям на рукописных книгах (см.: Archiwum ksiąg Lubartowiczów Sanguszków w Sławucie... / pod kierownictwem Z.L. Radziwińskiego. Lwów, 1887. T. 1: 1366–1506. № 8. S. 8; Грамоты XIV ст. / упор., вст. ст., ком. і слов.-показ. М.М. Пещак; відп. ред. В.М. Русанівський. Кієв, 1974. № 33. С. 64. Точную датировку грамоты см. в издании источников: Akta unji Polski z Litwą, 1385–1791 / wyd. St. Kutrzeba i Wł. Semkowicz. Kraków, 1932. № 15. S. 12). Сведения этого важного документа опровергают мнение Л.В. Столяровой, согласно которому, кроме выходной записи писца попа церкви святой Екатерины Ивана на Флорентийской псалтири 1384 г., о сыновьях Любарта сохранилось лишь «глухое летописное известие» (Столярова Л.В. Свод записей писцов, художников и переплетчиков древнерусских пергаменных кодексов XI–XIV вв. М., 2000. С. 351; ср.: Kuczyński S.M. Fedor Lubartowicz // PSB. 1947–1948. T. 6/4–5. Zesz. 29–30. S. 384–385; Кузьмин А.В. Записи о русско-литовских князьях на пергаменных кодексах второй половины XIV в.: историко-генеалогический аспект // Румянцевские чтения–2003: Культура: от информации к знанию: тезисы и сообщения / сост. Л.Н. Тихонова. М., 2003. С. 134–138; и др.).

объяснялось тем, что его предполагаемая невеста была родной сестрой третьей жены великого князя Семена Ивановича Гордого¹¹¹. Заключение мира и укрепление родственных связей с Москвой позволило литовскому великому князю Ольгерду заручиться поддержкой Орды. Ее власти даже дали ему отряд, который в Галицко-Волынской земле участвовал в борьбе против поляков¹¹².

Решение в 1348–1349 гг. политических проблем с Владимирским и Московским великим княжеством на восточных рубежах ВКЛ позволило Гедиминовичам на западном направлении уже не довольствоваться лишь дипломатическими мерами. В 1349 г. они вновь собрали вместе военные силы со своих литовских и ряда русских владений. Гедиминовичи напали на ливонские владения Ордена, нанеся им значительный материальный урон¹¹³.

В 1349–1351 гг. ответные военные компании крестоносцев против ВКЛ, по мнению некоторых исследователей, останавливала лишь бубонная чума («чёрная смерть»)¹¹⁴. В конце 1347 г. в Западной Европе она поразила Лангедок. С лета 1348 г. из Италии эпидемия начала постепенно распространяться среди населения почти всех государств Европы, включая островную Англию, а также страны Скандинавии. В течение 1348–1350 гг. она не прекращалась в землях «Священной Римской империи»¹¹⁵ и даже проникла в словенские владения Габсбургов¹¹⁶. В Западной Европе в связи с бубонной чумой даже был создан

¹¹¹ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 59. Л. 280–280 об.; Т. 25. С. 177. Л. 237–237 об.

¹¹²Андрияшев А.М. Очерк истории Волынской земли до конца XIV ст. С. 212–213.

¹¹³Paszkiewicz H. Jagiellonowie a Moskwa. T. 1. S. 375.

¹¹⁴Łowmiański H. Studia nad dziejami Wielkiego księstwa Litewskiego. S. 401–402. Przur. 163; Сагановіч Г.[М.] Беларусь і Нямецкі Ордэн (да Крэўскай уніі). С. 127; Гудаевичус Э. История Литвы... Т. 1. С. 129. Кроме того, «в половине XIV в., когда рост городов Германии, а отчасти также страшная эпидемия («чёрная смерть») прекратили прилив немецкого крестьянского населения в Пруссию, сюда было разрешено переселяться из Польши (Мазовии)» (Грацианский Н.П. Пруссия и пруссаки. С. 10).

¹¹⁵Biskup M., Labuda G. Dzieje zakonu krzyzackiego w Prussach: Gospodarka. S. 354. О распространении эпидемии бубонной чумы в XIV в. в Европе подробнее см.: Брайант А. Эпоха рыцарства в истории Англии. СПб., 2001. С. 336–350, 352–353; Бужилова А.П. Homo sapiens. С. 287–293; Перруа Э. Столетняя война. М., 2006. С. 134–138, 141; Фоссье Р. Люди Средневековья. СПб., 2010. С. 31–35, 263–264; и др.

¹¹⁶Фрейденберг М.М. Из семейных хроник словенских банкиров // ГЕННАДИОС. К 70-летию акад. Г.Г. Литаврина: сборник статей / отв. ред. Б.Н. Флоря. М., 1999. С. 232.

«целый комплекс медицинских текстов», посвященный борьбе против этой эпидемии¹¹⁷.

Бубонная чума привела к тому, что из-за нее в середине XIV в. погибло много земледельцев, особенно в перенаселенных регионах Европы. Так, например, в отдельных районах Северной и Центральной Италии после 1348 г. сокращаются объемы торговли, падает производство¹¹⁸. Правда, во Франции, в сравнении с Германией, редко фиксируются случаи полного прекращения функционирования сельских поселений как из-за действий эпидемий, так и неблагоприятных процессов в экономике¹¹⁹. Все это затрудняло необходимое производство продуктов питания, поскольку возросла миграция населения отдельных регионов Европы в города. Из-за этого резко выросла оплата рабочего труда. Бубонная чума стала одной из главных причин затяжного демографического и аграрного кризиса во многих регионах Европы¹²⁰. В это время даже

¹¹⁷Морозова П.В. Популяризация научных знаний в Германии позднего Средневековья: медицинские компиляции // *Немецкие средневековые рукописи и старопечатные фрагменты в «Коллекции документов Густава Шмидта» из собрания Научной библиотеки Московского университета: Каталог. Материалы и исследования* / ред.-сост.: Е.Р. Сквайрс, Н.А. Ганина. М., 2008. С. 368. Актуальность рукописных текстов против чумы прослеживается и позднее. Подробнее об этом, например, см.: Сквайрс Е.Р. Как спастись от чумы по-нижненемецки: рукопись заговора (молитвы) XV в. // Там же. С. 349–363; и др.

¹¹⁸Котельникова Л.А. Аграрная история Италии XIV–XV вв. в современной западной медиевистике и концепция «кризиса» // *СВ*. 1976. Вып. 40. С. 220–221.

¹¹⁹Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: очерки демографической истории Франции. М., 1991. С. 140.

¹²⁰Подробнее об этом, например, см.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории / пер. с фр. И.И. Фроловой; ред. и автор предисл. А.Д. Люблинская. М., 1957. С. 167–170; Гуковский М.А. Итальянское Возрождение. Л., 1957. С. 204–207; Zientara B. Kryzys agrarny Marchii Wkrzańskiej w XIV w. Warszawa, 1961; Engel E., Zientara B. Feudalstruktur, Lehnbürgertum und Fernhandel im spätmittelalterlichen Brandenburg. Weimar, 1967. S. 223–396; Котельникова Л.А. Аграрная история Италии XIV–XV вв. в современной западной медиевистике... С. 218–233; Гутнова Е.В. Влияние экономической эволюции на изменения в социальной иерархии в Англии XIV–XV вв. // *СВ*. 1983. Вып. 46. С. 27–32; История крестьянства в Европе: Эпоха феодализма: в 3-х т. / гл. ред. З.В. Удальцова. М., 1986. Т. 2: Крестьянство Европы в период развитого феодализма / отв. ред. М.А. Барг. С. 292; Дорошенко В.В. Крестьянство Прибалтики XIV–XV вв. // *История крестьянства СССР с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции: в 5 т. М., 1989. Т. 2: Крестьянство в периоды раннего и развитого феодализма* / отв. ред. Н.А. Горская. С. 194; Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: очерки демографической истории Франции. С. 135–142, 158–159, 174–190, 224–225; Нефёдов С.А. О демографических циклах в истории средневековой Руси // *Клио: Журнал для ученых.*

в Швеции, удаленной от непосредственной торговли в Средиземноморском регионе, из-за последствий эпидемии сокращаются площади запашки зерновых¹²¹.

Поэтому неудивительно, что в конце 40-х гг. – начале 50-х гг. XIV в. бубонная чума стала главной причиной того, что в это время в Пруссию и Ливонию резко ослаб приток новых поселенцев и военных. Так, например, в Бургундии, выступавшей традиционным союзником и торговым партнером Тевтонского Ордена, потери населения составили до 30 % ее населения¹²². Сокращение контактов между землями и странами Западной и Северной Европе привело к уменьшению торгово-экономического оборота между государствами Балтийского региона¹²³. Из-за этого особенно сильно пострадали те регионы Восточной Европы, где по сравнению с Ливонией, этнической Литвой и Жемайтией была большая численность и плотность населения¹²⁴.

СПб., 2002. № 3 (18). С. 193, 199, 200; Тушина Г.М. Семья в средневековых городах Прованса: XI–XV вв. // Традиции и новации в изучении западноевропейского феодализма. Памяти Д.М. Петрушевского и А.И. Неусыхина: сборник статей / отв. ред. Л.Т. Мильская. М., 1995. С. 164–165; Перруа Э. Столетняя война. С. 135–136, 141; Куш Т.В. «Чёрная смерть» в Византии как фактор дестабилизации общества. С. 9–16; Petrauskas R. Vėlyvųjų viduramžių Europa ir Lietuvos Didžiosios Kunigaikštystės ir kultūros raida XIV–XVI a. // Lietuvos istorijos studijos. Vilnius, 2009. Т. 23. Р. 75. Количество жертв от эпидемии в странах Западной Европы было существенным, но все же не таким огромным, каким оно рисуется в современных ему хрониках и анналах. Критическую оценку степени достоверности этих источников, например, см.: Histoire de la France: des origines a nos jours / sous la direction de G. Duby de l'Academie francaise. Paris, 1995. Р. 311, 315–317. Память о нескольких приходах бубонной чумы на русские земли ВКЛ сохранилась в текстах «заговорных писем» (например, см.: Булычев А.А. О колдовском заговоре против бубонной чумы: (по материалам архива Разрядного приказа) // Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма: Чтения памяти А.Л. Станиславского: тезисы докладов и сообщений / отв. ред. В.А. Муравьев. М., 1991. С. 46–48).

¹²¹Сванидзе А.А. Деревня и рынок в Швеции. К вопросу о вариантах «аграрного кризиса» XIV–XVI вв. // Аграрная история эпохи феодализма: сборник научных работ / отв. ред. В.Е. Майер. Ижевск, 1982. С. 64. Подробнее об этом см.: Norgborg L.A. Storforetaget Vadstena kloster. Lund, 1958.

¹²²Бессмертный Ю.Л. Жизнь и смерть в средние века: очерки демографической истории Франции. С. 136 [Таблица 4.1], 137–139.

¹²³Lalik T. Miasto i wieś w Marchii Brandenburskiej w drugiej połowie XIV w. // ZH. Toruń, 1971. Zesz. 4. S. 133–136.

¹²⁴О путях распространения бубонной чумы в Европе, например, см.: Эпідэмія чумы ва Ўсходняй Еўропе ў сэрэдзіне 14 ст. // Гістарычны Атлас Беларусі. Варшава; Мінск, 2008. Т. 1: Беларусь ад старажытных часоў да канца XVIII ст. С. 63 [Автор карты – В.Н. Темушев].

Однако не только эпидемия, но и природные катаклизмы, среди которых наиболее тяжелыми стали наводнения и недород, приводят к тому, что в середине XIV в. разоряются традиционные спонсоры европейского рыцарства. Именно на 1340-е гг. приходится «банкротство крупнейших торгово-финансовых компаний Флоренции»¹²⁵. Помимо этого, в 1349–1351 гг. новому натиску войск Тевтонского Ордена на земли ВКЛ также помешали внутренние разногласия в рядах крестоносцев. Из-за этого в 1351 г. после нескольких военных неудач, когда общая эйфория от победы на р. Страва уже сильно улетучилась, по решению братьев-рыцарей великий магистр Тевтонского Ордена Генрих III Дуземер фон Арфберг, как и его предшественник Людольф Кёниг (1342–1345), был отправлен в отставку¹²⁶.

В 1346–1349 гг. из-за бубонной чумы уменьшились военные силы и другого опасного соседа ВКЛ – Золотой Орды, часто угрожавшей владениям Гедиминовичей своими неожиданными набегами на южные окраины их владений на Руси. Ослаблению Орды также способствовала развернувшаяся здесь борьба монгольской знати за верховную власть в стране¹²⁷.

Указанные выше события в землях соседей ВКЛ на время смягчили военное давление на ее пределы извне. Передышка в несколько лет позволила Гедиминовичам (прежде всего речь идет об Ольгерде, Кейстуте, Любарте и Кориате) постепенно возродить военно-политический потенциал ВКЛ. В 1350–1352 гг. это дало возможность великим литовским князьям и их русским союзникам при военной поддержке Орды восстановить статус-кво на Волыни и в Подляшье. Им удалось освободить от польских гарнизонов города Владимир-Волынский, Белз, Холм и Берестье. При этом в июле 1350 г. в Малой Польше войска Ольгерда и Кей-

¹²⁵Юсим М.А. Из истории ранней флорентийской историографии: («Хроника» Джованни Виллани) // СВ. 1991. Вып. 54. С. 124; см. также: Краснова И.А. Деловые люди Флоренции XIV–XV вв. М.; Ставрополь, 1995. Ч. 1. С. 29, 49, 64, 76; Ч. 2. С. 16, 23, 53, 60, 74, 124–125.

¹²⁶Chronik der vier Orden von Jerusalem. S. 40, 74. Подробнее об этом см.: Бокман Х. Немецкий Орден. С. 153.

¹²⁷Петкевич К. Великое княжество Литовское. С. 314; Юрченко А.Г. Почему Джанибек изображен на Каталанском атласе 1375 г.? // Донские древности. Азов, 2009. Вып. 10: Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве: материалы IV Международной конференции, посвященной памяти проф. МГУ Г.А. Федорова-Давыдова. С. 495–498; Крадин Н.Н. Империя Чингисхана в новых западных исследованиях // ВИ. 2010. № 5. С. 19; Почекаев Р.Ю. Мамай. История «антигероя» в истории. СПб., 2010. С. 12; и др.

стута нанесли значительный материальный ущерб Ленчицкой и Мазовецкой земле. С претензиями на Волынь Польской Короне, несмотря на военную помощь Венгерского королевства в 1351–1352 гг. и результаты весеннего похода 1352 г., пришлось опять расстаться¹²⁸. Заключив в июне–сентябре 1352 г. мир с ВКЛ¹²⁹, король Казимир III Великий был вынужден переключиться на решение ряда острых внутривосточных проблем в Польше¹³⁰. Таким образом, в 1348–1352 гг. с большим трудом и не без доли везения Гедиминовичам на короткое время удалось минимизировать внешние и внутривосточные последствия поражения своих войск на р. Страве.

¹²⁸Ср.: Дашкевич Н.[П.] Заметки по истории Литовско-Русского государства. Киев, 1885. С. 86, 88–89; Lewicki A. Kilka przyczynków do dziejów Kazimieza Wielkiego // КН. Lwów, 1889. Т. 3. С. 205–213; Kaczmarczyk Zd. Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382). S. 255, 256; ср.: Rachuba A., Kiaupienė J., Kiaupa Z. Historia Litwy. S. 27.

¹²⁹Розов В.[А.] Українські грамоти. Київ, 1928. Т. 1: XIV в. і перша половина XV в. № 3. С. 4–7 [Подлинник].

¹³⁰Kaczmarczyk Zd. Dyplomacja polska w dobie zjednoczenia Królestwa Polskiego (1306–1382). S. 256; Дворник Ф. Славяне в европейской истории и цивилизации. С. 111.

ЧАСТНАЯ ВОЙНА ГРАФА ГЕРХАРДА ФОН КЛЕВЕ

«Мы вас не воюем, а воюет вас князь Григори из заморья Клевский про своего проводника Итолка Ругодивца; а то все лгаша Немци» [16, с. 423–424], – так объясняла немецкая сторона причину пятилетней войны (1443–1448 гг.) Ливонского ордена против Новгородской республики.

Следует заметить, что практически полное отсутствие русских источников по развитию конфликта накануне осени 1443 г., вынуждало исследователей давать самые различные, иногда диаметрально противоположные, интерпретации причин начала войны. При этом, на наш взгляд, недостаточно внимания уделялось обширному комплексу документов делопроизводства Ливонского ордена, информация которых, с легкой руки российских историков XIX столетия, а затем и советских исследователей, изначально трактовалась как тенденциозная. Данное обстоятельство приводило к весьма вольной, часто не основанной на источниках, интерпретации событий. В нашем исследовании мы основываемся преимущественно на документах орденового происхождения, пытаясь дать свою интерпретацию мотивам инициаторов войны – политических кругов Ливонии.

Ливония и Новгород: время мира. В XV веке Ливония представляла собой сложную политическую систему. Она включала как орденские владения, так и земли епископов, а также торговые города. Политическая раздробленность и идеологическая специфика Ливонского ордена как военно-монашеского объединения способствовали сохранению и консервации здесь феодальных традиций. Орден традиционно рассматривал себя как форпост против русских «схизматиков», прежде всего против Новгорода и Пскова. В 1430-х гг. в условиях т.н. «феодальной войны» в Московском княжестве Новгородская республика сохраняла свободу рук на западных рубежах. В определенный момент внешнеполитическая ситуация привела к конфликту двух государств. И не последнюю роль в этом сыграл Герхард фон Клеве, граф Марки.

Мирные и даже партнерские отношения между Новгородом и Ливонией сохранялись начиная с конца 20-х гг. XV века [5, S. 16]. Более того, Орден был активным союзником литовского князя Свидригайло Ольгердовича, а в Новгороде сидел его племянник Юрий Лугвеньевич. Мирные отношения закончились осенью 1438 г., из-за «внезапной вспышки народного гнева» [там же]. Напомним обстоятельства случившегося.

«Ямский инцидент». Летом 1438 г. через земли Пруссии и Ливонии, а затем через Новгород и Русь с целью паломничества в Палестину отправился Герхард фон Клеве, граф Марки. Герхард был младшим братом Адольфа II, первого герцога клеветского, с которым долго находился во вражде. После пребывания в монастыре граф примирился с братом (1437 г.) и, вероятно, в честь примирения отправился в Палестину, в паломничество по святым местам. Великий магистр Тевтонского ордена в своем письме новгородскому князю от 25 июля 1438 г. просил последнего посодействовать графу во время путешествия, обеспечив ему безопасность [4, № 327, S. 209]. Но в начале ноября 1438 года, еще не проехав через земли Новгорода, граф почему-то повернул назад.

У Герхарда был переводчик – Герман Кокен, бюргер родом из Нарвы. Несмотря на то, что безопасность обоих гарантировалась Новгородом, Герман был схвачен жителями русского города Яма (нем. название – *Nyenslot*), враждовавшими с нарвенцами. Германа посадили в темницу [5, S. 17], а затем, после пыток, убили. 17 ноября 1438 г. фогт Нарвы сообщил Герхарду о происшедшем [4, № 389, S. 266]. Благодаря этому письму мы знаем точную дату убийства – 9 ноября 1438 г.

В дальнейшем граф долго пытался добиться удовлетворения своей обиды от Новгорода при посредничестве ливонских правящих кругов. Несколько раундов переговоров закончились неудачей и осенью 1443 г. отряд немцев совершил нападение на Ям. Об этом нападении есть короткое упоминание в Новгородской первой летописи, часть которого уже цитировалась выше: *«Тои же осени пришедше Немце у Ям города посад пожгоша и берег повоеваша, а в Новгород прислаша: “мы вас не воюем, а воюет вас князь Григории из заморья Клевскыи про своего проводника Итолка Ругодивца”;* а то все лгаша Немци» [16, с. 423–424].

«Русский подход». Таким образом, уже новгородский летописец положил начало особой историографической традиции, суть которой заключалась в том, что «все лгаша Немци». Первым этот взгляд обозначил еще Н.М. Карамзин, который критически отнесся к позднешему высказыванию ливонского магистра Генриха Финке фон Оверберга о том, что «войско само собою начало неприятельские действия» [12, с. 337–338]. Ничего нового в этом отношении не предоставили С.М. Соловьев [19, с. 488] и И.Д. Беляев [6, с. 479], нейтральную позицию занял Е.В. Чешихин [20, с. 127–128].

Окончательно «русский подход» к проблеме сформировался в работах известного советского специалиста по истории русско-ганзейских отношений Н.А. Казаковой. По словам исследовательницы, дело графа

фон Клеве не могло явиться действительной причиной войны, ибо «начиная войну с Новгородом руководители ордена **должны были** [выделено мной. – Ф.П.] исходить из более серьезных соображений» [11, с. 21–33]. Таким образом, Н.А. Казакова искала политические причины войны, при этом мало касаясь освещения международной ситуации в регионе, не учитывая политической неоднородности Ливонии, идеологических и конфессиональных факторов.

Можно сказать, в этом же русле, т.е. выдвигая политический фактор в качестве основного, действовали почти все представители российской и советской историографии. Современник Н.А. Казаковой В.Н. Бернадский очевидно ошибался, считая причиной войны «суздальскую катастрофу» (пленение московского князя Василия татарами якобы подтолкнуло немцев напасть на Новгород), при этом историк неверно определял дату начала войны – 1445 г. [7, с. 248]. А.А. Зимин солидаризировался с мнением еще одного исследователя Г.А. Козака, который «правомерно связывал решение ливонцев выступить против усилившегося влияния Литвы на Новгород» [10, с. 98]. Таким образом, А.А. Зимину конфликт виделся в контексте межгосударственных отношений сразу трех, а не двух субъектов – Литвы, Ливонии, Новгорода.

Конфессиональный подход. В современной историографии конфликт 1443–1448 гг. не стал предметом специального исследования. Интересный взгляд на проблему высказал эстонский исследователь Анти Селарт. Ссылаясь на рост антиправославной риторики в документах Ордена перед войной, а также на упоминания о деятельности митрополита Исидора, Селарт высказывает предположение: «не была ли война Ордена с Новгородом 1443–1448 гг. попыткой своеобразного крестового похода, целью которого было заставить русских силой принять Флорентийскую унию?» [18, с. 42]. Такой подход к проблеме войны 1443–1448 гг. можно определить как «конфессиональный». В своей обобщающей работе о «северных крестовых походах» короткое упоминание о начале конфликта приводит шведский историк Эрик Кристенсен [2, р. 251]. Кристенсен не подвергает сомнению то, что убийство переводчика графа и явилось поводом к войне (отметим, что английское слово *occasion*, употребленное Кристенсеном, может обозначать как повод, так и причину чего-либо, более удачный перевод русского слова «причина» – *reason*). При этом Кристенсен подчеркнул особую роль церкви в развертывании конфликта. Таким образом, можно сделать вывод, что Э. Кристенсен, как и А. Селарт, является представителем конфессионального подхода к рассмотрению конфликта между Новгородом и Ливонией.

Таким образом, на протяжении двух веков исследователи рассматривали причины войны 1443–1448 гг. в контексте различных версий, определяя как преобладающие политические, экономические либо конфессиональные факторы. На наш взгляд, такие подходы не дают возможности раскрыть настоящие истоки конфликта. Необходимо обратить внимание на особую роль личности в событиях, предшествовавших осени 1443 г.

Документы орденового делопроизводства. Сделать это можно путем проведения анализа внутренней документации Ордена (переписка магистра с городами, письма графа и епископов, других административных лиц Ордена). С одной стороны, преобладание информации из немецких источников, несомненно, накладывает свой отпечаток на понимание сути конфликта, с другой – Орден был непосредственным инициатором начатых осенью 1443 г. военных действий, что дает нам основание искать непосредственные предпосылки начала войны именно во внутренней документации Ордена. Таким образом, источники немецкой стороны представляются нам наиболее ценными не только своей информативностью, но и тем, что позволяют *объективно проследить историю эскалации конфликта*. Ограниченная информативность русских источников часто не дает исследователю возможности более объективного подхода к проблеме и создает простор для построений, не находящих полноценного обоснования в источниках.

Тем не менее, в своем исследовании мы посчитали необходимым учесть весь комплекс источников по проблеме, что, думается, должно дать нам не только картину событий накануне и во время войны, но и выявить ряд особых, не учтенных ранее исследователями факторов – таких, например, как роль личности в событиях 1438–1443 гг.

Граф и новгородцы: эскалация конфликта. Вернемся к событиям осени 1438 года. Граф Герхард решил всеми средствами добиваться удовлетворения своей обиды. 30 ноября 1438 г. Герхард писал письмо уже из замка Тарваст (Ливония), таким образом, к этому времени он уже находился на территории Ордена. В своем письме ревельскому магистрату граф сообщал об убийстве и просил принять необходимые меры [4, № 395, S. 279]. Свой международный юридический статус Герхард подтверждал тем, что у него имелись охранные грамоты от архиепископа новгородского, «герцога Йоргена» [князя Юрия Лугвеньевича. – Ф.П.] и «всего Новгорода» [там же].

Герхард просил, чтобы Орден и города Ливонии арестовали русских, которые находились на их территории [5, S. 17]. Но города не пошли на это, вероятно потому, что на «13 русских, находящихся на то время в Ре-

веле и Дерпте, было около 200 немцев в Новгороде» [там же]. Тем не менее, 25 ноября 1438 г. немецкий купец писал из Новгорода в Ревель, что в Новгороде распространились слухи о том, что русские были схвачены в Ревеле. Только когда «пленные» вернулись, новгородцы отпустили немецких купцов, взятых в заложники [4, № 394, S. 271].

Таким образом, началась эскалация частного конфликта, который постепенно приобретал характер конфликта между Ливонской конфедерацией и Новгородской республикой. Напряжение начало нарастать не в результате сознательных действий орденских властей, а в результате распространения слухов и неконтролируемого развития ситуации.

Ливонские города сначала придерживались той позиции, что дело графа Герхарда должно быть удовлетворено в рамках существующих соглашений между государствами [5, S. 17]. Данный вопрос рассматривался в январе 1439 г. на специально созванном в Дерпте совете. В совете приняли участие: комтур замка Феллина как представитель графа, магистр Ордена (оба они выступали за полное удовлетворение обиды графа), представитель дерптского епископа, депутаты от магистратов Дерпта и Ревеля, а также новгородские послы. На совете была достигнута договоренность с новгородским послом Иваном Максимом [Максимовым. – *Ф.П.*], что конфликт будет урегулирован мирным путем [4, № 409, S. 282, № 410, S. 283].

Но граф Герхард имел в виду явно не стол переговоров. В феврале 1439 г. он находился в столице Пруссии Мариенбурге. Оттуда он писал ревельцам, что недоволен этой договоренностью, требовал ареста новгородцев и их товаров в Ревеле [4, № 425, S. 296].

Политика «трех мирных попыток». Ливонские города решили придерживаться той позиции, что от Новгорода нужно три раза потребовать удовлетворения, и только после этого переходить к враждебным действиям против республики [5, S. 17]. Об осторожной политике ливонских правящих кругов в это время свидетельствуют два письма к графу – дерптского магистрата и архиепископа рижского Генинга. Дерптцы приводили аргумент, который уже упоминался выше, что на 13 русских в Дерпте и Ревеле приходилось 200 немецких купцов в Новгороде [4, № 446, S. 309–310]. Архиепископ в свою очередь извинился за ревельцев, которые из-за тяжелого положения ливонских городов не могли поддержать «справедливые требования» графа [4, № 455, S. 317–318].

Таким образом, ливонские города не спешили переводить конфликт на рельсы войны. Их осторожная политика проявлялась в курсе на три попытки урегулирования конфликта. Сторона, которая стремилась пой-

ти на силовое решение конфликта, включала, кроме самого графа Герхарда фон Клеве, ливонского магистра Генриха Финке фон Оверберга, который пока соглашался с мирными инициативами городов. Теперь все зависело от Новгорода и от позиции собственно графа фон Клеве, влиятельного немецкого феодала.

Герхард остался неудовлетворен объяснениями Дерпта и епископа Генинга и наложил арест на имущество ливонских городов в своих германских владениях [5, s. 17]. Комтур Дюнамюнде и комтур Дортмунда просили графа освободить это имущество, что и было сделано. Но граф угрожал повторить арест в том случае, если города не пойдут на полное удовлетворение его требований, о чем он и писал 6 апреля 1440 г. архиепископу Риги [4, № 577, S. 422–424]. Таким образом, граф оставался на позициях силового решения проблемы и оказывал давление на ливонские правящие круги теми средствами, которые имелись в его распоряжении.

Но ливонские города твердо придерживались политики «трех мирных попыток». И только после неудачи всех трех попыток получить удовлетворение от Новгорода, города решили поддержать Герхарда [5, s. 17]. Решение о поддержке было принято на январском рейхстаге в Нарве в 1442 г. [4, № 818, S. 561–562, № 819, S. 562]. По результатам рейхстага магистр Ордена запрещал новгородцам посещение Ливонии, но при этом мир пока сохранялся. Таким образом, инициативу перенял магистр Финке фон Оверберг, действовавший силовыми методами. Позже, 8 мая 1444 г., он изложил великому магистру Тевтонского ордена всю историю развития конфликта [5, № 43, S. 29–34].

В июне 1442 г. магистр Финке предпринял следующий ход – был запрещен экспорт зерна в Новгород. По его же просьбе великий магистр Тевтонского ордена запретил экспорт зерна и соли из Пруссии в русские земли [5, s. 17]. Переговоры с Новгородом продолжались и далее. Магистр позволил новгородцам вести торговые дела до 14 апреля 1443 г., но с условием, что новгородцы удовлетворят претензии графа [там же]. Срок мирного договора Ливонского ордена с Новгородской республикой заканчивался 15 августа 1443 г. Пытаясь надавить на Новгород, который страдал от голода, оба магистра запретили экспорт зерна в город и просили сделать то же самое города Любек, Вольмар, Росток, Штральзунд, Грайфсвальд [там же]. Война стремительно приближалась.

Начало военных действий. Одновременно с экономическими мерами, Орден активно готовился к будущей войне. 8 сентября 1443 г. ливонцам удалось заключить 10-летнее перемирие с Псковской республи-

кой. На конец октября было запланировано нападение на русские земли по ту сторону реки Наровы, в особенности на Нейслот (Ям). Для этого на границу был послан комтур Ревеля Иоганн фон Менгеде в качестве командующего наемными отрядами, которые собирались в Нарве [4, № 1006, S. 661–662]. Войско было усилено отрядами наемников из северной Германии (Гольштейн) и Швеции [4, № 1009, S. 663]. Осенью 1443 г. отряд из Нарвы вторгся в новгородские владения и продвинулся до Яма, был сожжен посад города и опустошена округа. Точная дата нападения неизвестна, магистр Генрих Финке фон Оверберг позднее писал магистру Тевтонского ордена, что нападение произошло без его приказа [5, № 43, S. 29–34].

Таким образом, личная обида Герхарда фон Клеве, графа Марки, постепенно переросла в открытую войну, конфликт Ливонской конфедерации и Новгородской республики. Этому поспособствовали как решительные действия графа, его настойчивость, так и непонимание Новгородом всей серьезности своего положения. Позиция ливонских городов (Ревеля, Дерпта и др.) предусматривала мирное решение конфликта, и только принципиальная неуступчивость новгородцев в вопросе удовлетворения обиды графа Герхарда привела к эскалации малой обиды в большую войну. Очевидно, что в Новгороде до самого начала военных действий так и не осознали всю серьезность ситуации. Власти Новгорода рассматривали обиду графа исключительно как частный конфликт, который не должен был стать причиной полномасштабного военного конфликта между государствами.

Для новгородцев вторжение в сентябре 1443 г. стало полной неожиданностью. Русские всю ответственность за нападение возложили на самого магистра Финке [5, S. 18]. Последний отвечал, что наемники действовали без его ведома и санкции, под давлением «и наущению» графа клековского. Документы показывают, что если осеннее нападение 1443 года и было спонтанной инициативой наемников, то планировалась агрессия заранее и была рассчитана на ближайшее время.

Новгородцы немедленно предприняли ответные действия. В начале ноября была сожжена одна из деревень в Ливонии. Комтур Ревеля сообщил, что ожидалось нападение по первому льду Наровы [4, № 1014, S. 666]. Ливонские города начали готовиться к войне.

Литовский фактор. Полномасштабным военным действиям предшествовали дипломатические переговоры зимой 1443/44 гг., в которых посредником были великий князь литовский Казимир (очевидно, эту функцию за малолетством князя исполняли литовские паны), рижский

архиепископ Генинг, дерптский епископ Бартоломей [5, S. 18]. Послы, отправленные литовцами в Новгород, вернулись в Ливонию в сопровождении новгородского посланника. Русский посланник потребовал удовлетворить потери, понесенные Новгородом. Но магистр не только не допустил посла к переговорам, но ограбил его, вывез на границу и голым отправил домой [там же]. Немцы в это время вошли в новгородские владения и опустошили их. Фактически ливонцы отвергли литовское посредничество.

Магистр подозревал, что литовцы поддерживают Новгород, тем более, что там находился князь Юрий Лугвеньевич. Великий князь Казимир отвечал, что он не поддерживает Новгород, а нахождение литовского князя там еще ничего не значит – ведь литовские князья традиционно сидели в Новгороде. И действительно, князья из Литвы с давних времен имели определенные кормления в Новгородской земле – на новгородских пригородах сидел еще отец Юрия, князь Семен/Лугвений Ольгердович [3, s. 46]. Симпатии литовцев скорее всего были на стороне Новгорода. По немецким сведениям, в русском войске, вторгнувшемся в марте 1444 г. в Ливонию, были и литовцы [5, № 34, S. 24–25].

С первых месяцев войны и в дальнейшем стороны пытались договориться между собой. Не говорит ли это о том, что ни одна из сторон не была заинтересована в затяжном конфликте, который не был обусловлен естественными причинами? Ливонский орден еще не восстановил в полной мере свои силы после тяжелого поражения на реке Свенте в 1435 г. [17, с. 264]. Ливонские города с самого начала конфликта выступали за мирное разрешение вопроса. Для Новгорода война была неожиданной и не представляла явного политического интереса. Складывается впечатление, что в войне никто не был заинтересован, за исключением самого графа Герхарда, который уже давно был в своих владениях. Несмотря на это, зимние переговоры окончились неудачей, и военные действия продолжались.

Военные действия в 1444–1448 гг. Война шла с переменным успехом и приняла затяжной характер. В 1444 г. новгородцы с князем Иваном Владимировичем «поплениша и пожгоша около Ругодива [Нарвы. – Ф.П.] и до Пурдозне, а подле Нарову и до Чючьского озера» [14, с. 185]. В ответ магистр предпринял очередное нападение на Ям. Несмотря на наличие у немцев «нарочитой пушки заморской великой», город Ям «ублюде Бог и святой архангел Михаил». После отступления немцев, к Василию Суздальскому, возглавлявшему оборону города, новгородцы послали «Лужьких, и Вочких, а Ижерских бояр наперед», с которыми

планировались совместные наступательные действия. Планам новгородцев не суждено было сбыться – начался внезапный конский падеж [там же].

Зимой 1444/45 гг. было заключено перемирие на 2 года [5, № 105, S. 70]. Используя передышку, ливонцы привлекли на свою сторону Швецию и братьев Тевтонского ордена в Пруссии. Это, однако, не принесло перелома в ходе возобновившихся в 1447 г. военных действий. Обе стороны попытались нанести решающий удар. 3 июля 1447 г. к устью реки Наровы подошел новый новгородский князь Александр Чарторыйский: «и узреша Новгородчи оже Немце на бусах и на шнеках [разновидности военных судов на Балтике. – Ф.П.] бежаху к Нарове, и поидоша Новгородчи на лодьях противу их, и начаша Новгородчи и с Немци пушками битися и стрелятися, и пособи Бог Новгородчем» [14, с. 191]. Как во время данной битвы, так и на протяжении всей войны 1443–1448 гг. обеими сторонами активно применялась артиллерия (причем двух видов – осадная и полевая), что отличает этот конфликт от предыдущих. Не развивая наступления, новгородцы «поидоша от Нарове в субботу по обеде» [там же].

Тем же летом 1447 г. немцы собрали силы и предприняли новую осаду Ямы, пытаясь массированным обстрелом из пушек добиться сдачи города. Но вновь «Божиим заступлением» город был спасен: «расседеся пушка на многы части, и обратися вспять на них, и поби Немец много». Зимой 1447/48 гг. люди князя Александра Чарторыйского предприняли удачный рейд за Нарову, «землю повоеваша, и села пожгоша» [там же].

Война грозила превратиться в серию обоюдных опустошительных набегов, без шансов для достижения решительного стратегического преимущества для одной сторон. Первой мирную инициативу проявила немецкая сторона: зимой 1447/48 гг. в Новгород приехал посол дерптского епископа и начал переговоры от имени магистра и всей Ливонии.

Весной 1448 г. сторонами было подписано перемирие [9, с. 117], а 25 мая 1448 г. – 25-летний мир [9, с. 119–120]. Н.А. Казакова отмечает, что ничего принципиально нового в условиях мира не привносилось, и договор 1448 г. во многом повторяет договор 1421 г. с магистром Зивертом [11, с. 21–33]. Иными словами, ни одна из сторон так и не смогла извлечь из данного конфликта какого-нибудь заметного успеха для себя.

Таким образом, в результате частной обиды влиятельного немецкого графа возник самый серьезный конфликт между Новгородом и Ливонией в XV веке. Самый серьезный – и последний. Ибо далее начинается эпоха борьбы Новгородской республики за свою независимость от южного соседа – Великого княжества Московского.

Выводы. Особенностью изучения войны 1443–1448 гг. стало движение исследователями различных концепций причин конфликта между Новгородом и Ливонией, как правило, не подкрепленным реальными документальными свидетельствами. Использование источников немецкого происхождения дает нам возможность проследить генезис конфликта. При этом нельзя согласиться с мнением Н.А. Казаковой, что «эти сведения имеют односторонний и малообъективный характер, так как все они исходят из лагеря Ордена, который был заинтересован в том, чтобы в качестве виновника войны выставить Новгород» [11, с. 23].

Дело в том, что источники, о которых говорит Н.А. Казакова, являются документами преимущественно внутренней документации Ордена (переписка магистра с городами, епископом, великим магистром и др.). При этом мы имеем в наличии несколько десятков документов, которые освещают все стадии конфликта. Нужно отметить, что как раз внутренняя документация является основным видом источников, отображающим и внешнеполитические стремления политических элит Ливонии (Орден, епископы, города). Таким образом, именно анализ внутренней документации позволяет осветить истинные мотивы инициатора войны – Ливонского ордена, т.к. эта документация не служила каким-то идеологическим целям, а была частью повседневного делопроизводства. Таким образом, точка зрения Н.А. Казаковой в данном вопросе представляется неубедительной.

Из документов Ордена за 1438–1443 гг. можно заключить, что сложились две позиции решения конфликта – силовая (магистр Генрих Финке фон Оверберг и граф Герхард фон Клеве) и мирная (торговые круги ливонских городов). В определенный момент граф оставался единственным сторонником силового решения, т.к. магистр согласился с городами о мирном способе решения конфликта (политика «трех мирных попыток»). Было совершено три попытки договориться, и во всех этих инициативах фигурировало основное условие – удовлетворение обиды графа фон Клеве, решение остальных вопросов зависело от выполнения этого условия. Новгород, не осознавая всю серьезность ситуации, отказался удовлетворить обиду графа фон Клеве, что привело к постепенной эскалации частного конфликта к конфликту между двумя государствами. Заметим, что у графа Герхарда имелись реальные средства давления на ливонские власти (конфискация имущества ливонских купцов в своих владениях), что вынуждало Орден и ливонские города идти на уступки. Из переписки следует, что ливонские города не хотели войны. В первую очередь, на наш взгляд, причиной этому было сокрушительное пораже-

ние, нанесенное Ордену на реке Свенте в 1435 г. от объединенных сил великого князя литовского Сигизмунда Кейстutowича и поляков. Военная мощь Ливонии в целом была существенно подорвана, и на момент конца 30-х – начала 40-х гг., вряд ли у Ордена были реальные возможности решения внешнеполитических задач, таких как «восстановление своего авторитета» (Н.А. Казакова) или «борьба с литовским влиянием» (А.А. Зимин). О неподготовленности Ордена к войне свидетельствуют военные неудачи начиная от самого 1444 г., положение не изменилось к лучшему и в дальнейшем.

Была ли это война религиозной? Традиционной задачей такого объединения как Ливонский орден была борьба со «схизматиками», в таком случае война 1443–1448 гг. могла бы рассматриваться в контексте крестовых походов. Но из опыта проведения крестовых походов известно, что накануне начала похода должна проводиться широкая агитация, не только внешняя, но (в еще большей степени) внутренняя. Начиная с первого крестового похода, неизменным их атрибутом была широкая проповедь, обращенная к участникам похода [15, с. 16]. Во внутренней документации Ордена мы не видим никаких свидетельств идеологической подготовки войны против Новгорода, не видим мы там и антиправославной риторики, вопреки мнению А. Селарта [18, с. 42]. Наоборот, прежде всего мы замечаем в документах тематику обиды графа Герхарда, который оказывал постоянное давление на ливонские власти. И эти власти уступили лишь после провала политики «трех мирных попыток». Уже потом, в ходе самой войны, можно заметить попытки придать конфликту религиозное значение.

При этом позицию магистра Генриха Финке фон Оверберга вряд ли стоит безоговорочно отождествлять с позицией всей Ливонии, или даже только всего Ордена. Более вероятно, что Финке фон Оверберг, недавно занявший пост магистра, руководствовался личным авантюризмом, поводом для которого стала обида графа Герхарда, либо действительно считал справедливыми претензии графа. В любом случае, ни то, ни другое не соотносилось с реальным военным потенциалом Ордена и не выражало внешнеполитическую позицию всей Ливонской конфедерации.

Эпилог: сила, изменившая ход событий. В 1438 году, во времена правления римского короля Альбрехта II, имперскими курфюрстами был принят «Landfriedensordnung», согласно которому на территории Священной Римской империи объявлялся запрет на ведение частных войн [1, S. 375]. Точка зрения нашего современника, мировоззрение которого обычно апеллирует государственными и национальными катего-

риями, очевидно вступает в конфликт с реалиями Средневековья, когда частные войны были обычным явлением того времени. Есть определенная условность в том, чтобы называть войну 1443–1448 гг. «частной войной» (ведь граф Герхард фон Клеве вернулся на родину и в самой войне не участвовал). Тем не менее, это была одна из последних европейских войн, вызванная личной обидой конкретного человека. Главной особенностью стало рассмотренных событий было перерастание частного конфликта в полномасштабную войну между двумя государственными образованиями. На основе анализа внутренней документации Ордена в 1438–1443 гг. мы считаем, что личность графа Герхарда сыграла определяющую в развертывании войны. Герхард фон Клеве, граф Марки, являлся влиятельным лицом, одним из правителей суверенного образования в границах Священной Римской империи, который хотел и мог оказывать давление на орденские власти и ливонские города в целях удовлетворения своей обиды. Именно граф Герхард и магистр Финке фон Оверберг создали ту узкую, оппозиционную желанию большинства политических субъектов Ливонии, группу, которая смогла в итоге повлиять на ход событий. Принципиальная позиция графа и привела в конечном итоге к военному конфликту между Новгородом и Ливонией. На переломе от Средневековья и Нового времени, на периферии тенденций общеевропейского развития, мы наблюдаем ситуацию перерастания частного конфликта в общегосударственный – тот редкий случай, когда человек мог внезапным решением своей воли повлиять на ход исторических событий.

Список литературы

1. Buehler, J. *Deutsche Geschichte* / J. Buehler. – Bd. 2: Fürsten, Ritterschaft und Bürgertum von 1100 bis um 1500. – Berlin, Leipzig, 1935
2. Christiansen, E. *The Northern Crusaders* / E. Christiansen. – London, 1997.
3. Krupa, K. *Książęta litewscy w Nowogrodzie Wielkim do 1430 roku* / K. Krupa // *Kwartalnik Historyczny*. – № . 1. – 1993. – S. 29–46.
4. *Liv-, Est- und Curländisches Urkundenbuch* / Begr. von F.G. von Bunge, fortgesetzt von H. Hildebrand. – Bd. 9: 1436–1443. – Riga; Moskau, 1889.
5. *Liv-, est- und kurländisches Urkundenbuch* / Begr. von F.G. von Bunge, fortgesetzt von H. Hildebrand und Ph. Schwartz. – Bd. 10: 1444–1449. – Riga; Moskau, 1896.
6. Беляев, И.Д. *История Новгорода Великого* / И.Д. Беляев. – М., 1866.
7. Бернадский, В.Н. *Новгород и Новгородская земля в XV веке* / В.Н. Бернадский. – Л.; М., 1961.
8. Гильдебранд, Г.Х. *Отчеты о разысканиях, произведенных в Рижских и Ревельских архивах по части русской истории* / Г.Х. Гильдебранд. – СПб., 1877.

9. Грамоты Великого Новгорода и Пскова / Под. ред. С.Н. Валка. – М., Л, 1949.
10. Зимин, А.А. Витязь на распутье. – М., 1991.
11. Казакова, Н.А. Борьба Руси с агрессией Ливонского ордена в первой половине XV века / Н.А. Казакова // Ученые записки Ленинградского государственного университета. – № 270. – Серия исторических наук. – Вып. 32. – 1959. – С. 3–33.
12. Карамзин, Н.М. История государства Российского / Н.М. Карамзин. – Кн. 2; Т. 5. – М., 2001.
13. Клейненберг, И.Э. О названии новгородского пригорода Ямы в западных источниках XV в. / И.Э. Клейненберг // Научные доклады высшей школы. Исторические науки. – № 1. – 1958. – С. 12–16.
14. Летописный сборник, именуемый Летописью Авраамки // Полное собрание русских летописей. – Т. XVI. – М., 2000.
15. Мишо, Г. История крестовых походов / Г. Мишо. – М., 2001.
16. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов // Полное собрание русских летописей. – Т. III. – М., 2000.
17. Полехов, С.В. Внутриполитический кризис в Великом княжестве Литовском в 30-е годы XV века. / С.В. Полехов // Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Москва, 2011.
18. Селарт, А. Принудить к унии? Тевтонский орден, Новгород и Флорентийская уния / А. Селарт // Родина. – № 9. – 2009. – С. 41–42.
19. Соловьев, С.М. История России с древнейших времен / С.М. Соловьев. – Кн. 2; Т. 4. – М., 1993.
20. Чешихин, Е.В. История Ливонии / Е.В. Чешихин. – Т. 3. – Рига, 1887.

ЛАДИСЛАВ СУНТХАЙМ: КОНСТРУИРОВАНИЕ ДИНАСТИИ И «РУССКИЕ СЮЖЕТЫ»

Имя Ладислава Сунтхайма (*Ladislaus Sunthaym*) вряд ли что-то скажет историку, который не занимается специально изучением истории Австрии в конце XV – начале XVI в. Да и такой специалист скорее ограничится общим указанием, что Ладислав Сунтхайм принадлежал к племю тех историков и историописателей, которые окружали короля Германии и императора Священной Римской империи Максимилиана I (1486–1519), при этом скорее ко второму, чем к первому их ряду. Единственным упоминанием Сунтхайма в российской историографии является краткая ремарка о «Зунтхайме» в предисловии к новому изданию «Записок о Московии» Сигизмунда фон Герберштейна [2, с. 162]. Тем не менее, как мы постараемся показать, научное наследие Ладислава Сунтхайма небезынтересно как для историков Средневековья в целом, так и для историков Средневековой Руси.

Биография и произведения

Ладислав Сунтхайм родился около 1440 г. в городе Равенсбург в Швабии, однако вся его жизнь оказались связаны с Австрией. Сведений о его происхождении и ранних годах не сохранилось. Обращает на себя не совсем типичное для юго-западной Германии имя Сунтхайма – Ладислав. Не связано ли это имянаречение с рождением Ладислава Постума 22 февраля 1440 г., сына императора Альбрехта II Габсбурга, успевшего до своей ранней смерти в возрасте 17 лет стать титулярным королем Чехии и Венгрии? Если это предположение верно, то оно свидетельствует о прогабсбургских симпатиях семьи Сунтхаймов и придает самому Ладиславу некоторый «восточноевропейский флёр», который мы далее будем пытаться выявить в его сочинениях.

В 1460 г. Ладислав Сунтхайм начал обучение в Венском университете и получил в 1465 г. степень бакалавра *artes liberales* (здесь и далее см. биографический очерк австрийского исследователя Ф. Эхайма, посвященный Сунтхайму [9]). Позднее Сунтхайм получил пребенду при соборе Св. Стефана, что обеспечивало ему необходимый достаток для жизни и ученых штудий. По-видимому, к этому времени надо отнести начало его генеалогических и историко-географических изысканий, ко-

торые стали основанием для его привлечения к работе над генеалогией династии Бабенбергов.

В 1480-х годах Ладислав Сунтхайм оказался в орбите большого политико-идеологического и религиозно-административного проекта, связанного с учреждением Венского епископства. Вена уже два столетия была резиденцией Габсбургов и почти полвека местом пребывания императоров Священной Римской империи (Альбрехта II и Фридриха III). В этой ситуации каким-то анахронизмом выглядело отсутствие в Вене самостоятельной епископской кафедры. Серьезные попытки учреждения в Вене епископии предпринимались по крайней мере дважды: в середине XIII в. при Фридрихе II Бабенберге и столетием позже при Рудольфе IV Габсбурге. В обоих случаях ранняя смерть этих амбициозных правителей помешала реализации их замыслов. Во второй половине XV века за решение данного вопроса взялся император Фридрих III. Ему сравнительно легко удалось добиться согласия римского папы Павла II, прокламировавшего в 1469 г. своей буллой учреждение в Вене епископской кафедры, однако протесты епископа г. Пассау, в диоцезию которого входили австрийские земли, затянули дело до 1485 г. [12, S. 306–310].

Создание собственного епископства требовало и своего святого покровителя. В XIII и XIV вв. на эту роль предполагался ирландский монах Коломан, по пути в Святую землю принявший в 1012 г. мученическую смерть от рук местных жителей «между Баварией и Моравией» (интересно отметить определенную параллель с другим мучеником, Бруно Кверфуртским, погибшим в 1009 г. «между Русью и Литвой», благодаря чему Литва впервые попала в поле зрения Средневековой Европы). Культ Коломана приобрел большую популярность, его использовали в своих церковных планах Фридрих II и Рудольф IV, по инициативе последнего в стену собора Св. Стефана в Вене в 1361 г. был вмурован т.н. «камень Коломана». Во второй половине XV века этот выбор уже не казался столь удачным: в конце концов, Коломан был чужаком, которого убили местные жители, «протоавстрийцы». В конце XV в. было найдено более удачное решение: на роль святого покровителя Австрии был выдвинут маркграф Леопольд III (1095–1136) из династии Бабенбергов, основатель монастыря Клостернойбург. Выбор Леопольда III связывал историю династии Бабенбергов (976–1246) и Габсбургов (с 1278 г.) в историю единого «дома Австрия» (*domus Austriae*).

Идеологическим центром канонизации Леопольда III был монастырь Клостернойбург, где сложилась местная традиция его почитания. Ини-

циатором масштабных проектов, связанных с идеологическим обоснованием канонизации, был настоятель монастыря Якоб Паперль (или Памперль: *Jakob Paperl/Pamperl*), весьма незаурядная личность своего времени. Вероятнее всего, именно ему принадлежала идея создания как литературного, так и визуального памятников, посвященных династии Бабенбергов. По заказу Паперля Ладислав Сунтхайм написал т.н. «Клостернойбургские таблицы», на основе которых было создано «Генеалогическое древо Бабенбергов». Ниже мы более подробно рассмотрим эти памятники, а пока вернемся к биографии Ладислава Сунтхайма.

Работа над историей династии Бабенбергов принесла Сунтхайму известность и обратила на себя внимание императора Максимилиана I. Ладислав Сунтхайм вошел в круг ученых историков и генеалогов, который сформировался вокруг императора и получил в историографии наименование «придворного исторического института». Среди «научных сотрудников» этого института можно назвать такие известные имена ранних гуманистов, как Конрад Кельтис (*Konrad Celtis*), Якоб Меннель (*Jakob Menzel*) и др. [12, S. 393–395].

С 1500 г. по поручению императора Ладислава Сунтхайм совершает путешествие по Австрии и Южной Германии, работая над проектом „*Germania illustrata*“ – обширного историко-географического описания Германии, содержащего и историю дома Габсбургов. Известны прямые поручения Максимилиана Сунтхайму: например, довольно подробная инструкция от 19 марта 1505 г., в которой император перечисляет интересующие его вопросы и хроники, откуда Сунтхайм должен «выписывать» сведения [7, S. 378–379]. На некоторое время Ладислав Сунтхайм занимает позицию придворного историографа императора Максимилиана. Эту позицию Сунтхайм не смог удерживать долго: Максимилиан хотел видеть масштабные исторические и генеалогические проекты, которые бы уводили историю Габсбургов в глубокую древность (официальная «римская» версия происхождения династии уже не удовлетворяла императора) и обеспечивали легитимацию власти Габсбургов над теми землями, которыми они владели в начале XVI века. Как ученый Сунтхайм был слишком привержен исторической точности и источниковедческой добросовестности и не мог переступить через себя. Например, на один из запросов императора, владели ли предки Габсбургов Бургундией (Максимилиан остро нуждался в идеологическом обосновании своих прав на наследие бургундских герцогов в борьбе Францией), он почтительно, но сухо ответил, что не смог найти информацию об этом ни в одной «надежной хронике» (*bewerten chronika*) [9, S. 59].

Менее щепетильные коллеги отеснили Сунтхайма и без колебаний довели корни генеалогического древа Габсбургов до правителей Трои. Другой причиной, помешавшей Сунтхайму удержать место придворного историографа, была, по-видимому, его недостаточная научная и литературная продуктивность. Император Максимилиан видел в истории средство имперской пропаганды и любил «Большой стиль». Достаточно вспомнить такие памятники, как гравировальные композиции «Триумфальная арка» и «Триумфальная процессия императора Максимилиана» работы А. Дюрера и других мастеров, или так называемых «Черных мужей» (*Schwarze Mander*) – бронзовые фигуры правителей средневековой Европы, от Теодориха Великого и короля Артура до своих непосредственных предков, которые император еще при жизни заказал для своей гробницы в Инсбруке. Научное же наследие Сунтхайма составляют небольшие произведения и наброски историко-генеалогического и топографического характера, большинство из которых так и не было доведено до конца (систематический обзор сохранившихся произведений и их характеристики см. в статье Ф. Эхайма [9, S. 62–89]). Фактически Сунтхайм остался в истории автором одного произведения – генеалогии Бабенбергов «в слове и образе». Умер Ладислав Сунтхайм в начале 1513 г. В связи с «русскими сюжетами» Сунтхайма, о которых речь пойдет ниже, не лишним будет указать, что всего несколько лет оставалось до начала миссии Сигизмунда фон Герберштейна в Московское государство.

Довольно сложно определить место Ладислава Сунтхайма в развитии исторической науки и интеллектуальной истории Австрии в целом. Определенно он не был гуманистом, по своему мировоззрению он скорее продолжал линию «осени Средневековья», некоторое время развивавшуюся параллельно Ренессансу. Но его методы работы в области истории можно охарактеризовать как новаторские: он собирал материал из разных источников, совершал путешествия по городам и монастырям в поисках древних артефактов и надписей, критически оценивал существующие нарративные тексты. Его метод работы – это уже метод работы историка Нового времени, а не средневекового хрониста или панегириста. В отличие от своих предшественников, он имел за спиной университетское образование (пусть Энеа Сильвио Пикколомини, будущий римский папа Пий II, а в 1440–1450-х годах секретарь императора Фридриха III, и критиковал Венский университет как прибежище пустой схоластики). Сунтхайм подверг пересмотру многие устоявшиеся представления. Например, он довольно критично отнесся к «Хронике 95 правителей», которая была чрезвычайно популярна в XIV–XV вв.

и даже носила характер официальной истории Австрийского герцогства, справедливо оценив ее как баснословную [9, S. 63]. Впрочем, Сунтхайму не удалось распознать подделку в «Большой привилегии» (*Privilegium maius*), созданной по распоряжению Рудольфа IV в 1358 г. и призванной обеспечить особое положение австрийских герцогов в политической системе Священной Римской империи. В защиту Сунтхайма надо сказать, что подделка была выполнена на очень высоком уровне и окончательную точку в этом вопросе поставила уже научная историография XIX века. Немаловажным является и то обстоятельство, что свои произведения Сунтхайм создавал на немецком языке, который только в это время начинал свое развитие как язык науки. Таким образом, произведения Ладислава Сунтхайма изначально были адресованы самой широкой публике.

Как писал австрийский исследователь Ф. Эхайм, подводя итог рассмотрению биографии историка: «Мы видим: Сунтхайм не был представителем старого, уходящего мира, не был он и провозвестником нового. Это человек перехода, развития, человек сложных, не всегда четко выраженных взглядов. Но на созданной им основе могли продолжать работу его преемники. Разве не это является самым главным для ученого?» [9, S. 91].

Конструирование династии

Главным научным и литературным наследием Ладислава Сунтхайма являются т.н. «Клостернойбургские таблицы» (*Tabulae Claustro-neoburgenses*), представляющие собой биографии правителей из династии Бабенбергов (976–1246). Работа над ними была начата около 1485 г. и завершена в 1491 г. Оригинал «Таблиц» на 8 больших пергаментных листах хранится в монастыре Клостернойбург. В том же 1491 г. они были опубликованы в Базеле в виде книги под названием «Славные князья Австрийской земли», став, таким образом, первой печатной книгой по истории Австрии (факсимиле инкунабулы воспроизведено в приложении к книге Ф. Рёрига [13, S. 110–146]). Работа содержит короткое введение об истории Австрии, затем последовательный рассказ о представителях династии по определенной схеме: сначала почетное прозвище персонажа, затем его личные качества, важнейшие события его правления, различные любопытные истории. В рассказах о женщинах поставлен несколько иной акцент: в первую очередь сообщается об их замужестве и потомстве.

Визуальным «приложением» к произведению Сунтхайма стало «Генеалогическое древо Бабенбергов», работы артели мастеров под руко-

водством Ханса Парта (*Hans Part*). По-видимому, работа над текстом и изобразительным памятником шла параллельно и претерпевала изменения по ходу реализации проекта. Об этом свидетельствует то обстоятельство, что и в «Таблицах» Сунтхайма, и на генеалогическом древе женщины оказались добавлены позже (в «Таблицах» – на трех последних листах, на генеалогическом древе – на двух боковых створках). Поскольку сюжеты «Древа» и подписи к некоторым изображениям основываются на тексте «Таблиц», автором общей концепции обоих памятников следует признать Ладислава Сунтхайма.

Важно отметить, что Ладислав Сунтхайм снабдил представителей династии Бабенбергов теми прозвищами, под которыми они сегодня известны в исторической традиции Австрии: «Леопольд Добродетельный», «Генрих Жестокий», «Фридрих Воинственный» и т. д. Как показал Ф. Эхайм, отдельные прозвища существовали и ранее, но как единая система они впервые появляются в «таблицах» Сунтхайма [8]. Эту находку Сунтхайма следует признать чрезвычайно удачной и отвечающей духу времени на переломе эпох: созданные им прозвища-эпитеты правителей из династии Бабенбергов сочетали свойственную Средневековью образность с присущим Ренессансу интересом к индивидуальному. С помощью прозвищ Сунтхайм индивидуализировал представителей династии, что позволило ему даже в коротком рассказе дать портрет исторической личности. Эти портреты были закреплены в визуальных образах «Древа». Фактически Сунтхайм создал концепт династии, институализировал Бабенбергов в качестве самостоятельного явления истории Австрии. Этот концепт сразу же был закреплен и транслирован с помощью новых медийных средств – масштабного «Генеалогического древа Бабенбергов» и печатного издания, что придает работе Сунтхайма ярко выраженный новаторский оттенок. По нашему мнению, эта роль Сунтхайма еще до конца не оценена в австрийской историографии. Возможно, что данный аспект работы Сунтхайма в большей степени отвечает пониманию современной историографии начала XXI века, которая идет не от культа «позитивного факта» историографии XIX века или «истории явлений и структур» века XX, а акцентирует внимание на «конструкции и деконструкции» текстовых нарративов и визуальных образов.

«Русские сюжеты» Ладислава Сунтхайма

Чтобы обрисовать контекст, в рамках которого можно говорить о «русских сюжетах» Ладислава Сунтхайма, необходимо напомнить несколько эпизодов политической истории Австрии середины XIII века. Династия

Бабенбергов пресеклась со смертью герцога Фридриха II Воинственного в битве с венграми на реке Лейте 15 июня 1246 г. Современные события источники говорят об участии в битве русских (*Reuzzen*) и даже о смерти герцога от руки некоего короля Руси (*rex Ruscie*). Данный эпизод был рассмотрен нами в отдельной статье, в которой обосновывается возможность участия в этой битве князя Ростислава Михайловича, сына Михаила Всеволодовича Черниговского, который после своего поражения в борьбе с Даниилом Галицким за Галич нашел пристанище в Венгрии и стал правителем пограничного венгерского баната Мачва [5].

Пресечение династии вызвало многолетнюю войну за «наследство Бабенбергов» (1246–1278 гг.), в которой активное участие приняли Империя, Венгрия, Чехия, Бавария и другие страны. Победителем в этой войне стал германский король Рудольф Габсбург, который передал наследственные права на Австрию и Штирию своим детям и тем самым заложил основу для последующего возвышения династии Габсбургов. На определенном этапе в борьбу за «наследство Бабенбергов» оказался вовлечен князь Даниил Галицкий. В 1252 г. он заключил союз с венгерским королем Белой IV, в рамках которого сын Даниила, Роман женился на Гертруде Бабенберг, племяннице Фридриха Воинственного. Попытка овладеть Веной и герцогским престолом закончилась неудачно, и в 1253 г. Роман вернулся домой и княжил впоследствии в Новогрудке, стольном городе «Черной Руси». Необходимо отметить размах политических биографий Ростислава (Новгород – Чернигов – Галич – Венгрия – Болгария) и Романа (Галич – Вена – Новогрудок), который наглядно демонстрирует, что мир Средневековья не был таким замкнутым, как это часто кажется современному наблюдателю. Можно сказать, что каждый жил «в своем Средневековье», и для многих представителей правящих династий (впрочем, отнюдь не только для них) поле деятельности не было ограничено границами их собственных королевств, княжеств или герцогств.

Для истории средневековой Австрии появление на ее страницах Ростислава и Романа было не более чем эпизодом. В австрийских источниках XIII–XV вв. князь Роман обычно упоминается без имени, просто как «король Руси», имя Ростислава им вообще неизвестно. Тем более уникальным следует признать то обстоятельство, что и Ростислав, и Роман встречаются в тексте «Клостернойбургских таблиц» Сунтхайма! Это свидетельствует о том, что Сунтхайм провел весьма основательное историческое исследование, по крупицам собирая информацию не только в австрийских, но и, по-видимому, в венгерских и чешских источни-

ках. Имя Романа (*Roman künig zu Reysen*) в ходе своего повествования он называет несколько раз как мужа герцогини Гертруды, отразилось оно и в качестве приписки к портрету Гертруды и ее дочери Марии на «Древе Бабенбергов» [см.: 13, S. 103, 133, 145–146].

Еще более интересна ситуация с Ростиславом. Сунтхайм не мог знать о его участии в битве на Лейте, однако он знал его как отца королевы Кунигунды (Кунгуты), жены короля чешского и герцога австрийского Пржемысла II Оттокара. Отметим забавный казус: Ростислав назван у Сунтхайма «герцогом Москвы» (*Rostislay hertzogen von moskaw*) [13, S. 144]! Это, разумеется, результат ошибочной интерпретации автором своих источников. Логику Сунтхайма выявить несложно: он знал по источникам Ростислава как «господина Мачвы». Это название мало что говорило австрийскому читателю, и на протяжении всего Средневековья и даже Нового времени Мачву путали с другими землями, чаще всего с Мазовией. От «русского короля из Мачвы/Мазовии» (*Machow*) до «русского герцога из Москвы» (*Moskaw*) оставался один шаг. Сделать этот шаг Сунтхайма могли подтолкнуть исторические реалии эпохи. Как раз на конец 1480-х годов приходился период становления контактов между Веной и Москвой, сопровождавшийся активным обменом дипломатическими миссиями: о посольствах от «цесаря Фердерика» и «римского короля Максимиана» Никоновская летопись сообщает под 1489, 1490 и 1491 гг. [6, с. 220–223, 231; см. также: 1, с. 264–281]. Таким образом, перед нами интересный пример проекции в прошлое политических реалий конца XV века. Трудно сказать, осознанно или неосознанно, но Сунтхайм на два столетия удревнил историю взаимоотношений Австрии и Московии. В пользу определенной *интенции* автора может свидетельствовать тот факт, что упоминание имевшего некогда место династического союза между правителями Австрийского герцогства и Московского княжества имело актуальный политический смысл в условиях существования в конце 1480-х годов проекта брака Максимилиана и Елены, дочери великого князя Ивана III [1, с. 268, 270]. Сконструированный Сунтхаймом брак Пржемысла с Кунигундой «Московской» создавал исторический прецедент: он как бы включил «Русию» в политическую систему Австрии и кругозор Габсбургов и обеспечивал историческую легитимацию возможных династических проектов.

Таким образом, и в своих «русских сюжетах» Ладислав Сунтхайм выступает в роли *создателя концептов*, а не простого компилятора имеющихся сведений. Появление Руси в «Таблицах» Сунтхайма особенно важно в контексте становления отношений между империей Габсбургов

и Московским государством. Благодаря Сунтхайму, мы можем увидеть тот образ Руси, который существовал в Австрии в конце XV века, незадолго до миссии Сигизмунда фон Герберштейна.

Геральдические плоды «Древа Бабенбергов»

Как уже говорилось выше, на основе произведения Сунтхайма было создано «Генеалогическое древо Бабенбергов». Этот замечательный памятник и сегодня находится в монастыре Клостернойбург и производит огромное эстетическое впечатление на зрителя. Как исследователь, обладающий необходимой дистанцией по отношению к истории Австрии, я позволю себе высказать мнение, что «Генеалогическое древо Бабенбергов» – это акме австрийского Средневековья.

«Древо» представляет собой центральное панно с изображением 27 медальонов, каждый из которых посвящен одному из представителей династии Бабенбергов, и две боковых створки, на которых изображены женские представительницы династии. Общий размер «Древа»: более четырех метров в высоту и более восьми метров в ширину. Важное значение имеет книжная миниатюра с изображением «Древа», изготовленная в 1550 г. для эрцгерцога Карла [воспроизведение миниатюры: 13, S. 35–36]. Она показывает, что несмотря на многочисленные и не всегда удачные реставрации, генеалогическое древо Бабенбергов в целом сохранило свой первоначальный вид. Особенно важно это по отношению к женским портретам и сопровождающим их изображениям гербов: в литературе до сих пор можно встретить мнение, что женская галерея является плодом позднейших реставраций и поновлений в XIX веке. С этим невозможно согласиться: копия 1550 г. наглядно показывает, что в своем современном виде «Древо» сохраняет важнейшие характеристики оригинального изображения. При рассмотрении «Древа Бабенбергов» нас будут интересовать три изображения: герцог Фридрих Воинственный, герцогиня Гертруда и Мария, ее дочь от брака с Романом Галицким.

Фридриху Воинственному, как и другим представителям династии, посвящен отдельный медальон. Самым важным событием в жизни герцога, по мнению создателей «Древа», оказалась его смерть в битве на реке Лейте 15 июня 1246 г. (миниатюра воспроизведена на обложке данного выпуска сборника). В этом нет ничего удивительного – ведь со смертью Фридриха пресеклась династия Бабенбергов. Таким образом, у нас есть возможность взглянуть на это важное событие средневековой истории Австрии. Композиция включает в себя сцену битвы на переднем плане и вид на Вену со стороны Дуная на заднем плане. Благода-

ря топографически верному изображению города данное изображение стало одним из наиболее популярных и часто репродуцируемых фрагментов «Древа». На картине хорошо различим собор Св. Стефана (он увенчан флагом города), городские укрепления, берег Дуная и т. д. [13, S. 94–95]. На переднем плане изображена батальная сцена с участием группы рыцарей в типичном для второй половины XV в. вооружении. Герцог Фридрих падает вместе с конем, получив смертельное ранение. Но кто, собственно, убил герцога? Можно заметить некоторые колебания создателей «Древа» по этому вопросу: в качестве человека, нанесшего смертельный удар, может рассматриваться как рыцарь на темном коне слева, который покидает поле боя, так и рыцарь на белом коне с мечом в руке, который напрямую противостоит герцогу. Обращение к тексту «Таблиц» Сунтхайма показывает, что художники следовали здесь за письменным текстом: «и есть сомнение, был ли он убит врагами или своими» (*vnd ist ain zweifel ob er von veinten oder von freunden seines lebens beraubt worde[n] sey*) [13, S. 133]. Таким образом, создатели «Древа» оставили открытой возможности для обеих трактовок: рыцарь на черном коне олицетворяет собой предателя из собственных рядов, рыцарь на белом – воина из вражеского войска. С необходимой долей условности можно говорить, что перед нами князь Ростислав Михайлович. Разумеется, ни Сунтхайм, ни художники не знали о его участии в битве на Лейте: это наша современная интерпретация, основанная на анализе источников, посвященных данному историческому событию.

Портрет Гертруды размещен на боковой створке, вместе с другими представительницами династии Бабенбергов [13, S. 102–103]. Герцо-

Рисунок 1. Гертруда Бабенберг. Генеалогическое древо Бабенбергов (конец XV в.)

гиня Гертруда представлена в виде женщины средних лет, ее лицо выражает спокойствие и уверенность в себе. Современная историография отдает должное решительному характеру Гертруды: она отказалась выходить замуж за императора Фридриха II Гогенштауфена, упорно вела борьбу за герцогскую корону и, если верить Галицко-Волынской летописи сама «указала путь» князю Роману Даниловичу. Изображение на «Древе» хорошо сочетается с тем образом герцогини Гертруды, который транслируют исторические источники и конструирует историография Нового времени (наиболее подробной работой, посвященной Гертруде, продолжает оставаться биографический очерк Г. Мейера [11]).

Ее дочь от брака с князем Романом, Мария, представлена в виде молодой девушки. Около 1270 г. она вышла замуж за Йоахима, представителя знатного венгерского рода Гуткелед (*Guthkeled*). Здесь Ладислав Сунтхайм допускает ошибку и путает Йоахима с его отцом Стефаном, который был наместником венгерского короля Белы IV в Штирии. В смутные времена после смерти короля Белы IV в 1270 г. Йоахим стал баном Славонии и некоторое время возглавлял одну из магнатских группировок, ведущих борьбу за власть в Венгерском королевстве [10, S. 187–197]. В 1277 г. Йоахим пал в бою с восставшими хорватами. Вопрос о потомстве Йоахима и Марии (забытая ветвь галицких Даниловичей) требует дальнейшего исследования.

Остается только сожалеть, что принцессы из дома Бабенбергов были изображены без своих мужей, в отличие, например, от генеалогических панно с изображением представителей династии Габсбургов, созданных в конце XV века под несомненным влиянием «Древа Бабенбергов» (два из них в настоящее время находятся в Художественном музее в Вене). Это лишает нас возможность увидеть князя Романа, мужа Гертруды. Однако определенный «след» князя Романа сохранился. На династические связи принцесс из дома Бабенбергов указывают гербы, которыми снабжены женские портреты. По наблюдениям австрийского исследователя Ф. Рёрига, гербы довольно историчны и основаны на собственных разысканиях Сунтхайма [13, S. 28–29]. Разумеется, они отражают геральдические знания и представления своего времени – конца XV века – а не более ранних эпох. Тем не менее, они содержат важную информацию исторического и геральдического характера. Скрупулезность Сунтхайма можно увидеть на примере Теодоры, жены Леопольда VI и матери Фридриха Воинственного: ее византийское происхождение подчеркнуто гербом с золотым двуглавым орлом на красном фоне [13, S. 102–103]. Двуглавы́й орел не был официальным гербом Византийской империи,

однако он широко использовался в XIV–XV вв. как династический символ династии Палеологов и Империи в целом. Таким образом, Ладислав Сунтхайм пытался максимально точно отразить династические связи династии Бабенбергов.

В поисках «русского следа» приглядимся внимательнее к гербам герцогини Гертруды и ее дочери Марии. Бурная жизнь Гертруды и три ее брака заставили художника снабдить ее изображение двумя гербовыми щитами. На первом из них представлены гербы герцогств Австрия и Штирия (красно-бело-красный щит и белая пантера на зеленом поле) и герб ее первого мужа Владислава Моравского (красно-белый орел на синем поле). На втором щите повторно представлен герб Австрии, герб ее второго мужа – Германа Баденского (красная диагональная полоса на желтом поле) и герб третьего мужа – Романа (золотой лев на голубом поле, появляющийся из пламени). Гербовый щит Марии разбит на четыре сегмента, один из которых остался пустым. На трех оставшихся представлены герб Австрии, герб ее мужа (три красных льва на серебряном поле, этот герб не совпадает с гербом Гуткеледов) и снова золотой лев, появляющийся из пламени. Таким образом, данный герб обозначает Романа – отца Марии. Об этом свидетельствует и пояснительная надпись к обоим портретам, где он фигурирует как «Роман, король Руси» (*Roman künig von Reüssen*).

Насколько нам известно, данное гербовое изображение еще не становилось предметом специального рассмотрения в научной литературе. Между тем оно, как это не удивительно, имеет связь с реальным гербовой традицией Галицко-Волынской Руси, геральдическим символом которой был золотой лев на голубом поле [3, с. 256–259]. Репликой этого герба, несомненно, является рассматриваемое изображение на «Древе Бабенбергов». Откуда Ладислав Сунтхайм мог почерпнуть информацию о гербе «Русского королевства»? Проникновение в Европу сведений о геральдике Галицко-Волынской земли можно проследить с начала XV века [там же]. Вероятно, основным источником этих сведений была геральдическая традиция Королевства Польского, в состав которого земли Галицко-Волынской Руси вошли в конце XIV века. Так, в «Анналах» Яна Длугоша львовская хоругвь в Грюнвальдской битве «имела на знамени желтого льва, восходящего как бы на скалу, на лазурном поле» [4, с. 88]. Таким образом, в изображении герба князя Романа на «Генеалогическом древе Бабенбергов» мы видим стремление дать максимально возможную информацию о его происхождении, включить его в контекст тех знаний об истории Центральной и Восточной Европы, которыми обладал просвещенный австрийский наблюдатель конца XV века. Это еще раз

демонстрирует кропотливые – и в то же время выводящие на новое понимание – исторические исследования Ладислава Сунтхайма.

Подводя итог, можно сказать, что «Клостернойбургские таблицы» Ладислава Сунтхайма занимают свое особое место в развитии исторической мысли Австрии, а созданное на их основе «Генеалогическое древо Бабенбергов» является замечательный художественным памятником и уникальным визуальным источником. Обращение к текстам Ладислава Сунтхайма и «Древу Бабенбергов» позволяет нам представить тот образ Руси, который существовал в Австрии накануне «открытия Московии» имперским послом Сигизмундом фон Герберштейном.

Список литературы

1. Базилевич, К.В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века / К.В. Базилевич. – М., 1952.
2. Герберштейн, Сигизмунд. Записки о Московии / Сигизмунд Герберштейн. – Т. II. – М., 2008.
3. Гречило, А. Територіальні символи Галицько-Волинської держави другої половини XIII – початку XIV століть / А. Гречило // Записки Наукового товариства імені Шевченка. – Т. 240. – Львів, 2000. – С. 255–263.
4. Длугош, Я. Грюнвальдская битва / Я. Длугош. – СПб., 2007.
5. Мартынюк, А.В. Князь Ростислав в битве на реке Лейте: «русский эпизод» австрийской истории / А.В. Мартынюк // Древняя Русь. Вопросы медиевистики (в печати).
6. Полное собрание русских летописей. – Т. XII. – СПб., 1901.
7. Ansbach, J. von. Die Wiener Universität und ihre Humanisten im Zeitalter Kaiser Maximilians I / J. von Ansbach. – Wien. 1877.
8. Eheim, F. Zur Geschichte der Beinamen der Babenberger / F. Eheim // Unsere Heimat. Monatsblatt des Vereins für Landeskunde von Niederösterreich und Wien. – Jahrgang 26. – 1955. – S. 153–160.
9. Eheim, F. Ladislaus Sunthaum. Ein Historiker aus dem Gelehrtenkreis um Maximilian I / F. Eheim // Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung. – LXVII. Band. – 1959. – S. 53–91.
10. Hóman, B. Geschichte des ungarischen Mittelalters / B. Hóman. – II. Band. – Berlin, 1943.
11. Meier, H. Gertrud Herzogin von Österreich und Steiermark / H. Meier // Zeitschrift des Historischen Vereins für Steiermark. – Graz, 1927. – S. 5–38.
12. Österreichische Geschichte. 1400–1522. Das Jahrhundert der Mitte. An der Wende vom Mittelalter zur Neuzeit / A. Niederstätter. – Wien, 1996.
13. Röhrig F. Der Babenberger-Stammbaum im Stift Klosterneuburg / F. Röhrig. – Wien, 1975.

«РЯЗАНСКАЯ» КУПЛЯ ВАСИЛИЯ ТЕМНОГО: ГРАНИЦЫ И ТЕРРИТОРИЯ, СУДЬБА В СОСТАВЕ МОСКОВСКОГО КНЯЖЕСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XV – НАЧАЛЕ XVI В.

Данная работа посвящена «рязанской» купле Василия Темного. В статье рассматриваются границы купли, земли, входившие в ее состав, их судьба в составе Московского княжества в конце XV – начале XVI в.

В историографии, как правило, анализировалась только датировка купли. В.П. Загоровский предположил, что купля явилась своеобразной расплатой за воспитание в Москве рязанского князя Василия Ивановича. Основываясь на том, что земли купли не упоминаются в духовной Василия Темного, исследователь датировал куплю 1461–1462 гг. [45, с. 25, 27]. А.В. Лаврентьев считает, что купля имела место между 1456 (начало опекуинства Василия II над Василием Ивановичем) и 1462 (смерть Василия Темного) годами. [72, с. 55–57].

Впервые купля упоминается в московско-рязанском докончании 1483 г. Данный акт дошел до нас в московском и рязанском протвениях в подлинниках (здесь и далее цитаты из источников приводятся в упрощенной орфографии). «А что купля отца нашего, великого князя Василья Васильевича, за рекою за Окою, Тешилов, и Венев, и Растовець, и иная места, и тем нашим землям със твою землю рубеж от Оки, с усть Смедвы, въверхъ по Смедве до усть Песоченки, а Песоченкою до верховья Песоченского, а от верховья Песоченки через лес прямо к Осетру, к усть Кудесне, а Кудесною въверхъ до верховья, а от верховья Кудесны прямо к верхъ Табалом, а по Табалом на низ в Дон. И что перешло за тот рубеж тое купли отца нашего, великого князя Васюльевы, на твою сторону, и нам, великим князем, в то не въступатися, ни подыскивати, ни нашим детям под твоими детми некоторою хитростью. А что перешло твоеи земли, великого князя, рязанские за тот рубеж на нашу сторону, и в то се тебе у нас не вступати, ни подыскивати под нами, под великими князми, ни под нашими детми, ни твоим детем некоторою хитростью.

А что за Доном твое, великого князя Ивано[во], Романцево с уездом и что к нему потягло, и нам, великим князем, в то не взступатися. А тебе не въступатися в нашу отчину, въ Елеч и во все Елецкая места. А Меча нам ведати вопче» [43, № 76, с. 285, 288–289].

Таким образом, купля была совершена Василием Темным. Отсутствие купли в духовной Василия Васильевича объясняется, на наш взгляд, очень просто: с XIV в. наблюдается устойчивая тенденция, согласно которой купля не упоминается в духовной князя, ее совершившего [3, с. 3, 20–21; 43, № 12, с. 34; 68, с. 134.].

На данный момент в историографии существуют следующие точки зрения на понятие «купля» [мы приводим только наиболее актуальные, на наш взгляд, версии; подробный разбор историографии см.: 3, с. 3–18]. Отметим, что большинство историков анализировало купли Ивана Калиты, оставив без внимания более позднее употребление данного термина. В.А. Кучкин считает, что «купля» являлась покупкой ярлыка на мелкое княжество в Орде [69, с. 252–256]. С.М. Каштанов считает, что Калита имел право собирать налоги с центральных городов административно-территориальных единиц, и лишь при Дмитрии Донском приобретает сама территория [58, с. 189–191]. К.А. Аверьянов трактует куплю как приданое [3, с. 203]. А.А. Горский считает, что под куплей понимается покупка у суверенных князей некой части их суверенных прав [34, с. 81]. Оговоримся сразу: неясно, насколько «купли» Ивана Калиты соотносимы с рязанской «куплей» Василия Темного. Но у них есть яркая общая черта – отсутствие упоминаний в духовных грамотах лица, совершившего данную куплю.

«Словарь русского языка XI–XVII вв.» фиксирует следующие значения слова «купля»: 1) купля – продажа, ведение торговых дел; 2) то, что является предметом купли – продажи, товар; 3) приобретение, покупка (о недвижимой собственности); 4) договор о купле – продаже; 5) деятельность, занятие вообще (редакторы словаря поставили данное значение под вопросительным знаком) [126, с. 129].

Определение купли, данное В.А. Кучкиным отпадает, потому что у нас нет сведений о том, что на этих землях находилось самостоятельное княжество или удел. К.А. Аверьянова – тоже, так как во второй половине XV в. не известно браков между московским и рязанским великокняжескими домами, при которых могла произойти передача приданного от Рязани к Москве. Определение А.А. Горского маловероятно, потому что ни один из дошедших московско-рязанских договоров не фиксирует перечня данных прав и объектом купли является конкретная территория, а не права. Определение С.М. Каштанова можно принять, но с оговоркой, что «купля» в определенный момент потребовала разграничения, что и было произведено в московско-рязанском договоре 1483 г.

А.В. Лаврентьев предполагает, что причиной купли Василия Темного явился «перевод финансовых обязательств Рязани московских князей начала XV в. (имеется в виду выкуп из литовского плена Родослава Ольговича, на которое, по мнению А.В. Лаврентьева, пришлось брать в долг у Москвы. – А.Д.) в земельные» [73, с. 131]. На наш взгляд, данная гипотеза маловероятна, так как об этих финансовых обязательствах ничего нет в московско-рязанских договорах 1402, 1434 и 1447 гг.

Таким образом, под рязанской куплей Василия Темного следует понимать передачу территориального массива или городских центров от одного великого княжества другому (вероятно, за некую денежную сумму), повлекшую за собой отмежевание земель купли от остальной территории Рязанского княжества или же передачу права сбора налогов на данной территории с последующим её вхождением в Московское княжество.

В куплю Василия Темного вошел массив земель, расположенных в правобережье р. Оки. Из всего этого массива земель упомянуты только Тешилов, Венев и Раствоец. Рассмотрим владельческую принадлежность данных пунктов до 1483 г. и их локализацию.

Тешилов упомянут в Никоновской летописи под 6655 годом: «И тако совещавше, снидошася на Москву князь [1] велики Юрьи [2] изъ Суждаля, а князь велики Святославъ Ольговичъ съ Резани изъ Тешилова съ сыномъ своимъ Олгомъ и со княземъ Володимеромъ Святославичемъ» [99, с. 172. [1] «князю» – А. [2] «Юрьи» *нет в А.* (А – Академический список)]. А.Н. Насонов считал, что данное упоминание Тешилова является поздней вставкой [79, с. 211, 215]. Т.Н. Никольская не согласилась с точкой зрения А.Н. Насонова, основываясь на «археологических источниках» (наличие на Тешиловском городище слоев XII в.) [83, с. 135, прим. 50]. Согласно сообщению Ипатьевской летописи, Святослав повоевав Голядь «верхъ Поротве», направился в Москву, после чего вернулся в Лобынск (который находился «на оустъ Поротве») [96, стб. 339–340]. На наш взгляд, в данном случае правильной является точка зрения Арсения Николаевича Насонова. Затем Тешилов упомянут среди рязанских городов в «Списке Русских городов дальних и ближних» [85, с. 477; 97, с. 624; 98, с. 241; 104, с. 164; 128, с. 95]. Датировка памятника затруднительна, но в целом он датируется исследователями последней четвертью XIV в. [3, с. 177–187; 5, с. 336–341; 81, с. 150–163; 93, с. 40–48; 128, с. 83–137; 133, с. 398–401; 139, с. 117, 136–137; 141, с. 61–67. Историю изучения «Списка» в первой четверти XIX в. см.: 55, с. 169–178]. Отметим, что существует и иная точка зрения на «Список»: что он создавался

в несколько этапов, начиная с эпохи домонгольской Руси [77, с. 276–277; 78, с. 354–355; 79, С. 142–143; 142, S. 251–259, 300.]. Тешиловский стан существовал в составе Каширского уезда согласно писцовой книге 1577/78–1578/79 гг. [89, с. 1488–1509, 1529–1532]. Н.В. Ивановым были локализованы 5 погостов данного стана в р-не бассейна р. Скнига [52, с. 57 (карта), 63–64]. Погост Тешилов упомянут в приправочной книге 1613/14 гг. с писцовой книги Каширского уезда 1588/89 гг. в Жирновском стане [90, с. 136]. Присутствует Тешиловский стан и на генеральном плане Каширского уезда 1776 г. [31]. Согласно историографической традиции и археологическим исследованиям, подтвердившим данную традицию, город Тешилов располагался в Серпуховском районе Московской области, на правом берегу р. Оки, при впадении в нее ручья Холхли около с. Тешилово [16, с. 167–169; 64, с. 135, № 658; 84, с. 167 (план), 168; 124, с. 15; 128, с. 120–121].

Венев так же, как и Тешилов упомянут в «Списке русских городов дальних и ближних» [85, с. 477; 97, с. 624; 98, с. 241; 104, с. 164; 128, с. 95]. Второе упоминание связано с пожалованием Олегом Ивановичем Ивану Мирославичу ряда вотчин (Венев, Растовец, Веркош, Михайлово поле, Вердеров, Безпуцкий стан) [44, с. 58–61; 88, с. 131; 119; 120; 121; 156, с. 56]. Затем Веневом владел Григорий Шишка, внук Ивана Мирославича, и его сын Тимофей Григорьевич Крюк. Сын последнего Михайло, отъехал к Ивану III, «покиня свою Веневу, да Веркошу и Ростовец» [28, с. 329]. Современный историк А.И. Гамаюнов, проанализировав данные родословных росписей, пришел к справедливому, на наш взгляд, выводу, что эти свидетельства имеют документальную основу [28, с. 325–333]. В 1407 г. князь смоленский Юрий Святославич «в Резаньской земли в пустыне, в монастыре у некоего игумена христороубца именем Петра, и ту неколико днии поболевъ преставися и погребень бысть ту» [95, с. 465–466; 106, с. 237; также см.: 100, с. 203]. В Степенной книге место смерти князя указано более конкретно: «въ земли Резаньстей на реце на Осетре между градовъ Тулы и Николы Зараскаго въ Веневе, въ пустыни монастырь святаго чудотворьца Николы» [цит. по: 159, с. 114; также см.: 103, с. 445]. Трудно судить о достоверности данного известия. А.В. Кузьмин отметил: «почитание Георгия Святославича в Веневом монастыре прослеживается со 2-й пол. XVII в.» [65, с. 105–106]. Возможно, что в Степенную книгу данное сообщение было вставлено с целью исторического обоснования почитания. А.С. Усачевым было высказано предположение, что повествование о Юрии Святославиче Степенной книги было создано специально для данного па-

мятника [160, с. 402, прим. 102; 409]. С другой стороны, источником сообщения мог служить не дошедший до нас исторический источник или же произошло уточнение летописного свидетельства благодаря конкретным региональным познаниям летописца. Отметим, что в Веневском монастыре в XIX в. существовала могила Юрия Святославича [33, с. 343, 578]. Скорее всего, данное свидетельство является достоверным. Таким образом, можно утверждать определенную преемственность наименования региона «Венев» (располагавшегося на территории Рязанского княжества) с Веневом XVI в.

Венев XIV–XV вв., по обоснованному предположению Р.В. Клянина, располагался на Гурьевском городище и лишь позднее был перенесен на современное место [61, с. 117–120].

С локализацией Растовца дело обстоит труднее. Он, так же как и Венев, перечислен в числе вотчин Ивана Мирославича (см. выше). Иных упоминаний данного географического пункта до середины XV в. нам выявить не удалось. Современный историк А.В. Лаврентьев не смог соотнести Растовец с конкретной территорией [73, с. 139, прим. 23]. Раставский стан существовал в составе Каширского уезда согласно писцовой книги 1577/78–1578/79 гг. [89, с. 1307–1436, 1525–1526]. Н.В. Иванов локализовал 9 из 11 погостов данного стана, известных по писцовому описанию 1577/78–1578/79 гг. Все погосты расположены в восточной части Каширского уезда, к востоку от р. Беспута [52, с. 57 (карта), 62–63]. Согласно генеральному плану Каширского уезда 1776 г., рассматриваемый стан располагался на правом берегу р. Оки: его восточная граница проходила по р. Смедва, западная по р. Беспута, на юго-востоке стан доходил до р. Осетра [31]. Пока отметим, что восточная и юго-восточная граница Растовецкого стана (да и Каширского уезда) соответствует границе купли. Наше мнение о соответствии Раставского стана и более раннего Раставца подтверждают жалованная несудимая и на данного пристава грамота царя Обдыл-Летифа игумену Троицкого Белопесочского монастыря Владимиру на деревни в Туровской волости и «в Растовце» и жалованная грамота 1522 г. Ф.Д. Хмырову, объектом пожалования которой явились д. Долгая Поляна на р. Смедве и д. Осмеяновское Займище на Крутом верху «в Каширском уезде в Растовце» [9, № 100, с. 104–105; 10, № 287, с. 274–275.]. В более поздних актах упоминается Растовской – Ростовский стан Каширского уезда [см., например: 10, № 273, с. 247 (1566 г.); 11, № 78, с. 95–96 (1609 г.); № 111, с. 115 (1611/12 гг.); № 141, с. 138–139 (1608 г.); № 209, с. 193 (1605–1606 гг.) и т. д.]. Раставский стан упомянут и в более ранней жалованной грамоте

1498 г. [13, № 618, с. 530–531]. Писцовая книга Тульского уезда 1586/87–1587/88 гг. фиксирует существование в его составе стана Растовец [89, с. 1243–1256]. Данный стан существовал и в XVII в. [140, с. 76–81, 150–151, 218–221]. По карте Тульского уезда, составленной Е. Щепкиной, Раставский стан Тульского уезда на севере граничил с территорией Раставского стана Каширского уезда [140, карта]. Согласно предположению С.И. Демидова, Тульский уезд «был образован из различных соседних территорий» [40, с. 27]. Таким образом, до формирования Тульского уезда существовал единый Растовецкий стан, предтечей которого явился Растовец договорной грамоты [40, с. 27].

В сообщении Никоновской летописи за 7048 г. Ростовский стан указан отдельно от Каширского уезда: «Того же месяца (октября. – А.Д.) 26 приходил Иминь-царгевичь Крымский съ многими людьми Крымскими на Коширьские места и на Ростовскую волость» [101, с. 130]. На наш взгляд, здесь возможно два толкования: 1) под Ростовской волостью понимается совокупность земель, вошедшая в Каширский и Тульский уезды; 2) только Ростовецкий стан Тульского уезда.

Таким образом, два из трех объектов договорной грамоты локализируются на территории Каширского уезда, Венев же локализуется в непосредственной близости от него. Два объекта являлись вотчинами Ивана Мирославовича и его потомков.

* * *

Особо отметим, что договорная грамота дает нам новую московско-рязанскую границу. Граница идет по Оке до устья р. Смедвы, правого притока р. Оки. Граница была картографирована Д.И. Иловайским, но без должной детализации (им не были нанесены р. Песочна и р. Кудесна) [157, карта «Рязанское княжество в конце XV и в начале XVI ст.». В XVIII–XIX вв. по р. Смедве до устья р. Песоченки проходила граница Каширского и Зарайского уездов [30; 31; 54, с. 9, 17; 112; 113; 114; 115; 116; 117; 118; 130, л. NB, NW. Также ср.: 25, с. 29 («Карта Каширского уезда историко-археологическая»)]. Р. Песоченка – правый приток р. Смедва, по которой также проходила граница между Каширским и Зарайским уездом [30; 122, «Карта Тульского наместничества»; 130, л. NW.]. Затем граница между княжествами, также как и между Каширским, Веневским и Зарайским уездами конца XVIII – начала XX в. выходила к р. Осетр и шла по ней [91; 130, л. NW].

Межевая книга Каширского уезда 1673 г. [данный документ известен нам только в списке XVIII в., см.: 111, л. 65–93] показывает нам

следующую границу Каширского и Рязанского уезда: р. Ока – р. Смедва – р. Песочна – д. Иванышева – Шальчиный «боярак» – Козлов буерак – Кошеев верх – р. Кошеевка – Сорочий буерак – р. Унка – Шабалов буерак – р. Грустыня – Сушицкий проток – р. Сушица – Чертов ручей – Медвежье лес – р. Зувня – р. Лошатовка – р. Осетр – р. Бокша [111, л. 65–72]. А вот какую восточную границу Зарайского уезда рисует Генеральный план 1790 г.: р. Большая Смедва (начало границы с Каширским уездом) – р. Песочня – овр. Шельчино – Казлов верх – Кашеев верх – р. Кошеевка – р. Грыстынка – р. Сушица (к северу от нее заканчивается граница с Каширским уездом, начинается граница с Веневским) – Чертов верх – Зувков верх (заканчивается граница с Веневским уездом, начинается граница с Михайловским уездом) – р. Осетр [30]. Таким образом, граница осталась та же, однако часть южных территорий Каширского уезда, скорее всего, отошла к Веневскому уезду. Граница по «купле» совпадает с границами уездов XVII–XVIII вв. Итак, граница XVII–XVIII вв. исходила из размежевания XV в.

Межевая книга Растовецкого стана Каширского уезда 1648/49 и 1649/50 гг. называет границу Каширского и Рязанского уездов ок. с. Фроловского на р. Смедве, с. Восленка, пуст. Городец, д. Болотна, д. Иванышевы (все – район р. Песочны) как «Резанский рубеж» или «Резанский рубеж земли» [109, л. 20, 28 об., 29, 34, 35, 35 об. (первой нумерации); 222 об. – 223, 302 об. – 303, л. 309 об. – 310, 361 об. – 362, 368–370 (второй нумерации)].

Вероятно, такое размежевание было вызвано тем, что Каширский уезд начал формироваться до окончательного присоединения Рязанского княжества.

Возможно, что границу московского и рязанского княжеств по р. Осетр показывает следующее летописное сообщение, помещенное под 7020 г.: «Того же лета июля Магмут царевич Крымский пошел был на Рязань, и учинилася ему весть, что великого князя воеводы стоят на Осетре, князь Александръ Володимирович Ростовский и иные воеводы со многими людьми, а на Упе стоят воеводы князь Михаило Иванович Булгаковъ да Иванъ Андреевич и иные воеводы многие съ многими людьми» [цит. по: 143, с. 160. Также см.: 101, с. 15; 102, с. 385; 107, с. 347]. Выдвижение войск на Осетр можно рассматривать как выдвижение на некий «рубеж» или как тактический ход. Однако в 1512 г. с рязанской самостоятельностью не было еще до конца покончено официально, что делает первое предположение более вероятным.

Затем граница купли должна была идти от р. Осетр на устье р. Кудесны, но на планах генерального межевания такого гидронима нет, и гра-

ница между Веневским и Михайловским уездом идет по р. Вязовка [54, с. 25; 91; 92]. Однако, атлас Российской империи 1792 г. именуют данную реку как «Кудошна» [122, карта Тульского наместничества]. На современных картах река названа Кудесной [18, с. 9, 15; 56; 57; 86, с. 10; 87, с. 13; 129, с. 43]. Таким образом, один и тот же гидронимический объект имел два названия. Но в фондах РГАДА сохранилась уникальная карта, согласно которой земли к югу от Осетра и западу от р. Кудесны (населенные пункты: Серебряные Пруды, Благодать, Дурина, Скуратово, Красное, Курепино, Лешнеги, Рубаевка, Стреляевка, Анино городище, Покровка, Могилы, Подхожее, Кунье, Азерки) в 1777 г. были переданы из Михайловского уезда в Веневский [108]. Данный переход подтверждает локализация П.Е. Русакова, согласно которой земли к западу от р. Кудесна входили в состав Моржевского стана Рязанского уезда в конце XVI – 20-х гг. XVII в. [123, с. 374, 375; рис. 2, 3]. Что стало причиной такого несоответствия границы между уездами с границей купли не ясно. Однако отметим, что и в XV в., и в конце XVIII в. граница проходит по р. Кудесне. Возможно, причиной такого «сохранения» границы явился некий единый территориальный владельческий массив, который сначала отошел «от купли» в Моржевский стан Рязанского уезда, а затем был передан из состава Михайловского уезда в Веневский.

Затем граница купли «перескакивает», минуя регион Верхней Прони, на Таболы. На наш взгляд, возможны три варианта объяснения этому: 1) частновладельческий массив земель в данном регионе; 2) данные земли относились к Пронскому княжеству; 3) отличие географических представлений составителей договорных грамот от современных нам. По поводу первого предположения следует отметить, что регион Верхней Прони располагался между вотчинами Ивана Мирославовича Веневом и Михайловым полем [44, с. 58, 60; 88, с. 131]. В.В. Богомолов и О.Н. Заидов соотносят территорию округа города XVII в. Гремячева, располагавшегося на Верхней Прони, с вотчинами потомков Солохмира [20, с. 44; 46, с. 249; 47, с. 67]. Данная точка зрения обосновывается грамотой Василия Ивановича Семену и Василию Федоровичами Вердеревскими, выданной в 1522 г. [6, № 115, с. 97–98; 12, № 81, с. 63–64; 74, с. 212–213]. В ней перечислены земли в верховьях Прони, выделенные в отчину предку Вердеревских Ивану Мирославовичу. Территория Пронского княжества остается нам мало известной. Заметим, что, по мнению А.И. Цепкова, Пронское княжество располагалось довольно далеко от данных мест [134, с. 183–191; 135, с. 446–447, 452 (карта)]. Оно было ликвидировано незадолго до купли (не ранее 1448 г.) [131, с. 184]. Третью

версию можно исключить, учитывая точность расписывания границы до данного момента. Таким образом, первая версия является наиболее вероятной. На наш взгляд, отсутствие описания границы в бассейне Верхней Прони в договорной грамоте может объясняться тем, что данное «порубежье» было регламентировано другим актом, устанавливающим отношения вассалитета между московскими князьями и кем-то из потомков Ивана Мирославича.

Обратим внимание на то, что на карте 1777 г. город Гремячев и его округа (Беломесная слобода, Пушкарская слобода, Богородское, Стрелецкое, Стрельцы) отмечены как перешедшие из Михайловского уезда в Тульскую губернию (впоследствии это была территория Веневского уезда) [108].

Затем граница идет к «верхъ Табалом, а по Табалом на низ в Дон». Под Таболами понимается р. Мокрая Табола и ее левый приток р. Сухая Табола. Р. Мокрая Табола впадает в р. Дон в районе современной д. Устье. Согласно планам генерального межевания бассейн рек Табол частично входил в Епифанский уезд, и граница уезда как будто обходит данные реки [29; 66, с. 11, 12–13]. Вероятно, что и здесь граница уездов формировалась с учетом купли, но она «расплылась», ведь Епифанский уезд, так же как и Веневский, формировался во второй половине XVI в., то есть позднее Каширского [21, с. 83–84, 88–91; 71, с. 43–65]. Епифанская писцовая и межевая книга 1626/27–1629/30 гг. [110, л. 293–340; особо отметим, что Н.К. Фоминым были опубликована писцовая книга Епифанского уезда 1627/28 гг. [см.: 67, с. 9–124; 110, л. 1–292]; в той же 140 книге фонда Поместного приказа содержится межевая книга Епифанского уезда [см.: 67, л. 293–340]. Не вдаваясь в вопрос, имело ли здесь место нарушение источниковедческой полноценности публикации [по поводу термина см.: 41, с. 37–38]; отметим, что самый ранний источник, позволяющий нам судить о границах (а не о населенных пунктах) Епифанского уезда остается не опубликованным) фиксирует границу Епифанского и Рязанского уездов по р. Кердь (от р. Нюховец), Молоденке и по Таболам [110, л. 311–311 об.]]. Данная граница соотносится с северо-восточной границей Епифанского уезда XVIII в. Границу южнее писцовая и межевая книга реконструировать не позволяет. Особо отметим, что карта Епифанского уезда второй половины XVIII в. Географического департамента Академии Наук фиксирует старую и новую границы Епифанского уезда [32, с. 312, № 213].

Сразу за описанием границы купли в грамоте расписывается статус Романцева, Ельца и Красивой Мечи. По мнению А.В. Лаврентьева, Ро-

манцево должно располагаться «за Доном» в междуречье р. Красивая Меча и р. Дон [73, с. 163–175]. Елец – центр Елецкого княжества, располагался на р. Быстрая Сосна, правом притоке р. Дон [158, с. 261–281, рис. 62]. Р. Красивая Меча – это правый приток Дона. Все это является показателем того, что Рязань по купле потеряла земли западнее Дона, и теперь они стали «пограничьем», статус которого должен оговариваться в договорной грамоте.

Таким образом, купля имела четко очерченные границы. «Северный» участок границы (по р. Смедва, Песочна, Осетр) совпадает с последующей восточной границей Каширского уезда. Две из трех административно-территориальных единиц, входивших в куплю, располагались на территории Каширского уезда XVI–XVIII вв., а в результате изменений XVI в. – Тульского. К ним с юга примыкает Венев. Более южная граница (по Таболам), похоже, создавалась с учетом границы по докончанию.

* * *

Позволяют ли иные источники расширить наши представления о территории купли? На наш взгляд, да. Мы можем выделить два критерия установления таких территорий: 1) их принадлежность Рязани до середины XV в. и последующая принадлежность Москве, при условии, что они не могли отойти ранее или позднее; 2) расположенность к западу от новой московско-рязанской границы.

Рассмотрим два упоминания волости Беспута в составе Типографской летописи. Под 6976 годом: «Того же лета Татарове Польстии побиша сторожевь [1] наших в поле и пришедь [2] без вести и взяша Беспуту [3] и множество полону взявше, отъидоша» [105, с. 187; разночтения по Толстовскому списку: [1] Сторожеевь; [2] пришедши; [3] Безвуту]. Под 6988 годом: «Князь же великий отпусти воеводу своих к берегу противу Татаромъ, Татарове же [1], пришедше, поимаша Беспуту и отъидоша, а князь великий отпусти к берегу на Оку сына своего великого князя Ивана [2] и брата своего меньшаго [3] князя Андрея съ [4] всеми силами, да [5-] князя Васидья Михайловича [-5]» [105, с. 199; разночтения по Толстовскому списку: [1] «Татарове же» *нет*; [2] Ивана; [3] *нет*; [4] и со; [5] *нет*]. Ю.Г. Алексеев видит в данных свидетельствах последствия колонизации Москвой земель за р. Окой [14, с. 53, 229, прим. 44]. Беспутский стан упоминается в ряде родословных книг как объект, пожалованный великим князем рязанским Олегом Ивановичем Ивану Мирославичу Солохмиру в вотчину. Затем стан переходит к его внуку Ивану Григорьевичу Кончею [28, с. 328–329; 44, с. 58, 60;

88, с. 131; 156, с. 56]. Стан Безпуцкий упоминается в писцовой книге Каширского уезда 1577/78–1578/79 гг. [89, с. 1436–1469, 1526–1527]. На плане генерального межевания Каширского уезда 1776 г. отмечен Беспутской стан [31]. Н.В. Ивановым были локализованы погосты Беспутского стана на р. Сушке и р. Столбня [52, с. 57 (карта), 58, 63]. На наш взгляд, рязанская волость Беспута отошла по купле к Москве.

Подобную ситуацию мы можем наблюдать и с Веркошей. Она также была пожалована Ивану Мирославичу Олегом Ивановичем [44, с. 58–61; 88, с. 131; 119; 120: 121; 156, с. 56]. В XVI–XVII в. существовала два Веркушских стана, граничащих друг с другом: Тульского и Веневского уездов [24, с. 235, 258–259 (карта); 89, с. 1226–1243, 1550–1555; 140, с. 68–75, 146–149, 214–217].

В куплю должна была войти и Тула, политическую принадлежность которой регламентируют московско-рязанские договоры 1381, 1402, 1434 и 1447 гг. [43, № 29, с. 29; № 19, с. 53. № 33, с. 84; № 47, с. 143]. Г.А. Шебанин и А.В. Шеков считают, что Тула не входила в куплю, в частности, они отмечают, что Тула не упомянута ни в московско-рязанском договоре 1483 г., ни в духовных Ивана III и Ивана IV [137, с. 151–152]. На наш взгляд, это утверждение основано на недоразумении: все данные акты содержат упоминания «иных мест», а «складыванию» некоторых строк духовной Ивана IV мы посвятим отдельный абзац ниже. Тула до начала XVI в. располагалась на Тороховском городище на р. Тулице [27, с. 23–59; 35, с. 13–15; 36, с. 20–22; 37, с. 6–11; 80, с. 16–20].

В куплю, скорее всего, вошли и Лопасня, уезд Мстиславль, Жадомль, Жадене городище, Дубок и Броднич, так же являвшиеся объектами более ранних договоров и не упомянутые в договоре 1483 г. [43, № 10, с. 29; № 19, с. 53; № 33, с. 84; № 47, с. 143; 144, с. 245–249, 344].

* * *

Теперь рассмотрим упоминания территориального массива купли в более поздних документах.

На наш взгляд, земли купли упоминаются в докончании великого князя Ивана Васильевича с великим князем Александром Казимировичем 1494 г.: «Так жо и мне не вступатися у вас в Олексин, и в Тешилов, и в Рославль, и в Венев, и во Мстиславль, и в Торусу, и в Оболенескъ, и во все то, што к тем местом потягло, да и в Козелескъ, и в Людимескъ, и в Серенескъ у везь, и во вси Козелские, и в Людимские, и в Сереские места, што х Козелску, и к Людимску, и к Сереску потягло, и во все ваши Украинные места, и што к нимъ потягло, мне, великому кн(я)зю

Александрю, не вступатися, и не обидити под тобою и под твоими детми» [43, № 84, с. 330; также см.: 125, с. 126, 130]. Отметим, что среди перечисления владений, упомянут целый ряд городов, ранее принадлежавших Рязани и они же фигурируют, как входящие в куплю (Тешилов, Венев). Ситуацию с Рославлем и Мстиславлем мы прокомментируем ниже. Алексин и Таруса локализируются на территории одноименных современных городов [50, с. 96–112; 132; 138, с. 204–209]. Оболенск локализуется в бассейне р. Протвы на городище у с. Оболенское Жуковского района Калужской области [138, с. 126–127]. Козельск XIV–XV вв. располагался на левом берегу р. Жиздра на территории современного г. Козельска [82, с. 142]. Серенск располагался на городище у д. Серенск, на правом берегу р. Серены, левом притоке р. Жиздры [49, с. 17–20; 83, с. 136–141]. Людимиск, согласно В.Н. Дебольскому и В.И. Абакулову, располагался на городище у с. Гришово Бабынинского района Калужской обл. [1, с. 8–23; 2, с. 84–93; 39, с. 23]. Очень похоже, что в данные строки договора вошел ряд земель, которые до момента купли принадлежали Рязани (Тешилов, Венев) и целый ряд земель не входивших в Рязанское княжество (Таруса, Оболенск, Серенск, Людимиск, Козельск). Таким образом, московская сторона фиксировала за собой бывшие рязанские территории от посягательства со стороны великого княжества Литовского.

* * *

В следующий раз земли купли упомянуты в духовной Ивана III: «Да даю ему (Василию. – А.Д.) город Коломну с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, город Кошыру съ Заречьемъ, что за рекою за Окою, Тешилов, и Рославль, и Венев, и Мьстиславль, и иные места по Рязанской рубеж, и с волостями, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами, и съ Елчем, и со всеми Елечскими месты» [43, № 89, с. 354]. Таким образом, бывшие объекты купли уже упоминаются в составе «Заречья», которое прилегает к Кашире.

Кашира до 1610 – начала 1620-х гг. располагалась на левом берегу р. Оки, около устья р. Каширки [25, с. 27–28, 33; 26, с. 35–36; 75, с. 74–75]. В 10–20-х гг. XVII в. «для татарских проходов город Кашира переведен... в Ростовский стан на Рязанской стороне реки Оки... на земле деревни Козловки» [цит. по: 26, с. 35; А.И. Воронков не указал первоисточник данной цитаты]. Под Заречьем, на наш взгляд, следует понимать территорию на правобережье р. Оки М.М. Бенцианов связывает Заречье с Беспутским станом [см.: 19, с. 205]. Аргументация историка нам осталась неизвестной. Поэтому мы придерживаемся нашей трактовки, так

как все станы Каширского уезда, исключая Туровский, находились за р. Окой. В частности отметим, что землей «за Окой» являлся в конце XV в. Ростовецкий стан [см.: 9, № 29, с. 35–36; 13, № 618, с. 530–531]. Следующие за этим перечисление («Тешилов, и Рославль, и Венев, и Мъстиславль, и иные места по Рязанской рубеж») раскрывает географическое содержание термина «Заречье». Под «Рязанским рубежом», скорее всего, следует понимать московско-рязанскую границу, заданную докончанием 1483 г., так как отчина рязанского князя Федора Васильевича упоминается в духовной отдельно [43, № 89, с. 357–358]. Напомним, что данный термин упоминается в межевой книге Ростовецкого стана Каширского уезда 1648/49 и 1649/50 гг. Таким образом, термин «Рязанский рубеж» переживает само Рязанское княжество и трансформируется в обозначение границы Каширского и Рязанского уездов. Как мы уже отмечали выше, сама граница не меняется.

В данном документе снова упоминаются Рославль и Мстиславль.

Рославль вероятно тождественен рязанскому городу Рославлю «Списка русских городов дальних и ближних» («Рослаль польский» насоновского издания Комиссионного списка НПЛ) [85, с. 477; 97, с. 624; 98, с. 241; 104, с. 164; 128, с. 95]. Согласно мнению И.П. Сахарова, Рославль соответствует Ростиславльскому погосту Мстиславльского стана Каширского уезда [124, с. 10; также см.: 52, с. 63; 89, с. 1487]. С такой локализацией согласился М.Н. Тихомиров [128, с. 122]. Однако данная локализация вступает в противоречие с текстом московско-литовского договора: маловероятно, что город находился на территории Мстиславльского стана, также перечисленного в московско-литовском докончании. Отметим, что на рубеже XIX–XX вв. А.Г. Дружинин не зафиксировал никаких легенд и преданий о расположении в данной местности города [42, с. 30–39]. По «археологической карте России» городище или остатки посада в районе Ростиславльского погоста не выявлены [17, с. 202–213]. Следовательно, на данный момент расположение данного пункта остается неизвестным. Если бы не различие корней, можно было бы предположить, что данная единица совпадает с Ростовцом. В частности, в жалованной грамоте Василия Ивановича игумену Троицкого Белопесоцкого монастырю указаны починки «в Растиславце» (имеется ввиду Ростовецкий стан) [9, № 118, с. 118–119].

Мстиславль локализуется в верховьях рек Беспуты и Вашаны, правых притоков р. Оки на месте стана Мстиславль Каширского уезда XVI в. [38, с. 26; 39, с. 37, рис. 26; 52, с. 57 (карта), 63; 89, с. 1469–1488]. Уезд Мстиславль упомянут в четырех московско-рязанских договорных

грамотах как бывшее владение тарусских князей. Московско-рязанский договор 1381 г., дошедший до нас в списке XV в., содержит следующие строки: «А что на рязанской стороне за Окою, что доселе потягло къ Москве почен Лопастна, уездъ Мьстиславль, Жадене городище, Жадемль, Дубок, Броднич с месты, как се отступили князи торусские Федору Святославич(ю), та места к Рязани» [43, № 10, с. 29; 144, с. 245–249, 344]. Следует отметить, что такой текст явился последствием внесения правки в грамоту. Изначально в акте было «ко» вместо «къ», «гогодище» – «городище» и «князь торусский Федоръ Святославич» – «князи торусские Федору Святославичю» [144, с. 344–345]. Договоры 1402, 1434 и 1447 гг. содержат данный текст без правки и с некоторыми незначительными изменениями [43, № 19, с. 53; № 33, с. 84; № 47, с. 143]. О термине «уезд» в XIV–XV вв. в рязанских документах писал С.М. Каштанов [59, с. 102–107]. По его мнению, термин «уезд» мог обозначать в XIV веке: 1) разъезд, размежевание; 2) территориальную единицу, владение (в рязанских документах в таком значении слово фигурирует с 1350–1360-х гг.) [об употреблении термина «уезд» применительно к территориям Московского княжества писали А.А. Зимин и А.Б. Мазуров, см.: 51, с. 164; 75, с. 459–467]. Здесь, вероятнее всего, второе определение термина, так как в первом значении данный термин на момент составления грамоты не употреблялся. Здесь возможны следующие толкования: 1) территория с центром; 2) часть территории, подвергнутая размежеванию. Таким образом, Мстиславль входит в территорию купли.

Отметим, что Каширский уезд имел в XVIII в. следующие станы: 1) Туровский; 2) Тешиловский; 3) Мстиславский; 4) Беспутский; 5) Ростовецкий [31]. Однако, в составе Каширского уезда были и волости. Так, приправочный список 1613/14 гг. с книги письма и дозора 1588/89 гг. фиксирует следующие административно-территориальные единицы: Колтовская волость, Туров стан, Жирновской стан, Лысцовская волость, Яковлевский стан, Соломенная волость (в ее составе Никольский, Архангельский и Ильинский станы) [90, с. 114, 127, 145, 161]. По Я.Е. Водарскому в состав Каширского уезда, кроме известных по XVIII в. пяти станов входили: Ивановская, Жерновская (обе – дворцовые), Соломенная (заводская), Яковлевская, Липецкая волости [24, с. 238]. Проблеме соотношения понятий «волость» и «стан» посвящена статья К.А. Аверьянова [4, с. 114–122]. В ней не были использованы материалы по административно-территориальному делению Каширского уезда. К.А. Аверьянов предположил, что территория, управляемая совместно потомками Калиты делилась на станы, а управляемая едино-

лично – на волости. Отметим, что станы, не известные нам по писцовой книге Каширского уезда 1577/78–1578/79 гг. [89, с. 1299–1537] (они же не обозначены на карте 1776 г.), в XVII в. именуются волостями. На наш взгляд, стан, в данном случае, является более крупной и «изначальной» административно-территориальной единицей, из которой может выделиться стан (потом превратившийся в волость) или волость. Вероятной причиной выделения могла являться специфика землевладения и налогообложения. Отметим, что в данную схему слабо вписывается Соломенская волость, в состав которой входило три стана. В пользу нашей схемы отметим, что станы, известные нам по писцовой книге XVI в., показаны и на карте 1776 г. Но оговоримся, что тема ждет дополнительного изучения.

Таким образом, все станы XVIII в., исключая Туровский, созвучны административно-территориальным единицам купли. Туровский стан располагался на левобережье р. Оки, и на его территории изначально находился г. Кашира. Именно относительно к данной территории остальные станы являлись «Заречьем». Логично предположить, что Каширский уезд был создан на базе некоторых земель, входивших в куплю, и более безопасной территории на левобережье р. Оки.

Отметим, что в 1498 г. Магмет-Амин, управлявший тогда Каширой, выдает жалованную грамоту Троицкому Белопесоцкому монастырю на земли в Туравской волости и «за рекою за Окою» в Раставском стану. Оговоримся, что Каширский уезд в грамоте не упомянут [13, № 618, с. 530–531], а самое раннее упоминание (известное нам) Каширского уезда относится к 1507 г. [7, № 57, с. 97–98 (в составе правовой грамоты 1542 г.); 9, № 29, с. 35–36; 60, с. 317, № 44].

* * *

Духовная Ивана IV [датировка данного акта в историографии различна; см.: 145, с. 302–322; 146, с. 309–318; 147, с. 125–141; 148, с. 87–88, 155–156; 162, с. 238–246] содержит следующие строки: «Да сыну моему Ивану даю город Коломну, и с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город Каширу, и с Заречьем, и со всеми пошлинами, и с волостми за Окою рекою, Тешилово, Ростовец, Рославль, Венев, Мстиславль, и иные места по Резанской рубеж, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами, и с Ельцем, и со всеми Елецкими землями. Да сыну моему Ивану даю город Серпухов с волостми, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами. Да ему жь даю город на Плаве и на Солове, [1] со всеми Полскими вотчинами, и со всеми, что было к нему из-

стари» [43, с. 435; [1] *примечание переписчика*: «ныне зовется Краиивна город. Польские разумеются степные вотчины»].

Чтобы получить представление о создании фрагмента текста грамоты Ивана IV, упоминающей земли купли, проведем сравнение ет текста с текстом dokonчания 1483 г. и духовной Ивана III.

Московско-рязанское dokonчание 1483 г.	Духовная грамота Ивана III 1504 г.	Духовная грамота Ивана IV
А что купле отца нашего, великого князя Василья Васильевича, за рекою за Окою, Тешилов, и Венев, и Растовець, и иная места...	Да даю ему (Василию. – А.Д.) ... город Кошырусь Заречьемь, что за рекою за Окою, Тешилов, и Рославль, и Венев, и Мьстиславль, и иные места по Рязанской рубеж, и с волостьми, и с путми, и з селы, и со всеми пошлинами...	Да ему жь (Ивану. – А.Д.) даю город Каширу, и с Заречьем, и со всеми пошлинами, и с волостми за Окою рекою, Тешилово, Ростовец, Рославль, Венев, Мстиславль, и иные места по Резанской рубеж, и с путми, и с селы, и со всеми пошлинами...

На наш взгляд, данное сравнение показывает, что составитель духовной Ивана IV при написании анализируемого фрагмента использовал текст духовной Ивана III или производную ее текста в составе духовной Василия III или более раннее завещание Ивана IV. Отметим, что впервые данная идея была высказана М.М. Бенциановым [19, с. 205]. Сказать что-либо более отчетливо по поводу источников данного фрагмента духовной, нам не позволяет степень сохранности великокняжеского архива за XVI в. [94, с. 71–80].

Таким образом, данный фрагмент духовной Ивана Грозного является архаичным и не отражает ситуацию 70-х гг. XVI в. Это объясняет, почему в духовной не упомянуты Тула, Дедилов и Епифань – города, существовавшие на землях купли позднее начала XVI в. Данное противоречие давно было отмечено в работах И.Г. Бурцева, Г.А. Шебанина и А.В. Шекова [22, с. 144–145; 136, с. 472; 137, с. 153], но не получило должного объяснения. Все перечисленные выше исследователи пробовали доказать, что данные города «имели особый политический статус» [136, с. 153] или относят их к «татарским местам» [22, с. 142, 144–145] и поэтому перечисленные населенные пункты не упоминаются в договорных и духовных грамотах. В предложенную нами схему не вписывается ярлык Менгли-Гирея Сигизмунду 1506/07 гг., где в числе пожалований указывается и Тула [8, № 6, с. 4–5]. Отметим, что в данном источнике объектом пожалования являются, среди прочего, Новгород и Псков. На-

сколько объективно такое пожалование – не ясно. Скорее всего, Менгли-Гирей выдавал ярлык на все земли, которыми он, как наследник Золотой Орды мог распоряжаться как данниками, исключая территорию Московского княжества. Ряд историков вел поиск «протографа» данного акта: Ф. Петрунь датировал его 30-ми гг. XV в. [151, с. 165–168; 152, с. 170–185]; А.Л. Хорошкевич – концом XIV в. [153, с. 133–135]; Ф.М. Шабульдо – 60-ми гг. XIV в. [154, с. 100–122; 155, с. 21 (карта)]. Оговоримся, что ярлык Менгли-Гирея должен являться объектом отдельного источниковедческого и историко-географического исследования.

* * *

На рубеже XV и XVI в. формируется Каширский уезд [150, с. 325]. Существует ряд актов начала XVI в. (1507, 1511, 1512 и 1515 гг.) где он упомянут [9, № 29, с. 35–36; № 86, с. 91–92; № 100, с. 104–105; № 118, с. 118–119]. В составе грамоты 1542 г. сохранилось указание на писцовое описание Каширского уезда, произведенное князем Давидом Даниловичем Хромым: «И писцы возрели в В. Князя книги писма Князя Давида Даниловича Хромаго, и в книгахъ писано: лет 7008 в Туравской волости монастырь Троица на Бельяхъ Пескахъ, а игумень Власей, да х тому жъ монастырю починокъ Крутой врагъ, а в немъ три дворы безъ пашнии» [7, № 57, с. 100]. Давид Данилович упоминается в первой четверти XVI в. как дмитровский боярин, а в 1504/05 гг. являлся дмитровским наместником [149, с. 84, 90; 161, с. 164]. Если дата писцового описания передана верно, то Каширский уезд был описан в 1499/1500 гг. Отметим, что в той же грамоте 1542 г. указываются отписи с платежных (книг?) за 1516/17–1520/21 гг. [7, № 57, с. 100].

Таким образом, Каширский уезд формируется в конце XV – начале XVI в. на базе земель купли. В частности в него входят Ростовец, Беспута, Тешилов, Мстиславль. Туровский стан, расположенный на левом, более безопасном, берегу р. Оки, служит местом расположения центра уезда.

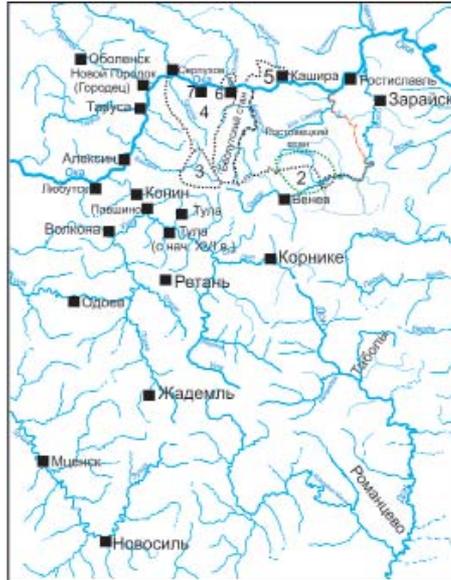
* * *

Рязанская купля Василия Темного, впервые упомянутая в договорной грамоте 1483 г., включала в себя большой массив земель на правом берегу р. Оки, как перечисленных в самой грамоте (Тешилов, Венев, Ростовец), так и «иных мест» (Мстиславль, Беспута, Тула, Веркоша и т. д.). Купля имела довольно четкую границу по рр. Смедва, Песочня, Осетр и Кудесна и «расплывчатую» по «Таболам». Купля не была зафиксирована в духовной Василия Темного, что «роднит» ее с куплями Ивана Калиты.

Во второй половине XV в. территория купли «приписывается» к Кашире, и становится «Заречьем». Из северных территорий купли в конце XV – начале XVI в. формируется правобережная часть Каширского уезда (Тешиловский, Ростовецкий, Мстиславский и Беспутский станы), восточная граница которого полностью совпадает с границей купли. Таким образом, здесь Российское государство полностью наследует административно-территориальную структуру великого княжества Рязанского. Довольно перспективным выглядит изучение процесса формирования и освоения уездов, расположенных к югу от Каширского, на территории которых локализуются земли купли: Тульского (Тула, Веркоша, Ростовец), Веневского (Венев, Веркоша), и Епифанского (Таболы) – весьма вероятно, что данные уезды полностью или частично формировались из земель купли.

Автор выражает благодарность участникам обсуждения данной статьи, состоявшегося 11 октября 2012 г. на спецсеминаре «Источниковедение истории России X–XVIII вв.» С.М. Каштанова (Историко-архивный институт РГГУ), особенно А.В. Кузьмину, А.В. Лаврентьеву и А.С. Усачеву.

Приложение: карта «Рязанская купля Василия Темного»

- — — — — Восточная граница Каширского уезда в XVII - XVIII вв.
- Примерные границы станов
- — — — — территория Михайловского уезда, переданная в 1777 г. в состав Веневского уезда

Цифрами обозначены:

- 1) Р. Песочня, правый приток реки Бол. Смедва
- 2) Раставский стан Тульского уезда (по Е. Шепкиной)
- 3) Мстиславльский стан Каширского уезда
- 4) Тешиловский стан Каширского уезда
- 5) Туровский стан Каширского уезда
- 6) Лопасня
- 7) Тешилов (город)

На картосхеме отображен участок Восточно-Европейской равнины с $55^{\circ} 10'$ по $52^{\circ} 47'$ с.ш. и $36^{\circ} 18'$ по $39^{\circ} 30'$ в.д. За основу была взята десятикилометровая карта ГШ СССР (лист N-37), составленная в 1967 г., исправленная в 1987 г. Все реки и названия гидрообъектов перенесены на картосхему без изменений.

Границы станом Каширского уезда даны по карте данного уезда 1776 г. [31]. Границы станом показаны условно. Восточная граница Каширского уезда реконструирована по межевой книге 1673 г. [111, л. 65–93.]. Границы Ростовского стана Тульского уезда даны по Е. Щепкиной [140, карта]. Отметим, что частичное совпадение территории Раствовецких станом, скорее всего, объясняется точностью локализации Е. Щепкиной.

Локализация Серпухова дана по А.Б. Мазурову и А.Ю. Никандрову [76, с. 30, 32.]. Любутск показан на городище у с. Троицкое (Ферзиковский р-н Калужской обл.) у впадения р. Любутки (правый приток р. Оки) в р. Оку [15, с. 232–234; 139, с. 118–121]. Локализация Алексина, Тарусы, Мценска и Новосилы дана по одноименным современным городам [83, с. 141, 144, 148–149; 132; 138, с. 204–209.]. Новый Городок располагался на городище Спас-Городец на правом берегу р. Протвы [76, с. 35]. Оболенск локализуется в бассейне р. Протвы на городище у с. Оболенское Жуковского района Калужской области [138, с. 126–127]. Тешилов показан в Серпуховском районе Московской области, на правом берегу р. Оки, при впадении ручья Хохли [64, с. 135; 128, с. 120–121]. Кашира в XIV–XVI вв. располагалась на городище Ст. Кашира [16, с. 177]. Ростиславль локализуется на правом берегу р. Оки на территории Озерского района Московской области в районе современного с. Сосновка [63, с. 12–21.]. Жадемль локализуется на городище у с. Ивановское Плавского р-на Тульской обл., в бассейне р. Плавцы – левого притока р. Плавы [52, с. 69–70]. Лопасня локализуется на городище у с. Макаровка [127, с. 44–56]. Венев до переноса на нынешнее место располагался на правом берегу р. Осетр недалеко от устья р. Веневка, близ д. Гурьево [62, с. 117–120]. Расположение Ретани показано на городище у с. Майское Щекинского района Тульской области [52, с. 71–72.]. Тула

до начала XVI в. располагалась на Тороховском городище на р. Тулице, затем была перенесена на современное место [27, с. 23–59; 35, с. 13–15; 37, с. 6–11]. Корнике локализуется на правом берегу р. Шат, при впадении в нее р. Корничка [62, с. 141–146]. Одоев локализуется в историческом центре современного п. Одоев Тульской обл. [138, с. 230–237]. Волкона локализуется на Тимофеевском городище [138, с. 143–149]. Павшино располагалось в районе современного с. Ново-Павшино [138, с. 160]. Конин располагался на городище у с. Спас-Конино, на правом берегу р. Б. Крушмы [138, с. 124]. Зарайск локализуется на месте современного одноименного города [48, с. 11–14].

Локализация Романцева дана по А.В. Лаврентьеву [70, с. 97–111], но не как средневековый город, расположенный на городище раннего железного века [23, с. 193–194], а как территория, совпадающая с территорией Романцева леса. В связи с тем, что исследований устанавливающих границы Романцева леса нет, данная территория обозначена условно.

Список литературы

1. Абакулов, В.И. Город Людимеск в XIV–XVII вв. / В.И. Абакулов // Калуга в шести веках: Материалы 5-й городской краеведческой конференции. – Калуга, 2005.
2. Абакулов, В.И. История Людимеска Перемышльского уезда: от средневекового города до села / В.И. Абакулов // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук. – Вып. 6. – Калуга, 2005.
3. Аверьянов, К.А. Купли Ивана Калиты / К.А. Аверьянов. – М., 2001.
4. Аверьянов, К.А. Московские волости и станы XIV–XVI вв. / К.А. Аверьянов // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования: 1987 г. – М., 1989.
5. Аверьянов К.А. О принципах составления «Списка русских городов» / К.А. Аверьянов // Тверь и Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. – Вып. 5. – Тверь, 2003.
6. Акты XIII–XVII вв., предоставленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества / Собр. и изд. А. Юшков. – Ч. I: 1257–1613. – М., 1898.
7. Акты, относящиеся до гражданской расправы Древней России / Собр. и изд. А. Федотов-Чеховский. – Т. I. – Киев, 1860.
8. Акты, относящиеся к истории Западной России, собр. и издан. Археографической комиссией. – Т. 2. – СПб., 1848.
9. Акты Российского государства: 1505–1526 гг. / Сост. С.Б. Веселовский; дополн. и подгот. к печати Р.В. Бахтурина, И.А. Булыгин, Л.И. Ивина, С.М. Каштанов, Л.З. Мильготина, В.Д. Назаров, Л.А. Никитина. – М., 1975.
10. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост.: А.В. Антонов, К.В. Баранов. – Т. I. – М., 1997.

11. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. – Т. II. – М., 1998.
12. Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / Сост. А.В. Антонов. – Т. IV. – М., 2008.
13. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV – начала XVI в. – Т. I. – М., 1952.
14. Алексеев, Ю.Г. Походы русских войск при Иване III / Ю.Г. Алексеев. – СПб., 2009.
15. Археологическая карта России: Калужская обл. / Под ред. А.В. Кашкина. – М., 2006.
16. Археологическая карта России: Московская обл. / Сост. Г.Г. Король, Т. д. Николаенко, Б.Е. Янишевский. – Ч. 4. – М., 1997.
17. Археологическая карта России: Тульская обл. / Под ред. А.В. Кашкина. – Ч. 2. – М., 2002.
18. Атлас автодорог Тульской обл.: Масштаб: 1:200000. – М., 2007.
19. Бенцианов, М.М. Каширская десятина 1556 года: к вопросу о становлении «служилого города» в русском государстве / М.М. Бенцианов // *Studia Slavica Et Balcanica Petropolitana* = Петербургские славянские балканские исследования. – 2011. – № 1 (9).
20. Богомолов, В.В. История и археология Гремячевского острога и его округа / В.В. Богомолов // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого: Материалы. – Вып. 1. – Тула, 1997.
21. Бурцев, И.Г. Город на польской Украине в середине XVI – первой половине XVII в.: население и «государева служба» / И.Г. Бурцев // Позднесредневековый город: Археология и история. – Ч. 2. – Тула, 2007.
22. Бурцев, И.Г. Загадка Симеона Бекбулатовича / И.Г. Бурцев // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. – Вып. 2. – Т. 2. – Тула, 2007.
23. Бурцев, И.Г. Проблемы исторической географии Тульского края: от описания к изучению / И.Г. Бурцев // Историческая география: Пространство человека vs Человек в пространстве: Материалы XXIII межд. науч. конф. – М., 2011.
24. Водарский, Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века (численность, сословно-классовый состав, размещение) / Я.Е. Водарский. – М., 1977.
25. Воронков, А.И. Из истории и археологии Каширского уезда / А.И. Воронков // Каширский уезд (Московской губернии): Статистико-экономический сборник. – Кашира, 1925.
26. Воронков А.И. Кашира в XVII в. / А.И. Воронков // Труды общества изучения Московской губернии. – Вып. 1: Московский край в его прошлом: Очерки по социально-экономической истории XVI–XIX веков. – М., 1928.
27. Воронцов, А.М., Гриценко, В.П., Фомин, К.Н., Шеков, А.В. Позднесредневековые слои Тороховского городища / А.М. Воронцов, В.П. Гриценко, К.Н. Фомин, А.В. Шеков // Позднесредневековый город III: Археология и история: Материалы III Всероссийского семинара. – Тула, 2011.

28. Гамаюнов, А.И. К вопросу о достоверности первого упоминания Венева / А.И. Гамаюнов // Архив русской истории. – Вып. 7. – М., 2002.
29. Генеральный план Епифанского уезда. – Ч. 1 и 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1063696>. – Дата доступа: 31.08.2011.
30. Генеральный план Зарайского уезда Рязанского наместничества 1790 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blacksearcher.ru/forum/viewtopic.php?t=485>. – Дата доступа: 24.03.2012.
31. Генеральный план Каширского уезда 1776 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1063696>. – Дата доступа: 31.08.2011.
32. Гнучева, В.Ф. Географический департамент Академии наук XVIII в. / В.Ф. Гнучева. – М.; Л., 1946.
33. Голубинский, Е. История канонизации святых в русской церкви / Е. Голубинский. – Репринт изд. 1903 г. – М., 1998.
34. Горский, А.А. От земель к великим княжениям: «примыслы» русских князей второй половины XIII – XV в. / А.А. Горский. – М., 2010.
35. Гриценко, В.П. К вопросу о местонахождении летописной Тулы / В.П. Гриценко // Тула историческая: прошлое и настоящее. – Тула, 1997.
36. Гриценко, В.П. Тороховское городище и его округа / В.П. Гриценко // Историко-археологические чтения памяти Н.И. Троицкого. – Тула, 1997.
37. Гриценко, В.[П.], Наумов, А.[Н.] Древняя Тула: проблемы локализации и истории / В.П. Гриценко, А.Н. Наумов // Тульский краеведческий альманах. – Вып. 1. – Тула, 2003.
38. Дебольский, В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник / В.Н. Дебольский. – [Ч. 1]. – СПб., 1901.
39. Дебольский, В.Н. Духовные и договорные грамоты московских князей, как историко-географический источник / В.Н. Дебольский. – Ч. 2 // Записки отделения русской и славянской археологии русского археологического общества. – Т. VI. – СПб., 1903.
40. Демидов, С.И. Формирование территории Тульского уезда в первой половине XVI в. / С.И. Демидов // Краеведческие чтения, посвященный 220-летию образования Тульской губернии: Сборник тезисов докладов. – Тула, б.д.
41. Добрушкин, Е.М. Основы археографии: Учебн. пособие / Е.М. Добрушкин. – М., 1992.
42. Дружинин, А.Г. Село Лаптево-Ростислово и его храмы (Тульского уезда) / А.Г. Дружинин // Тульская старина. – [Вып.] 8. – Тула, 1901.
43. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. / Подгот. к печ. Л.В. Черепнин. – М.; Л., 1950.
44. Жалованная грамота Олега Ивановича: Древнейший документ МАМЮ. – М., 1913.
45. Загоровский, В.П. История вхождения Центрального Черноземья в состав Русского централизованного государства в XVI в. / В.П. Загоровский. – Воронеж, 1991.

46. Заидов, О.Н. Позднесредневековый город Гремячий и его округа / О.Н. Заидов // Позднесредневековый город III: Археология и история. – Тула, 2011.
47. Заидов, О.Н., Гуркин, А. Позднесредневековый город Гремячий и его округа / О.Н. Заидов, А. Гуркин // Позднесредневековый город: археология и история. – Ч. 2. – Тула, 2007.
48. Зайцева, И.Е. Средневековый культурный слой Зарайска / И.Е. Зайцева // Зарайск. – Т. I: Исторические реалии и легенды. – М., 2002.
49. Зайцева, И.Е., Сарачева, Т.Г. Ювелирное дело «Земли вятичей» второй половины XI – XIII в. / И.Е. Зайцева, Т.Г. Сарычева. – М., 2011.
50. Зацаринный, С.В. Закрытый комплекс XV в. с Сорокина городища (к вопросу о локализации летописного Алексина) / С.В. Зацаринный // Куликово поле: Исторический ландшафт. Природа. Археология. История. – Т. 2. – Тула, 2003.
51. Зимин, А.А. Витязь на распутье: Феодальная война в России XV в. / А.А. Зимин. – М., 1991.
52. Иванов, Н.В. Погосты XVI в. на территории Тульского, Дедиловского и Каширского уездов / Н.В. Иванов // Позднесредневековый город: археология и история. – Ч. 2. – Тула, 2007.
53. Иванов, Н.В., Шебанин, Г.А. Политическая принадлежность бассейнов рек Плавы и Соловы во второй половине XIV – XV в. / Н.В. Иванов, Г.А. Шебанин // Верхнее Подонье: Природа. История. Археология. – Т. 2. – Тула, 2004.
54. Исторический атлас Тульской губернии: Репринтное издание военно-топографической карты 1863 г. – СПб., 2011.
55. Казаков, Р.Б. Летописный «Список русских городов дальних и ближних» в исторической науке первой четверти XIX в.: Н.М. Карамзин и З.Я. Доленга-Ходаковский / Р.Б. Казаков // Археографический ежегодник за 2000 г. – М., 2001.
56. Карта Главного управления геодезии и картографии при СНК СССР: N-37-54 (Серебряные Пруды). – 1938.
57. Карта Федеральной службы геодезии и картографии РФ: N-37-54: Серебряные Пруды.: сост. местности на 1997 г. – 2000.
58. Каштанов, С.М. Еще раз о «куплях» Ивана Калиты / С.М. Каштанов // Вопросы истории. – 1976. – № 7.
59. Каштанов, С.М. Из истории русского средневекового источника: Акты X–XVI вв. / С.М. Каштанов. – М., 1996.
60. Каштанов, С.М. Хронологический перечень иммунитетных грамот XVI в. / С.М. Каштанов // Археографический ежегодник за 1957 г. – М., 1958.
61. Клянин, Р.В. Венев (историко-археологический очерк) / Р.В. Клянин // Труды Музея истории города Москвы. – Вып. 10: Археологические памятники Москвы и Подмосковья. – Ч. 3. – М., 2000.
62. Клянин, Р.В. Корнике – город Рязанского княжества / Р.В. Клянин // Труды VI международного конгресса славянской археологии. – Т. 2: Славянский средневековый город. – М., 1997.

63. Коваль, В.Ю. История Ростиславля Рязанского (по письменным источникам) / В.Ю. Коваль // Археология Подмоскovie: Материалы научного семинара. – М., 2004.
64. Куза, А.В. Древнерусские городища X–XIII вв.: Свод археологических памятников / А.В. Куза. – М., 1996.
65. Кузьмин, А.В. Георгий (Юрий) Святославович / А.В. Кузьмин // Православная энциклопедия. – Т. XI. – Б.м., 2006.
66. Куликово поле: Большая иллюстрированная энциклопедия. – Тула, 2007.
67. Куликово поле: Документы по землевладению XVII в. / Сост. и подгот. к печати Н.К. Фомин. – Тула, 1999.
68. Кучкин, В.А. Издание завещаний московских князей XIV в.: Вторая душевная грамота великого князя Дмитрия Ивановича / В.А. Кучкин // Древняя Русь: Вопросы медиевистики. – 2009. – № 3 (37).
69. Кучкин, В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. / В.А. Кучкин. – М., 1984.
70. Лаврентьев, А.В. Где искать рязанское Романцево XV в.? (К вопросу о государственных границах на Верхнем Дону в эпоху Ивана III) / А.В. Лаврентьев // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. – Вып. 2. – Т. 2. – Тула, 2007.
71. Лаврентьев, А.В. Епифань и Верхний Дон в XII–XVII вв.: Очерки истории русской крепости на Куликово поле / А.В. Лаврентьев. – М., 2005.
72. Лаврентьев, А.В. К истории Верхнего Дона в XIV–XVI вв. / А.В. Лаврентьев // Изучение историко-культурного и природного наследия Куликова поля. – М.; Тула, 1999.
73. Лаврентьев, А.В. После Куликовской битвы: Очерки истории Окско-Донского региона в последней четверти XIV – первой четверти XVI в. / А.В. Лаврентьев. – М., 2011.
74. Лаврентьев, А.В. «Тула» великокняжеских договоров последней четверти XIV – первой половины XV вв. и «град на Туле» летописей первой четверти XVI в.: к вопросу о преемственности / А.В. Лаврентьев // Верхнее Подонье: Археология. История. – Вып. 4. – Тула, 2009.
75. Мазуров, А.Б. Средневековая Коломна в XIV – первой трети XVI в.: Комплексное исследование региональных аспектов становления единого русского централизованного государства / А.В. Мазуров. – М., 2001.
76. Мазуров, А.Б., Никандров, А.Ю. Русский удел эпохи создания единого государства: Серпуховское княжество в середине XIV – первой половине XV в. / А.Б. Мазуров, А.Ю. Никандров. – М., 2008.
77. Насонов, А.Н. История русского летописания XI – начала XVIII в.: Очерки и исследования / А.Н. Насонов. – М., 1969.
78. Насонов, А.Н. Московский свод 1479 г. и его южнорусский источник / А.Н. Насонов // Проблемы источниковедения. – Вып. IX. – М., 1961.
79. Насонов, А.Н. «Русская земля» и образование территории древнерусского государства: Историко-географическое исследование / А.Н. Насонов. – М., 1951.
80. Наумов, А.Н. О двух подходах к вопросу местоположения древней Тулы / А.Н. Наумов // Тула историческая: прошлое и настоящее. – Тула, 1997.

81. Наумов, Е.П. К истории летописного «Списка русских городов дальних и ближних» / Е.П. Наумов // Летописи и хроники: Сборник статей. 1973 г. – М., 1974.
82. Нигматуллин, Р.А., Прошкин, О.Л., Массалитина, Г.А., Хохлова, Т.М. Древний Козельск и его округа: Материалы исследований Деснинской экспедиции Института археологии РАН / Р.А. Нигматуллин, О.Л. Прошкин, Г.А. Массалитина, Т.М. Хохлова. – М., 2005.
83. Никольская, Т.Н. Земля вятичей: К истории населения бассейна верхней и средней Оки в IX–XIII вв. / Т.Н. Никольская. – М., 1981.
84. Никольская, Т.Н. К исторической географии земли вятичей / Т.Н. Никольская // Советская археология. – 1972. – № 4.
85. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.; Л., 1950.
86. Общегеографический региональный атлас: Рязанская обл. – Б.м., 2001.
87. Общегеографический региональный атлас: Тульская обл. – Б.м., 2002.
88. Памятники истории русского служилого сословия / Сост. А.В. Антонов. – М., 2011.
89. Писцовые книги XVI в. / Под ред. Н.В. Калачова. – Отд. II. – СПб., 1877.
90. Писцовые материалы дворянских владений второй половины XVI в. – М., 1997.
91. План Генерального межевания Веневского уезда. Ч. 2. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://rutracker.org/forum/viewtopic.php?t=1063696>. – Дата доступа: 31.08.2011.
92. План генерального межевания Михайловского уезда. Ч. 3. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blacksearcher.ru/forum/viewtopic.php?t=485>. – Дата доступа: 24.03.2012.
93. Подосинов, А.В. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов дальних и ближних» / А.В. Подосинов // Восточная Европа в древности и средневековье. – М., 1978.
94. Пресняков, А.Е. Завещание Василия III / А.Е. Пресняков // Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову. – П., 1922.
95. Приселков, М.Д. Троицкая летопись: Реконструкция текста / М.Д. Приселков. – М.; Л., 1950.
96. Полное собрание русских летописей (далее = ПСРЛ). – Т. II. – М., 1998.
97. ПСРЛ. – Т. IV. – Ч. I. – Вып. 3. – Л., 1929.
98. ПСРЛ. – Т. VII. – М., 2001.
99. ПСРЛ. – Т. IX. – М., 2000.
100. ПСРЛ. – Т. XI. – М., 2000.
101. ПСРЛ. – Т. XIII. – Ч. 1. – М., 2000.
102. ПСРЛ. – Т. XX. – Ч. 1. – СПб., 1910.
103. ПСРЛ. – Т. XXI. – Ч. 2. – СПб., 1913.
104. ПСРЛ. – Т. XXIII. – М., 2004.
105. ПСРЛ. – Т. XXIV. – М., 2000.

106. ПСРЛ. – Т. XXV. – М.; Л., 1949.
107. ПСРЛ. – Т. XXVIII. – М.; Л., 1963.
108. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 383. – Ед. хр. 40. – Карта отошедшей и принятой частей Тульской и Московской губерний 1777 г.
109. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 181.
110. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 140.
111. РГАДА. – Ф. 1209. – Оп. 1. – Кн. 647.
112. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 4796. – Генеральный план Зарайского уезда 1790 г.
113. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 6128. – Топографический уездный план Каширского уезда 1785 г. (500 с.).
114. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 6129. – Топографический уездный план Каширского уезда 1785 г. (500 с.).
115. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 6132. – Атлас к генеральному плану Каширы и уезда.
116. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 6133. – Генеральный план Каширского уезда. – Ч. 1.
117. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 6135. – Генеральный план Каширского уезда. – Ч. 1.
118. РГАДА. – Ф. 1356. – Оп. 1. – Ед. хр. 6138. – Генеральный план Каширского уезда. – Ч. 1.
119. Родословная роспись Петра Матвеева сына Опраксина. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Rospisi_rodosl/rospis_apraks_2.htm. – Дата доступа: 08.05.2012.
120. Роспись родословная Иакова Апраксина Верхдереевского с сродники. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Rospisi_rodosl/rospis_apraks_3.htm. – Дата доступа: 08.05.2012.
121. Роспись родословная роду стольников Петра да Федора да Андрея Матвеевых детей Апраксиных от начатка выезду прародителя их. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVII/1680-1700/Rospisi_rodosl/rospis_apraks_1.htm. – Дата доступа: 08.05.2012.
122. Российский атлас, из 44 карт состоящий и на 42 наместничества империю разделяющий. – СПб., 1792.
123. Русаков, П.Е. Локализация границ населенных пунктов Моржевского стана в Рязанской земле / П.Н. Русаков // Археология Подмосковья: материалы научного семинара. – Вып. 6. – М., 2010.
124. Сахаров, И.П. Памятники Тульской губернии / И.П. Сахаров. – СПб., 1851.
125. Сборник Русского исторического общества. – Т. 35. – СПб., 1882.
126. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 8. – М., 1981.

127. Темушев, В.Н. Борьба за Лопастну между Москвой и Рязанью / В.Н. Темушев // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История: Сборник статей. – Т. 2. – Тула, 2004.
128. Тихомиров, М.Н. Русское летописание / М.Н. Тихомиров. – М., 1979.
129. Топографическая карта: Московская область: Масштаб: 1:200000. – Б.м., 1998.
130. Топографический межевой атлас Рязанской губернии, составленный в 1859 г. чинами межевого корпуса под руководством Менде. – М., 1860.
131. Флоря, Б.Н. Великое княжество Литовское и Рязанская земля в XV в. / Б.Н. Флоря // Славяне в эпоху феодализма: К столетию академика В.И. Пичеты. – М., 1978.
132. Фролов, А., Прошкин, О. Таруса в X–XIV вв. (по данным археологии) / А. Фролов, О Прошкин. - Калуга, 2011.
133. Хоруженко, О.И. Литовские города в историографии «Списка русских городов дальних и ближних» / О.И. Хоруженко // Историография источниковедения и вспомогательных исторических дисциплин: Материалы XXII международной научной конференции. – М., 2010.
134. [Щепков, А.И.] Границы Пронского удельного княжества в конце XIII – середине XV в. / А.И. Щепков // Славянские хроники. – СПб., 1996.
135. Щепков, А.И. Рязанский край и соседние земли до середины XIII в. / А.И. Щепков. – Т. 2. – Рязань, 2010.
136. Шебанин, Г.А. Историческая география западной части Рязанского княжества XII – начала XVI в. / Г.А. Шебанин // Великое княжество Рязанское: Историко-археологические материалы и исследования. – М., 2005.
137. Шебанин, Г.А., Шеков, А.В. О политической принадлежности Тулы во второй половине XIV – XV в. / Г.А. Шебанин, А.В. Шеков // Битва на Воже – предтеча возрождения средневековой Руси. – Б.м., 2004.
138. Шеков, А.В. Верховские княжества: вторая половина XIII – середина XVI в.: Дис. ... канд. ист. наук / А.В. Шеков. – М., 1998.
139. Шеков, А.В. О времени упоминания средневековых верхнеокских городов в обзоре «А се имена всем градам Рускым: дальним и ближним» / А.В. Шеков // Верхнее Подонье: Природа. Археология. История. – Т. 2. – Тула, 2004.
140. Щепкина, Е. Тульский уезд в XVII в.: его вид и население по писцовым и переписным книгам / Е. Щепкина. – М., 1892.
141. Янин, В.Л. Новгород и Литва: пограничные ситуации XIII–XV веков / В.Л. Янин. – М., 1998.
142. Poppe, A. Gród Wołyń: Z zagadnień osadnictwa wczesnośredniowiecznego na pograniczu polsko-ruskim / A. Poppe // *Studia Wczesnośredniowieczne*. – Т. IV. – Wrocław; Warszawa, 1958.
143. Иоасафская летопись / Под ред. А.А. Зимины. – М., 1957.
144. Кучкин, В.А. Договорные грамоты московских князей XIV в.: Внешнеполитические договоры / В.А. Кучкин. – М., 2003.
145. Веселовский, С.Б. Исследования по истории опричнины / С.Б. Веселовский. – М., 1963.

146. Скрынников, Р.Г. Духовное завещание царя Ивана Грозного / Р.Г. Скрынников // Труды отдела древнерусской литературы. – Т. 21. – М.; Л., 1965.
147. Юрганов, А.Л. О дате написания завещания Ивана Грозного / А.Л. Юрганов // Отечественная история. – 1993. – № 6.
148. Юрганов, А.Л. Категории русской средневековой культуры / А.Л. Юрганов. – М.; СПб., 2009.
149. Зимин, А.А. Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV – первой трети XVI в. / А.А. Зимин. – М., 1988.
150. Веселовский, С.Б. Феодальное землевладение в Северо-Восточной Руси / С.Б. Веселовский. – М.; Л., 1947.
151. Петрунь, Ф. Східна межа Великого князівства Литовського / Ф. Петрунь // Збірник Історично-філологічного відділу УАН. – № 76: Ювілейний збірник на пошану акад. М.С. Грушевського. – Ч. I. – Київ, 1928.
152. Петрунь, Ф. Е. Ханські ярлики на українські землі / Ф.Е. Петрунь // Східний світ. – 1929. – № 2.
153. Хорошкевич, А.Л. Русь и Крым: От союза к противостоянию: Конец XV – начало XVI в. / А.Л. Хорошкевич. – М., 2001.
154. Шабульдо, Ф. Синьоводська битва 1362 р. у сучасній науковій інтерпретації / Ф. Шабульдо // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. – Київ, 2005.
155. Шабульдо, Ф. Чи існував ярлик Мамаєва на українській землі? (до постановки проблеми) / Ф. Шабульдо // Синьоводська проблема у новітніх дослідженнях. – Київ, 2005.
156. Кузьмин, А.В. Росписи потомков рязанских бояр в родословных книгах XVI–XVII вв. / А.В. Кузьмин // Материалы и исследования по рязанскому краеведению: Сборник научных работ. – Т. 3. – Рязань, 2002.
157. Иловайский, Д. История Рязанского княжества / Д. Иловайский. – М., 1858.
158. Тропин, Н.А. Южные территории чернигово-рязанского порубежья в XII–XV вв. / Н.А. Тропин. – Елец, 2006.
159. Степенная книга Царского родословия по древнейшим спискам: Тексты и комментарий. – Т. 2. – М., 2008.
160. Усачев, А.С. Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария / А.С. Усачев. – М.; СПб, 2009.
161. Пашкова, Т.И. Местное самоуправление в Русском государстве первой половины XVI в.: Наместники и волостели / Т.И. Пашкова. – М., 2000.
162. Зольдат, К. «Академическая» публикация духовной грамоты Ивана IV / К. Зольдат // Сословия, институты и государственная власть в России: Средние века и Новое время: Сборник статей памяти академика Л.В. Черепнина. – М., 2010.

ПИТАНИЕ ЧИНГИСИДОВ В РОССИИ XVI–XVII ВВ. ПО ДОКУМЕНТАМ АРХИВА ПОСОЛЬСКОГО ПРИКАЗА

Чем дальше назад от современности мы удаляемся в прошлое, тем меньше в нашем распоряжении сведений о повседневной жизни людей. Исследователей долгое время интересовала, прежде всего, социально-политическая канва событий прошлого. А ведь частная (повседневная) составляющая занимает большую часть жизни того или иного человека. Времяпрепровождение, праздники, домашний быт, образование, пристрастия в еде и одежде – все это входит в данное понятие, и, как правило, остается за рамками исторических исследований. Когда же мы говорим о Чингидах (татарских царях и царевичах, потомках Чингисхана) в России [1], то это вдвойне интересно. Ведь эти люди оказались выброшенными из своей привычной среды и вынуждены были адаптироваться к новым реалиям жизни. Как это происходило? Благодаря документам архива Посольского приказа, мы можем отчасти воссоздать отдельные стороны их жизни в России XVI–XVII вв. В данном случае мы будем говорить о еде.

В нашем распоряжении имеется несколько групп источников: список дач полагававшихся тому или иному Чингиду после аудиенции у московского царя (великого князя) «в стола место»; сведения о поденном корме и питье положенном им; продуктовые дачи на свадьбы из казны; сведения о натуральных повинностях крестьян испомещенных царей и царевичей. В целом они дополняют друг друга. Но все же их следует рассмотреть по отдельности. Приведем все имеющиеся в нашем распоряжении данные. При этом нами будут проигнорированы те случаи, когда приводятся не сами дачи, а только их денежное выражение. Мы будем также игнорировать дачи «на мелкое», выдававшиеся деньгами.

Дачи «в стола место» стали формироваться еще в XVI в. или даже несколько раньше. Первоначально после приема у царя (великого князя) многие посетители приглашались к столу. Но уже в середине XVI в. к столу приглашались далеко не все. Со временем подобное приглашение превратилось в особую форму пожалования. Окончательно приглашать Чингисидов к столу перестали только в XVII в. С этого момента в документах регулярно встречаются подобные дачи. Иностранцы отмечали еще в середине XVI в., что татары «обедали в других залах» [2,

с. 181]. Хотя и в более поздний период государь приглашал к своему столу кизылбашских послов, но не самаркандского царевича Шейх-Мухаммеда, приехавшего с ними (1590 г.) [3, с. 120–121]. Что же давалось Чингисидам?

13 февраля 1623 г. у Михаила Федоровича на приеме был касимовский царь Арслан б. Али. Ему был положен корм «в стола место»: «яловица», 3 барана с шерстью, 2 гуся, 2 утки, 10 кур (все живые), калач крупчатый в 3 лопатки, 10 калачей рядовых, 1 кружка вина боярского, ведро вина доброго, ведро вина рядового, четверть ведра «романеи», ведро меда малинового, 5 ведер меда паточного и 10 ведер меда цеженного.

Следует отметить, что в пожаловании мясом и птицей имелась определенная иерархия. Бараны могли жаловаться живыми, что было наиболее почетно, и «битыми». В свою очередь «битые» бараны могли даваться «с шерстью» или же она должна была возвращаться, что также являлось менее престижным. Живая дичь также оценивалась выше «битой». Среди птицы наиболее почетным считался лебедь, далее шли гуси, утки и куры.

Известен корм ургенчскому царевичу Авган-Мухаммеду б. Араб-Мухаммеду, выданный 5 ноября 1627 г. Тогда ему дали крупчатый калач в 2 лопатки, по 2 кружки вина двойного доброго (водка), «романеи», по 2 ведра меда обарного и цеженного, ведро пива доброго, 2 барана с шерстью, 8 кур, 50 яиц, 5 гривенок масла коровьего. Его людям на всех полагалось по 2 ведра меда и пива, $\frac{1}{2}$ ведра вина.

Когда 12 апреля 1633 г. у царя на приеме впервые был сын касимовского царя Араслана, царевич Сеит-Бурхан, то ему пожаловали дачу против ургенчского царевича. К ней только добавили 1 лопатку муки в калач и ведро меда малинового [4, л. 10]. Дача на его второй приезд 14 апреля 1636 г. является аналогичной. К ней только добавили гуся, утку и пол стяга говядины царевичу, а людям дали ведро вина, 2 ведра меда и 3 ведра пива [5, л. 8, 15–16, 20].

4 апреля 1648 г. у царя Алексея Михайловича на приеме был новокрещеный сибирский царевич Василий Ишимович (Аблай б. Ишим). После этого в качестве дачи «в стола место» ему полагалось: калач сметный, $\frac{1}{2}$ ведра вина горячего доброго, $\frac{2}{3}$ ведра меду обарного, ведро меда паточного, 7 ведер меда цеженного, 20 хлебов, 20 калачей двуденежных, гусь, заяц, тетерев, 4 курицы, 2 барана, пол стяга говядины [6, л. 8–10].

Поденный корм существовал уже в XV в. Однако об его размерах и составляющих мы можем судить, только начиная с конца XVI в. Он включал выдачу еды и питья.

У нас нет полных данных о размерах содержания крымского царевича Мурад-Гирея б. Мухаммед-Гирея в Астрахани (1586–1591 гг.). Имеются только отрывочные данные. Некоторая информация содержится в отписке астраханских воевод о поденном питье царевича и его людей. По дороге из Москвы Мурад-Гирей ежедневно получал по кружке меду вишневого или боярского, кружке меду обарного, три ведра меду цеженого, а его людям на всех давали по десяти ведер меду расхожего на день, да по полведра вина горячего. В Астрахани помимо этого людям царевича полагался квас [7, л. 118–120]. Также известно, что по приезде в Астрахань Мурад-Гирею полагался почетный корм «перед поденным в полтора». В самом городе могли возникнуть проблемы с обеспечением царевича и его людей мясом. В таком случае его следовало заменять рыбой. Для царевича следовало поставить питьевые меду из 50 пудов из специально привезенного меда [8, л. 69–70].

Сохранилась полная информация о поденном корме сибирских Чингисидов, взятых в плен и отправленных в Москву в 1598 г. По приезде в столицу им назначили поденный корм. Царевичи Асманак б. Кучум и Шаим б. Кучум получали одинаковые дачи. На день 2 калача денежных, утку, курицу, 4 чарки вина, $\frac{1}{4}$ ведра меда паточного, ведро меда княжьего, на неделю баран с шерстью.

Большая жена Кучума, царица Салтаным, с сыном Бибадшой, дочерью Тулунбеке и одной женкой, а также другая жена Кучума, Суйдеджан, с сыном Курмышем, тремя дочерьми (Дерпадша, Молдур, Карачан) и одной женкой все вместе, на 9 человек (на самом деле подсчет показывает 10 человек: скорее всего, годовалого царевича Бибадшу, как грудного, не учитывали) получали на день 9 куриц, барана с шерстью, 9 калачей, 3 хлеба денежных, $\frac{1}{2}$ ведра меда паточного, ведро меда княжьего.

Супруга царевича Али б. Кучума, царица Ханзаде, с сыном Янсюером и женкой (служанка), жена царевича Каная б. Кучума, царица Данай, дочь Кучума Наурузбеке с девкой, на шестерых, получали 2 курицы, 6 калачей, 2 хлеба денежных, ведро меда княжьего. Аналогичные дачи получали царица Яндевлет, дочь Кучума Кумыз с мамкой и дети Бегей мирзы (сын Джан-Мухаммед, дочь Лалтот) с мамкой а также царица Актулум с дочерью Гулефат, сыном Моллой, женкой и царицей Кубул с женкой. Скорее всего, также полагался и баран, но сведений о нем в выписи не обнаружено.

Царица Аксүйрюк с дочерью и женкой получали 2 курицы, 5 калачей, 2 хлеба денежных, ведро меда, барана на два дня.

Царица Шевлели с дочерью Азеп-салтан получали курицу, барана на 4 дня, 2 калача, хлеб денежный, $\frac{1}{2}$ ведра меда, [9, с. 20–21]. Данные

сообщения особо важны для нас, так как позволяют установить примерные нормы дневного потребления знатных татарских выходцев по категориям (мужчины, женщины, дети). Однако следует помнить, что данные нормы не были статичными и со временем могли изменяться. За рассматриваемый период, как правило, изменение проходило в сторону увеличения.

У нас имеется информация о том, как росло поденное питье царевича ургенчского Афган-Мухаммеда и его людей. Сразу по приезде (1621 г.) дядьке (атагыку) царевича, Исенбайке, назначили по 3 чарки вина и две кружки меда на день. Его жене, мамке царевича, было положено 2 чарки вина и 1 кружка меда. Остальным людям (6 человек) по 2 чарки вина, а также на всех ведро пива и $\frac{1}{2}$ ведра меда [10, л. 75; 11, л. 65–67, 74]. В начале 30-х гг. царевич с женой получал в день 4 чарки вина, кружку меда малинового, по полтора ведра меда паточного, цеженного и пива доброго. Дядьке было положено 3 чарки вина, 2 кружки меда и 3 кружки пива. 10 его человек на всех получали 10,5 чарки вина, 4,5 кружки меда, 6,25 кружки пива [11, л. 132, 410]. Поденное питье, получаемые царевичем и его людьми росли и дальше. В конечном итоге оно составило: из Большого дворца царевичу в день по 2 чарки вина двойного, 4 чарки вина рядового, полторы кружки меда вишневого или малинового, $\frac{3}{4}$ ведра меда паточного, $\frac{3}{4}$ ведра меда цеженного, ведро пива доброго; его людям из Новой чети шло 16,5 чарки вина, 8,5 кружки меда и 9,25 кружки пива [12, л. 2].

Так же мы можем проследить рост поденного питья царевича Алтаная б. Кучума. Примерно в 1615 г. его людям (два человека), полагалось 3 чарки вина, 3 кружки меда, 4 кружки пива на день [10, л. 33.]. В 1619 г., поденное питье (на год 6,75 ведра вина, 136,25 ведра меда и 182,5 ведра пива) по просьбе царевича перевели в денежное исчисление, но его размеры неизвестны [13, л. 12; 14, л. 5–7.]. Позднее в документах будут округлять общее количество годового питья до 7 ведер вина, 136 ведер меда, 182 ведра пива [10, л. 80]. В 1637/38 г. поденное питье собственно царевича увеличили до 5 чарок вина, 6 кружек пива 5 кружек меда на день [15]. Он по прежнему получал его в денежном эквиваленте [16].

Теперь отметим натуральные пожалования, рассчитанные на кормовых Чингисидов, вызванных на время в Москву. К сожалению, у нас имеется не так много такого рода данных. По приезде в столицу сибирского царевича Арслана б. Али со своими людьми в 1603/04 г. на 10 дней Араслан получил по 1 ведру меда малинового и вишневого, по хлебу да по калачу в день, на 6 дней по яловице (яловая корова) в 1,2 рубля и 2 ба-

рана по 20 копеек. Его людям давали 1/2 ведра вина (имеется в виду водка), 2 ведра меда белого, 5 гусей битых, 5 кур живых, 7 баранов живых и 2 яловицы [10, л. 31–32]. В других случаях давали некую единовременную денежную выплату или же начинали временно выплачивать поденный корм в Москве.

В нашем распоряжении имеется достаточно полная финансовая документация по свадьбе астраханского царевича Михаила Кайбулина (Кутлуг-Гирей б. Арслан-Али) и Марии Григорьевны Ляпуновой в 1623 г. Михаилу дали запасы из Большого Дворца: 50 пудов меда пресного северского, 52 ведра паточного, красного смородинного, малинового и вишневого медов, 16 ведер заморских вин, «романей», «лакану» и «ренского», 2 ведра вина двойного лучшего боярского, 4 чети муки, пуд пшена сорочинского (рис), 3 живых лебедя, 3 фунта шафрана, имбиря, гвоздики и корицы, 7 фунтов гвоздики и корицы «ряженные» и корицы «батогы», 7 голов сахара больших и меньших, 5 «сахаров зерновых», по 4 фунта «всякого сахара» и «сахару леденец», ведро соли, 50 лимонов, овощи, 50 коврижек больших, средних и меньших, 50 хлебов больших и меньших, 6 труб пастильных, 2 яблочника меньших, пуд ягод и изюма, 1/2 пуда ягод винных, 1/4 пуда «рошков» (судя по всему, это название какой то пряности или сухофруктов), 5 фунтов фиников. Невесте полагалось: 20 пудов меду, 26 ведер меду паточного, красного смородинного, вишневого, 9 ведер заморских вин, «романей», «лакану», «ренского», ведро вина двойного боярского лучшего, 20 четей солоду ячного, 7 чети муки пшеничной, крупчатой, сметной, 3 живых лебедя, 4 «тетереви глухих», 15 «тетереви полевых», 10 зайцев, 10 гусей живых, 10 гусей битых, 8 утят живых, 8 утят битых, 8 кур, 5 поросят живых, 15 поросят битых, 3 стяга говядины, 7 туш свиных, 6 баранов живых, 1 четь крупы гречневой, 1 четь крупы овсяной, 5 пудов масла коровьего, 2 ведра масла конопляного, 2000 яиц, пуд пшена сорочинского, 2 пуда сыров, 5 ведер молока, 3 ведра сметаны, 5 ведер уксуса доброго, 10 ведер уксуса расхожего, луку, чесноку и хрену на рубль, пол бочки огурцов, бочка соленой капусты, 30 кочанов капусты свежей, ведро вина двойного, 15 ведер вина расхожего, ведро меда обарного «в ества», 6 фунтов перца, шафрана, гвоздики, имбиря и корицы, 7 голов сахара больших и меньших, 5 «сахаров зерновых», по 4 «фунта всякого сахару», фунт леденцов, 1/2 пуда патоки, ведро слив, 50 лимонов, овощи, 50 коврижек больших средних и меньших, 50 хлебов больших и меньших, 6 труб пастильных, 2 яблочника меньших, пуд изюма, 1/2 пуда ягод винных, 1/4 «рошков», 5 фунтов фиников, по 2 фунта корицы и гвоздики

ряженной, 3 фунта корицы «батого» [11, л. 41–50].

В XVII в. дача, подобная по размеру пожалованию Михаилу Кайбулину, зафиксирована только один раз. Она дана на свадьбу мусульманина, ургенчского царевича Авган-Мухаммед б. Араб-Мухаммед и сибирской царевны Алтын-сач (май 1630 г.). Правда она отличалась в меньшую сторону. Авгану полагалось 7 ведер «романеи» и «алкану», 25 ведер меду вишневого и паточного, 4 ведра вина боярского, 30 ведер пива, 3 чети муки крупчатой и толченой, 3 яловицы, 10 живых баранов, 20 кур, 5 живых гусей 5 утят, 5 тетеревов, 20 ведер вина, 25 четей солоду ячного и ржаного, 20 пудов меду пресного. Царевне дали 2 ведра вина боярского, 3 ведра «романеи» и «алкану», 32 ведра меду вишневого, паточного и цеженого, 3 чети муки крупчатой и толченой, 2 яловицы, 5 баранов, 10 кур, 5 утят, 5 тетеревов, 12 ведер вина, 15 четей солоду, 12 пудов меду паточного, овощи, 2 головы сахара, россыпного сахара на миндале, корице, лимонной стружке, анисе «кишнеце» (по фунту), корица, гвоздика, «рошки», мускат, кардамон, шафран, винные ягоды, имбирь в патоке или сахаре, изюм, 10 хлебов, 2 трубы яблочной пастилы [11, л. 54–59; 17, с. 104].

Не ранее 1619 г. на свадьбу князю Борису Куликову (к Чингисидам относилась его мать, дочь астраханского царевича Абдулы б. Ак-Кобека) дали 20 пудов меду пресного, 20 ведер меда паточного, по 2 ведра «романеи» и «алкану», 8 ведер меду красного и вишневого, 10 ведер вина горячего, 15 четей солоду ячного, осьмина муки крупчатой лучшей, четь муки крупчатой другой [18, л. 2–3].

В 1635 г. женился князь царевич Калинин Джансюеревич Сибирский. Ему дали подмогу: 5 пудов меду пресного, 5 ведер паточного, ведро «романеи», ведро меда красного, 5 ведер вина горячего, осьмина муки крупчатой [18, л. 7; 19].

Известны примеры, когда Чингисиду давались деньги на свадьбы людей его двора. В 1629 г. царевич Авган женил своего человека – выехавшего с ним Девлет-Мамета Надырева. Царевич просил деньги на калым и свадьбу. Тогда в частности дали яловую корову, 2 барана, 3 гуся, 3 утки, 10 кур, четь (6 пудов) пшеничной муки, 2 чети ситной муки, 10 пудов меда, 5 четей солода ячного [11, л. 112–116, 421а, 433–435].

Теперь мы можем сделать определенные выводы. Алкогольные напитки употреблялись знатными мусульманскими выходцами однозначно. Известны даже примеры злоупотребления спиртосодержащими напитками. В 1667 г. сибирского царевича Петра Алексеевича царь Алексей Михайлович отправил «от пьянства вытрезвить» в Саввин-

Сторожевский монастырь [20, с. 66]. Пили в первую очередь питьевые меды и пиво. Упомянется и квас. Но Чингисиды употребляли также водку («вино», «боярское вино», «двойное вино» и др.) и привозные виноградные вина («романея», «алкан», «рейнское»). Сложнее определить использование иных продуктов. У Чингисидов отмечены огородники, выращивающие овощи для их столов, фруктовые сады с яблоневыми и вишневыми деревьями [21, с. 198], значительные стада дойных коров (кисломолочные продукты традиционно имели широкое распространение у данных народов) и овечьи отары [22, л. 5]. Специально для них ловилась рыба [23]. Мясной рацион, судя по всему, состоял из конины (Касимов до настоящего времени славится конской колбасой), баранины, говядины, домашней птицы (гуси, утки, куры). Употреблялось и мясо животных, убитых на охоте (зайцы, тетерева, глухари). Сложнее определить отношение к свинине. Она упоминается в дачах по случаю свадеб крещеных Чингисидов. С одной стороны не зафиксировано ни одного случая присутствия свинины в дачах «в стола место» царям и царевичам, исповедовавшим ислам. Но при этом касимовский царь и царевич в XVII в. ежегодно получали со своих крестьян в том числе и значительное количество свинины [23, л. 26; 24, с. 96–101]. Однако она могла предназначаться и на продажу. Упоминают источники и различные сладости (различные сорта сахаров, засахаренные фрукты, пастила («трубы» земляничные, яблочные), орехи). Арбузы и дыни в это время в достаточно больших количествах выращивали в самой России. Поэтому они не являлись редкостью [25, с. 154]. Скорее всего, употреблялись ими и традиционная восточная выпечка. Могли присутствовать на столе восточные фрукты (финики, лимоны, винные ягоды, изюм). Знали в тогдашней России и сливы. Широко применялись пряности (перец, шафран, гвоздика, имбирь, корица). Скорее всего, также ели различные каши. Был известен и рис («пшено сорочинское») [10; 11]. К сожалению, мы в большей степени обладаем сведениями о приеме Чингисидов в царском дворце или же о дачах из дворца по случаю тех или иных торжеств, в первую очередь свадеб. Но размеры материального содержания представителей «золотого рода» в России позволяли им иметь эти продукты и на своем столе, пусть и не каждый день.

Следует отметить интересную особенность печей у касимовских татар XIX в. Они имели сбоку выступ, в который вмазывался котел. Это был своего рода компромисс между кочевой и оседлой жизнью, судя по всему, заимствованный у казанских татар [26, с. 47]. В заключение следует отметить, что среди кулинарных пристрастий Чингисидов мог-

ли быть не только блюда восточной и русской кухонь, но и западной (в частности польской). Повар касимовского царя Арслана б. Али и его сына Сеит-Бурхана Мартьянец по происхождению был литвин, взятый в плен под Москвой (во время прихода польского царевича Владислава в 1618 г.) [27].

Таким образом, мы имеем все основания утверждать, что список продуктов из повседневного рациона питания Чингисидов и православной знати XVI–XVII вв. не имел серьезных отличий (наиболее яркими из них следует признать употребление конины и свинины, имелись также у мусульман и некоторые ограничения в употреблении рыбы – к примеру, они не употребляют мясо сома). Другое дело, что их соотношение могло серьезно отличаться. Наибольшие отличия, судя по всему, следует искать в технологии приготовления тех или иных блюд. Но здесь нам нечего сравнивать. Нам неизвестны точные рецепты изготовления блюд на столах у знатных татарских выходцев в России XVI–XVII вв.

Список литературы

1. Беляков, А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование / А.В. Беляков. – Рязань, 2011.
2. Кайдашев, С.В. «Посольский обычай» и двор царя глазами английских представителей / С.В. Кайдашев // Государев двор в истории России XV–XVII столетий: Материалы межд. науч.-практ. конф. Александров, 30.10.– 1.11.2003. – Владимир, 2006.
3. Памятники дипломатических и торговых сношений Московской Руси с Персией. – Т. I. – СПб., 1890.
4. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). – Ф. 131. – Оп. 1. – 1633 г. – Д. 1.
5. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1636 г. – Д. 1.
6. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1648 г. – Д. 11.
7. РГАДА. – Ф. 123. – Оп. 1. – 1586 г. – Д. 1.
8. РГАДА. – Ф. 127. – Оп. 1. – 1586 г. – Д. 13.
9. Акты исторические, собранные Археографическою комиссиею. – СПб., 1841. – Т. II.
10. РГАДА. – Ф. 134. – Оп. 1. – 1622 г. – Д. 1.
11. РГАДА. – Ф. 134. – Оп. 1. – 1630 г. – Д. 1.
12. РГАДА. – Ф. 134. – Оп. 1. – 1648 г. – Д. 1.
13. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1626 г. – Д. 1.
14. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1623 г. – Д. 10.
15. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1640 г. – Д. 2.

16. Беляков, А.В. Участие сибирского царевича Алтаная ибн Кучума в событиях Смутного времени и его судьба / А.В. Беляков // Мининские чтения: 2004. – Нижний Новгород, 2005. – С. 21–35.

17. Беляков, А.В. Царевич Авган-Мухаммед ибн Араб-Мухаммед в России первой половины XVII в. / А.В. Беляков // Тюркологический сборник: 2006. – М., 2007. – С. 95–112.

18. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1635 г. – Д. 2.

19. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1635 г. – Д. 3.

20. Любимов, С.В. Опыт исторических родословий. Гундоровы, Жижемские, Невские, Сибирские, Зотовы и Остерманы / С.В. Любимов. – Пг., 1915.

21. Беляков, А.В. Касимовский царь Араслан Алеевич и православное население его удела / А.В. Беляков // Тюркологический сборник: 2002. – М., 2003. – С. 189–199.

22. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1628 г. – Д. 9.

23. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1627 г. – Д. 1.

24. Беляков, А.В. Частная жизнь Чингисидов в России XVI–XVII вв. / А.В. Беляков // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. – Вып. 10. – Белгород, 2009. – С. 96–101.

25. Олеарий А. Описание путешествия в Московию / А. Олеарий. – Смоленск, 2003.

26. Шарифуллина, Ф.Л. Касимовские татары. Историко-этнографическое исследование традиционной народной культуры середины XIX – начала XX веков / Ф.Л. Шарифуллина. – Рязань, 2004.

27. РГАДА. – Ф. 131. – Оп. 1. – 1628 г. – Д. 12.

ДА ПЫТАННЯ СТАНАЎЛЕННЯ І РАЗВІЦЦЯ КУЛЬТУ ПРАПАДОБНАЙ ЕЎФРАСІННІ ПОЛАЦКАЙ У «МАНАСТЫРСКІ» ПЕРЫЯД (КАНЕЦ XII – ПАЧАТАК XVI СТ.)

Культ святых у сваім вызначэнні з'яўляецца шматгранным як гісторыка-культурны феномен. На працягу доўгага храналагічнага перыяду шанавання Еўфрасінні Полацкай (з канца XII ст. і па сённяшні дзень) можна прасачыць перамены ў гісторыі культуры і вылучыць ўласцівыя яму рысы на розных этапах існавання.

Большасць даследчыкаў падчас разгляду спецыфікі і эвалюцыі культуры прападобнай Еўфрасінні Полацкай вылучаюць перыяды яго найбольшай грамадскай значнасці, у той час як асобным аспектам і другарадным этапам у гісторыі яе ўшанавання не надаецца належнай увагі. Падкрэслім, што шанаванне святых заключана ў рамкі канона, які і абумоўлівае некаторую статычнасць кulta таго ці іншага святога з моманту яго зараджэння. З другога боку, калі прыцягнуць шырокае кола крыніц, які асвятляе сутнасць і асаблівасці культу ў розных храналагічных адрэзкі часу, можна прасачыць магчымую эвалюцыю культу не аднабока, а ў непасрэдным развіцці. Дадзены артыкул ставіць сваёй мэтай прасачыць гісторыю зараджэння і наступнага фарміравання апякункі жаночага манаства ў храналагічных рамках «манастырскага» перыяду (канец XII – пачатак XVI ст.).

Полацкая княжна з роду Ізяславічаў, ігумення, настаўніца і мецэнатка Еўфрасіння Полацкая (1104–1173 гг.) стала першай з усходнеславянскіх жанчын, якую Руская праваслаўная царква абвясціла святой нават раней за кіеўскую княгіню Вольгу (к. 890–969 гг.). У 1984 г. Еўфрасіння Полацкая была далучана да Сабора Беларускіх Святых. Памяць пра святую служыць аб'яднанню вернікаў розных канфесій: як вядома, прападобная Еўфрасіння прызнана святой і праваслаўнымі, і каталікамі, і уніятамі. На сённяшні дзень на тэрыторыі Беларусі ў гонар заступніцы жаночага манаства было асвечана больш за 10 храмаў. Адзначым, што шанаванне святой выйшла далёка за геаграфічныя межы яе жыццядзейнасці. Імя Еўфрасінні Полацкай носяць цэрквы ў гарадах Саўт-Рывер, штат Нью-Джэрсі (ЗША), Таронта (Канада), Вільнюс (Літва), Карсава (Латвія), Лондан (Вялікабрытанія) і г.д.

Гісторыя ўшанавання Еўфрасінні Полацкай зведала этапы росквіту і агульнага забыцця, адным словам – становішча культуры не было стабільным з моманту яго зараджэння. Ушанаванне Еўфрасінні Полацкай як святой пачалося хутка пасля яе скону, яшчэ падчас свяціцельскай дзейнасці полацкага епіскапа Дыянісія (1166–1182 гг.). Так, па благаслаўленню свяціцеля была складзена служба і, верагодна, у самім манастыры напісана жыццё святой. Вытокі шанавання прападобнай Еўфрасінні Полацкай, у першую чаргу, трэба шукаць у манастырскай традыцыі, паколькі святая ўвайшла ў гісторыю перадусім як заснавальніца жаночага манастыра ў мястэчку Сяльцо, што знаходзілася ў 2 км ад Верхняга замка на правым беразе р. Палаты.

На працягу свайго існавання манастыр з'яўляўся асноўнай візуальнай і сэнсавай дамінантай у фарміраванні і развіцці культуры сваёй заснавальніцы і першай ігуменні. Іншымі словамі, Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр уяўляў сабой цэласны свята-мемарыяльны комплекс, прысвечаны прападобнай Еўфрасінні. Характэрныя этапы ў гісторыі існавання манастыра з'яўляюцца непасрэдным адбіткам становішча культуры полацкай святой у той ці іншы перыяд існавання. Каб зразумець ролю і месца Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра ў складанні культуры прападобнай Еўфрасінні, неабходна звярнуцца да гістарычных умоў узнікнення і развіцця гэтай жаночай абіцелі.

Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр быў заснаваны не пазней за 1128 г. (на думку даследчыцы І. Слюньковай у 1125 г.) пры полацкім князі Барысе Усяславічы (1119–1128 гг.). Вядома, што да заснавання Спасакага манастыра старажытнае Сяльцо выконвала ролю рэзідэнцыі полацкіх епіскапаў. На вызначанай плошчы, падуладнай полацкім архірэям, размяшчаліся храм-пахавальня і драўляная Спаская царква [1, с. 262].

З моманту заснавання манастыра Еўфрасіння распачала актыўную дзейнасць па яго добраўпарадкаванню. Пры абіцелі былі адкрыты іканапісная і ювелірная майстэрні, створана бібліятэка, пачаў дзейнічаць скрыпторый па перапісцы богаслужбовых кніг. З наступным ростам колькасці інакіль манастыр імкнуўся павялічыць як свае ўладанні, так і колькасць царкоўных пабудоў для правядзення набажэнстваў. Для пабудовы мураванага храма на месцы былой драўлянай царквы Спаса ігумення Еўфрасіння запрасіла мясцовага дойліда Іаана. Іаан разумна выкарыстаў выдзеленыя яму магэрыяльныя рэсурсы, дзякуючы чаму царква св. Спаса была ўзведзена за 30 тыдняў да свята Праабражэння (19 жніўня) [2, с. 5].

Пасля смерці першай ігуменні (1173 г.) манастыр да канца XVI ст. працягваў заставацца асяродкам духоўнага і культурнага жыцця Полац-

ка. У першыя стагоддзі свайго існавання Еўфрасіннева абіцель лічылася адной з багацейшых на Полацкай зямлі. Такому становішчу спрыяла некалькі фактараў: роднасная сувязь манастыра з прадстаўнікамі полацкай княскай дынастыі (як падкрэсліваў М. Дуброўскі, «стартавы капітал» на ўладкаванне абіцелі быў атрыманы ад прынесеных пасагаў княжон-манахінь), а таксама шчодрыя ахвяраванні заможных пластоў насельніцтва [3, с. 15]. Наяўнасць святой заступніцы, звязанай роднаснымі сувязямі з кіруючай дынастыяй, набывала для полацкага княскага дома асаблівае значэнне. Пазначаны факт наводзіць на думку, што полацкая арыстакратыя не шкадавала грашовых выдаткаў на падтрыманне паспяховай дзейнасці манастыра як апасродкаванага цэнтра шанавання сваячкі прападобнай Еўфрасінні Полацкай.

Пасля смерці Еўфрасінні Еўдакія, верагодна, заняла месца ігуменні манастыра, каб працягваць асветніцкую дзейнасць старэйшай сястры. У першай палове XIII ст. ігуменняй манастыра была Параскева, дачка полацкага князя Рагвалода-Васіля [4, с. 158–159].

У перыяд з 1582 па 1820 г. (з кароткім перапынкам на вайну Расіі з Рэччу Паспалітай) Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр пераходзіць пад уладу каталіцкага ордэна езуітаў, які грунтоўна паўплываў на прынцыпы забудовы і планавання ансамбля. Застаўшыся манахіні былі прагнаны, а былая манастырская тэрыторыя была ператворана ў летнюю рэзідэнцыю для адпачынку полацкіх езуітаў. «Езуіцкі перыяд» у гісторыі Спаса-Еўфрасіннеўскага манастырскага ансамбля зрабіў істотны уплыў не толькі на прынцыпы яго забудовы і планавання, але і зніжэнне функцыянавання культуры Еўфрасінні Полацкай да крытычнай адзнакі. Былая праваслаўная царква св. Спаса працягвала існаваць у якасці касцёла Панскага Перамянення.

У XVI ст. пад уплывам ушанавання Еўфрасінні Полацкай, як і ў роўнай ступені ў працівагу яму, сярод полацкіх каталікоў узнікла легенда аб двойніку Еўфрасінні – Параскеве-Пракседзе, якая здзейсніла паломніцтва ў Рым, пабудавала там храм і была пры ім пахавана [5, с. 97–98]. Жыцця абедзвюх святых падобны паміж сабой у апісанні акалічнасцей лёсу і адрозніваюцца ў наступных пунктах. Еўфрасіння, дачка полацкага князя Святаслава-Георгія, пад канец жыцця накіравалася ў Ерусалім, дзе пасля скону была пахавана пры Багародзічным манастыры. Параскева Полацкая, дачка Рагвалода-Васіля, здзейсніла паломніцтва ў Рым, дзе памерла і была пахавана ў заснаваным і асвечаным у яе гонар касцёле Параскевы-Пракседзіс [5, с. 97]. На думку даследчыкаў В. Данілевіча і А. Сапунова, складальнік жыцця Параскевы-Пракседзіс запазычыў

яго з жыцця Еўфрасінні Полацкай, а напрыканцы твора скарыстаў распаўсюджаную ў каталіцкім свеце легенду аб прападобнай Пракседзіс Рымскай, каб надаць жыццю пракаталіцкі характар [5, с. 97–99; 6, с. 45].

Геаграфічная структура культу святой на раннім этапе яго існавання знаходзілася ў зародкавым стане. Тэрытарыяльная сетка ўшанавання памяці Еўфрасінні Полацкай пачала актыўна фарміравацца толькі з першай паловы XIX ст., калі пачалі ўзнікаць другарадныя ў адносінах да Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра цэнтры ўшанавання святой – прыходскія храмы, прыдзелы і капліцы, узведзеныя ў гонар Еўфрасінні спачатку ў Полацкай епархіі, а пасля і за яе межамі. Такім чынам, непасрэдная «трансляцыя» культу святой пачала адбывацца не раней за першую палову XIX ст. Вядома, што адсутнасць доўгі час у Спаса-Еўфрасіннеўскім манастыры мошчаў святой, а таксама такіх сакральных рэчаў, як рака, сень і вярэгі, таксама паўплывала на працэс трансляцыі культу і замарудзіла яго.

Як вядома, рэчы, якімі непасрэдна валодаў той ці іншы падзвіжнік, набывалі статус святыні, які пашыраецца на саму рэліквію не толькі ў межах праваслаўнай абіцелі, але і непасрэдна за яе межамі. На думку беларускага даследчыка Г. Шэйкіна, паміж XIII ст. і 1514 г. ушанаванне святой магло быць усталявана ў Смаленску, дзе пэўны час знаходзіўся яе крыж, які стаў графеем падчас ваенных сутыкненняў полацка-смаленскіх атрадаў у XIII–XIV стст. і апынуўся ў Смаленску [7, с. 507–517]. Відавочныя сляды знаходжання рэліквіі ў Смаленску можна прасачыць да 1495 г., калі на ўзор еўфрасіннеўскага крыжа быў створаны яго аналаг для смаленскага князя Аляксандра Васільевіча.

У 1514 г. пасля далучэння смаленскіх зямель да Маскоўскай дзяржавы, старажытная полацкая святыня была перавезена ў Маскву, адкуль патрапіла ў Полацк толькі ў 1563 г. Маскоўскі князь Іаан IV (1533–1584 гг.), звярнуўшы ўвагу на надпіс-праклён на крыжы, вярнуў яго на першапачатковае месца – у Спаса-Еўфрасіннеўскі жаночы манастыр. У 1579 г. Полацк быў адбіты войскам караля польскага і вялікага князя літоўскага Стэфана Баторыя (1576–1586 гг.). Спаса-Еўфрасіннеўскі манастыр перайшоў ва ўладанне каталіцкага ордэна езуітаў, і крыж пачалі захоўваць у кафедральным саборы святой Сафіі амаль да падзей яго ўрачыстага пераносу архіепіскапам віцебскім і полацкім Васілём (Лужынскім) у 1842 г. [8, с. 482].

На лакальны характар шанавання прападобнай са старажытных часоў амаль да XVI ст. паказвае адсутнасць яе памяці ў месяцасловах канца XII – пачатку XIII ст. На сённяшні дзень захавалася сціхара XII ст. пад

назвай «Придите, любомудрени...». Узнёслы царкоўны спеў са старажытнай службы Еўфрасінні Полацкай быў размешчаны ў рукапісным Сціхітары XII ст. [9, с. 52–53]. Служба Еўфрасінні адсутнічае ў майскім томе службовых Міней, перапісаных у 1487–1488 гг. у Вільна па замове маршалка Вялікага княства Літоўскага А.А. Солтана. Прастраннае Жыццё прападобнай не было ўключана ў складзены ў другой чвэрці XVI ст. у Заходняй Русі (у Супральскім манастыры ці пры кафедры мітрапаліта ў Навагрудку) трохтомны мінейны «Торжественник» [7, с. 507–517]. Ушанаванне святой доўгі час насіла лакальны характар і было абмежавана адной Полацкай епархіяй, калі не самім горадам. Поўная служба святой сустракаецца ў рукапісах радзей за Прастраннае Жыццё і вядома толькі ў шэрагу спісаў XVI–XVII стст. Яе варыянт з указаннем «Полоцка града» ўключана ва ўсе вядомыя спісы службы прападобнай.

Каб аднавіць характэрныя рысы ў развіцці культуры Еўфрасінні Полацкай на раннім этапе трэба звярнуцца да яе іканаграфіі вызначанага перыяду. Адразу адзначым, што іканаграфія святой атрымала сваё развіццё напрыканцы XIX – пачатку XX ст., перыяд найбольшага распаўсюджвання выяў святой у іканапісу. Адносна прападобнай Еўфрасінні не захавалася звестак, якім чынам ствараўся яе вобраз і што менавіта стала штуршком да яго напісання. Часцей за ўсё абраз святога ствараецца пасля яго смерці на падставе славеснага партрэта. Характарыстыкі, як правіла, былі дастаткова прыблізнымі, агульнага тыпу. Так, адначасова з напісаннем жыцця і службы ў гонар прападобнай Еўфрасінні быў створаны і яе абраз, які не захавалася да нашых дзён.

Доўгі час самай старажытнай выявай прападобнай Еўфрасінні памылкова лічылася фрэска на паўночна-ўсходнім сталпе манастырскага Спаса-Праабражэнскага храма, раскрытая падчас экспедыцыі 1950 г. Д.Е. Брагіным [10, с. 24]. У дадзеным выпадку гаворка ішла аб адной з выяў прападобных жонак і святых пакутніц, надпісы да якіх не захаваліся. Падчас правядзення рэстаўрацыйных работ у прыдзеле на хорах Спаса-Праабражэнскага храма быў выяўлены сапраўдны кцітарскі партрэт Еўфрасінні Полацкай. Гэта кампазіцыя амаль цалкам увайшла ў захаваныся цыкл роспісаў прыдзела, якія былі створаны шмат пазней за фрэскі наоса. Відавочна, у першай палове XIII ст. [11, с. 21, 157, 165]. Кцітарскі партрэт Еўфрасінні быў размешчаны ў заходняй частцы прыдзела, на паўднёвым адхоне дзвярнога праёму. Еўфрасіння Полацкая прадстаўлена ў рост, у манаскім адзенні і кукалі. Полацкая ігумення трымае ў руцэ дастаткова дакладна адлюстраваны Спаскі храм з ярус-

ным завяршэннем з трохлопасных кілепадобных закамар. Аблічча першай ігуменні манастыра моцна пашкоджана, сам лік збіты.

Факт стварэння роспісаў прыдзела Спаскага храма ў першай палове XIII ст., пазней за фрэскавы роспіс асноўнага аб'ёму, паказвае на тое, што выява прападобнай Еўфрасінні з храмам з'яўляецца пасмяротным партрэтам. Прычым не звязаным з пахаваннем гэтага кцітара (як вядома, Еўфрасінні Полацкая спачыла ў 1173 г. (1167, па некаторых дадзеных)) [12, л. 125]. Такім чынам, партрэт Еўфрасінні хоць і пазбаўлены німба, можна лічыць ранняй праявай мясцовага культу святой. На сувязь кампазіцыі з мясцовым шанаваннем княжны-інакіні паказвае ўся праграма роспісаў прыдзела, якая мае падкрэслена мемарыяльны характар. Нягледзячы на страту подпісаў, выяўленую манахіню можна смела атаясамліваць з полацкай княжной і ігуменнай Еўфрасінняй, бо выява Спаса-Праабражэнскага храма дакладна стасуецца са звесткамі з жыцця аб яго будаўніцтве пры жыцці Еўфрасінні Полацкай.

Да найбольш ранніх захаваных выяў святой у іканапісе належыць невялікая (86×33 см) дзісісная ікона ў рост, якая размешчана ў верхнім радзе іканастаса ў прыдзеле ў імя пакутніцы Сафіі Смаленскага сабора Новадзевічага манастыра. Ікона была напісана ў 1685 г. пад кіраўніцтвам Ф. Зубава. Святая прадстаўлена ў мантыі і кукалі, побач з прападобнай пакутніцай Еўдакіяй, разам з імі размешчаны выявы астатніх жонак [13, с. 15–17].

Пытанне аб дакладным часе шанавання полацкай святой і яе афіцыйнага царкоўнага ўслаўлення дастаткова складанае. У перыяд з XII да пачатаку XVI ст. культ святой не атрымаў належнага афармлення і функцыянаваў лакальна (у тэрытарыяльных межах Полацкай епархіі). Паколькі Полацк да сярэдзіны XVI ст. з'яўляўся духоўным асяродкам беларускіх зямель, культ святой паступова пашыраўся за яго межамі.

Да першай паловы XVI ст. ушанаванне прападобнай не выходзіла за межы Вялікага княства Літоўскага. Еўфрасіння Полацкая атрымала вядомасць на Маскоўскай Русі толькі падчас свяціцельскай дзейнасці Маскоўскага мітрапаліта Макарыя, які ўключыў яе імя ў Вялікія Мінеі-Чэці (1547 г.). На самой справе, як падкрэслівалі даследчыкі В. Ключоўскі, В. Васільеў і Я. Галубінскі, большасць святых была кананізавана задоўга да Сабораў 1547 і 1549 гг. Мэта правядзення пазначаных сабораў заключалася не ў кананізацыі таго ці іншага святога, а для ўладкавання агульна прынятых формаў царкоўнага шанавання. Такая справа назіралася і ў адносінах да шанавання Еўфрасінні Полацкай. Такім чынам, пытанне аб дакладным часе фармальнай кананізацыі павінна адступіць на

другі план. Галоўнае, на нашу думку, вызначыць час, калі культ святой пачынае актыўна функцыянаваць. Як даводзіць расійскі даследчык А.Г. Мельнік, актыўнае функцыянаванне культу суадносіцца з датаваннем яго важных складнікаў – спісаў жыцця і службы [14, л. 25]. Як вядома, твор агіяграфічнага жанру «Жыццё Еўфрасінні Полацкай» [15], які быў напісаны ў знак ушанавання памяці полацкай ігуменні, датуецца канцом XII – пачаткам XIII ст. Сам тэкст захаваўся ў значна пазнейшых спісах.

Праведзенае даследаванне гісторыі шанавання прападобнай Еўфрасінні на пачатковым этапе (з канца XII да першай паловы XVI ст.) дазваляе зрабіць наступныя высновы. Ушанаванне Еўфрасінні Полацкай, відавочна, было распачата хутка пасля яе скону: у канцы XII – пачатку XIII ст. Ранняе фарміраванне культу полацкай святой было абумоўлена і санкцыянавана мясцовымі царкоўнымі ўладамі. Цэнтрам культу полацкай ігуменні з канца XII ст. становіцца заснаваны ёй Спаса-Еўфрасіннеўскі жаночы манастыр. З часоў свайго ўтварэння манастыр перажываў перыяды як росквіту, так і заняпаду, аднак памяць аб сваёй заснавальніцы і першай ігуменні нязменна захоўваў у любым выпадку. На раннім этапе шанаванне Еўфрасінні Полацкай не распаўсюджваецца за межы геаграфічнай вобласці яе зямнога падзвіжніцтва, у першую чаргу – Спаса-Еўфрасіннеўскага манастыра.

На наш погляд, ператварэнне культу прападобнай Еўфрасінні з мясцовага ў агульнацаркоўны адбывалася дастаткова павольна і толькі, пачынаючы з першай паловы XIX ст., паступова пачало набіраць тэмпы. Безумоўна, афіцыйная агульнаруская кананізацыя, якая адбылася ў 1547 г., паспрыяла актывізацыі функцыянавання культу Еўфрасінні Полацкай, аднак сваю канчатковую завершанасць культ прападобнай як гісторыка-культурны феномен набывае толькі ў пачатку XX ст.

Спіс літаратуры

1. Слюнькова, И.Н. Монастыри восточной и западной традиций: Наследие архитектуры Беларуси / И.Н. Слюнькова. – М.: Прогресс-Традиция, 2002. – 600 с.
2. Сапунов, А.П. Полоцкий Спасо-Ефросиньевский девичий монастырь / А.П. Сапунов. – Витебск, 1888. – 11 с.
3. Дубровский, М. Житие преподобной Евфросинии, княжны Полоцкой, с кратким описанием основанного ею в г. Полоцке женского монастыря и находящейся в нем святыни / священник Михаил Дубровский. – Полоцк: издание Полоцкого церковного братства во имя св. Николая и пр. Евфросинии, княжны Полоцкой, 1885. – 34 с.
4. Варонін, В.А. Прыкладныя цэрквы і манастыры горада Полацка (да 1582 г.) / В.А. Варонін // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы: науч. сб. Вып. 2. – Минск: РИВШ, 2009. – С. 152–174.

5. Данилевич, В.Е. К вопросу о Параскеве-Пракседис, княжне Полоцкой / В.Е. Данилевич. – Харьков: Электр. типо-литограф. С.А. Шмерковича, 1905. – С. 97–99.
6. Сапунов, А.П. Католическая легенда о Параскеве, княжне Полоцкой / А.П. Сапунов. – Витебск, 1888. – 47 с.
7. Евфросиния Полоцкая // Православная энциклопедия. Т. XVII. – М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2008. – С. 507–517.
8. Клосс, Б.М. Евфросиния Полоцкая (1104–1173): Преподобная, основательница 2 монастырей / Б.М. Клосс // Ист. лексикон: История в лицах и событиях V–XIII вв. – М., 2006. – Кн. 1. – С. 479–484.
9. Серёгина, Н.С. Певческий цикл о Евфросинье Полоцкой памятник XII в. / Н.С. Серёгина // К 1125-летию Полоцка: История и археология Полоцка и Полоцкой земли. – Полоцк, 1987. – С. 52–53.
10. Кацер, М. Изобразительное искусство Белоруссии дооктябрьского периода / М. Кацер. – Минск: Наука и техника, 1969. – 201 с.
11. Сарабьянов, В.Д. Спасо-Преображенская церковь Евфросиньева монастыря и ее фрески / В.Д. Сарабьянов. – М.: Северный паломник, 2007. – 176 с.
12. Преображенский, А.С. Ктиторские портреты средневековой Руси и их воздействие на русскую иконографию: XI–XV вв.: дис. ... канд. искусствоведения: 17.00.04 / А.С. Преображенский. – Москва, 2004. – 399 л.
13. «Обитель пресветлая и дивно украшенная...»: К 480-летию основания Новодевичьего мон-ря: Путев. по экспозиции. – М., 2004.
14. Мельник, А.Г. История почитания ростовских святых в XII–XVII веках: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02 / А.Г. Мельник. – Ярославль, 2004. – 260 л.
15. Аповесць пра жыццё і смерць святой, і дабраславёнай, і найпадобнай Еўфрасінні, ігуменні манастыра Святога Спаса і Прачыстай Яго Маці, што ў горадзе Полацку / Літаратура XI–XVI стагоддзяў / уклад. і камент. А.У. Бразгунова, І.У. Будзько, Л.В. Ляўшун; навук. рэд. В.А. Чамярыцкі / Залатая калекцыя беларускай літаратуры. – Т. 1. – Мінск: Маст. літ., 2011. – С. 103–116.

АРГАНІЗАЦЫЯ І ЗАБЕСПЯЧЭННЕ БУДАЎНІЦТВА ФАРТЫФІКАЦЫЙ У СЛУЦКУ ПРЫ БАГУСЛАВЕ РАДЗІВІЛЕ (1654–1669 ГГ.)

Працяглыя войны сярэдзіны XVII ст. ва Ўсходняй Еўропе сталі, падобна вайне за незалежнасць у Нідэрландах ці Трыццацігадовай вайне ў Нямеччыне, моцным імпульсам для шырокага фартыфікацыйнага будаўніцтва на землях Вялікага Княства Літоўскага. Да найбольш значных фартэцый збудаваных у гэты час належаў горад Слуцк, які належаў канюшаму ВКЛ князю Багуславу Радзівілу (1620–1669 гг.). Вялікая колькасць пісьмовых крыніц па гісторыі Слуцка дае магчымасць на прыкладзе гэтага горада-фартэцы аднавіць арганізацыю і забеспячэнне будаўніцтва фартыфікацый таго часу. Асабліва карыснымі ў гэтым выпадку з’яўляюцца пратаколы сэсій (пасяджэнняў) слускага магістрата за 1654–1665 гады [1, 2], а таксама абшырная карэспандэнцыя слуцкіх цывільных адміністратараў і вайскоўцаў з Багуславам Радзівілам.

Традыцыі абарончага будаўніцтва ў Слуцку сягаюць прынамней у XII ст., калі горад упершыню згадваецца ў летапісах як фарпост Тураўскага княства на мяжы з Полацкім. У XVI – першай палове XVII стст. абарончы комплекс горада ўжо складаўся з Верхняга і Ніжняга замкаў, размешчаных пры ўпадзенні ручая Бычок у рэчку Случ, а таксама гарадскіх умацаванняў, якія часткова ці цалкам акольвалі т.зв. Старое места на правым беразе Случы. Пашырана меркаванне, што ўжо ў канцы XVI ст. пры апошніх прадстаўніках роду Алелькавічаў, якія валодалі Слуцкам з XV ст., вакол горада пачалі ўзводзіцца бастыённыя ўмацаванні [3, с. 25; 4, с. 353]. Аднак дакладна сцвярджаць пра будаўніцтва бастыённых фартыфікацый можна толькі пры Янушы Радзівіле, які ажаніўся на апошняй прадстаўніцы роду Алелькавічаў Соф’і і атрымаў у пасаг Слуцк. У рахунках магната за 1619 год згадваецца “ляхавіцкі валмайстар”, які працаваў на ўзвядзенні валоў у Слуцку [5, а. 10 адв.]. Перад гэтым згаданы валмайстар быў задзейнічаны на ўзвядзенні магутнага бастыённага замка вялікага гетмана ВКЛ Яна Караля Хадкевіча (1560–1621 гг.) ў Ляхавічах [6]. Адпаведна і ў Слуцку такога кшталту спецыяліст мусіў працаваць на будаўніцтве ўмацаванняў бастыённага кшталту.

У сярэдзіне XVII ст. Старое места ўжо было абведзена земляным валам з бастыёнамі і трыма мураванымі брамамі, аб чым сведчыць накід

плана Слуцка таго часу, аўтарам якога быў, верагодна, польны гетман ВКЛ Януш Радзівіл (1612–1655 гг.) (мал. 1) [7, с. 36–37]. Выбух казацкага паўстання на Украіне ў 1648 годзе, а таксама пачатак вайна з Масквою ў 1654 годзе зрабілі надзвычай актуальнай патрэбу далейшай разбудовы слуцкіх фартыфікацый. У 1654–1655 гадах горад сканцэнтраван усе сілы на мадэрнізацыі старамейскіх валоў (вакол Старога места) і ўзвядзенні грэблі на Случы. На левым беразе ракі коштам Багуслава Радзівіла з вясны 1655 года вялося будаўніцтва бастыённай цытадэлі для ўмацавання абароны Новага места, якое да таго часу не мелі якіх-кольвек фартыфікацый. Пасля двух спробаў маскоўскага войска авалодаць Слуцкам у верасні 1655 года было вырашана тэрмінова распачаць узвядзенне фартыфікацый і вакол Новага места. У чарговы раз пагроза нападу маскоўскіх войскаў ці казакаў на Слуцк стала надзвычай актуальнай у 1659–1660 гадах. У гэты час было скончана узвядзенне ўмацаванняў вакол Новага места і Слуцк, такім чынам, быў цалкам замкнуты ў кола бастыённых ўмацаванняў (мал. 2). Цягам наступнага дзесяцігоддзя працы па ўдасканаленні фартыфікацый працягваліся, але з-за істотнага памяншэння небяспекі і вычарпання рэсурсаў горада ішлі больш павольнымі тэмпамі.

Галоўным ініцыятарам фартыфікацыйнага будаўніцтва ў Слуцку быў яго ўладальнік – Багуслаў Радзівіл, для якога было надзвычай важна захаваць Слуцк ад захопу і разбурэння, як галоўную крыніцу сваіх прыбыткаў. Па словах самога князя Слуцк быў для яго важны “як вока ў ілбе” [8, с. 101]. Таму Багуслаў у асабістых лістах да сваіх службоўцаў, а таксама гарадскіх уладаў пастаянна пакрэсліваў неабходнасць далейшага ўдасканалення гарадскіх фартыфікацыі [9, с. 16; 10, с. 73; 11, с. 3]. Пад ціскам князя і ягоных адміністратараў, якія настойвалі на захаванні высокіх тэмпаў будаўніцтва, гарадскі магістрат займаў больш разважлівую пазіцыю, бо з пагаршэннем эканамічнай сітуацыі рабілася ўсё цяжэй шукаць грошы на правядзенне будаўнічых прац.

Паколькі самому Багуславу Радзівілу не бракавала вайсковага досведу і ведаў у галіне фартыфікацыі [12], вырашэнне найбольш істотных пытання адносна будаўніцтва фартыфікацый у Слуцку знаходзілася ў яго кампетэнцыі. У маі–ліпені 1655 года пасля няўдалай зімовай кампаніі войска ВКЛ князь сам знаходзіўся ў Слуцку, дзе непасрэдна кіраваў узвядзеннем умацаванняў [13, с. 136]. У гэты час прыдворны архітэктар Багуслава Тэафіл Спіноўскі прадставіў яму на экспертызу праект мадэрнізацыі слуцкіх фартыфікацый [14, с. 2]. Пазней Багуслаў, які знаходзіўся пераважна ў Каралёўцы (суч. Калінінград), ажыццяляў

кантроль дыстанцыйна, толькі час ад часу наведваючыся ў Слуцк. Аб'ектыўна ацэньваць сітуацыю з будаўніцтвам фартыфікацый князю дапамагаў той факт, што акрамя вайсковага інжынера, які меўся пры слуцкім гарнізоне, многія вайсковыя і цывільныя службоўцы Багуслава мелі добрыя веды ў галіне фартыфікацыі. Гэта стварала пэўную канкурэнцыю між імі і ў сваю чаргу давала магчымасць Багуславу трымаць сітуацыю пад кантролем.

Значную ролю ў падрыхтоўцы Слуцка да абароны меў оберстэр-лейтэнант палка нямецкай пехоты Багуслава Радзівіла шатландзец па паходжанні Вільгельм Патэрсан, які ў 1654–1655 гады выконваў абавязкі каменданта і губернатара Слуцка [8, s. 95]. Менавіта ён восенню 1655 года, у найбольш крытычны для горада момант, прымаў тэрміновыя рашэнні адносна будаўніцтва ўмацаванняў. У гэты час на загад Патэрсана вакол фартэцыі былі насыпаны шэраг часовых земляных умацаванняў. Што цікава, адно з гэтых умацаванняў, альбо шанцаў у хуткім часе было названа ў гонар каменданта Вільгельма – ці Вілім-шанцам. У пачатку верасня 1665 года, пасля першай маскоўскай аблогі, той жа Патэрсан настаяў, каб тэрмінова распачаліся працы па ўзвядзенні ўмацаванняў вакол Новага места [1, s. 62].

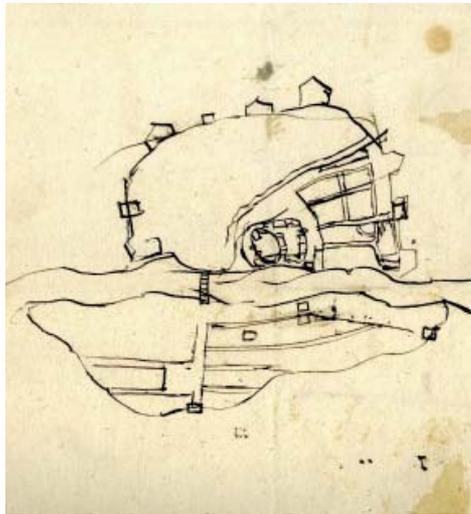
Падобную, што і Патэрсан, ролю пачынаючы з восені 1658 года выконваў плоцкі стольнік Казімір Клакоцкі. Першапачаткова ён разам з Уладыславам Гурыным быў прысланы Багуславам Радзівілам у Слуцк у якасці камісара з шырокімі паўнамоцтвамі, а ў 1663 годзе быў прызначаны губернатарам [8, s. 98]. Як можна меркаваць па асобных згадках, Клакоцкі меў не блага веды ў галіне фартыфікацыі. Напрыклад, улетку 1663 года Багуслаў Радзівіл даручыў яму падрыхтаваць да абароны фальваркі Слуцкага княства, а ў пачатку 1664 года яго запрашаў у Нясвіж падчасы ВКЛ Міхал Казімір Радзівіл (1635–1680 гг.) для кансультацыі наконт фартыфікацыі замку і горада [15, s. 20; 16, s. 47]. У 1665 годзе непасрэдна на загад Клакоцкага быў перабудаваны Вілім-шанец, а ў 1667 годзе ён удзельнічаў у дыскусіі аб праекце перабудовы бастыёна ля Астроўскай брамы [17, s. 75; 18, s. 41; 19, s. 56]. Аднак галоўнай функцыяй Клакоцкага была арганізацыя будаўнічых прац, забеспячэнне іх рыштункам і будаўнічымі матэрыяламі. З гэтым плоцкі стольнік выдатна справіўся ў асабліва небяспечныя для Слуцка 1659–1660 гады, чым заслужыў павагу калегаў і гарадскога магістрата, а таксама вялікі давер Багуслава Радзівіла [8, s. 98; 20, s. 210].

Як згадвалася вышэй, агульны праект мадэрнізацыі слуцкіх фартыфікацый быў выкананы да лета 1655 года Тэафілам Спіноўскім.

Напэўна, па гэтым праекце пачалося насыпанне валоў вакол Новага места ўвосень 1655 года. Той жа Спіноўскі падрыхтаваў для Багуслава Радзівіла праект перабудовы слуцкай цытадэлі, які пачалі рэалізоўваць з канца 1650-ых гадоў [14, s. 1–3]. Пазней на загад князя архітэктар працаваў над мадэрнізацыяй ўмацаванняў Караляўца [21 s. 5]. Удзел Спіноўскага ў будаўніцтве слуцкіх фартыфікацый быў, аднак, даволі абмежаваны. Фактычна ён на аснове вывучэння тапаграфічных асаблівасцяў горада і ваколліц падрыхтаваў план Слуцка і на падставе яго склаў праект мадэрнізацыі слуцкіх фартыфікацый. Пазней гэты праект дапрацоўваўся іншымі спецыялістамі, якія ўносілі ў яго свае карэктывы.

У працэс праектавання і будаўніцтва фартыфікацый у Слуцку быў уключаны таксама Крыштаф Вінклер, які адначасова служыў Багуславу і выконваў абавязкі звязаныя з кіраваннем горадам, у тым ліку пэўны час быў войтам Слуцка. З пратаколаў сэсій слуцкага магістрата вядома, што ў 1656 годзе ён размерыў і заклаў дамбы ў ровы, а таксама равелін (ўмацаванне трохвугольнай формы) перад Навамейскай брамай [1, s. 114, 120]. У наступным годзе ён кіраваў перабудовай фартыфікацый вакол Старога места, пра што з незадаваленнем пісаў Спіноўскі, скардзячыся на невысокі прафесіяналізм Вінклера ў фартыфікацыі [14, s. 1].

У час Багуслава Радзівіла пра слуцкім гарнізоне з’яўляецца асобная пасада вайсковага інжынера, які павінен быў непасрэдна адказваць за праектавання, разметку і ўзвядзенне фартыфікацый. Вясюю 1655 года невядомаму інжынеру, які служыў пры Патэрсане, было даручана пра-

Малюнак 1. Накід плана Слуцка, сярэдзіна XVII ст.

ектаванне новай грэблі [1, s. 24]. Пазней некаторы час інжынер пры слуцкім гарнізоне не згадваецца, а яго абавязкі выконвалі іншыя асобы, у прыватнасці той жа Вінклер ў 1656–1657 гады. З 1665 года да першай паловы 1670-ых гадоў пасаду вайсковага інжынера ў Слуцку займаў Густаў Адольф дэ ля Вале дэ Гоб. Як заўважыў польскі даследчык Б. Дыбась, першапачаткова гэта быў афіцэр нізкага рангу: да 1669 года быў у званні капітан-лейтэнанта, а пасля атрымаў ранг капітана [22, s. 264]. Дзесьці ў другой палове 1670-ых гадоў дэ ля Вале, як мяркуе беларускі даследчык У. Пярвышына, перабраўся службыць ў Нясвіж [23, с. 121]. Памёр ён ў рангу маёра і 3 верасня 1691 года быў пахаваны ў лютэранскім зборы ў Слуцку [23, с. 322].

У 1666–1667 гады дэ ля Вале падрыхтаваў праект перабудовы старога драўлянага замка ў Копысі ў бастыённую цытадэлі і сачыў за яго рэалізацыя [25, s. 1–2]. Адначасова ён працаваў над разбудовай умацаванняў у Слуцку. Пры гэтым у яго ўзніклі сур’ёзныя рознагалосці па фартыфікацыйных пытаннях з Клакоцкім і Вінклерам. Асабіва моцны канфлікт паўстаў вакол рэканструкцыі бастыёна ля Астроўскай брамы. Раздражнёны Клакоцкі нават прапаноўваў Багуславу Радзівілу даць інжынеру грошы і накіраваць яго ў Копысь, бо “і без яго тая работа невялікая можа ісці” [19, s. 55–56; 26, s. 10; 27, s. 63; 28, s. 77; 29, s. 4].

Рознага кштату рахункі па слуцкаму гарнізону даюць магчымасць уявіць заробак дэ ля Вале за час яго працы ў Слуцку. Так, за тры першыя месяцы будаўнічага сезону 1665 года (з 1 красавіка да 2 ліпеня) ён атрымаў 69 злотых 11 грошай [30, s. 2]. З 1 кастрычніка 1666 года па 1 кастрычніка 1667 года за пасаду інжынера ён атрымаў 600 злотых, а да таго 4 корцы жыта, 4 корцы аўса, 30 вазоў сена і 100 вазоў дроваў [31, s. 150]. Паводле парадку платы слуцкаму гарнізону ўведзенаму з 1 снежня 1671 года дэ ля Вале за год як інжынер мусіў атрымліваць па 300 злотых, а як капітан драгунскай харугвы – па 1076 злотых, а да таго ж яшчэ прадуктаў на 259 злотых. Для параўнання, заробак каменданта Слуцка складаў 1200 злотых грашыма і 369 злотых прадуктамі [32, s. 3, 7, 9; 33].

З некалькіх лістоў за 1669 год вядома, што ў інжынерных справах дэ ля Вале дапамагаў харунжы Фэлькерзамб [34, s. 13; 35, s. 54]. У 1669 годзе у Слуцку на загад Багуслава Радзівіла прыехаў інжынер Пальмструх, які мусіў выканаць карту Капыльскага княства, а затым падрыхтаваць план Слуцка [36, s. 69]. Аднак больш пра Пальмструха, як і пра яго магчымы ўдзел у фартыфікаванні Слуцка, нічога не вядома.

Арганізацыя і кіраванне будаўніцтвам фартыфікацый у Слуцку шмат у чым нагадвае выпадак Біржанскага замка, які ў канцы 1630-ых гадоў

на загад вялікага гетмана ВКЛ Крыштафа Радзівіла (1585–1640 гг.) быў грунтоўна перабудаваны ў старагаландскай манеры фартыфікацыі. Інжынер-архітэктар Рыгор Пірк, які падрыхтаваў праект фартэцыі, амаль увесь час адсутнічаў у Біржах. Гэтаксама рэдка наведваў будоўлю галоўны будаўнічы Адам Ёст, які адно ў 1637 і 1638 гадах вербаваў капачоў (землякопаў). Галоўную ж ролю ў арганізацыі працы і падрыхтоўцы будаўнічых матэрыялаў выконваў Ян Пекальскі, службовец Крыштафа Радзівіла. Для кансультацый накіонт праекта фартэцыі князь запрашаў таксама шэраг спецыялістаў: дасведчанага артылерыста оберстэра Готарда Плятэра, інжынера з Інфлянтаў Карнэліюса Ротэнбурга і вядомага фартыфікатара Адама Фрэйтага [37, s. 265–269].

За ўзвядзеннем умацаванняў і арганізацыю працы капачоў адказвалі валмаістры. У параўнанні з вайсковымі інжынерамі, якія мелі грунтоўную тэарэтычную падрыхтоўку ў галіне фартыфікацыі, валмаістры былі хутчэй высокакваліфікаванымі рамеснікамі, якія добра ведалі тэхналогію насыпання вала і практыку арганізацыі прац. Падчас вясенніх і асенніх паводак, яны мусілі назіраць за захаваннем умацаванняў і іх своечасовай напругай, а зімою арганізоўвалі работнікаў на сячэнне лёду ў ірвах вакол фартэцыі. Таксама праз рукі валмаістраў, як правіла, праходзілі грошы, якія выдзяляліся на капачоў. Пад іх адказнасць перадаваўся рыштунак і матэрыялы, якія набываліся для будаўніцтва [1, s. 127, 175].

З крыніц вядомы імёны двух валмаістраў, якія працавалі ў Слуцку пры Багуславе Радзівіле. Што цікава, адзін з іх – “стары рускі валмаістр” Іван Прэсны – у пратаколе сесіі слуцкага магістрата за 7 мая 1658 года называецца “здаўна заслужаным слугой у горадзе” [1, s. 175]. Гэта значыць, што Прэсны з’яўляўся старым гарадскім валмаістрам і ўжо цягам многіх гадоў працаваў на слуцкіх умацаваннях. Валмаістар нямецкага паходжання Ганс Бэк быў, па ўсім відаць, дасланы Багуславам Радзівілам у Слуцк у дапамогу Прэснаму, калі працы на слуцкіх фартыфікацыях дасягнулі вялікага размаху. Пры гэтым Прэсны працаваў выключна на гарадскіх фартыфікацыях, у той час як галоўнай задачай Бэка, які быў уключаны ў склад слуцкага гарнізона і атрымліваў заробак ад князя, было ўзвядзенне цытадэлі. Аб гэтым сведчыць шэраг фактаў. Напрыклад, 7 чэрвеня 1656 года горад прапанаваў Бэку вярнуць рыдлёўкі пазычаныя яму на працы ў цытадэлі, а на пасяджэнні магістрата 7 мая 1658 года адзначалася, што калі князь загадае Бэку працаваць на цытадэлі, дык ён мусіць знайсці на сваё месца іншага валмаістра, каб працы на гарадскіх фартыфікацыях не спыняліся. З апошняй

згадкі таксама вынікае, што за плату ад горада Бэк даволі часта працаваў на гарадскіх фартыфікацыях [1, s. 112, 175].

Абодва слуккія валмайстры мелі памочнікі, ці вучняў. У прыватнасці вядома, што разам з Іванам Прэсным у 1656 годзе працаваў валмайстар Яська (магчыма, ягоны сын). У сваю чаргу Ганс Бэк ў пачатку 1657 года узяў “на навуку” невядомага па імяні малодшага сына цэйгварта (загадчыка арсенала) Міхала Лінка [1, s. 127, 132].

Аб тым, як аплочвалася праца валмайстра, можна меркаваць па заробку Ганса Бэка. Найбольшую сумму за год немец атрымаў у 1664 годзе, калі з касы князя яму было выплачана 208 злотых 38 [38, s.106]. У наступным годзе за будаўнічы сезон (з 1 красавіка па 1 кастрычніка) Бэк атрымаў 133 злотых [30, s. 2, 5]. З заканчэннем будаўнічага сезону заробак валмайстра мог значна зніжацца. За працу на гарадскіх фартыфікацыях Бэк атрымліваў па 3 злотых за тыдзень, пры гэты нягледзячы на загад князя выплочваць заробак валмайстру цэлы год горад адмаўляўся плаціць яму з заканчэннем будаўнічага сезону [1, s. 175, 191]. Паводле парадку платы слуцкаму гарнізону, уведенаму з 1 снежня 1671 года валмайстр, якім, відаць, па-ранейшаму заставаўся Бэк, павінен быў атрымліваць 111 злотых грашыма і 36 злотых прадуктамі [32, s. 9; 33]. На думку У. Пярвышына, у сярэдзіне – другой палове 1670-ых гадоў Бэк, які і дэ ля Вале, пераехаў у Нясвіж [33, с. 122].

Малюнак 2. План Слуцка, пачатак XVIII ст. (Я.Г.М. фон Фюрстэнхоф)

Паколькі будаўніцтва ўмацаванняў вакол Слуцка фінансавалася горадам, магістрат імкнуўся самастойна наглядаць за працамі. Спачатку абавязак сачыць за працамі на вале і станам умацаванняў быў ускладзены на трох будаўнічых, якія абіраліся на сэсіі магістрата і зацвярджаліся князем [1, s. 3, 24, 25]. Аднак, паколькі гэта была досыць цяжкая праца, а буданічыя мелі шэраг іншых важных задач, у хуткім часе пачалі прызначаць асобных дзорцаў. У 1655 годзе за капачамі сачыў нейкі Ганус, а з 1656 года пачалі абіраць двух дзорцаў з мяшчанаў, якія павінны былі працаваць па чарзе і мяняцца праз месяц або шэсць тыдняў. Дзорцы мусілі пільнаваць каб капачы спраўна працавалі, а таксама каб не гінуў рыштунак, які належаў гораду. У канцы кожнага тыдня дзорцы павінны былі падаваць справаздачы, паводле якіх гарадскі падскарбі выплочваў ім грошы на валмайстра і капачоў. Заробак дзорцаў складаў 2 злотых у тыдзень [1, s. 28, 103, 146, 154, 247; 2, s. 241–242].

Верагодна, яшчэ ў першай палове XVII ст. у Слуцку ўсталявалася традыцыя штогод на грошы з гарадской скрынкі (гарадскога бюджэта) вербаваць работнікаў-капачоў на працы на вале. Такім чынам, гарадскія ўмацаванні падтрымлівалася ў належным стане і разбудоўваліся далей. Эфектыўнасць працы наёмных рабочых была вялікая. Па меркаванні магістрата, сотня наёмных капачоў за дзень магла зрабіць болей, чым дзве сотні мяшчан [1, s. 69]. Што да аб'ёмаў працы, якія мог выконваць капач за дзень, дык паводле Клацокага добрым вынікам было 100 тачак зямлі [39, s. 15]. Між сабою наёмныя работнікі выбіралі дзесятнікаў, якія падпарадкоўваліся непасрэдна валмайстру. Заробак капачоў складаў 2 злотых у тыдзень, а за будаўнічы сезон (красавік-кастрычнік) капач, такім чынам, мог зрабіць да 60 злотых. Толькі ў сакавіку 1664 года з-за браку грошай было вырашана зменшыць плату капачам [1, s. 28, 68–69, 103; 2, s. 332].

Колькасць наёмных капачоў, якую мог выставіць горад, залежала ад яго фінансавых магчымасцяў. Ніжэй прывядзем некаторыя звесткі з пратаколаў сэсій магістрата і карэспандэнцыі службоўцаў Багуслава Радзівіла, якія дадуць магчымасць рэальна ацаніць магчымасці Слуцка па найму капачоў, якія былі фактычны галоўнай працоўнай сілай на будаўніцтве ўмацаванняў. Летам 1655 года з павялічэннем небяспекі для горада было вырашана наняць 60 капачоў на направу валоў. Праз некалькі месяцаў з увядзеннем новага экстраардынарнага падатку з'явіліся грошы, каб павялічыць колькасць работнікаў да 100. Столькі ж капачоў было вырашана ўтрымліваць у наступным годзе [1, s. 48, 69, 103]. На пачатку 1657 года для працы на старамейскім вале было забавана 50 чалавек, а ў канцы чэрвеня з дапамогай пазыкі горад зайшоў

грошы на наём яшчэ 50 капачоў для працы на навамейскім вале [1, s. 142, 150–151; 40, s. 5]. У наступныя два гады колькасць работнікаў не перавышала 50: у маі 1657 года было завербавана 30 чалавек, да якіх у чэрвені далучыліся яшчэ 20, а ў 1658 годзе з-за праблем з грашыма працавала, напэўна, і таго менш. У прыватнасці ў пачатку кастрычніка 1658 года на ўтрыманні горада знаходзілася 24 капачы [1, s. 174, 182, 188–189]. У 1659–1660 гады ў сувязі з павялічэннем пагрозы для Слуцка камісары Багуслава Радзівіла – Клакоцкі і Гурын – запатрабавалі ад горада павялічыць колькасць капачоў да 100. Гарадскія ўлады ў чарговы раз мусілі задумацца, адкуль узяць грошы на іх утрыманне. Вядома, што красавіку-маі 1660 года ў розных месцах працаваў 51 чалавек, да якіх камісары патрабавалі дадаць яшчэ людзей [1, s. 208–209, 244, 247, 249]. Цягам 1660-х гадоў колькасць работнікаў, што вербавалі ў час будаўнічага сезону ізноў не перавышала 50 чалавек. У прыватнасці вядома, што цягам вясны-лета 1661 года на валах працавала 50 капачоў, колькасць якіх у верасні была зменшана да 30 чалавек. У наступным годзе з-за цяжкасцяў з грашыма колькасць работнікаў была зменшана з завербаваных вясною 50 чалавек да 30 ужо ў ліпені. Тыя ж 50 чалавек былі завербаваны валмайстрам ўвесну 1664 года. Столькі ж капачоў збіраліся завербаваць і вясною 1668 года [2, s. 237, 245, 248, 282, 334; 41, s. 174]. Такім чынам, максімальнай нагрузкай для горада было ўтрыманне і забеспячэнне 50 капачоў, аднак у найбольш цяжкія часы за кошт пазык ці ўвядзення дадатковых падаткаў іх колькасць павялічвалася да 100 чалавек.

У складаных умовах, калі пачалася вайна з Масквой, для паскарэння ўзвядзення ўмацаванняў са згоды мяшчанства магістрат некалькі разоў уводзіў абавязак для ўсіх мяшчан ўдзельнічаць у будаўнічых працах: першы раз – восенню 1655 года, другі раз – летам-восенню 1656 года. Было вырашана выходзіць на працу сотнямі па чарзе. За працай мусілі сачыць гарадскія сотнікі, якім за гэта плацілі. Аднак падобныя “гвалты” былі эфектыўныя толькі кароткі час. У 1655 годзе мяшчане працавалі на валах толькі ў верасні і кастрычніку, а ў пачатку лістапада ўжо было вырашана перайсці да збору грошай на наём капачоў. Некаторыя мяшчане не маглі кінуць свае заняткі і наўпрост ігнаравалі гэты абавязак. Таму быў уведзены штраф у памер 12 грошай за кожны прапушчаны дзень [1, s. 63, 66–67, 72]. Падобная сітуацыя існавала з сячэннем лёду зімой у гарадскіх ірвах, што было абавязкам мяшчан. У снежні 1658 года было вырашана замяніць абавязак выхаду мяшчанаў на грашовы падатак [1, s. 193, 227].

У 1659 годзе Багуслаў Радзівіл прапанаваў павялічыць колькасць работнікаў на гарадскіх валах за кошт сялян, аднак з-за разрабаван-

ня і знішчэння воласцяў сялян не сталі прыцягваць на будаўніцтва ўмацаванняў [42, s. 12].

У адрозненні ад гарадскіх умацаванняў на цытадэлі ў асноўным працавалі жаўнеры слускага гарнізона. З ліста Клакоцкага вядома, што ў 1663 годзе ў ёй працавала 100 жаўнера [39, s. 15]. Гэтаксама зімой жаўнеры былі абавязаныя секчы лёд вакол цытадэлі. У найбольш цяжкія для горада часы жаўнераў таксама накіроўвалі на будаўніцтва гарадскіх фартыфікацый. Напрыклад, у 1655 годзе Вільгельм Патэрсан даў жаўнераў для узвядзення новай грэблі і будаўніцтва ўмацаванняў вакол Новага места, а ў 1656 годзе жаўнеры працавалі на адным з бастыёнаў Старога места [1, s. 5, 26, 62, 78, 112, 193].

Істотным рэсурсам павялічэння колькасці капачоў былі вязні і арыштанты. У выніку ваенных дзеянняў у Слуцк спарадычна прыводзілі дзесяткі маскоўскіх і казацкіх палонных. Паколькі прывілей выкарыстання вязняў меў ўладальнік горада, то вязняў найчасцей накіроўвалі на будаўніцтва цытадэлі. Улетку 1662 года, калі прыйшоў суровы загод караля аб высылцы маскоўскіх вязняў у Оршу і Менск, “валавая работа”, па словах Гурына, амаль стала, бо засталася ўсяго некалькі казацкіх вязняў [43, s. 92; 44, s. 118]. У люты 1664 года Клакоцкі непакоіўся, што не мецьме з кім працягваць будаўніцтва цытадэлі, і прасіў пераслаць у Слуцк некалькі дзесяткаў маскоўскіх вязняў з Копысі, якія там “дарма хлеб елі” [45, s. 29]. А з ліста каменданта Слуцка Аляксандра Шылінга за люты 1664 года вынікае, што вязні і жаўнеры былі асноўнай працоўнай сілай на будаўніцтве цытадэлі [46, s. 9]. На вязняў, аднак, часта скардзіліся, што ад іх мала карысці, бо яны як маглі шукалі магчымасці звольніцца ад працы, а з-за кепскага догляду яшчэ і хварэлі часта [18, s. 41].

Для працы на гарадскіх ўмацаваннях прыцягваліся парушальнікі рознага кшталту гарадскіх парадкаў. Яшчэ раней за азначаны перыяд існавала практыка адпраўляць тых, што не вяртаў пазыку на насыпанне вала, а заробленыя арыштантам грошы ішлі на скасаванне пазыкі. “Валавай работай” караліся таксама рамеснікі, што не выканалі замову, ці парушылі цэхавы статут, а таксама рамеснікі-партачы. Па ўзгадненні з калецкім старстам да працы на валах прыцягвалі жабракоў, якія маглі працаваць. На валы адпраўлялі п’яніц, што да пазна сядзелі ў корчмах, а жанчын лёгкіх паводзінаў прымушалі чэрпаць твань з ірвоў [1, s. 30, 39; 3, с. 31–32].

Акрамя капачоў на ўзвядзенні фартыфікацый былі задзейнічаны рамеснікі рознага кшталту. З іх бадай што найбольш запатрабаванымі былі цеслі (цесляры). Акрамя таго, што яны ўзводзілі будынкі і розныя абарончыя прыстасаванні (масты, узводы, кабыліны), цеслі такса-

ма выраблялі рыштунак для працы капачоў (рыдлёўкі, тачкі). На чале гарадскіх цесляў стаяў цясельскі стараста, з якім дамаўляся магістрат на конт вядзення тых ці іншых прац, і які адказваў за працу сваіх падначаленых. Вядома, напрыклад, што вясною 1655 года на будаўніцтве новай грэблі працаваў майстар і 5 цесляў, якім дапамагалі 6 парабкаў. Летам 1656 года на будаўніцтве Навамейскай брамы былі задзейнічаны 4 майстры і 4 падзеннікі, а на ўзвядзенні новай дамбы – 4 майстры і 8 парабкаў. Майстру ў залежнасці ад складанасці працы плацілі ад 3 да 5 злотых, простаму цеслю – 3 злотых, а парабку – 2 злотых [1, s. 28, 116, 151]. Апроч гарадскіх цесляў на ўтрыманні князя меўся адзін ці некалькі замкавых цесляў, адзін з якіх ў 1660 годзе збудаваў мост каля цытадэлі [47, s. 130]. У 1664 годзе замкавы цесля за год атрымаў 130 злотых [38, s. 106]. За будаўнічы сезон 1665 года замкавым цеслям, якіх было, відаць, двое, было выплачана 98 злотых. Асобна была аплочана праца “новага” цеслі Дзмітра, які атрымаў 46 злотых [30, s. 3, 6]. Адрознай ад цесляў справай займаліся пільнікі, якія рыхтавалі тарчыцы (дошкі) на розныя пагрэбы, у тым ліку на рыштаванні для насыпання валоў. Напрыклад, у лютым 1656 года магістрат дамовіўся з пільнікам Яськам на выраб 3 коп (180 штук) тарчыц [1, s. 92, 192].

З мулярамі ў Слуцку ў адрозненні ад цесляў былі праблемы. У амаль цалкам драўляным горадзе хапала ганчароў, якія выкладвалі печы ў дамах. Аднак у Слуцку меўся шэраг збудаваных з цэглы і важных для абароны будынкаў, як напрыклад тры брамы ў старамейскім вале ці паравы магазін у цытадэлі, якія трэба было даглядаць. Таму службоўцам Багуслава Радзівіла даводзілася шукаць і запрашаць муляроў. Напрыклад, у 1663 годзе згадваецца муляр з Галоўчына, які выкладваў печы і коміны ў новым палацы князя, і якога Гурын імкнуўся затрымаць у Слуцку [48, s. 59; 49, s. 206–207]. Напэўна, той жа муляр займаўся направаю Астроўскай і Ільінскай мураваных брамаў летам 1663 года [2, s. 310, 316].

Рознага кшталту жалезныя дэталі для будынкаў і рыштунку выраблялі і напраўлялі кавалі і слесары. У рахунках за 1664 год адзначаецца, што на ўтрыманні князя меўся замкавы слесар, якому было выплачана 120 злотых за год [38, s. 106]. Улетку 1659 года пад час устаноўкі абарончых прыстасаванняў на ставе між цытадэллю і Вілім-шанцам мейская рада прыцягвала да працы таксама рыбакоў [1, s. 207].

У дапамогу людзям на будаўніцтве фартыфікацый меліся коні, якіх найчасцей выкарыстоўвалі для перавозкі будаўнічы матэрыял. Зімою коньмі таксама аралі лёд у ірвах. На будоўлі цытадэлі выкарыстоўваліся замкавыя коні, а горад утрымліваў асобных коней для прац на гарадскіх

умацаваннях. Вясною 1655 года магістрат выдзяліў на ўтрыманне коней на чвэрць года 100 злотых, з якіх 34 мусілі пайсці дзорцу за коньмі, 54 – двум парабкам і 10 – на авёс. У наступным годзе горад быў вымушаны купляць новых коней, бо старыя згінулі, аднак, як можна меркаваць з пратаколаў сэсій магістрата, з-за праблем з грашыма праз пэўны час іх прадалі [1, s. 27, 105]. Што тычыцца замкавых коней, дык вядома, што ў 1659 годзе меліся тры „клячы”, дзве з якіх былі турэцкімі. У тым жа годзе Клакоцкі прасіў Багуслава Радзівіла прыслаць у Слуцк цуг (пару) моцных паморскіх коней, якіх пазней можна было б разводзіць на месцы. Аднак, князь, відаць, так і не прыслаў “памораў”, бо пазней, у 1662 годзе з такой жа просьбай звяртаўся Гурын [50, s. 85; 51, s. 138].

Падагульняючы пералік і характарыстыку рамеснікаў занятых на будаўніцтве цытадэлі ў сярэдзіне XVII ст. хацелася б прывесці словы Тэафіла Спіноўскага з ягонага ліста да князя, якімі архітэктар абгрунтоўваў свой пераезд з Нясвіжа ў Слуцк у 1658 годзе: “тую ж мадэль можна выдатна прыспасобіць для слуцкай Новай фартэцыі (цытадэлі. – М.В.), і ці ні хутчэй у нас (у Слуцку. – М.В.) стане, чым у Нясвіжы, бо там няма ані работнікаў такога мноства і такіх здольных, ані валмайстра, ані цесля такога здольнага, каб такую пекную работу, якая ў мадэлі паказана, змог выканаць...” [14, s. 1].

Галоўнай прыладай, якой карысталіся капачы, была драўляная рыдлёўка, акаваная ўнізе жалезам [1, s. 127]. Пачынаючы з кастрычніка 1655 года, каб паскорыць працу капачоў, за кошт горада пачалі рабіць драўляныя тачкі. Як можна меркаваць па асобных згадках, кожнаму работніку выдавалася па тачцы, з чаго можна зрабіць выснову, што яны працавалі паасобна, а не ў парах. З часам тачкі псаваліся, і іх даводзілася за кошт горада напраўляць, ці вырабляць новыя. Каб узмацніць адказнасць за рыштунак у 1658 годзе магістрат абавязаў работнікаў прыходзіць на працу са сваім рыштункам ці выкупляць рыштунак, які яны атрымлівалі ад горада. Пры гэтым за тачку прапаноўвалася плаціць па 1 злотаму, а за рыдлёўку – па 10 грошаў. Аднак магістрат, верагодна, свядома завысіў кошт на рыштунак, бо, напрыклад, у 1665 годзе за выраб 10 тачак для работ на цытадэлі было выплачана 2 злотых 15 грошаў [1, s. 66, 112, 127, 131, 153, 174; 2, s. 334; 30, s. 3]. Для ўсцягвання тачак з зямлёю на вал рабіліся драўляныя рыштаванні, для якіх пільнікам замаўляліся тарчыцы даўжынёй 3–4 сажні (5,8–7,8 м). Паводле кантракту, які магістра заключыў з пільнікам Яськай у снежні 1658 года, кошт двух коп (120 штук) тарчыц складаў 20 злотых [1, s. 92, 131, 137, 193, 240; 2, s. 329].

За захаванне рыштунку ў час будаўніцтва адказваў валмайстар, а па заканчэнні прац увосень ён мусіў перадаваць увесь будаўнічы рыштунак на захаванне гарадскім будаўнічым. У выпадку цытадэлі рыштунак, напэўна, перадаваўся цэйгварту і захоўваўся ў цэйхгаўзе. Зімою старыя прылады напраўляліся, а ў выпадку патрэбы вырабляліся новыя [1, s. 78, 127, 190, 210].

Асноўным будаўнічым матэрыялам, які выкарыстоўваўся для фартыфікацыйнага будаўніцтва ў Слуцку ў сяр. XVII ст. была зямля. Таму будаўнічы сезон распачыналі у красавіку – пачатку мая, пасля таго як сыходзіў снег і вясновая вада, якая рабіла глебу празмерна вільготнай. Канкрэтны час пачатку прац залежаў ад зменлівага надвор'я. Напрыклад, у 1655 годзе цытадэль заклалі ўжо 1 красавіка, а гарадскія валы пачалі напраўляць 14 красавіка. У 1656 годзе працы хацелі распачаць у першых тыднях красавіка, аднак яшчэ 20 красавіка з-за дажджоў не маглі да іх прыступіць. У 1657 годзе напраўляць і сыпаць гарадскія фартыфікацыі пачалі 23 красавіка, а ў 1658 годзе – 6 мая. На дату пачатку прац уплываў і фінансавы фактар. Напрыклад, у 1663 годзе нягледзячы на прапанову вайта вывесці капачоў на вал у пачатку красавіка, з-за праблем з грашыма першыя 15 работнікаў пачалі працаваць толькі 10 мая [1, s. 28, 99, 103, 142, 174; 2, s. 301, 304]. Заканчвалі “валавую работу” ў верасні альбо кастрычніку. У прыватнасці сезон працы валмайстра і інжынера слуцкага гарнізона ўключаў шэсць месяцаў: з красавіка па верасень. Ва ўмовах небяспекі ўзводзіць і напраўляць умацаванні маглі нават позняя восенню, зімой і ранняя вясною. Падобная сітуацыя склалася ў Слуцку ў 1655–1656 і 1659–1660 гады. Хаця працы ў цяжкіх кліматычных умовах былі малаэфектыўныя і, як скардзіўся магістрат, толькі паглыналі грошы [1, s. 62, 235].

Галоўным абрончым элементам слуцкіх умацаванняў з'яўляўся земляны вал, трываласць якога залежала ад якасці глебы. Таму для ўмацавання вала ў Слуцку шырока ўжываўся гной, які мяшчанам загадвалася звозіць з падворкаў і вуліц у вызначаныя валмайстрам месцы. Звонку для дасягнення неабходнай стромкасці вал абкладваўся дзёрнам, які капачы высакалі за горадам і вазілі на будоўлю [1, s. 22, 27, 113, 120; 52, s. 109]. Земляны бруствер зверху вала з унутранага боку для неабходнай стромкасці дадаткова апляталі хворастам [1, s. 122]. Берму, альбо лаву звонку ля падножжа вала, а таксама дамбы і грэблі, каб захаваць іх ад размыву вадою, ўмацоўвалі дубовымі каламі і апляталі лазовым хворастам [1, s. 122, 160, 174; 2, s. 315].

Нягледзячы на спробы ўмацаваць земляны вал яго ўсё адно год ад года даводзілася рамантаваць. Земляныя і драўляныя канструкцыі былі вельмі

нетрывалыя: валы апльвалі ад дажджоў, брустверы абвальваліся, ірвы зарасталі, а палісады перад валамі гнілі. У красавіку 1658 года магістрат канстатаваў, што леташняя праца на гарадскіх фартыфікацыях “на нішто пайшла” з-за дажджоў і яе давядзецца аднаўляць цягам гэтага лета [1, s. 173]. Пастаянныя дажджы перашкаджалі працы і восенню 1662 года, калі “усё што рабілі з-за вялікай вільготнасць асядала”. Цягам 1668–1669 гадоў, па словах Крыштафа Вінклера, “валовая работа” ўвогуле з-за пастаяннай непагоды “толькі са стратай грошай ідзе” [53, s. 20; 54, s. 59].

Дрэва для будаўніцтва рыхтавалі і звозілі, як правіла, зімою, калі спынялася праца на валах і дзякуючы снегу і маразам усталёўвалася “добрая зімовая” дарога. Для нарыхтоўкі дрэва альбо высылалі групу цесляў, якія за адпаведную плату высыкалі і сплаўлялі яго да Слуцка, альбо закупалі дрэва ў мяшчан і сялян. Па коштах на лета 1659 года адна дубовая паля для палісады, што ставілі вакол валоў, каштавала 5 грошаў. На штaket, ці паркан, які ставілі на грэблі і валах ішлі альховыя палі даўжынёй 2 сажані (3,9 м). Даўжэйшыя пяцісажнёвыя (9,7 м) палі ў 1660 годзе закупалі для таго, каб перагарадзіць стаў на Случы. Акрамя паляў, брусоў і тарчыц зімою стараліся назапасіць хворасту, які ішоў на аплятанне бруствераў і рвоў, а таксама на пляценне кашоў-габіёнаў, што расстаўляліся на валах [1, s. 206, 233–234].

Як адзначалася вышэй, традыцыі муравага будаўніцтва на Случчыне былі слабымі, аднак цэглу і вапну, прынамсі для печаў, у княстве выраблялі. Яшчэ раней, у 1629 годзе, у розных валасцях княства працавалі тры цагельні і адна вапельня [55]. Як пісаў Гурын у 1661 годзе, не было праблемы з вырабам цэглы для адбудовы разбуранай у час вайны царквы Трайчанскай манастыра, былі б толькі грошы [56, s. 231]. Таму, не выклікае сумневу, што цэглу і вапну для будаўніцтва мураванага парахавога магазіну ў цытадэлі, а таксама для напавы мураваных брам пры Багуславе Радзівіле рабілі на Случчыне.

У канцы хацелася б падкрэсліць, што выпадак Слуцка для даследвання фартыфікацыйнага будаўніцтва ў Вялікім Княстве Літоўскім у XVII ст. сапраўдны унікальны. Грунтоўная база з пісьмовых і іканаграфічных крыніц робіць магчымай вельмі дакладную і падрабязную рэканструкцыю арганізацыі будаўнічых прац на ўмацаваннях Слуцка і іх забеспячэнне людзьмі і матэрыяламі ў другой чвэрці XVII ст. Гэта не толькі пашырае нашыя веда аб тагачаснай фартыфікацыі, аднак і робіць магчымым далейшыя больш глыбокія даследванні ў галіне ўрбаністыкі, гісторыі архітэктуры і горадабудаўніцтва ранняга Новага часу.

Спіс літаратуры

1. Lietuvos mokslų akademijos biblioteka (далей – LMAV). – Ф. 9. – №. 1873. Пра-таколы сэсій слускага магістрата (вядомыя таксама як “Лаўда альбо ўхвала пра абарону, парадак і аздобу места Слуцка”) з 3 снежня 1654 па 28 снежня 1660 г. (арыгінал); Archiwum Główne Akt Dawnych (далей – AGAD). Archiwum Radziwiłłów (далей – AR). – Dz. II. – Ks. 69/14. Пратаколы сэсій слускага магістрата з 3 снежня 1654 па 1 ліпеня 1659 г. (копія XVII ст.); AGAD. – AR. – Dz. XXIII. – Т. 134. – Pl. 2. Пратаколы сэсій слускага магістрата з 9 мая 1656 па 28 снежня 1660 г. (копія XVII ст.); Biblioteka Muzeum im. Ks. Czartoryskich w Krakowie. – Rkps 389. Пратаколы сэсій слускага магістрата з 3 снежня 1654 па 28 снежня 1660 г. (копія XIX ст.).
2. AGAD. – AR. – Dz. XXIII. – Т. 134. – Pl. 2. – Пратаколы сэсій слускага магістрата з 19 снежня 1661 па 2 лютага 1665 г. (копія XVII ст.).
3. Ткачоў, М.А. Замкі і людзі / М.А. Ткачоў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1991. – 182 с.
4. Энциклопедия истории Беларуси: в 6 т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцикл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. – Мн.: БелЭн, 2001. – 591 с.
5. Нацыянальны гістарычны архіў Беларусі. – Ф. 694. – В. 2. – Спр. 10729. – Прыход грашовых сум і выдаткі Януша Радзівіла.
6. Lietuvos mokslų akademijos biblioteka. – F. 139. – Nr. 1906, p. 19–19 verso. – A. Каменскі да Я.К. Хадкевіча. А. Kamiński do J.K. Chodkiewicza. 30.07.1618. Цімкавічы.
7. Волкаў, М.А. Да пытання аб аўтарстве калекцыі малюнкаў сярэдзіны XVII ст. з архіва князёў Радзівілаў / М.А. Волкаў // Беларускі гістарычны часопіс. – № 7. – Мінск. – 2012. – С. 34–38.
8. Kossarzecki, K. Sluck wobec zagrożenia moskiewskiego i kozackiego podczas wojny z Moskwą w latach 1654-1667 / K. Kossarzecki // Materiały do Historii Wojskowości. – № 2. – Pułtusk. – 2004. S. 93–112.
9. AGAD. – AR. – Dz. VII. – Nr. 678, s. 15–18. – Інструкцыя Вільгельму Патэрсану, галоўнаму камісару і губэрнатару Слуцкага і Капыльскага княстваў. 8.1.1660.
10. AGAD. – AR. – Dz. IV. – K. 47, s. 63–73. – Ліст Багуслава Радзівіла да Яна Гросса. 14.7.1657. Каралявец.
11. AGAD. – AR. – Dz. IV. – K. 48, s. 1–5. – Ліст Багуслава Радзівіла да Яна Гросса. 30.8.1657. Каралявец.
12. Карлюк, К. Пад штандарам дома Аранскіх. Першае “кавалерыйскае падарожжа” Багуслава Радзівіла (1637–1640 гг.) і яго ўдзел у галандскай аблозе Хюлста 1640 г. / К. Карлюк // ARCHE. – № 6. – Мінск. – 2012. – С. 403–439.
13. Autobiografia / Bogusław Radziwiłł; wstępem poprzedził i oprac. Tadeusz Wasilewski. – Warszawa: Państw. Instytut Wydawniczy, 1979. – 379 s.
14. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 14914, s. 1–4. – Ліст Тэафіла Спіноўскага да Багуслава Радзівіла. 6.2.1658. Слуцк.
15. AGAD. – AR. – Dz. IV. – K. 56, s. 20–21. – Ліст Багуслава Радзівіла да Ёладыслава Гурына. 16.7.1663. Каралявец.
16. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 6865/III, s. 47–52. – Ліст Казіміра Клакоцкага да Багуслава Радзівіла. 8.3.1664. Слуцк.

17. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/I, s. 73–75. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. 3.7.1665. Слуцк.

18. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/II, s. 36–41. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. 6.8.1667. Слуцк.

19. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/II, s. 50–64. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. 4.11.1667. Слуцк.

20. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 5569/I, s. 207–211. – Ліст Уладыслава Гурына да Багуслава Радзівіла. 18.6.1661. Слуцк.

21. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 14914, s. 5–6. – Ліст Тэафіла Спіноўскага да Багуслава Радзівіла. 10.6.1660. Каралевец.

22. Dybaś, B. Fortece Rzeczypospolitej. Studium z dziejów budowy fortyfikacji stałych w państwie polsko-litewskim w XVII wieku / B. Dybaś. – Toruń: Towarzystwo Naukowe w Toruniu, 1998. – 381 s.

23. Пярвышын, У. Фартыфікацыі нясвіжскага замка ў канцы XVI–XVIII стст. / У. Пярвышын // Нясвіжскі палац Радзівілаў: гісторыя, новыя даследаванні. Вопыт стварэння палацавых музейных экспазіцый: матэрыялы 1-й міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Нясвіж, 20 кастрычніка 2009 года / [рэдкалегія: В. А. Сталярчук (галоўны рэдактар) і інш.]. – Нясвіж: [б. в.], 2010. – С. 115–124.

24. Dzienniki 1695–1700 / S. Niezabitowski. Opracował, przygotował do druku i wstępem opatrzył A. Sajkowski. – Poznań: Wydaw. Naukowe Uniw., 1998. – 374 s.

25. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 16828, s. 1–3. – Ліст Густава Адольфа дэ ля Вале да Багуслава Радзівіла. 5.3. 1667. Слуцк.

26. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 6865/IV, s. 17–23. – Ліст Казіміра Клакоцкага да Багуслава Радзівіла. 15.1.1666. Слуцк.

27. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 6865/IV, s. 63–64. – Ліст Казіміра Клакоцкага да Багуслава Радзівіла. 3.5.1666. Слуцк.

28. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 6865/IV, s. 77–78. – Ліст Казіміра Клакоцкага да Багуслава Радзівіла. 5.6.1666. Слуцк.

29. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 16828, s. 4–6. – Ліст Густава Адольфа дэ ля Вале да Багуслава Радзівіла. 13.8.1667. Слуцк.

30. AGAD. – AR. – Dz. VII. – Nr. 679. – Рахункі слускага гарнізона за 1665 год.

31. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/II, s. 148–151. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. 22.2.1668. Б.м.

32. AGAD. – AR. – Dz. VII. – Nr. 680. – Парадак платы слускаму гарнізону па рэдукцыі 27 лістапада 1671 года пачынаючы з 1 снежня 1671 года.

33. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 1848/I, s. 241. – Сума выдаткаў на год на слупкі гарнізон.

34. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 16828, s. 13–15. – Ліст Густава Адольфа дэ ля Вале да Багуслава Радзівіла. 27.7.1669. Слуцк.

35. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/III, s. 54–57. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. Б. д. і м.

36. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/III, s. 68–70. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. 24.8.1669. Слуцк.

37. Wasilewski, T. Budowa zamku i rezydencji Radziwiłłów w latach 1586–1654 / T. Wasilewski // Podług nieba i zwyczaju polskiego : studia z historii architektury, sztuki i kultury ofiarowane Adamowi Miłobędzkiemu. - Warszawa : Państwowe Wydawn. Nauk., 1988. – S. 263–272.

38. AGAD. – AR. – Dz. VII. – Nr. 678, s. 105–108. – Рээстр заробкаў і таго, што слуцкаму гарнізону вылачана са скарбу. 12.3.1664.

39. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 6865/III, s. 13–19. – Ліст Казіміра Клакоцкага да Багуслава Радзівіла. 19.1.1664. Слуцк.

40. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 16643, s. 3–6. – Ліст Васіля Тышэвіча і да Багуслава Радзівіла. 25.6.1657. Слуцк.

41. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/II, s. 174–176. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. 5.5.1668. Б. м.

42. AGAD. – AR. – Dz. IV. – К. 57, s. 10–12. – Ліст Багуслава Радзівіла да Казіміра Клакоцкага і Ўладыслава Гурына. 7.6.1659. Каралявец.

43. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 5569/II, s. 89–95. – Ліст Уладыслава Гурына да Багуслава Радзівіла. 27.7.1662. Слуцк.

44. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 5569/II, s. 115–119. – Ліст Уладыслава Гурына да Багуслава Радзівіла. 31.8.1662. Слуцк.

45. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 6865/III, s. 29–32. – Ліст Казіміра Клакоцкага да Багуслава Радзівіла. 9.2.1664. Слуцк.

46. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 14021, s. 9–10. – Ліст Аляксандра Шылінга да Багуслава Радзівіла. 18.7.1664. Слуцк.

47. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 5569/I, s. 129–130. – Ліст Уладыслава Гурына да Багуслава Радзівіла. 11.11.1660. Слуцк.

48. AGAD. – AR. – Dz. IV. – К. 55, s. 59–60. – Ліст Багуслава Радзівіла да Ўладыслава Гурына. 2.4.1663. Каралявец.

49. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 5569/II, s. 205–207. – Ліст Уладыслава Гурына да Багуслава Радзівіла. 16.3.1663. Слуцк.

50. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 6865/I, s. 85–86. – Ліст Казіміра Клакоцкага да Багуслава Радзівіла. 8.5.1659. Слуцк.

51. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 5569/II, s. 135–140. – Ліст Уладыслава Гурына да Багуслава Радзівіла. 28.10.1662. Слуцк.

52. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 6865/II, s. 109–112. – Ліст Казіміра Клакоцкага да Багуслава Радзівіла. 3.6.1663. Слуцк.

53. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/I, s. 20–22. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. 20.9.1662. Слуцк.

54. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 17469/III, s. 58–61. – Ліст Крыштафа Вінклера да Багуслава Радзівіла. 3.8.1669. Слуцк.

55. Lietuvos valstybės istorijos archyvas. – F. 1280. – A. 1. – В. 2057. – Р. 1–2 verso. – Рээстр княжацкіх цагельняў і вапельні ў Слуцчыне у 1629 годзе.

56. AGAD. – AR. – Dz. V. – Nr. 5569/I, s. 227–237. – Ліст Уладыслава Гурына да Багуслава Радзівіла. 20.8.1661. Слуцк.

ЁГАН ХРЫСТАФ БРОЦЭ І ПАЧАТАК ВЫВУЧЭННЯ КІРЫЛІЧНЫХ АКТАЎ РЫЖСКАГА АРХІЎНАГА КОМПЛЕКСА MOSCOWITICA-RUTHENICA

Вось ужо тры стагоддзі ўвагу даследчыкаў прыцягваюць матэрыялы архіўнага комплексу *Moscowitica-Ruthenica*, якая ўтрымлівае дакументы па гісторыі зносін Рыгі і Ганзы на працягу XIII—XVII стст. з беларускімі землямі, Вялікім Княствам Літоўскім, а таксама гарадамі і княствамі на тэрыторыі Расіі. Контрагентамі Рыгі ў гэтых зносінах выступалі найперш таксама гарады – Смаленск, Полацк, Віцебск, Пскоў, Ноўгарад Вялікі. Назва калекцыі *Moscowitica-Ruthenica* ўзнікла гістарычна і, з улікам статыстычнай колькасці матэрыялаў па розных рэгіёнах, не да канца адэкватна адлюстроўвае яе змест. Для калекцыі найлепш бы пасавала назва *Ruthenica-Moscowitica*, бо менавіта “Рутэніцы” (матэрыялаў пра славянскія тэрыторыі Вялікага Княства Літоўскага) там найбольш, а матэрыялы, што датычаць уласна Расіі, складаюць меншасць. Але выкажам здагадку, што ў канцы XVI–XVII ст., калі парадкаваліся матэрыялы комплексу і складаліся першыя яго рэестры, на першае месца чаргу ў рэгіянальных зносінах паводле знешнепалітычнага гучання выйшла менавіта Расія, што і паўплывала на ўзнікненне назвы, паставіўшы на пачатак назвы “Маскавіціку”. У XVII ст. аддзелы *Ruthenica* і *Moscowitica* практычна зліваюцца ў адзін і вопісы ды рэестры XVII ст. іх болей не падзяляюць [23, с. 51].

На сённяшні дзень матэрыялы калекцыі складаюць розныя архіўныя фонды Латвіскага Дзяржаўнага Гістарычнага Архіва ў Рызе, але фарманне ядра гэтай былой калекцыі і яго размеркаванне па сучасных фондах

Малюнак 1. Ёган Хрыстаф Броце. Партрэт невядомага мастака пач. XIX ст.

ужо досыць няблага вывучана [21, с. 19–28; 23, с. 94–106; 38, с. 125–143; 5, с. 10–19; 8, с. 168–174; 7, с. 20–26]. Тым не менш ёсць сюжэты, якія, з аднаго боку, асветлены ў спецыяльнай літаратуры, але іх важнасць для вывучэння даўняга пісьменства і гісторыі міжрэгіянальных кантактаў не да канца артыкулявана і, магчыма, не на поўніцу асэнсавана даследчыкамі. Сярод іншага, роля Ёгана Хрыстафа Броцэ ў вывучэнні матэрыялаў калекцыі *Moscowitica-Ruthenica* патрабуе такога асвятлення.

Творчая біяграфія Броцэ і лёс яго спадчыны

Ёган Хрыстаф Броцэ (*Johann Christoph Brotze*, 1742–1823) нарадзіўся ў Гёрліцы ў Саксоніі. Ён вывучаў тэалогію і філасофію ва ўніверсітэтах Лейпцыга і Вітэнберга. У 1768 г. Броцэ пераехаў у Рыгу, у якой і пад расійскім уладаннем віталася міграцыя нямецкіх спецыялістаў. Наступныя 46 гадоў жыцця Ёган Хрыстаф правёў на пасадзе выкладчыка, а потым і рэктара (дырэктара) Рыжскага Імператарскага ліцэя.

Сёння імя Броцэ па-ранейшаму фігуруе ў даведніках, як выдатнага нямецкага педагога і этнографа. Апошнія сваё вызначэнне Броцэ атрымаў таму, што дзякуючы сваім здолнасцям зацікаўленага назіральніка і таленавітага мастака, ён пакінуў вялікую колькасць малюнкаў, на якіх адлюстраваны штодзённае жыццё і тыпажы жыхароў тагачаснай Ліфляндыі. Сабраныя Броцэ матэрыялы дапамагаюць зразумець лад жыцця, народныя звычаі і культуру Ліфляндыі XVIII ст. Але і даўняя гісторыя Інфлянты і Рыгі абуджалі цікавасць нямецкага даследчыка.

Малюнак 2. *Партрэт Ёгана Хрыстафа Броцэ – прафесара, радцы і старшага настаўніка Рыжскай гімназіі на пенсіі, уроджанага ў Горліцу ў 1742 г.*

(M. Johann Christoph Brotze Professor, Rath und emeritirter Oberlehrer des Rigischen Gymnasiums geb. zu Görlitz 1742 [das Porträt]. (Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente. V. 10, T. 1. Nr. 1 [1, BM10000AB]).

Броце належаў да плыні позняга гуманізму, так званыя школы эрудытаў. Прадстаўнікі Эрудыцкай школы бачылі галоўную задачу сваёй працы ў зборы і публікацыі гістраычных крыніцаў [22, с. 27]. Броцэ таксама меркаваў, што збор і апрацоўка гістарычных крыніц па гісторыі старажытнай Лівоніі, а найперш Ліфляндзі, і ёсць яго галоўнай місіяй поруч з педагагічнай дзейнасцю. Броцэ мэтанакіравана збіраў гістарычныя матэрыялы і звяртаў увагу на ўсё тое, што здавалася важным для яго: людзей, будынкі, манеты, гербы, планы гарадоў, тэхнічныя інавацыі і г. д. Фіксуючы ўсё з вялікай дакладнасцю і заўсёды дадаючы пісьмовыя тлумачэнні, якія могуць часам утрымліваюць усяго пару радкоў, а часам і займаць некалькі старонак. Многія з артэфактаў і дакументаў, зафіксаваныя Броцэ, загінулі або зніклі без вестак у ходзе часу, інфармацыя пра іх захавалася толькі ў чарцяжах і апісаннях нямецкага даследчыка, якія былі зведзеныя ў яго найбольш значную працу, вядомаю пад назвай “*Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente*” (“Збор разнастайных ліфляндскіх помнікаў”). Броцэ ствараў выявы старажытных дакументаў і артэфактаў, якія мелі дачыненне да мінулага Ліфлянцкага краю – пераважна той часткі даўняй Лівоніі, якая складае паўночную частку сённяшняй Латвіі і паўднёвую Эстоніі.

Гэтая калекцыя змяшчае 10 тамоў у скураных вокладках кожны з якіх складаецца з 2–3 частак (3246 аркушаў фармату 33 x 21 см). Сёння калекцыя захоўваецца ў Латвійскай Акадэмічнай Бібліятэцы [1, Nr. VM01000A – VM10214B.]. Большасць малюнкаў калекцыі ўяўляюць сабой арыгіналы, але ёсць таксама планы і малюнкi, выкананыя іншымі мастакамі і скапіяваныя Броцэ. Шмат арыгінальных малюнкаў Броцэ

Малюнак 3. Будынак Імператарскага ліцэя ў Старой Рызе
(здымак жніўня 2012 г.).

выкананыя ў адным колеры пяром. Каляровыя малюнкi выкананыя акварэллю ці пяром і танiраваныя акварэллю. На жаль, некаторыя з колераў у гэтых малюнкаў XVIII–XIX стст. на сённышні дзень паблёлкі, напрыклад, блакітныя і жоўтыя, а ў некаторых выпадках ад фарбаў засталіся асобныя кропкі.

У чарцяжах і малюнках Броцэ маюцца апісанні гербоў балтыйскага дваранства, пячаткі і помнікі Рыжскіх арцыбіскупаў, біскупаў, гарадоў, судаў, а таксама надпісы на надмагіллях, будынкi, званы, кубкі і іншыя рэчы, краявіды маёнткаў, замкаў, гарадоў і пасёлкаў, грамадскіх будынкаў, жылых дамоў, сабораў, а таксама тапаграфічныя карты розных месцах, выявы жыхароў гарадоў і сельскай мясцовасці, іх адзенне, адлюстраванне ладу жыцця і працы, арганізацыі працоўнага працэсу, рознага тэхнічнага абсталявання (напрыклад, водазабеспячэння). Тут можна знайсці выяўленчую і тэкставую інфармацыю пра многія латвійскія і эстонскія гарады. Увогуле, гэта было характэрным для стылю працы Броцэ – сабраць, па магчымасці, як мага больш інфармацыі пра нейкі канкрэтны аб’ект ці горад. Каб паказаць гісторыю паселішча ў развіцці, сабраныя за розныя гады планы Броцэ суправаджаў малюнкамі найбольш значных будынкаў горада, даваў сваё гістарычнае апісанне, эканамічныя і адміністрацыйныя характарыстыкі. Яшчэ пры сваім жыцці Броцэ пачаў выдаваць матэрыялы сваіх краязнаўчых пошукаў, дапаўняючы іх звесткамі па тапаграфіі і дэмаграфіі Ліфлянтаў [35]. Але, тым не менш, абсалютная большасць творчай спадчыны Броцэ заставалася не апублікаванай, хоць даследчыкі вельмі шчодро карысталіся з набыткаў рыжскага збіральніка. Праўда, у азначэнне заслугаў Броцэ для Рыгі і Ліфляндскага краю ў 1815 г. была выдадзеная яго біяграфія [28].

Малюнак 4. *Памятная шыльда ў гонар Броцэ на будынку Рыжскага Імператарскага ліцэю.*

Зразумела, што напрацоўкі Броцэ прыцягваюць найперш даследчыкаў балтыйскіх краін. Ужо ў канцы XX ст. быў распчаты праект па выданні гэтых збораў – з 1992 г. у Латвіі выйшлі 4 тамы матэрыялаў калекцыі [30; 31; 32; 33]. Замалёўкі, якія адлюстроўваюць матэрыялы па Эстоніі, былі выдадзеныя ў Таліне ў 2006 г. [34].

Але Броцэ ажыццяўляў і іншыя даследчыя праекты, звязаныя з фіксацыяй уласна дакументальнай спадчынай старажытнай Лівоніі. І з гэтай дзейнасцю звязана нават некалькі калекцый копій актавых матэрыялаў, падрыхтаваных нямецка-балтыйскім даследчыкам. З копій дакументаў і адбіткаў пячатак, зробленых Броцэ, быў ўтвораны кодэкс “*Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium*” (“Збор дакументаў для асветлення гісторыі Лівоніі”), які захоўваецца ў Акадэмічнай бібліятэцы Латвіі [1, Nr. 4979–4980]. Гэтыя вялікія тамы *in folio* былі складзеныя з копій дакументаў, якія захоўваліся, пераважна, ва “Унутраным архіве” горада Рыгі [15; 16], пазней таксама былі далучаны матэрыялы са “Знешняга архіву” горада Рыгі [20] і розных прыватных збораў. Як пісаў сам Броцэ, ён жадаў зрабіць даступным для гісторыкаў дакументы, якія “заставаліся ў цемры” [3, Nr. 4980, р. [2]]. Такім чынам, асноўнай задачай працы Броцэ была з’яўшчына-прыкладная.

Практычна адначасова, як мяркуе латвійская даследчыца Аяя Тайміня [40, S. 120], са складаннем кодэксу “*Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium*” Броцэ падрыхтоўваў копіі дакументаў для іншага свайго сістэматызаванага збору крыніц – “*Diplomata Rigensia descripta*”.

Малюнак 5. Тытульны аркуш тому 2, часткі 1 “*Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente, Prospective, Münzen Wapen etc.*” *Zweiter Theil zusammengetragen von J. C. Brotz* [Bibliothecae Rigensis 2]. (*Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente. V. 2, T. 1. Nr. 2* [1, BM02000B]).

Гэты кодэкс змяшчаў копіі актаў, датычных ужо гісторыі ўласна горада Рыгі, а не ўсёй Лівоніі. І дакументы гэтыя былі ўзятыя менавіта з архіву Рыгі. Кодэкс складаўся з чатырох тамоў, скампанаваных выразна паводле храналагічнага прынцыпу: Vol. I: 1220–1300; Vol. II: 1304–1399; Vol. III: 1403–1479; Vol. IV: 1481–1667. Зараз гэты кодэкс захоўваецца ў Латвійскім Дзяржаўным Гістарычным Архіве [11; 12; 13; 14]. Памеры аркушаў кодэксу досыць вялікія: 28,8 x 45 см. Тэксты дакументаў і малюнкі заключаны ў рамкі, якія маюць у сярэднім памеры: 22,8 x 38,2 см.

Трэба адзначыць, што архіўныя пошукі Броцэ выклікалі ўвагу іншых даследчыкаў. Вядомы расійскі дэмограф і гісторык нямецкага паходжання Петэр фон Кёпен (*Peter von Köppen*) у лісце да грамадзянскага Ліфляндскага губернатара Восіпа Дзюгамеля ад 14 ліпеня 1821 г. (захаваўся чарнавік ліста) пісаў пра “рускія старажытнасці” (“*Alterthümer Rußlands*”) і асабліва адзначаў, што пан радца Броцэ знайшоў у Гарадскім архіве сапраўдныя скарбы – арыгінальныя рускія граматы, якія, наколькі яму зараз вядома, ёсць “аднымі з найстаражытнейшых”: “*Unter andere ersehe ich uns der Schätzen der Hrn. Raths. Brotze, daß auch das Stadtarchiv manche in russischer Sprache abgefahrrte Original-Urkunden besetzt, die, soviel bisher bekannt ist, mit zu den ältesten gehören*” [10, арк. 8–8v.].

Цікаваць Петэра фон Кёпена, вядомага яшчэ таксама як Пётр Іванавіч Кёпен (Петр Иванович Кёппен/Кеппен, 1793–1864), да працы Броцэ не была выпадковай. Кёпен сам займаўся вывучэннем крыніц

Малюнак 6. Прыклад капіявання Броцэ гербоў: герб Инфлянтаў, дараваны Жыгімонтам Аўгустам у 1566 г. (*Das Wapen des Hertzogthums Liefland ... [das Wappen]. (Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente. V. 1, T. 1. Nr. 5 [1, BM01000G]).*

па гісторыі Русі і Расіі XI–XVII стст., а да апісання палеаграфічных помнікаў у тагачаснай тэрміналогіі Заходняй Русі ён звяртаўся неаднаразова [25, с. 59–70]. Якраз у час напісання цытаванага ліста ў 1821 г. Кёпен рыхтаваў да публікацыі ўласны рэестр помнікаў з палеаграфічнымі і археаграфічнымі каментарыямі да іх, які і апублікаваў ў 1822 г. Пры апісанні спісаў смаленскай дамовы з Рыгай і Гоцкім берагам 1229 г. даследчык непасрэдна ўказаў, што прывёз з Рыгі адзін са спісаў граматы [26, № 49–50, с. 51]. А ў выпадку з гандлёваю дамовай Полацка з Рыгай 1407 г. Кёпен наўпрост прызнае, што перапісаў гэст дакумента з рукапіснага збору “*Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium*” Броцэ (т. 1, арк. 66; т. 2, арк. 311) [26, № 98–99, с. 77].

Кёпен таксама адзначае, што названы збор Броцэ быў “набыты цяпер для гарадской бібліятэкі”. Апроч таго, расійскі навуковец досыць высока ацаніў дзейнасць рыжскага збіральніка старажытнасцяў, назваўшы яго “шанаваным старым” (“почтенный старец”), які ўжо пяцьдзесят гадоў праводзіць свае пошукі і ў навуковых мэтаў наведваў, у тым ліку, і Кёнігсберг. Разам з тым, Кёпен падаем нам іншую структуру збораў Броцэ, чым яна вядомая зараз: Апроч уласна “*Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium*” у двух частках (№ 1) ён указвае:

- 2) узоры почыркаў (*Schriftproben*) ад 1296 па 1501 гг. у адной частцы;
- 3) рукапіс працы “Ліфляндцыя ў канцы XVIII ст” у адной частцы;
- 4) “Збор розных Ліфляндскіх помнікаў, відарысаў, манет, гербоў і інш.” у X частках (у значнай ступені ўласнаручныя малюнкi Броцэ) – гэта, відавочна, вышэй апісаны збор “*Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente*”;

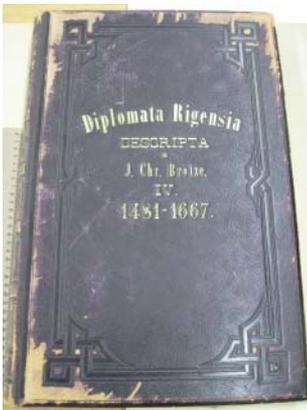
Малюнак 7. Прыклад адлюстравання Броцэ гістарычных ландшафтаў: руіны замка Кокенгузен пры ўпадзенні ракі Персы ў Дзвіну, 1796 г. Даўні полацкі фармаст (*Ruinen von Kockenhusen und Einfall der Perse in die Düna 1796 [die Ansicht]*). (*Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente*. V. 7, T. 3. Nr. 266 [1, BM07199A]).

5) “Гербоўнік герцагства Ліфляндскага” ў адной частцы [26, № 98—99, с. 77–78].

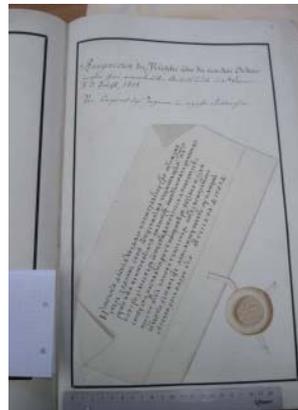
Што цікава, Кёпен таксама заўважае, што з усіх напрацовак Броцэ яму вядомыя апублікаванымі толькі “*Rückblick in die Vergangenheit*”.

Прыгадка Кёпенам Кёнігсбергскага архіву ў звязцы з Броцэ тут была не выпадковай. Архіўная і крыніцазнаўчая дзейнасць Броцэ прыпала на перыяд абуджэння цікавасці нямецкага дваранства Балты да мінулага краю і сацыяльна-прававога статусу нямецкіх каланістаў у ім. Рэчы у тым, што пад расійскім скіпетрам нямецкая супольнасць Балты захоўвала прывілеяванае становішча і правінцыйную аўтаномію (*Landesstaat*), але знакі будучай сацыяльнай і нацыянальнай напружанасці ў краі пачыналі паступова нарастаць. Апазіцыя палітыкі саступкам немцам мелася і ў Пецяярбурзе. Менавіта таму нямецкае дваранства, а таксама бюргерства, імкнуліся знайсці гістарычна-прававое абгрунтаванне свайго *status quo* ў Ліфляндскай, Курляндскай і Эстляндскай губернях Расійскай імперыі. XIX стагоддзе стала перыядам росквіту архівістыкі і археаграфіі ў Балты.

Паводле даручэнняў ліфляндскага дваранства Броцэ дзейнічаў і на пачатку XIX ст., калі даследаваў рыжскія архіваліі [21, с. 20]. У 1808 г. у адпаведнасці з рашэннем ліфляндскага дваранскага канвента пачалося капіраванне лівонскіх дакументаў з архіва Нямецкага ордэна ў Кёнігсбергу, якое арганізаваў ландрадца Вільгельм Фрыдрых ба-

Малюнак 8. Вокладка т. 4 кодэкса Ёгана Хрыстафа Броцэ “*Diplomata Rigensia descripta*”, пераплёт 1873 г. [14, Nr. 42С].

Малюнак 9. Прыклад афармлення Броцэ старонак у “*Diplomata Rigensia descripta*” (Vol. 1, p. 8). Факсімільная копія.

Письмовое засведчанне палачанаў перад лівонскім магістрам, 7.XI.1404 [11, p. 8].

рон фон Унгерн-Штэрнберг (1752–1832). У археаграфічнай экспедыцыі ўдзельнічаў доктар філасофіі Эрнст Генінг, а таксама прускі архіварыус Фабер (ён далучыўся да экспедыцыі пасля смерці Генінга). У 1811 г. перад экспедыцыяй паўсталі сур’ёзныя фінансавыя праблемы. Праз хадайніцтва Мікалая Карамзіна (1766–1826) і міністра ўнутраных спраў Восіпа Казадаўлева (1752–1819) у 1812 г. расійскі ўрад выдаткоўваў на працяг працаў штогадовую субсідыю ў 1 000 руб. [27, с. 195]. Працы па перапісцы дакументаў працягваліся да 1816 г. і за гэты час было скапіявана 3 713 дакументаў [9, с. 86, 137]. Гэты збор, што змясціўся ў 28 тамоў *in folio*, і ёсць знакаміты “*Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae*” (“Збор гісторыка-дыпламатычных старажытнасцяў Лівоніі”), які і сёння захоўваецца ў Дзяржаўным Гістарычным Архіве Латвіі [17, Nr. 454–482]. Збор мае яшчэ падназву – “*Sammlung von Urkunden zur alten Geschichte Livlands, theils aus dem königl. Preussischen geheimen Archive zu Königsberg, theils auch aus einheimischen Archiven in getreuen Abschriften zusammengeschellt*” (“Збор актаў па даўняй гісторыі Лівоніі, складзены часткова з каралеўскага Прускага Таёмнага Архіву ў Кёнігсбергу, часткова таксама з мясцовых архіваў у дакладных копіях”). Параўнанне складу копіі старажытных кірылічных дакументаў “*Diplomata Rigensia descripta*” і “*Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae*” дазваляе сцвярджаць, што ў апошні збор копіі смаленскіх граматаў патрапілі менавіта з альбому копіі Броцэ. Суадносны размяшчэння копіі адных і тых жа актаў у розных зборах можна праілюстраваць на прыкладзе наступнай табліцы:

Nr.	Акт	Sylogé diplomatum Livoniam illustrantium	Diplomata Rigensia descripta	Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae
1.	Грамата смаленскага князя Фёдора Расціславіча з Лівоніяй і Рыгай, 1284 г.	Т. 1, арк. 24. [1, Nr. 4979.]	Т. 1, арк. 161–162 v. [11, Nr. 42]	I. Abt., 1 Bd., арк. 262–263 v. [18, Nr. 455]
2.	“Даканчальная” грамата смаленскага князя Івана Аляксандравіча з Лівоніяй і Рыгай, [1338–1341]		Т. 2, арк. 99–100v. [12, Nr. 42A]	I. Abt., 3 Bd., арк. 85–86 v. [19, Nr. 456]

Але на падрыхтоўцы новых копіяў раней ужо адшуканых матэрыялаў трансляцыя здабытай Броцэ інфармацыі не скончылася. На парадку дня стаяла пытаньня публікацыі звестак з ужо сабраных зборах. Адлік гэтага ўжо публікатарскага засваення матэрыялу варта весці ад двухтамовага выдання “*Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae*” [36; 37], падрыхтаванага Карлам Эдуардам Наперскім. Гэта быў рэестр лівонскіх архіваляў, якія знаходзіліся не толькі ў архівах даўняй Лівоніі, але таксама і ў Кёнігсбергу. Сам Наперскі меў несумненныя археаграфічныя заслугі [24, с. 96; 40, S. 124]. У прыватнасці, ім былі выяўленыя і апублікаваныя акты па зносінах Полацка, Ноўгарада і Вялікага Княства Літоўскага з Рыгай і Гоцкім берагам [6]. У “*Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae*”, апроч уласных здабыткаў, Наперскі ўключыў таксама матэрыялы з “*Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae*”. Гэта значна павялічыла магчымасці карыстання сабранай прыбалтыйска-нямецкімі гісторыкамі інфармацыяй і, у тым ліку, зрабіла вынікі працы Ёгана Хрыстафа Броцэ больш вядомымі па-за межамі Рыгі і Ліфляндыі.

Можна канстатаваць, што Ёган Хрыстаф Броцэ стаў першым даследчыкам, які пачаў сістэматычна вывучаць рыжскія архіваліі, у тым ліку і кірылічная граматы XIII–XVI стст. Пры далейшым выданні і вывучэнні матэрыялаў калекцыі *Moscowitica-Rithenica* неабходна ўлічваць творчую і навуковую спадчыну Ё.Х. Броцэ.

Малюнак 10. *Петэр фон Кёпен (Пётр Кепен), расійскі гісторык, дэмаграф і статыстык, даследчык помнікаў старажытнарускага пісьменства (наводле: [4]).*

Малюнак 11. *Карл Эдуард Наперскі (1793—1864) – гісторык, бібліёграф, пастар. Паводле: [9].*

Спіс літаратуры

1. Акадэмічная бібліятэка Латвійскага Універсітэта, Адзел рукапісаў і рэдкай кнігі (LU Akadēmiskā bibliotēka, Rokrakstu un reto grāmatu nodaļa). – Johann Christoph Brotze, “Sammlung verschiedener Liefländischer Monumente”. – Nr. BM01000A – BM10214B.

2. Акадэмічная бібліятэка Латвійскага Універсітэта, Адзел рукапісаў і рэдкай кнігі. – Johann Christoph Brotze, “Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium”. – Tomus primus [Riga, 1786–1788]. – Nr. 4979.

3. Акадэмічная бібліятэка Латвійскага Універсітэта, Адзел рукапісаў і рэдкай кнігі. – Johann Christoph Brotze, “Sylloge diplomatum Livoniam illustrantium”. – Tomus secundus [Riga, 1806]. – Nr. 4980.

4. Багалей, Д.И. Опыт истории Харьковского университета (По неизданным материалам) / Д.И. Багалей. – Харьков: Паровая Типография и Литография Зильберберг, 1893–1898. – Т. 1 (1802–1815 гг.). Издание иллюстрировано портретами выдающихся деятелей. – [4], II, [2], 1204 с., 7 л. ил.

5. Віцебска-Рыжскія акты XIII–XVII ст.: Дагаворы і службовая карэспандэнцыя паміж органамі кіравання горада Віцебска і ганзейскага горада Рыгі (з былога комплексу Ruthenica Дзяржаўнага Гістарычнага Архіва Латвіі) / Паdryхт. А. Дзярновіч; НАН Беларусі, Ін-т гіст. – Выпуск I: Дакументы гаспадарча-гандлёвыя, XV–XVI ст. – Мн.: ATHENAEUM, 2005. – 88 с.

6. Грамоты, касаючыся до сношений Северо-Западной России с Ригию и ганзейскими городами в XII, XIII, и XIV веке / Найдены в Рижском архиве К.Э. Напиерским и изданные Археографической комиссией. – СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1857. – 26 с.

7. Дэрновіч, О.И. MOSCOWITICA-RUTHENICA: Рижский архивный комплекс по истории Восточной и Центральной Европы XIII–XVII вв. / О.И. Дэрновіч // Studia Historica Europae Orientalis = Исследования по истории Восточной Европы. – Вып. 1. – Мн., 2008. – С. 20–26.

8. Дзярновіч, А.І. Архіўны комплекс MOSCOWITICA-RUTHENICA (Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі) і яго важнасць для вывучэння гісторыі Беларусі / А.І. Дзярновіч // Сучасныя праблемы дакументазнаўства, архівазнаўства і археаграфіі: матэрыялы навук.-практ. канф., прысвеч. 85-годдзю Дзярж. архіўн. службы і 80-годдзю Нац. архіва Рэсп. Беларусь (Мінск, 12 красавіка 2007 г.) / Складальнікі В.С. Пазднякоў, П.П. Журкевіч. – Мінск: БелНДІДАС, 2007. – С. 168–174.

9. Дзярновіч, А. І. “...in nostra Livonia”. Дакументальныя крыніцы па гісторыі палітычных адносін паміж Вялікім Княствам Літоўскім і Лівоніяй у канцы XV – першай палове XVI ст.: Сістэматызацыя і актывы аналіз / А.І. Дзярновіч / Інстытут гісторыі НАН Беларусі. – Мн.: Athenaеum, 2003. – Т. I. – 374 с.

10. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі, Рыга (Latvijas Valsts Vēstures Arhīvs, Rīga). – F. 3. – 5 а.

11. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 8. – 1. apr. – Nr. 42 (Johann Christoph Brotze, “Diplomata Rigensia descripta”. – Vol. I: 1220–1300).

12. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 8. – 1. apr. – Nr. 42A (J.C. Brotze, “Diplomata Rigensia descripta”. – Vol. II: 1304–1399).
13. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 8. – 1. apr. – Nr. 42B (J.C. Brotze, “Diplomata Rigensia descripta”. – Vol. III: 1403–1479).
14. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 8. – 1. apr. – Nr. 42C (J.C. Brotze, “Diplomata Rigensia descripta”. – Vol. IV: 1481–1667).
15. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 8. – 3. apr. (“Унутраны архіў”).
16. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 8. – 4. apr. (“Унутраны архіў”).
17. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 214. – 6. apr. – Nr. 454–482 (Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae. Sammlung von Urkunden zur alten Geschichte Livlands, theils aus dem königl. Preussischen geheimen Archive zu Königsberg, theils auch aus einheimischen Archiven in getreuen Abschriften zusammengestellt. I Abteilung, 1–8 Bd.; II Abt., 1–20 Bd.).
18. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 214. – 6 a. – Nr. 455 (Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae. I Abt., 2 Bd.).
19. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 214. – 6 a. – Nr. 456 (Corpus historico-diplomaticum veteris Livoniae. I Abt., 3 Bd.).
20. Дзяржаўны Гістарычны Архіў Латвіі. – F. 673. – 4. apr. (“Знешні архіў”).
21. Енш, Г.А. Из истории архивного дела в Латвии. / Г.А. Енш. ЦГИА Латв. ССР. – Рига: Авотс, 1981. – 212 с.
22. Зейд, Т.Я. Характеристика изданий письменных источников по истории феодализма в Латвии / Т. Я. Зейд // Тезисы докладов и сообщений конференции по источниковедческим проблемам истории народов Прибалтики. – Рига: Зинатне, 1968. – С. 27–33.
23. Иванов, А.С. “Moscovitica—Ruthenica” в Латвийском Государственном Историческом архиве: история формирования комплекса, состав и введение в научный оборот / А.С. Иванов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. – № 3. – С. 47–54.
24. Иванов, А.С. “Moscovitica—Ruthenica” в Латвийском Государственном Историческом архиве: история формирования комплекса, состав и введение в научный оборот. Важнейшие публикации документов комплекса “Moscovitica—Ruthenica” / А. С. Иванов // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. – 2004. – № 4. – С. 94–106.
25. Кеппен, П.И. О Роговолодовом камне и двинских надписях / И.П. Кеппен // Ученые записки Императорской Академии Наук по первому и третьему отделениям. – 1855. – Т. 3. – С. 59–70.
26. Кеппен, П.И. Список русским памятникам, служащим к составлению истории художеств и отечественной палеографии / И.П. Кеппен. – М.: Изданием графа Ф.А. Толстова, 1822. – 119 с.
27. Козлов, В.П. Российская археография в конце XVIII – первой четверти XIX века / В.П. Козлов. – М.: РГГУ, 1999. – 416 с.
28. Brotze, Johann Christoph. Biographie / J.C. Brotze. – Riga, 1815.

29. Brotze, Johann Christoph. Rückblick in die Vergangenheit / J.C. Brotze. – Riga: Mueller, 1805–1814.

30. Broce, Johans Kristofs. Zīmējumi un apraksti / J.K. Broce. – 1. sējums Rīgas skati, ļaudis un ēkas. – Rīga: Zinātne, 1992.

31. Broce, Johans Kristofs. Zīmējumi un apraksti / J. K. Broce. – 2. sējums Rīgas priekšpilsētas un tuvākā apkārtnē. – Rīga: Zinātne, 1996.

32. Broce, Johans Kristofs. Zīmējumi un apraksti / J.K. Broce. – 3. sējums Latvijas mazās pilsētas un lauki. – Rīga: Zinātne, 2002.

33. Broce, Johans Kristofs. Zīmējumi un apraksti / J.K. Broce. – 4. sējums Latvijas mazās pilsētas un lauki. – Rīga: Latvijas vēstures institūta apgāds, 2007.

34. Brotze, Johann Christoph. *Estonica* / J.C. Brotze. – Tallinn: Estopol, 2006. – XXXVI, 619 p.

35. Brotze, Johann Christoph. Rückblick in die Vergangenheit / J.C. Brotze. – Riga: Mueller, 1805–1814.

36. Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder: Kurze-Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-Estn- und Kurlands [...] von den Ritterschaften Liv-, Ehst- und Kurland's zusammengebracht worden ist. – Riga; Dorpat: Eduard Frantzen, 1833. – Theil 1: Vom Jahre 1198 bis zum Jahre 1449 incl.

37. Index Corporis historico-diplomatici Livoniae, Esthoniae, Curoniae; oder: Kurze-Auszug aus derjenigen Urkunden-Sammlung, welche für die Geschichte und das alte Staatsrecht Liv-Estn- und Kurlands [...] von den Ritterschaften Liv-, Ehst- und Kurland's zusammengebracht worden ist. – Riga; Dorpat: Eduard Frantzen, 1835. – Theil 2 Vom Jahre 1450 bis zum Jahre 1631 incl., mit einigen Anhängen.

38. Ivanovs, A. Zespōł dokumentōw “Moscowitica—Ruthenica” w Łotewskim Państwowym Archiwum Historycznym / A. Ivanovs // Zapiski Historyczne. – 2006. – T. LXXI. – Z. 2–3. – S. 125–143.

39. Napiersky, Dr. C.E. / Stich u. Druck v. August Weger. – [Riga]: Verlag v. W. F. Häcker in Riga, [18–] (In Leipzig).

40. Taimiņa, A. “... aus ächten und unverfälschten Quellen”: Ernst Hennig, Wilhelm Friedrich Freiherr von Ungern-Sternberg, Johann Christoph Brotze und ihre Arbeit an den Dokumenten aus dem Geheimen Archiv in Königsberg / A. Taimiņa // Forschungen zur baltischen Geschichte. – 2009. – Bd. 1. – S. 115–144.

Рецензии

АПІСАННЕ ПАДАРОЖЖАЎ І НЕ ТОЛЬКІ...

(*Wrede, Marek. Itinerarium króla Stefana Batorego. 1576–1586.*
Warszawa: Wydawnictwo DiG, 2010. – 156 s.)

У 2010 г. пабачыла свет праца польскага гісторыка Марка Врэдэ, прысвечаная *itinerarium* (лац.: “апісанне падарожжа”) аднаго з першых элекцыйных каралёў польскіх і вялікіх князёў літоўскіх Стэфана Баторыя. У ёй вельмі падрабязна адлюстраваны месца і час каралеўскага побыту, вызначаны галоўныя шляхі падарожжаў уладара і яго двара. Разам з тым, праблематыка дадзенага даследавання значна больш шырокая за простае апісанне падарожжаў караля і вялікага князя.

На пачатку працы аўтар спыняецца ўвогуле на значэнні каралеўскага *itinerarium* для пазнання сістэмы кіравання краінай у перыяд Новага часу. М. Врэдэ падкрэслівае сутнасную сувязь мабільнасці каралеўскага двара з прынцыповымі асаблівасцямі дзяржаўнага ладу Рэчы Паспалітай (федэрацыйная сувязь Кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага, змешаны манархічна-парламенцкі лад, слабыя структуры цэнтральнай улады і інш.). Таму падобныя даследаванні, калі яны не абмяжоўваюцца толькі фіксацыяй месцаў каралеўскага побыту, даюць дадатковыя магчымасці вывучэння функцыянавання і эвалюцыі дзяржавы ў XVI–XVIII стст., спецыфікі яе развіцця ў агульнаеўрапейскім кантэксце. У сувязі з такім больш шырокім падыходам, асобна разгледжаны метадыка складання *itinerarium* элекцыйных каралёў і іх адрозненні ад *itinerarium* сярэднявечных манархаў (с. 12–17). Дакументальная база даследавання заснавана на матэрыялах Архіва кароннага скарбу з Галоўнага архіва старажытных актаў у Варшаве (у першую чаргу, кнігі каралеўскіх рахункаў), кніг Метрыкі Кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага¹, карэспандэнцыі каралёў і палітычнай эліты дзяржавы, тагачасных гістарычных твораў, а таксама на картаграфічных матэрыялах (с. 18–32). Заўважым, што аўтар прызнае найбольш цяжкім для складання “літоўскую” частку *itinerarium* Стэфана Баторыя, як з-за недахопу падставовых крыніц (напр., адсутнасць вялікакняжацкіх надворных рахункаў), так і з-за цяжкасці збору захаваных матэрыялаў².

¹ Па назіраннях М. Врэдэ, датаванне дакументаў у кнігах Метрыкі другой паловы XVI ст. часта не адпавядае рэчаіснасці, што зніжае вартасць гэтай крыніцы для складання каралеўскіх *itinerarium* (с. 25–27).

² Так, кнігі Метрыкі ВКЛ за час панавання Стэфана Баторыя апрацаваны далёка не ў поўным аб’ёме (с. 15).

Асноўную частку працы (с. 75–135) складае ўласна пералік месцаў і часу побыту Стэфана Баторыя з 31 сакавіка 1576 г. (дата першага з’яўлення на тэрыторыі Рэчы Паспалітай) да 12 снежня 1586 г. (дата смерці караля). У аснову складання і графічнага адлюстравання *itinerarium* аўтарам узяты традыцыйны для падобных даследаванняў храналагічна-тапаграфічны прынцып: побач з месцам побыту адзначаецца і яго час. Разам з тым, побыт і падарожжы караля і вялікага князя паказаны ў шырокім кантэксце грамадска-палітычнага жыцця Рэчы Паспалітай. М. Врэдэ паспяхова здолеў падаць важнейшую інфармацыю аб ваенных паходах Стэфана Баторыя, вальных соймах, канвакацыях (радах) сената, разнастайных з’ездах шляхты Кароны Польскай і Вялікага Княства Літоўскага, прыёмах і адпраўленні пасольстваў. Яскрава выяўлены на старонках працы і ўлюбёны від адпачынку караля – паляванне. У якасці дадатку змешчаны час і маршрут перавозкі цела памерлага Стэфана Баторыя з Гародні ў Кракаў у красавіку–маі 1588 г. (с. 135–137).

Безумоўным плюсам рэцэнзаванага выдання, на нашу думку, з’яўляецца і спроба аўтара дапоўніць традыцыйнае храналагічна-тапаграфічнае апісанне падарожжаў караля (т.зв. *itinerarium scriptum*) яшчэ і іх картаграфічнай прэзентацыяй (т.зв. *itineraria picta*). У працы змешчаны шэсць мапаў (с. 141, 143–147), на якіх адлюстраваны трасы, частата, храналогія і накірункі пераездаў Стэфана Баторыя як па ўсёй Рэчы Паспалітай, так і па асобных яе рэгіёнах (Малая Польшча, Русь (у дадзеным выпадку – Рускае ваяводства Кароны), Мазовія, Падляшша, Куявы, Прусія, Вялікае Княства Літоўскае). Асобная мапа прысвечана ваенным паходам караля і вялікага князя ў 1578–1582 гг. на завяршальным этапе Інфлянцкай вайны (с. 148). Відавочна, што ў маштабах усёй Рэчы Паспалітай важнейшым накірункам руху каралеўскага двара стаў шлях Вільня – Гародня – Варшава. Гэта дазволіла М. Врэдэ прыйсці да высновы, з якой можна цалкам пагадзіцца, што менавіта гэты шлях паказвае “галоўную вось дзяржавы, якая злучала Карону і Літву, а таксама стратэгічны накірунак ваенна-палітычных дзеянняў: паўночны ўсход” (с. 41, 62). Цікавым і даволі паказальным з’яўляецца каляндар побытаў караля ў яго чатырох галоўных рэзідэнцыях – Гародні, Кракаве, Варшаве і Вільні (с. 142). Так, у Гародні Стэфан Баторый правёў 21 % усяго часу свайго панавання, у той жа час у Кракаве – 15 %, у Варшаве – 13 %, а ў Вільні – толькі 11 %. Завяршаецца праца спісам тапаграфічных назваў з датамі побыту ў іх караля і вялікага князя (с. 149–155).

Свайго роду аналіз усёй змешчанай у *itinerarium* інфармацыі ўтрымлівае параграф „*Podróże Batorego – uwarunkowania, trasy,*

realia” (с. 32–57). Высновы датычаць як непасрэдна варункаў, у якіх адбываліся падарожжы каралеўскага двара, так і ўвогуле функцыянавання сістэмы дзяржаўнай улады ў Рэчы Паспалітай. Аўтар вызначае сярэдняю працягласць аднадзённага перамяшчэння караля – каля 4–5 міляў, г.зн. каля 30–35 км (с. 42). Выключэнне складалі ваенныя паходы 1579–1581 гг., калі ў дзень удавалася праходзіць толькі каля 2 міляў. Падарожжы адбываліся, наколькі магчыма, па землях гаспадарскага дамену. Фінансаваліся яны за кошт скарбаў Кароны і Вялікага Княства, у залежнасці ад таго, на якой тэрыторыі знаходзіўся Стэфан Баторый. Задача арганізацыі паездак караля (вызначэнне трасы, арганізацыя начлегаў, харчавання і інш.), прынамсі, у Кароне Польскай, ляжала на канцылярыі надворнага падскарбія. На жаль, з-за недахопу крыніц, у працы фактычна не разгледжана арганізацыя каралеўскіх падарожжаў на землях Вялікага Княства Літоўскага. Аднак, наколькі магчыма меркаваць з прыведзенага матэрыялу, гэтым пытаннем займалася канцылярыя ВКЛ (с. 44)³. Закранута таксама такая праблематыка, як колькасць каралеўскага картэжу, яго арганізацыя і ахова, транспартныя сродкі, шляхі зносін (с. 48–57). Пазначана праблема прадстаўнічасці падарожжаў і свету караля (“сцэнаграфія тэатра ўлады”, с. 46–47). Звернута ўвага і на негатыўныя з’явы, якія суправаджалі паездкі каралеўскага двара: гвалт і рабункі, міжнацыянальныя канфлікты.

Звесткі *itinerarium* дазволілі аўтару прыйсці да даволі важных высноў адносна саміх форм кіравання краінай. Так, у перыяд актыўных ваенных дзеянняў з Гданьскам і Маскоўскай дзяржавай (1576–1582 гг.) Рэч Паспалітая фактычна не мела адзінага дзяржаўнага цэнтра. Месца побыту караля і вялікага князя залежала ад ваенна-палітычных абставін, а мабільнасць двара была надзвычай высокай. Пасля завяршэння Інфлянцкай вайны двума асноўнымі цэнтрамі дзяржавы становяцца Гародня і Кракаў, у якіх за перыяд 1582–1586 гг. Стэфан Баторый правёў 71 % свайго часу. Аўтар бачыць у гэтых дадзеных доказ прыняцця каралём ягелонскай традыцыі двух сталіц (с. 35, 37). Заўважаецца страта сталічных функцый Вільняй, якая была для караля і вялікага князя ў першую чаргу месцам арганізацыі ваенных паходаў. Са свайго боку адзначым, што для шляхты Вялікага Княства цэнтрам палітычнага жыцця безумоўна заставалася Вільня. Дастаткова ўзгадаць, што менавіта ў ёй, як раз пры Стэфане Баторым, пачаў склікацца Галоўны з’езд –

³ Звернем увагу яшчэ на адну аўтарскую выснову. У разгледжаны час ва ўсіх падарожжах, за выключэннем кароткачасовых выездаў на адпачынак, Стэфана Баторыя па ўсёй краіне суправаджалі і працавалі канцылярыі Кароны і Вялікага Княства (с. 24–26).

надзвычайны заканадаўчы орган ВКЛ⁴. А вось Варшава для караля так і не стала галоўнай рэзідэнцыяй, а была толькі месцам правядзення вальных соймаў (і тое не заўсёды: сойм 1576 г. адбыўся ў Торуні). Затое з канца 1585 г. функцыі галоўнай рэзідэнцыі караля і сталіцы Рэчы Паспалітай канчаткова пераходзяць да Гародні (с. 37). Стэфан Баторый з лістапада 1585 г. не толькі пастаянна жыве у Гародні, але, па некаторых звестках, і планаваў нават правесці тут вальны сойм 1587 г. (с. 37, 39)⁵. Нарэшце, на падставе параўнання мабільнасці каралеўскай улады ў часы кіравання Ягайлы, Жыгімонта Старога, Жыгімонта Аўгуста і Жыгімонта Вазы, аўтар прыходзіць да сваёй хіба важнейшай высновы. Панаванне Стэфана Баторыя было пераходным этапам ад сярэднявечнай мадэлі вандроўнага караля (*króla podróżującego*) да ўладара рэзідэнцыйнага (*władcy rezydującego*) перыяду Новага часу (с. 32–36)⁶.

Такім чынам, рэцэнзаваная кніга безумоўна можа даць карысны дадатковы матэрыял для вывучэння сацыяльна-палітычнай і ваеннай гісторыі Рэчы Паспалітай 1576–1586 гг. Больш за тое, М. Врэдэ ў кантэксце сваёй працы закранае вельмі сур’ёзныя праблемы, якія датычаць функцыянавання ўсёй палітычнай сістэмы дзяржавы XVI–XVIII стст. І менавіта ў гэтым нам бачыцца галоўная актуальнасць дадзенага даследавання.

⁴ Пачатак навуковаму вывучэнню гэтага ўладнага інстытута паклаў вядомы польскі гісторык Г. Віснэр: Wisner H. Konwokacja Wileńska. Z dziejów parlamentaryzmu litewskiego w czasach Zygmunta III // *Czasopismo Prawno-Historyczne*. 1968. Т. 20, з. 2. S. 75–80.

⁵ Сойм усё ж быў скліканы ў Варшаве. Тым не менш заўважым, што яго правядзенне не на землях Кароны Польскай было б адназначным парушэннем умоў Люблінскай уніі 1569 г.: *Volumina Constitutionum*. Т. II (1550–1609), vol. 1 (1550–1585). Warszawa, 2005. S. 243, 246.

⁶ Такая новая мадэль побыту караля і вялікага князя існавала ў Рэчы Паспалітай ад пачатку да сярэдзіны XVII ст. (с. 11, 36).

Любая А.А.

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ИЗУЧЕНИИ ИСТОРИИ ТАТАР

(Беляков А.В. Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: «Рязань. Мир», 2011. – 512 с.)

Во второй половине XX века основное внимание исследователей, занимающихся татарской проблематикой, уделялось собственно истории Золотой Орды, ее внешней политике и специфике отношений с русскими княжествами и государствами. В начале XXI века эта тенденция очевидно преодолена. Как мы уже отмечали, большое внимание в настоящее время уделяется истории постзолотоордынских государственных образований. К ряду подобных работ можно отнести и рецензируемое исследование рязанского историка Андрея Васильевича Белякова. Инкорпорация и интеграция представителей «золотого рода» в русское общество раннего Нового времени шла в весьма сложных и противоречивых исторических условиях: параллельно с процессом поглощения и преодоления ордынского наследия Московским государством шел процесс формирования независимых (Крымское, Казанское, Астраханское ханство) и полузависимых (Касимовское ханство) татарских государственных образований. На просторах Восточной Европы подобные более или менее удачные попытки предпринимались и другими государствами. Достаточно вспомнить о создании «Яголдаевой тьмы» на землях, подконтрольных великим князьям литовским, включение пестрой по своему этническому и социальному происхождению страты татарских выходцев в привилегированное военное сословие Великого княжества Литовского, попытке создать буферную орду из большеордынских татар для защиты границ в Молдавском господстве. Поэтому данное исследование представляется не только актуальным, ожидаемым и востребованным: оно целиком вписывается в русло развития современной российской, да и не только российской, историографии.

Первое, что обращает на себя внимание в данной работе – это подзаголовок «просопографическое исследование». Автор сразу отсылает читателя и к методологическому инструментарию, которым он пользовался, и к цели, ставившейся перед исследованием: на основе биографических данных отдельных представителей рода Чингисидов создать картину типичных условий их проживания в России от момента появления до исчезновения с политической арены. Несмотря на то, что про-

сопографические исследования, тесно связанные с антропологическим поворотом, достаточно давно (с 70-х годов XX века) используются в западноевропейской исторической науке, на постсоветском пространстве их все еще относят к «новой» методологии. Хотя необходимо упомянуть, что данная монография далеко не первая работа подобного рода, посвященная истории России Нового времени (см., например, работу А.И. Филюшкина «Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному», СПб., 2007).

Автор достаточно последовательно шел к достижению своей цели. Он затронул столько аспектов, связанных с жизнью Чингисидов в России, сколько ему это позволили сделать сохранившиеся источники. Эта последовательность нашла свое отражение в структуре исследования, которое делится на пять самостоятельных глав: «Историография и источники по проблеме Чингисидов в России», «Жизненный путь», «Дворы служилых Чингисидов», «Материальное содержание Чингисидов в России», «Статус Чингисидов в России XV–XVII веков и их внутренняя иерархия». Специфика этого исследования заключается в его всеобъемлющем характере: тематика каждой главы могла бы претендовать на отдельную монографию, но их совмещение под одной обложкой придает работе основательный, энциклопедический характер.

Первая глава – традиционная для исторических исследований. Большая ее часть посвящена анализу предыдущих наработок в этой области. Хотелось бы только отметить, что выделяя этапы накопления историографии по интересующему вопросу, автор использовал не формально-государственный, а проблемный подход. В этой связи отдельные этапы изучения заявленной проблематики не вполне укладываются в такие понятия как «российская имперская», «советская» и «постсоветская» историография. Основу источниковой базы исследования, наряду с опубликованными материалами (летописями, разрядными и посольскими книгами, записками иностранцев о России), составляют архивные коллекции. Преимущественно (как по формальному количеству единиц, так и по объему использованных сведений) – различные фонды Российского государственного архива древних актов, хотя автор не обошел своим вниманием и региональные коллекции. Это далеко не полный список дошедших до наших дней источников, как заявляет об этом сам А.В. Беляков. Тем не менее, имеющиеся в нашем распоряжении сведения позволяют создать достаточно полную и верифицируемую картину жизни представителей «золотого рода» в России.

Во второй главе автор скрупулезно приводит, так сказать, «анкетные» данные всех Чингисидов, о которых известно, что они проживали в России в указанный период. При этом автор изначально поделил представителей золотого рода в соответствии с династическим принципом (ордынские, казанские, крымские, хивинские и т. д.), включив также «ложных Чингисидов». Исследователь стремился создать коллективный портрет Чингисидов, поэтому свою информацию он группировал не по каждой персоне отдельно, а вокруг знаковых моментов жизни, характерных для любого человека: рождение (в данном случае чаще всего выезд в Россию), крещение, брак, служба, смерть. Тут также можно отметить использование автором нетрадиционных для постсоветской историографии подходов. Анализируя браки Чингисидов в России, автор говорит о брачных стратегиях государственного и частного порядка – браки с представителями пересекающихся родов, браки исключительно с Калитичами и Гедиминовичами, браки боярства с малостоятельными Чингисидами ради местнических интересов. Хотя автор прямо не использует подобную терминологию, это свидетельствует об определенной антропологизации исследования.

Третья глава посвящена дворам Чингисидов. За исключением первого и последнего разделов, в которых рассматриваются правовые аспекты и этнический состав дворов соответственно, глава построена по хронологическому принципу. Но специфика источниковой базы не позволила автору собрать сопоставимый материал по каждому разделу. Так разделы, в которых рассматривается история дворов Чингисидов во второй половине XV – первой половине XVI века, а также в третьей четверти XVI века, построены в основном на основе Разрядных книг. Поэтому тут речь скорее идет о перемещении военных отрядов служилых татар во время военных кампаний, нежели об организации двора и его жизни. В то же время разделы, посвященные XVI–XVII векам в целом, представляют подробную информацию и о формах содержания, и о структуре, и о персональном составе дворов. Исходя из этого, следя за текстом данной главы, мы вынуждены констатировать, что в данный момент мы не имеем источников, позволяющих в полной мере изучить эволюцию характера, структуры и функций дворов Чингисидов в России на протяжении всей истории существования данной категории.

Весьма содержательна четвертая глава данной работы, в которой рассматривается материальное обеспечение Чингисидов в России. Автор подверг анализу все возможные формы содержания представителей «золотого рода»: выход, ясак, денежные дачи разного вида, военная добы-

ча, доходы с городов и многое другое. Можно сказать, что это ключевой раздел книги. Однако педантичная работа автора по сбору информации превратила отдельные разделы данной главы в некое подобие справочника или каталога. Это затрудняет восприятие текста как цельного нарратива, в некоторых случаях за многостраничным однотипным описанием теряется понимание того, что, собственно, хотел сказать автор.

В последней главе анализируется статус Чингисидов, как относительно русского сословного общества, так и относительно представлений об иерархической структуре самого «золотого рода». Эта очень важный раздел, поскольку вопрос о статусе являлся ключевым и для внешней политики, и для русского общества XV–XVII веков. Понимание, как и почему происходили изменения в статусе Чингисидов, каков был их характер, помогает ответить на многие вопросы, связанные и с их появлением на территории России, и с политикой в отношении христианизации, браков и т. д., и с различными аспектами их материального благополучия. Следует отметить, что автор в целом справился с поставленной задачей. Возможно, следовало бы разделить сведения об изменении иерархии внутри «золотого род» по представлению русской стороны и девальвацию статуса Чингисидов в русском обществе в целом. Нет ответа в этом разделе и на вопрос о собственно татарском восприятии иерархии Чингисидов в России. Насколько оно совпадало с мнением русской администрации, как регулировались отношения среди представителей разных династий? Возможно, ответ на этот вопрос невозможно дать в принципе, поскольку источники практически в ста процентах случаев говорят только языком московской бюрократии.

Работа сопровождается удобными приложениями, где представлена информация обо всех известных автору Чингисидах, живших в России в XV–XVII веках, и их окружении. Данные приложения, несомненно, весьма пригодятся читателю, интересующемуся этой проблематикой.

Подводя итог, нужно отметить, что сильной стороной исследования является совмещение актуальной методологии и хорошей позитивистской работы. Многие авторы, когда-либо работавшие в жанре просопографического исследования, избирательно относились к материалу, используя отдельные биографии типичных (или же, наоборот, ярких и нетипичных) представителей определенной группы. В подобных случаях остро стоит проблема репрезентативности исследования и критериев выбора персонажей. В рассматриваемой книге это вопрос решается простым и в тоже время единственно правильным способом – включением в работу биографических сведений обо всех известных представи-

телях «золотого рода» на территории России. Безусловно, это потребовало от исследователя скрупулезной работы с архивными источниками, достойной представителя методологии классического позитивизма. Однако такое совмещение не всегда положительно отразилось на тексте. Автор широко, иногда постранично, цитирует канцелярские источники, списки раздач, межведомственную переписку, разрядные книги и т. п. Это сильно «сушит» повествование, из него исчезает «живая история», о которой ратует и сам автор. Собственно существенной, если не главной, целью возврата историков к биографическим исследованиям в последней трети XX века было стремление привлечь непрофессиональных читателей при помощи той же «живой истории». Поэтому, в отличие от многих современных исследований биографического жанра (см., например, классическую работу Натали Земон Девис «Дамы на обочине. Три женских портрета XVII века». М., 1999.), рассматриваемая книга требует существенных усилий от неподготовленного читателя. Пожалуй, результатом совмещения разных подходов стала недостаточная определенность аналитических выкладок и выводов, которые скорее суммируют предыдущий текст, нежели обобщают его. Автор как бы самоустраняется и оставляет за читателем право самостоятельно подводить итоги и делать заключение.

Присутствуют в работе и некоторые стилистические и терминологические неточности. Иногда можно заметить выпадение смысловых глаголов, что затрудняет понимание отдельных мест в исследовании. Можно отметить и некоторое смешение исторической терминологии, являющейся второстепенной для данного исследования. Например, когда автор касается проблемы выхода и поминок, он сравнивает ситуацию в Московском княжестве с ситуацией в Польше, ссылаясь при этом на Скарбовую книгу Метрики Великого княжества Литовского за 1502–1509 годы. Несмотря на все сложности взаимоотношений Польского королевства с Великим княжеством Литовским, неправомерно использовать термин «Польша» для их общего обозначения в данный период, тем более, когда речь идет о внешнеполитических финансовых обязательствах ВКЛ. Хотя справедливости ради следует отметить, что и Польское королевство должно было нести бремя татарских поминок вне зависимости от великокняжеских выплат.

Несмотря на высказанные замечания, можно с полным основанием сделать вывод, что книга А.В. Белякова «Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование» стала заметным явлением в области изучения татарской проблематики в раннее Новое время.

Научная ЖИЗНЬ

ШЛЯХ ДА СІНЯЙ ВАДЫ

*(Навуковая канферэнцыя, прысвечаная 650-годдзю бітвы на Сініх Водах “Цэнтральна-усходняя Еўропа ў час Сіневодскай бітвы”,
Каўнас, 24–26 мая 2012 г.)*

Калі ў сваім заключным слове прафесар Жыгмантас Кяўпа закрануў пытанне свабоды выбару тэмы даследавання ў сучаснай гістарычнай навуцы на постсавецкай прасторы, чамусьці, падалося, што гэта істотна для ўсіх нас – постсавецкіх даследчыкаў. Прафесар казаў пра сёнешнія магчымасці разглядаць гісторыю Вялікага Княства Літоўскага па-за межамі сучасных дзяржаваў (у савецкі перыяд – асобных рэспублік СССР): і прыклад аб’яднання вакол праблемы Сіневодскай бітвы, якая адбылася на ўкраінскіх землях, даследчыкаў з Беларусі, Літвы, Польшчы, Расіі, Украіны, менавіта ў Каўнасе – не можа не радаваць. Яго зразумелі кожны па свайму. Украінцы з падзякай за прызнанне ўкладу, нажалі ўжо нябожчыка, Ф.М. Шабульдо ў вывучэнні бітвы. Беларусы, з характэрнай для нас рахманасцю, прыгадалі, што ўжо некалькі гадоў асобныя саветы па абароне дысертацый чамусьці “не заўважаюць” у гісторыі Вялікага Княства Літоўскага статуса айчынай гісторыі. Літоўскія калегі думалі аб сваім... на тэрыторыях Усходняй Еўропы. Палякі спачувалі. А аб чым думаў расіянін?.. Ён быў вельмі выхаваны – і гэтага ніхто не даведаўся.

Гісторыя адной бітвы. Падзея якая змяніла ход гісторыі. Нагода сабраць вакол аднаго добрага праектара даследчыкаў з розных куткоў таго самага былога Вялікага Княства. Гэта задумка варта падтрымкі і намаганняў да рэалізацыі. Таму сярод удзельнікаў, наўраці, засталіся незадаволеныя фарматам, дакладамі і ўвагай з боку арганізатараў.

Паседжанні праходзілі ў двух месцах, Каўнасе і Троках. Калі галоўная зала Універсітэта Вітаўта Вялікага распавольвала сваімі аўдыя-візуальнымі прыстасаваннямі і ўвагай з боку вялікай колькасці магістрантаў, аспірантаў і іншых асобаў, якія завітвалі сюды перад кавай. То Скарбавы пакой у Трокскім замку дазваляў адчуць усю сабранасць і сур’ёзнасць атмасферы вялікакняжацкіх сустрэч. У канферэнцыйнай лагістыцы памяшканні і атмасфера, створаная імі, граюць вялікую ролю для якаснай працы. І тут трэба даць арганізацыйным намаганням найвышэйшую адзнаку.

Канферэнцыя праходзіла пад патранатам міністра замежных справаў Літоўскай рэспублікі Аўдроніўса Ажубаліса (Audronius Ažubalis). Мадэратарамі секцый выступілі прафесары Універсітэта Вітаўта Вялікага (Vitauto Didžiojo Universitetas) Жыгмантас Кяўпа і Юрата Кяўпене (Zigmantas Kiaupa & Jūratė Kiaupienė), доктар Вітас Янкаўскас (Vytautas Jankauskas) і прафесар Ягелонскага ўніверсітэта Лідзія Корчак

(Lidia Korczak). Агульнае кіраўніцтва працай удзельнікаў узяў на сябе калега з Кракава Віталій Нагірны. Безумоўна, што штат арганізатараў быў шырэі і працу многіх мы не бачылі так яскрава, як тых, хто выступаў непасрэдна з-за кафедры.

Акрамя зручнай арганізацыі нашы каўнаскія каллегі змаглі сабраць значны, а ў адносінах да некаторых асобаў і легендарны склад удзельнікаў. Так украінскую гістарычную навуку павінны былі прадстаўляць Ф.М. Шабульдо, Л.В. Вайтовіч, А. Федарук. Нажаль Фелікса Міхайлавіча больш няма з намі. Але перад смерцю ён паспеў даслаць свой рэферат, які ўдзельнікі канферэнцыі пачулі з вуснаў Ж. Кяўпы. Названы вельмі сімвалічна “Вынікі вывучэння Сіняводскай бітвы”.

На канферэнцыі былі закрануты тэмы аб’яднання арганізатарамі ў некалькі блокаў: татары і татарскі фактар у рэгіёне Усходняй Еўропы да Сіняводскай бітвы; т.зв. крыніцазнаўства (уклучала ў сябе новыя працытанны вядомых крыніц дадзенай эпохі); тэматыка, прысвечаная непасрэдна бітве на Сініх Водах; і, нарэшце, разгляд усіх магчымых наступстваў бітвы для дзяржаў Усходняй Еўропы.

Кожны блок прыцягваў да сябе ўвагу ў першую чаргу гучнымі тытуламі заяўленых выступленняў. Так у першы дзень Ю. Кяўпене звярнулася да пытання геапалітычнай і культурнай прасторы. Марюс Шчавінскас (Mariusz Ščavinskas) прапанаваў зірнуць на праблему ўзаемаадносін Усходняй Еўропы праз прызму “Сарацыны-манголы-татары ў часы крыжовых паходаў у XII–XIII ст.”. Даследчык з Мінска А.В. Мартынюк прадставіў свой шэраг ілюстрацый, вакол якіх змог разгарнуць паведамленне “Татары ў сярэднявечнай мініяцюры: ворагі, суседзі, саюзнікі”. (Зрэшты, менавіта прадстаўленая ім для арганізатараў мініяцюра, бала змешчана на плакатах канферэнцыі).

Не без цікавасці было праслухана выступленне Віталія Нагірнага “Літва ў знешняй палітыцы галіцка-валынскіх князёў у апошнія гады кіравання Данілы Галіцкага”. Гэта тэма знайшла сваё прадаўжэнне, пасля кавы, у рэфератах і каментарыях польскага калегі Дарыюша Данброўскага (Dariusz Dąbrowski). Тут узніклі цікавыя меркаванні наконт прыналежнасці зямель Наваградскага княства і адлюстравання іх палітычных паводзін у 1250-ыя гг. Забягаючы наперад, нават паведамленне беларускай даследчыцы А.А. Любай “Узаемаадносінны Вялікага княства Літоўскага з Ардой: сярэдзіна XIII – XIV ст.”, агучанае ў “троцкі” дзень, бесперапынна на працягу трох дзён стымулявала цікавыя рэфлексіі ў кулуарах.

Паведамленні маскоўскага даследчыка С. Полехавы “Аб крыніцазнаўчай каштоўнасці “Аповесці пра Падолле” і каўнаскай даследчыцы Лаймы Бучывічютэ (Laima Bucevičiūtė) “Сінія Воды ў кан-

тэксце гістарычнай геаграфіі” сталі добрым завяршэннем першага працоўнага дня канферэнцыі.

Раніца 25 мая 2012 г. стала цікавым ілюстраваннем паводзін навуковай супольнасці. Пераважна ўсё шлях: да аўтобуса, у аўтобусе да замка, па замку, пасля афіцыйнай часткі, – мы ўзгадвалі гісторыкаў. Тых, хто быў перад намі на гэтым навуковым шляху, хто часам камічна, а часам зусмі і не, пераважаючы асабісты боль проста працаваў дзеля Гісторыі. Толькі ў нашай памяці нашыя настаўнікі застаюцца жывымі прыкладамі навуковых подзвігаў. Гістарычная навука адзіная, якая дбае пра памяць. Звесткі, занатаваныя і апублікаваныя, часам карэктуюцца і прымаюць на сябе лоск эпохі, рамантычнай, сацыялістычнай, постмадэрнісцкай. А словы, якія гучаць проста, не пад запіс, ствараюць сітуацыю прысутнасці, дапасаванасці да лёса і падзей гісторыка-чалавека, які стварыў сваю працу ва ўмовах павеннага ліхалецця пра сярэднявечную гісторыю сваёй радзімы. Гэта вельмі добрая традыцыя – памятаць тых, хто быў перад намі.

У Тракайскім гістарычным музеі часамі адбываюцца па некалькі міжнародных канферэнцый запар. Мы патрапілі ў такі час. Але гэта дазволіла сустрэць знаёмых археолагаў, і, нават, ацаніць камернасць абраных пакояў для нас, сярэднявечнікаў. У Скарбавай залі замку Вітаўта выступілі калегі з Украіны Алёна Уладзіміраўна Русіна на тэму канструявання гістарычнай памяці ў Украіне на прыкладзе бітвы на Сініх Водах, Б. Чэркас “Сіняводская бітва 1362 г. у кантэксце палітычнай гісторыі заходніх улусаў Залатой Арды (Крыло Мувала) пад час Вялікай замятні”, Ю. Доўганя з Івана-Франкіўскага ўніверсітэта пра эвалюцыю ваеннай тактыкі татар у XIV–XV ст. На заканчэнне трокскага “сідения” былі агучаны два добра праілюстраваных бясконца прэзентацыямі змястоўных даклада з археалагічнай спецыфікай. С. Бачароў з Сімферополя распавёў пра “Бітву на Сіняй Вадзе і Крымскі улус Залатой Арды”, а А. Маслоўскі з Азова – “Качэўнікі Данскога правабярэж’я XIV ст. і гарады Залатой Арды”. На завяршэнне Ромас Батура (Romās Batūra) правёў экскурсію вакол Трокскага замка, а Вітас Янкаўскас звязіў усіх у Кернаву.

Трэці дзень павінен быў быць самым насычаным для перакладчыкаў. На яго былі запланаваны даклады літоўскіх і польскіх калег. Польскую навуку ў гэты дзень прадставілі прафесары Лідзія Корчак з паведамленнем “Уплыў татарскага фактара на барацьбу Літвы і Польшчы за Русь у другой палове XIV ст.” і Ян Тенговскі (Jan Teġowski) – “Альгердавічы, Друцкія і Гальшанскія, ці яшчэ раз аб паходжанні Сафіі, чацвертай жонкі караля Уладзіслава Ягайлы”.

Натуральна, самым вялікім корпусам з’яўлялася літоўскае прадстаўніцтва. Выступілі, прыехаўшыя з Вільнюса, А. Дубоніс (Artūras Dubonis), Р.Пятраўскас (Rimvydas Petrauskas), у сваёй паважна-стрыманай

манеры прачытаў даклад прафесар С. Роўэл (Stephen C. Rowell). На ўсіх паседжаннях можна было бачыць Т. Баранаўскаса. Безумоўна было вельмі прыемна сустрэцца з Марыўсам Сірутавічусам (Marius Sirutavičius).

Літоўскія калегі акрэслілі вельмі вялікі пласт праблем, так А. Дубоніс настойліва даводзіў (і трэба адзначыць не толькі беларусам) “Чым была Аўкштайцыя ў XIV ст.”. Р. Пятраўскас паспрабаваў намаляваць “Свет Гедымінавічаў: формы і метады міжнароднай палітыкі і дыпламатычнай дзейнасці ў другой палове XIV ст.”. С.Роўэл выклаў па літоўску погляд на “Узаемаадносіны ВКЛ і татараў вачыма Каталіцкай Царквы”. Яго, адносна тэмы, падтрымаў М. Сірутавічус, закрануўшы “Татарскую праблему і хрысціянскае адзінства”. Т. Чэлькіс (Tomas Šelkis) паспрабаваў, праз столькі год услед за пазнаньцам Ежы Ахманьскім, прааналізаваць мяжу Вялікага Княства Літоўскага ў стэпу ў XIV–XV ст.

Канферэнцыя скончылася. Вакол імправізаванага “самавара” яшчэ бурліла жыццё. Усе развітваліся, пакідалі кантакты, бралі абавязкі, дамаўляліся аб наступным супрацоўніцтве. Усе раз’язджаліся хто да Рыгі, хто да Масквы, хто самалетам у Крым, хто машынаю да Кракава. Універсітэцкі гасцінны дворык апусцеў. Раніцай і кава стыне не так хутка. А што ў выніку?

Што не было агучана з “амвона”, хаця не аднойчы ўсплывала ў кулуарах. Ці была такая бітва? Ці гэта ўсё ж зборны вобраз розных сюжэтаў татарска-ліцвінскага вайсковага супрацьстаяння. Яшчэ гістарыяграфія канца XIX – першай трэці XX ст. не магла вызначыцца з датыроўкамі, археолагі дасення не перакапалі поле бітвы (як гэта было зроблена, напрыклад, на Куліковым полі). Месца закалданнае? Не кожнаму ў рукі даецца. Мы бачым падзею ў яе слядах на ўзроўні мікрагісторыі. Але для макрагісторыі, для адлюстравання вырашаючай баталіі для Паўднёва-Заходняй Русі, вызвалення ад татарскага іга, у крыніцах свайго часу, яна прайшла незаўважанай. Каб выкрыць такую падзею, трэба аналізаваць саму з’яву. XXI ст. падштурхоўвае гістарычную навуку да перагляду пастулатаў, гістарыяграфічнай традыцыі, якая не падвяргаецца сумненню аж ад канца XIX ст., ад вялікіх ідэй стварэння нацыянальных гістарычных наратываў.

Колы дарожнага чамаданчыку стукваюць па бруку старога гораду. За плячымі засталася ратушная плошча. Прамінаюць касцёлы і квяярні. Вельмі ўтульны Прэзідэнцкі палацак. Чыгунка давязе хутка да Вільні. Добры горад Вітаўта застаецца там, дзе Нёман так рамантычна злучаецца з Віліяй.

А.У. Любы

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Беляков Андрей Васильевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-культурного сервиса, туризма и межкультурных коммуникаций Филиала Московского психолого-социального университета в г. Рязани (Рязань)

Волков Николай Александрович – магистр исторических наук, аспирант Республиканского института высшей школы (Минск)

Денисова Елена Григорьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Дедук Андрей Владимирович – студент факультета архивного дела Историко-архивного института Российского государственного гуманитарного университета; специалист I категории отдела обеспечения сохранности и государственного учета документов Российского государственного архива древних актов (Москва)

Дзярнович Олег Иванович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории НАН Беларуси (Минск)

Кузьмин Андрей Валентинович – ведущий научный сотрудник Российской государственной библиотеки (Москва)

Лабоха Галина Михайловна – магистр исторических наук, аспирант кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск).

Любая Ален Александровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Любый Андрей Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Беларуси древнего времени и средних веков Белорусского государственного университета (Минск)

Мартынюк Алексей Викторович – кандидат исторических наук, заведующий кафедрой историко-культурного наследия Беларуси Республиканского института высшей школы (Минск)

Осипян Александр Леонидович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и культурологии Краматорского экономико-гуманитарного института (Краматорск)

Пилипчук Ярослав Валентинович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник отдела Евразийской степи Института востоковедения имени А.Ю. Крымского (Киев)

Подберезкин Филипп Дмитриевич – студент исторического факультета Белорусского государственного университета (Минск)

Подолинский Владимир Алексеевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры экономической истории Белорусского государственного экономического университета (Минск)

Самонова Мария Николаевна – магистр исторических наук, аспирант Республиканского института высшей школы (Минск)

РЕЗЮМЕ

(в квадратных скобках – дата поступления статьи в редакцию)

Самонова М.Н. *Полоцкое княжество в системе династических связей и политических взаимоотношений Руси со Скандинавией и Польшей в XI – начале XIII в.* [28.09.2012 г.]

В статье исследуются династические связи полоцкой княжеской династии Рогволодовичей-Изяславичей, приведшие к браку дочери Володаря Глебовича, Софии, с датским королем Вальдемаром I Великим. Данный вопрос исследуется в широком контексте политических взаимоотношений Руси, Скандинавии и Польши в XI – начале XIII в. Участие представителей полоцкой княжеской династии во внутрдинастических связях Рюриковичей стало основой для включения Полоцкого княжества в систему международных связей Руси со Скандинавией, Польшей и другими европейскими странами. Большую роль в развитии внешнеполитических связей Полоцкого княжества сыграли матримониальные союзы Глебовичей с Пястами и Эстридсенами.

Денисова Е.Г. *Распространение христианства и формирование церковной структуры в границах Туровской земли в XI – первой половине XIII в.* [20.08.2012 г.]

В статье рассматриваются ранние этапы истории Туровской епархии, наряду с Полоцком – одной из древнейших епархий на белорусских землях. Анализ письменных источников подтверждает гипотезу об основании епархии при князе Владимире Святом (980–1015). В статье очерчиваются границы епархии и прослеживается динамика их изменения в XI–XIII в., систематизируются и анализируются известия о первых монастырях Туровской земли.

Пилипчук Я.В. *Кыпчаки и Византия (конец XI – начало XIII в.)* [18.09.2012 г.]

Данное исследование посвящено анализу отношений кыпчаков с Византийской Империей в XI–XIII вв. Асениды происходили от византийских проианаров-кыпчаков. Кыпчаки активно контактировали с болгарской элитой и под ее влиянием христианизовались. Отношения кыпчаков с Византией были сложными и неоднозначными. Они колебались от союза до открытой враждебности. В правление Комнинов в Византийской империи кыпчаки избегали открытых конфликтов с Империей, предпочитая совершать редкие быстротечные набеги на

византийское приграничье. Во время правления в Византии династии Ангелов кыпчаки становятся врагами Византийской империи и союзниками болгар. Они активно поддерживали Асеней и играли роль вспомогательных отрядов во время болгарских кампаний против Византии. Когда Византийская Империя пала под ударами крестоносцев в 1204 г., кыпчаки сохранили верность союзу с болгарами. На протяжении 1205–1207 гг. они участвовали в кампаниях царя Калояна против Латинской империи.

Осипян О.Л. *Возникновение армянских торговых колоний во Львове и Каменце-Подольском и их роль в торговле со странами Причерноморья и Восточного Средиземноморья во второй половине XIII – первой половине XV в.* [21.09.2012 г.]

В статье выделены три этапа миграции и торговой деятельности армянского купечества в регионе Северного Причерноморья. Первый этап (с середины XIII в. и в первой половине XIV в.): через Трапезунд и Тифлис в Крым (Каффа, Судак и Солхат), затем в порты в устье крупнейших рек, то есть Дуная, Днестра и Дона (Килия и Ликостомо, Монкастро/Аккерман, Азак/Тана), и, наконец, в расположенные вдали от побережья торговые центры (Львов, Луцк, Владимир). Второй этап (с 1360-х и до середины XV в.): после битвы на Синих Водах, выигранной литовским князем Ольгердом в 1362 г., когда новый торговый путь прошел через Молдавское княжество и Подолию (сформировались колонии в Яссах, Сучаве и Каменце). Миграции армян из Крыма в 1360–1390-е годы были вызваны, главным образом, длительным периодом раздоров и междоусобиц в Золотой Орде. Третий этап: османские завоевания второй половины XV в. привели к тому, что главный торговый путь из Львова и Каменца через Молдавию вел теперь к Константинополю. До конца XVII в. этот маршрут преобладал в восточной торговле армянского купечества Польского королевства.

Кузьмин А.В. *Восточная Европа и поражение войск Великого княжества Литовского в битве на р. Страве 2 февраля 1348 г.: военные и внешнеполитические итоги* [1.09.2012 г.]

В статье рассматриваются различные аспекты битвы на реке Страве в 1348 г.: состав и численность войск Тевтонского ордена и Великого княжества Литовского, ход битвы и потери сторон, итоги сражения. Следствием тяжелого военного поражения стало ослабление позиций ВКЛ и изменение политической ситуации в восточноевропейском регионе. Это отразилось на взаимоотношениях ВКЛ со Священной Рим-

ской империей, Польским королевством, Золотой Ордой, русскими княжествами. Благодаря принятым мерам, Гедиминовичам в 1348–1352 гг. удалось минимизировать внешне- и внутривосточные последствия поражения своих войск на р. Страве.

Подберезкин Ф.Д. *Частная война графа Герхарда фон Клеве* [15.09.2012 г.]

Статья посвящена предыстории войны между Ливонией и Новгородом в 1443–1448 гг. На основании тщательного анализа документальных источников из архива Ливонского ордена показано, как частный конфликт, связанный с именем графа Герхарда фон Клеве, постепенно перерос в полномасштабную войну между государствами. В истории данного конфликта отразилась специфика переломной эпохи между Средневековьем и Новым временем. Современные исследователи, не учитывающие эту специфику, рискуют пойти по ложному пути при изучении взаимоотношений Ливонии и Новгорода в середине XV века.

Мартынюк А.В. *Ладислав Сунтхайм: конструирование династии и «русские сюжеты»* [21.09.2012]

Статья посвящена Ладиславу Сунтхайму (Ladislaus Sunthaym) (1440–1513), ныне почти забытому историку из окружения императора Максимилиана I. Сунтхайм был автором генеалогии династии Бабенбергов (976–1246). Фактически он создал концепт династии Бабенбергов, который прочно вошел в историческую традицию Австрии. Генеалогические исследования Сунтхайма содержат и «русские сюжеты», связанные с именами русских князей середины XIII века: Ростислава Михайловича Черниговского и Романа Даниловича Галицкого. Русские сюжеты оказались представлены и на «Генеалогическом древе Бабенбергов» – замечательном художественном памятнике австрийского Средневековья и уникальном визуальном источнике. Информация Ладислава Сунтхайма чрезвычайно важна, т.к. позволяет представить тот образ Руси, который существовал в Австрии накануне «открытия Московии» имперским послом Сигизмундом фон Герберштейном.

Дедук А.В. *«Рязанская» купля Василия Темного: границы и территория, судьба в составе Московского княжества во второй половине XV – начале XVI в.* [29.09.2012 г.]

В статье рассматриваются границы и территории рязанской купли Василия Темного, впервые упомянутые в московско-рязанском договоре

1483 г. Локализована граница купли, совпадающая с границей Каширского уезда XVII–XVIII вв. Проведена реконструкция территориального массива земель купли. В результате исследования удалось установить, что из северных земель купли на рубеже XV–XVI вв. был сформирован Каширский уезд.

Беляков А.В. *Питание Чингисидов в России XVI–XVII вв. по документам архива Посольского приказа* [31.08.2012 г.]

На основании документов, отложившихся в архиве Посольского приказа, делается попытка реконструировать перечень продуктов, входившие в рацион питания знатных татарских выходцев в России в XVI–XVII вв. В ряде случаев удастся установить нормы потребления отдельных видов продуктов, проследить динамику изменения выдач продуктов, провести сравнение с рационом русской знати.

Лабоха Г.М. *К вопросу установления и развития культа преподобной Евфросинии Полоцкой в «монастырский» период (конец XII – начало XVI в.)* [10.09.2012 г.]

В представленной статье рассмотрены ключевые аспекты «монастырского» периода в истории почитания преподобной Евфросинии Полоцкой (1104–1173 гг.). Проведен анализ исторических условий возникновения и формирования культа полоцкой святой. На раннем этапе почитание Евфросинии Полоцкой не выходило за рамки географической области ее подвижничества, в первую очередь, основанного ей монастыря Св. Спаса. Официальная общерусская канонизация 1547 г. поспособствовала активизации функционирования культа святой, однако следует отметить тот факт, что культ Евфросинии Полоцкой как историко-культурный феномен был сформирован только в начале XX в.

Волков Н.А. *Организация и обеспечение строительства фортификаций в Слуцке при Богуславе Радзивилле (1654–1669 гг.)* [10.09.2012]

Во время войны середины XVII в. частновладельческий город Слуцк был перестроен в одну из мощнейших бастионных крепостей в Великом Княжестве Литовском. Главнейшую роль в этом сыграл его владелец – князь Богуслав Радзивилл. Князь обеспечил город-крепость высококвалифицированными военными инженерами и умелыми администраторами, которые управляли процессом возведения укреплений. В данной статье на основе протоколов заседаний городского магистрата за 1654–1665 гг., а также корреспонденции гражданских и военных чиновников

с князем Богуславом Радзивиллом описывается организация процесса строительства укреплений с перечислением задействованных специалистов, а также обеспечение строительства людьми и материалами.

Дзярнович О. И. *Иоганн Христов Бротце и начало изучения кириллических актов рижского архивного комплекса *Moscowitica-Ruthenica** [14.08.2012]

И. Х. Бротце (Johann Christoph Brotze, 1742–1823) родился в Гёрлице в Саксонии. В 1768 г. он переехал в Ригу, в которой и под российским владычеством приветствовалась миграция немецких специалистов. Следующие 46 лет жизни Бротце провел на должности преподавателя, а потом ректора Рижского императорского лицея. Но, наравне с педагогикой, главным занятием Бротце стал сбор документов и иконографии по истории Риги и Ливонии. Бротце принадлежал к «Эрудиционной школе» историков, представители которых видели свою главную задачу в сборе и публикации исторических источников. Бротце был первым исследователем, который начал систематически изучать рижские архивалии, в том числе и кириллические грамоты XIII–XVI вв. Изготовленные Бротце копии этих грамот являются, фактически, факсимильными.

SUMMARY

Samonova M.N. *The Principality of Polotsk in the system of dynastic ties and political relations between Rus', Scandinavia and Poland in the 9th – beginning of the 13th centuries*

The article considers the dynastic ties of the Polotsk princely dynasty Rogvolodoviches-Iziaslaviches that led to marriage Volodar Glebovich daughter, Sophia, with the Danish king Valdemar I the Great. This issue is examined in the broader context of political relations between Rus', Scandinavia and Poland in the 9th – beginning of the 13th centuries. The participation of representatives of the Polotsk princely dynasty in internal dynastic ties of the Rurikids became the basis for engagement of the Principality of Polotsk in the system of international relations of Rus' with Scandinavia, Poland and other European countries. Important role in the development of foreign relations of the Principality of Polotsk played matrimonial alliances of Gleboviches with the Piasts and the Estridsons.

Dzianisava A.R. *Spread of Christianity and formation of the Church structure within the borders of Turov Principality in the 11th – the first half of 13th century*

The article considers early stages of the history of Turov diocese, the one of the most ancient Belarusian diocese along with Polotsk diocese. The analysis of the written sources confirms a hypothesis of its foundation at the times of Vladimir the Saint (980–1015). The borders of the diocese, and their changes in the 11th–13th centuries are considered in the article. The information about the first convents of Turov is systemized in the text.

Pylypchuk Y.V. *Qipchaqs on the borders of Byzantine Empire (end of 11th – begin of 13th century)*

This study is dedicated to relations between Qipchaqs and the Byzantine Empire in the 11th–13th centuries. Asenids descended from Byzantine proniars-Cumans. Qipchaq actively contacted with the Bulgarian elite and christianized under their influence. Relations of Qipchaqs with Byzantine Empire were complex and ambiguous. They ranged from the union to open hostility. During the reign of the Byzantine Empire of Komnens Qipchaqs avoided open conflict with the Empire, preferring to make occasional forays into the fleeting Byzantine neighborhood. During the reign of the Byzantine dynasty of Angels Qipchaqs become enemies of the Byzantine Empire and allies of Bulgarians. They actively supported

Asenids and played the role of support groups in the Bulgarian campaign against Byzantium. When the Byzantine Empire fell under attack of the Crusaders in 1204, Qipchaqs remained loyal allies of the Bulgarians. Over the years 1205–1207 they took part in the campaigns of King Kaloyan against Latin Empire.

Osipian A.L. *Foundation of Armenian Trading Colonies in Lviv/Lemberg and Kamianiets-Podilskiy and their Role in Trade with the Countries of Black Sea Region and Eastern Mediterranean in the second half of 13th – first half of 15th century*

The article highlighted three stages of Armenian migration and trade in the northern part of the Black Sea region. 1) Through Trebizond and Tiflis to the Crimea (Caffa, Soldaia and Solchat/Surchat), then to the ports in the estuary of main rivers that is Danube, Dniester and Don (Kilia and Licostomo, Moncastro-Akkerman, and Azak-Tana) and to the inland trade centres situated deeper (Lviv/Lemberg, Lutsk, Volodymyr) in 1240s–1290s and in the first half of 14th century. 2) After the Battle of Sinie Vody won by Lithuanian prince Olgerd in 1362 when new trade route run through Moldavian principality and Podolia (Kamianiets, Suceava and Iassi) in 1360s–1390s till the mid of 15th century. The migrations of 1360s–1390s from the Crimea were provoked mostly by the continuous period of political rivalry and internal wars in the Golden Horde. 3) The Ottoman expansion in the second half of 15th century directed main trade route from Lemberg and Kamianiets through Moldavia to Constantinople/Istanbul. Till the late seventeenth century this route prevailed in the oriental trade of Armenian merchants from Polish kingdom.

Kuzmin A.V. *Eastern Europe and the defeat of the Grand Duchy of Lithuania in the Battle on the river Strava 2 February 1348: the military and political outcomes*

The article considers such aspects of the Battle on the river Strava in 1348 as the structure and the number of the Teutonic and Lithuanian troops, the process of the battle, and the losses of the participants. The most significant outcome of the battle was a weakening of the political position of the Grand Duchy, which was reflected in the relationships of the Duchy with the Holy Roman Empire, Polish Kingdom, Golden Horde, and Russian Principalities. Due to the proper arrangements the Gediminids in 1348–1352 was capable to minimize the consequences of the defeat in the battle of the Strava river.

Podberyozkin Ph.D. *Private war of count Gerhard of Cleves*

The article is devoted to the prehistory of the war between Livonia and Novgorod in 1443–1448. On the basement of the scrupulous analysis of the documents from the archive of Livonian order is shown how the private conflict little by little became a full-scale war between two states. The history of this conflict reflects a specific of the breaking point age between the Middle Ages and the Modern era. The researchers, who do not take this specific into account, take a risk to follow the wrong way, while researching the history of the relationships between Livonia and Novgorod in the middle of 15th century.

Martyniuk A.V. *Ladislaus Sunthaym: the construction of the dynasty and the “Russian stories”*

The article is devoted to Ladislaus Sunthaym (1440–1513), an almost forgotten historian from the court of emperor Maximilian I. Ladislaus Sunthaym was an author of the genealogy of the Babenberg family (976–1246). In fact, he has created the concept of House of Babenberg, which was later inherited by the Austrian historians. His studies of genealogy include several Russian plots, connected with the names of Russian princes of the middle 13th century: Rostislav of Chernigov and Roman of Halych. Also the Russian plots are presented in the image of “Babenberg genealogical tree”: a brilliant monument of the Austrian Medieval age and an important visual historical source. The information of Sunthaym allows to understand, how the image of Moscovia in Austria was perceived before Sigismund von Herberstein.

Deduk A.V. *Vasily II Ryazan “kuplya”: borders and territory, its fate as a part of the Moscow principality in the second half of the 15th – beginning of 16th century*

The article deals with the borders and territory the Ryazan “kuplya” Vasily II Vasiliyevich Tyomniy (“Blind”) first mentioned in the Moscow-Ryazan contract in 1483. The boundary of the purchase, which coincides with the boundary of the Kashira district 17th–18th centuries, is localized. In a study of the reconstruction of “kuplya” land it was found that the Kashira district was formed from the northern “kuplya” land in late 15th – beginning of 16th century.

Beljakov A.V. *Nutrition of descents from Gengis Khan in 16th –17th centuries by the documents from the Ambassadorial Board*

The author attempts to reconstruct a list of products, which were included into the ration of the Tatarian nobility in Russia in the 16th–17th centuries, on the basement of the documents, conserved in the Ambassadorial Board

(Posolsky Prikaz). In several cases the consumption patterns of certain products and the dynamics of changes of products distribution are tracked, as well as the comparison with the ration of Russian nobility.

Labokha H.M. *To the question of formation and development of the cult of St. Euphrosyne of Polotsk in «monastic» period (late 12th – early 15th century)*

This article examines the key aspects of the «monastic» period in the history of honoring St. Euphrosyne of Polotsk (1104–1173). The analysis of the historical conditions of emergence and formation of the cult of the saint of Polotsk is performed. Early on, the veneration of St. Euphrosyne of Polotsk not go beyond its geographical asceticism. Official All-Russian canonization in 1547 assist to enhance of the functioning of the cult of saint, but the cult of St. Euphrosyne of Polotsk as a historical and cultural phenomenon was formed only in the early twentieth century.

Volkau M.A. *The organization and the supply of the construction of the fortifications in Sluck by duke Boguslaw Radziwill (1654–1669)*

During the war in the middle of the 17th century the privately owned city of Sluck was rebuilt to become one of the mightiest bastion fortresses in the Grand Duchy of Lithuania. The major role in these alterations belonged to the owner, duke Boguslaw Radziwill. The duke provided the fortified city with highly qualified military engineers and able administrators who supervised the construction of the fortifications. This paper makes use of the protocols of the sittings of the city council from 1654–1665 and of the correspondence of civil and military official with duke Boguslaw to detail the organization of the construction of the fortifications, including the names of the specialists involved, as well as to describe the supply of man-force and materials for the construction works.

Dziarnovich A. I. *Johann Christoph Brotze and start learning of the Cyrillic acts of the Moscovitica-Ruthenica Riga archival complex*

Johann Christoph Brotze (1742–1823) was born in Görlitz (Saxony). In 1768 he moved to Riga, where and under Russian rule also welcomed migration of the German experts. The next 46 years of his life Brotze spent as a teacher and then rector of the Riga Imperial Lyceum. But, along with pedagogy, the main Brotze's occupation was collecting documents and iconography on the history of Riga and Livonia. Brotze belonged to the Polymath historical school. Representatives of this trend saw his main task in the collection and publication of historical sources. Brotze was the first researcher who began a systematic study of the Riga archives, including of the Cyrillic acts of the 13th–16th centuries. Brotze made facsimiles of these acts.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного сборника «*Studia Historica Europae Orientalis* = *Исследования по истории Восточной Европы*» объявляет о подготовке к печати шестого выпуска сборника. К участию в сборнике приглашаются ученые Беларуси, России, Украины и других стран, чьи научные интересы лежат в сфере исследования истории Восточной Европы в Средние века и раннее Новое время (до конца XVI века).

К публикации принимаются статьи (до 2 п.л.), рецензии (до 0,5 п.л.) и иные материалы. Рабочие языки сборника – русский и белорусский. К статье необходимо приложить справку об авторе (ученая степень и звание, должность, место работы, контактная информация) и резюме до 10 строк на русском и английском языках. Заявки на участие в альманахе и тексты материалов принимаются **до 30 сентября 2013 года** по e-mail: a.martyniuk@mail.ru или по адресу: 220007, г. Минск, ул. Московская 15, Республиканский институт высшей школы, кафедра историко-культурного наследия Беларуси, каб. 205.

Просим Вас обратить внимание на нижеследующие требования к оформлению материалов, которые продиктованы требованиями ВАК Беларуси.

ПРАВИЛА оформления статей

1. В редакцию предоставляется электронный файл с текстом статьи (название файла – фамилия автора). Текст статьи следует набирать в редакторе Word (гарнитура – Times New Roman, кегль – 14, интервал – 1,5, поля со всех сторон – 20 мм).

2. Ссылки на использованную литературу и источники приводятся в порядке цитирования, порядковый номер и страница даются в квадратных скобках после цитаты/упоминания (например: [1, с. 44]). Список использованной литературы прилагается в конце статьи и должен быть оформлен в соответствии с требованиями ВАК Беларуси. Более подробно с инструкцией по оформлению списка литературы можно ознакомиться на сайте ВАК Беларуси www.vak.org.by.

3. При необходимости использовать в статье иллюстрации, таблицы, графики и т. д., автор должен обратиться в редакцию за дополнительными сведениями об их должном оформлении.

4. В случае передачи статьи автору на доработку, в редакцию необходимо вернуть первоначальный и окончательный варианты.

5. Представленные к печати материалы проходят независимое рецензирование. Редакция оставляет за собой право отбора статей по теме издания.

6. Статьи, оформленные с нарушением вышеприведенных правил, редакцией не принимаются.

С уважением, Редколлегия

Научное издание

STUDIA HISTORICA EUROPAE ORIENTALIS

**ИССЛЕДОВАНИЯ ПО ИСТОРИИ
ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ**

Научный сборник

Выпуск 5

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *А. В. Мартынюк*
Компьютерная верстка *А. В. Новицкого*

На обложке: смерть герцога Фридриха Воинственного.
Генеалогическое древо Бабенбергов (конец XV в.)
Монастырь Клостернойбург, Австрия

Подписано в печать 24.12.2012. Формат 60×84/16.
Бумага офсетная. Ризография.
Усл. печ. л. 14,2. Уч.-изд. л. 15,9. Тираж 100 экз. Заказ 74.

Адрес редакции: ул. Московская, 15, 220007, г. Минск
Республиканский институт высшей школы,
кафедра историко-культурного наследия Беларуси
Тел.: +375(17)219–06–68
E-mail: a.martyniouk@mail.ru

Издатель и полиграфическое исполнение
государственное учреждение образования
«Республиканский институт высшей школы».
ЛИ № 02330/0548535 от 16.06. 2009.
Ул. Московская, 15, 220007, г. Минск.